

ВЛАДИМИР СОСЮРА

Советский
издатель



БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, Г. П. Бердников,
А. Н. Болдырев, А. С. Бушмин, Н. М. Грибачев,
М. А. Дудин, А. В. Западов, М. К. Каноат,
К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, А. А. Михайлов,
Д. М. Мулдагалиев, С. А. Рустам, А. А. Сурков,
М. Танк, В. Д. Федоров, М. Б. Храпченко*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ВЛАДИМИР СОСЮРА

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Вступительная статья и примечания

Ю. С. Бурляя

Составление Б. П. Степанюка

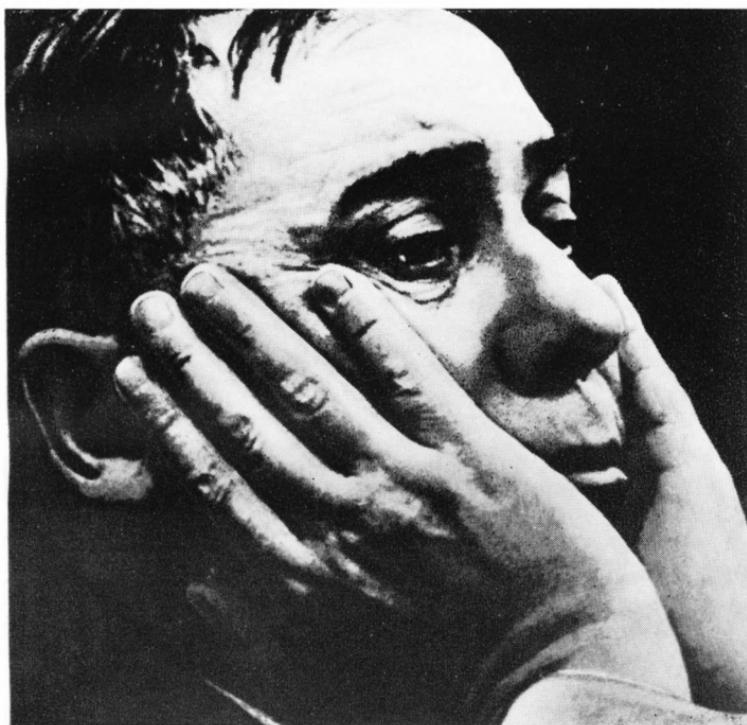
Редакция стихотворных переводов

П. В. Жура

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1982

В. Н. Сосюра (1898—1965) — выдающийся поэт Советской Украины, лауреат Государственной премии, перу которого принадлежит более пятидесяти книг стихов и около пятидесяти поэм. Певец героики гражданской войны, автор пламенно-патриотических произведений о Великой Отечественной войне, Сосюра известен и как тонкий, проникновенный лирик. Народно-песенная музыкальность стиха, изящная чеканка строк, пластическая выразительность образов — характерные черты дарования поэта.

Настоящее издание по своей полноте превосходит предшествующие издания стихов Сосюры на русском языке. Многие произведения поэта впервые переведены для данного сборника.



ВЛАДИМИР СОСЮРА

Одним из зачинателей украинской советской поэзии, певцом ратных и трудовых свершений советского народа был и навсегда останется в нашей литературе мастер певучего стиха, автор многих шедевров — жемчужин лирики и лиро-эпических поэм — Владимир Сосюра.

Глубоко эмоциональный, простой, однако не упрощенный, а гармонически завершенный в своей изящной простоте, создаваемый на народной основе стих Сосюры служил, служит и всегда будет служить народу, делу коммунистического строительства. Его героический, насыщенный энергией классовых битв лиро-эпос, его оптимистические баллады, возвестившие гибель старому миру, поражают искренней верой в торжество грядущих счастливых дней. Его задушевные послания советским воинам, громившим фашизм, пламенные, окрыленные пафосом гражданственности боевые стихи, как и неувядаемая, чарующая молодостью духа любовная и пейзажная лирика, — все это воспоено чистыми родниками любви к отчему краю.

Его стихотворения и поэмы создают надолго запоминающийся образ героя нашего времени — самоотверженного сына Родины, беззаветно ей преданного, образ советского гражданина, увлеченного и ведущего за собой лирически окрашенного персонажа — воина и творца, вышедшего из народной среды, из рабочей массы. Он встает перед нами как борец за власть Советов на Украине, как творец материального и духовного богатства страны, как победитель в сражениях с националистической контрреволюцией, немецким фашизмом. Он вырисовывается как украинский народный национальный характер, в душе которого пламенеет чувство дружбы, братства, классового единения со всеми свободолюбивыми народами мира.

Литература «жизни как деяния», литература революционной правды и революционного преобразования мира, литература, умеющая заглянуть в «третью действительность» (выражение М. Горького) и искренне воспеть прекрасное будущее, — это литература М. Горького и В. Маяковского, А. Фадеева и А. Твардовского, Я. Купалы и А. Кулешова,

А. Исаакяна и Е. Чаренца, Ч. Айтматова и К. Кулиева... Вместе с тем это литература П. Тычины и М. Рыльского, М. Бажана и А. Малышко, Д. Павлычко и И. Драча, как и многих других украинских поэтов, прозаиков, драматургов, публицистов, как и Сосюры — поэта, стоявшего у истоков нового искусства.

Это новое искусство, основанное на марксистских принципах «реального гуманизма», ленинских принципах коммунистической партийности и глубокой народности, вышло на мировые рубежи и во всеуслышание гордо заявило: «Я емь, я буду, за мной — будущее!»

В эпопее «Железная дорога» (1923—1924) — одном из своих примечательных ранних произведений — Сосюра сказал: «Переплелись борьба и любовь, — и лучший кто — не знаю я».

Это авторское признание поможет нам глубже разглядеть некоторые характерные черты творческого облика поэта. Певец борьбы за новый, рожденный Октябрем мир, проникновенный лирик, воспевающий величественную красоту и щедрое богатство души советских людей, рабочих и красноармейцев, — таким он выступает уже в начале своего творческого пути. В дальнейшем эти черты более полно и зримо проявятся либо как разнообразие близких, видоизмененных тем, либо как оттенки одной и той же идейной направленности. И всегда мы слышим то угасающее до тихого всплеска, то нарастающее до предела утверждение любви — поэтическое провозглашение новых, революционных начал нашей жизни, радостное обновление души. И тут же извечная драма любящего сердца, познавшего и горечь разлуки, и боль утраты, и вдохновенное счастье единения с ней, единственной...

Всегда искреннее и непосредственное, тревожное лирическое бремя стало главной чертой поэзии Сосюры. Ее «лица необщее выраженье» постоянно несло на себе приметы времени в его неустанном движении вперед. А истоки этого движения — в Донбассе, Донбасс стал песенной колыбелью поэта и его поэтической средой и судьбой, главным объектом художественного изображения.

1

Владимир Николаевич Сосюра родился 6 января 1898 года на станции Дебальцево (ныне Донецкая область). Сызмала тяжелые испытания выпали на долю будущего поэта: семья его родителей в поисках лучшей жизни исколесила в мытарствах и лишениях чуть ли не весь юг Украины и Кавказ...

В 1909 году Сосюры переезжают в Третью Роту (еще недавно это было селенне Верхнее, теперь оно слилось с городом Лисичанском, Ворошиловградской области). Здесь прошли отроческие годы и юность Владимира Сосюры.¹ Здесь, невдалеке от Донца, на его крутом правом

¹ Подробные биографические данные о жизни поэта см. в двух вариантах «Автобиографии» с. 40—44 и 505—506 наст. изд.

берегу, стояла хворостянка о двух окнах — старая мазанка-хата, даже не принадлежащая Сосюрам.

Неспокойный по характеру, балагур и остролов, а в душе — чуткий, нежный поэт, «феномен и жертва своего времени», как пишет Сосюра его отец еле-еле сводил концы с концами. Именно поэтому чертежник Николай Владимирович Сосюра брал в руки кайло и спускался в шахту добывать уголь, писал за пятак крестьянам «прошения» в суд, нанимался чернорабочим, землемером, учительствовал в селе. А мать, трудившаяся на патронном заводе в Юзовке, после замужества вынуждена была оставить работу: она растила детей и вместе с отцом мечтала о том, чтобы дать им хотя бы какое-то образование.

Владимир Николаевич Сосюра начал учиться в так называемой двухклассной министерской школе с пятигодичным сроком обучения. В 1913 году он оканчивает ее и, блестяще выдержав вступительные экзамены, поступает учеником-стипендиатом в трехгодичное Каменское низшее сельскохозяйственное училище вблизи станции Яма (теперь г. Северск, Донецкой области). Осенью и зимой он учился, летом и весной батрачил у богатеев, подрабатывал на шахте, помогал бабушке, жившей неподалеку в селе Звановке. Бабушку он очень любил и потом не раз с нежностью вспоминал ее в своих стихотворениях.

В 1915 году, сломленный тяжелой жизнью с ее вечными лишениями, умирает отец. Подросток оставляет учебу и идет работать учеником маркшейдерского (горно-инженерного) бюро при содовом заводе в Лисичанске, стараясь хотя бы чем-то помочь семье (матери, двум меньшим братьям и малолетним пятерым сестренкам). Но, как вскоре оказалось, эта помощь была совершенно мизерной, и юноша оставляет работу. Он возвращается в 1916 году в училище, начинает все сначала и два курса успевает окончить до начала гражданской войны на Украине. Агрономом Сосюра не стал, но трепетная любовь к земле, ко всему живому и сущему в мире была органической потребностью его нежной и тревожной души.

Я закоханий в синь океану,
в свіжий дух, що іде од ріллі,
а ще дужче — у зорі рум'яні,
рідні зорі моєї землі,¹ —

признавался позже поэт в стихотворении «Звезды». Эта пылкая и рано проснувшаяся любовь побудила пытливого ученика как-то по-особому посмотреть на мир и на себя, найти и изобразить в слове то, чего до сих пор так, как он, никто еще не видел. Найти в обыденном необыкновенное, в обыкновенном — удивительное. Это сказочное чудо превращения называется поэзией, и в свою милую страну песен юный Сосюра

¹ «Я влюблен в синеву океана, в идущий от пашни свежий дух, а еще сильнее — в румяные зори, родные зори моей земли». — *Ред.*

ушел в неполные четырнадцать лет. Он начал слагать стихи: вначале на русском, а потом — на украинском языке. Так с тех пор и до конца его жизни продолжалось это необыкновенное песенное путешествие — поиски самобытного слова и образа, волнующего мотива. . . Первые пробы пера Сосюры не сохранились, и о них, этих ученических стихах, мы теперь судим по воспоминаниям автора.

Уже тогда начало определяться особое, лирически-романтическое восприятие жизни и, вызванные им, зарождались характерные образы и мотивы, ставшие знаменательными и для юного и для зрелого Сосюры. Социально-психологические истоки этого поэтического настроения сам автор объясняет следующим образом:

«Возможно, потому, что я еще маленьким жил в городе и звуковые и зрительные впечатления откладывались таинственными и сладкими слоями в моем подсознании, я всегда мечтал жгуче о городе: там контрасты, там движение, там нежность и жестокость переплелись в такой могущественной гармонии, что она, как магнит, влекла мою фантазию в далекие, широкие, исполненные приключений и любви города. Я же жил в глухой провинции, в вечном шуме завода и криках поездов, пролетающих через наше село, особенно вечером, когда пассажирские вагоны ярко и огненно с веселыми и неизвестными людьми все летели туда, в неведомые и прекрасные города, а за ними гналась моя маленькая душа, как будто рыжий есенинский жеребенок, и теперь ретроспективно, сквозь смешные и наивные слезы, заливающие мои глаза, звучат мне слова поэта:

Милый, милый, смешной дуралей!
Ну куда он, куда он гонится? . . .»¹

В училище овладеть азами стихосложения много помогал юноше учитель истории и литературы Сергей Васильевич Смирнов, которого потом с благодарностью вспоминал Сосюра.

Уже тогда тяжелая жизнь трудящихся и неимоверная эксплуатация народа угнетателями заставляли пытливого ученика задумываться над вопросами, которые выдвигало время, искать путей освобождения от гнета, осознавать и свое предназначение поэта в этой страшной, разобщенной, преисполненной страданиями действительности. Уверенный ответ на такие искания слышится, например, в следующих строках:

Верю я, верю, придет это время:
Родина станет как сад.
В сердце народа, разбившего бремя,
Песни мои зазвучат.

(«Много в душе еще песен неспетых. . .»)

¹ Сосюра В., Третья Рота. — Твори в 10-ти тт., т. 10, Київ, 1972, с. 121. Перевод автора статьи.

Стихотворение было написано в 1916 году. Тогда Сосюра успел уже навсегда полюбить «бронзовые образы» «Илиады» и «Одиссеи», он принимал близко к сердцу «Кубок» Шиллера, увлекался Зейдлицем и Уландом в переводах Жуковского и Лермонтова и, конечно, заливал слезами бессмертные страницы «Кобзаря» Шевченко.

Сказки Пушкина очаровывали, как и «Демон» Лермонтова, — «это рядом с «Сыщиком» и «Пещерой Лейхвейса» и «Индийскими вождыми»...»¹ Небезынтересно все же, что уже в юные годы Сосюра критически воспринимал случайное, низкопробное чтение.

Первые его стихи — это, в основном, перепевы из Алухтина и Надсона, произведениями которых он также увлекался тогда. В 1917 году молодой поэт начинает сотрудничать в бахмутской «Народной газете», местных лисичанских газетах «Голос рабочего» и «Голос труда». Там напечатано несколько десятков его стихотворных опытов и автобиографический рассказ «Смерть отца».

Весть о Февральской революции и падении самодержавия Сосюра воспринял с радостью. И эти настроения не замедлили отразиться в его ранних стихах. Однако молодой поэт вначале не разобрался в реакционной сущности Временного правительства, не смог дать надлежащую оценку его шовинистической политики продолжения кровавой империалистической бойни. Юношу еще пленяли идеалы какой-то внеклассовой гармонии... По молодости лет, по отсутствию опыта пролетарской борьбы, он не сразу понял цели и задачи Октября, хотя не мог не видеть революционного подъема масс, который возбудил в нем самые горячие симпатии. Сосюра сердцем слушает революцию, связывает с ней свои надежды на светлое будущее, чтобы через некоторое время отдать себя всенародной борьбе за власть Советов на родной земле. Если в стихотворении, датированном 1916 годом, он только мечтает о «весне человечества» — свободе народов, то теперь он прославляет эту весну, воспекает ее торжество в стихотворении «Весна» (газета «Голос труда», 1918, 3 апреля).

Сначала мы видим юношу в рядах красных повстанцев Донецкого содового завода в Лисичанске, среди рабочих-дружинников, воевавших с кайзеровскими оккупантами, о чем поэт вспоминает в 1923 году:

На захід ідуть легіони,
І що нам кохання і смерть?
Повітрям тугим і червоним
Серія переповнені щерть.²

(«Железная дорога»)

¹ Сосюра В., Твори в 10-ти тт., т. 10, с. 107.

² «На запад идут легионы, и что нам любовь и смерть? Воздухом упругим и красным сердца до краев переполнены». — *Ред.*

Прекрасные строки! Они вошли в наше сознание как вещей эпохи революционной эпохи. С тех пор и до сегодняшнего дня нас глубоко волнует эта стихийная музыка стиха, которая сродни боевой музыке пролетарских восстаний и которая так тонко улавливает и передает железные ритмы наших боев, походов, мажорную тревогу боевых выступлений и неистовую радость побед, завоеванных в кровопролитных битвах. Но прежде чем написать эти строки, поэту довелось проделать нелегкий путь к истинному постижению правды Октября.

Здесь никак нельзя обойти один драматический момент в биографии Сосюры — ведь он тоже оставил свой след в его творчестве. В декабре 1918 года, по собственному признанию поэта, он «был мобилизован петлюровцами и осенью 1919 года, во время боев на подступах к Проскурову, попал в плен к денкинцам. В плену был до февраля 1920 года, до освобождения Красной Армией Одессы, где... находился в госпитале (болел тифом). В феврале 1920 года стал красноармейцем». ¹ Да, свой выбор — бороться или прозябать — Сосюра сделал еще в Донбассе, в начале Октября. Но это был выбор еще политически незрелого юноши, к тому же подпавшего под влияние националистической романтики, которое временно увело его от революционного народа. Осознание антинародной сущности петлюровщины произошло в трагический для поэта 1919 год, когда он, больной, голодный, еле живой, лежал в тифозной палате Одессы.

В 1919—1920 годах на украинских фронтах Красная Армия под руководством партии развернула активную борьбу против националистической контрреволюции и интервентов. Всенародная ненависть к эксплуататорам, искренившая человечность и пролетарский гуманизм нашли уже в лучших произведениях Сосюры 1920 года довольно выразительное художественное воплощение. В первую очередь это касается «Отмщения», образы которого говорят о тех днях, когда, по выражению В. И. Ленина, «кругом с страшным шумом и треском надламывается и разваливается старое, а рядом в неописуемых муках рождается новое». ² Впервые «Отмщение» напечатано было 24 июля 1920 года в газете «Одесский коммунист» под псевдонимом Владимир Сумный.

Стихотворение перекликается с боевой, ораторской лирикой Маяковского, революционными «агитками» Д. Бедного. Оно пылает гневом разоблачения, решительным неприятием старого мира. Как поэт Сосюра родила революция. Лириком революция, убежденным певцом рожденного Октябрем мира Сосюра становится в рядах освободительного похода, в качестве бойца Красной Армии.

Становление поэтического голоса молодого автора продолжалось вплоть до 1921 года. Свидетельством тому — целый ряд произведений,

¹ Сосюра В., Твори в 10-ти тт., т. 10, с. 70.

² Ленин В. И., Главная задача наших дней. — Полн. собр. соч., т. 36, с. 78.

например «Бой», написанный под влиянием так называемого «красного символизма», стихотворения «Галиции», «В городе», в которых освободительной идее еще мешает выразиться надлежащим образом вялая интонация стиха.

Общение в Одессе с русскими советскими писателями Э. Багрицким, Ю. Олешей и другими, знакомство с революционной поэзией П. Тычины, а несколько позже — со стихами В. Эллана-Блакитного и В. Чумака, а главное — исторические уроки жизни, направляющее влияние партии, влияние политработников Красной Армии, советских журналистов, этих самоотверженных идеологических борцов, которые на страницах газет «Одесский коммунист», «Большевик», «Красная звезда», «Красная оборона», «Известия» (Елисаветградского военревкома) доносили до широкого читателя — солдат, бойцов фронта и тыла — слово ленинской правды, имели для армейского полйткурсанта Сосюры исключительно важное, если не решающее значение. Это благодаря им, преподавателям армейских полйткурсов, благодаря редактору «Одесского коммуниста» Тарасу Кострову (Александру Мартыновскому), будущему первому редактору «Комсомольской правды», указанный выше поворот Сосюры не превратился в зигзаг, а стал линией жизни, с последовательной ориентацией на идеалы ленинизма, что вскоре привело его к партии большевиков. «На партбилете моем дата: двадцатый год и месяц май...» — писал, вспоминая те далекие, но незабываемые дни Сосюра в своей поэме «Красногвардеец» (1937—1940).

Политработник-красноармеец Сосюра становится пламенным партийным журналистом-агитатором. Об этом, в частности, свидетельствует публицистика автора — его написанные ритмической прозой «агитки» — «красные открытки», с которыми он выступал в газетах «Красная звезда» и «Красная Армия». Революционный патриотизм этих выступлений, их новаторская тематика и боевой настрой были тем идейным оружием, которое тоже ковало победу, оказывало ощутимую помощь наступающим на белопольском фронте частям Красной Армии.

В своей красноармейской публицистике Сосюра достаточно выразительно проявил черты боевого партийного трибуна, он нашел для своих публицистических выступлений форму народного «раешника» с его острой сатирой и юмором. Его сатирически и юмористически окрашенная публицистика несла на себе заметные следы ученичества у Д. Бедного.

Интересен стиль газетных выступлений автора. Написанные по-русски, они вместе с тем как будто инкрустированы украинским народным словотворчеством, фольклором Донбасса. Там звучат сатирико-юмористические присказки украинцев (встречаются целые фразы на украинском языке).

Примечательно и то, что поэт хорошо усвоил исторические выступления В. И. Ленина, «Манифест Коммунистической партии», партийный гимн «Интернационал», документы III Интернационала. Ремини-

сценции и не прямые цитаты, взятые из указанных документов и произведений В. И. Ленина, сплошь да рядом встречаются в боевой призывной публицистике Сосюры.

2

К поэме «Красная зима» (1921) Сосюра пришел обогащенный драматическим жизненным опытом, новым духовным достоянием, добытым под знаменами партии. Впервые поэма частями была напечатана в русской газете «Красная звезда», в украинской «Вести» («Вісті»), в коллективных сборниках «В набат» («На сполох»), «Звено», а затем полностью — в двух первых книгах автора: «Стихотворения» (1921) и «Красная зима» (1922).

«Красная зима» — вдохновенное слово поэта о незабываемых годах героических битв украинского народа с врагами — националистами и оккупантами, страстная поэтическая исповедь участника борьбы за победу власти Советов на Украине. Произведение исполнено силы и молодости. Суровые драматические мотивы лишь выразительнее подчеркивают оптимистическое звучание поэмы, утверждающей веру в нашу окончательную победу:

Мы вдоль и поперек страну прошли с боями. . .
И таял красный снег в пожарах баррикад. . .
«За власть Советов в бой!» — катился клич над нами.
Умножен гром его в просторах был стократ.

Куда б мы ни пришли, с восторгом нас встречали,
дорог не заносил пред нами ветер злой.
Девчата красный бант к шинели пришивали,
а хлопцы, ружья взяв, к нам становились в строй. . .

«За власть Советов в бой!» — в этом призыве выражен пафос вставшего народа, под руководством партии завоевавшего нашу победу.

Реальные, земные будни солдат революции изображены в живописных эпизодах — картинах. Их девять — девять небольших главок. Поэт увлечен живописанием революционной эпохи, доволен в своих автобиографических экскурсах. Мы узнаем здесь и его любимую родину — Донбасс, Третью Роту предреволюционных лет, и закадычных друзей, товарищей. Доверительно-непосредственные интонации звучат тогда, когда он вспоминает соратников-бойцов, красноармейцев, задушевно изливает свои заветные чувства, раздумья, переживания.

Главный герой произведения — типический, обобщенный образ. В нем воплощены характерные черты молодого донбасского рабочего, поднявшегося на борьбу за новую жизнь, защищающего свою родную землю от нашествия интервентов, от надругательств петлюровцев.

Бесхитростна и проста, но вместе с тем показательна славная история его жизни: из тьмы и грязи, унижения и лишений он поднимается к героическим свершениям за правду Октября. Революция открыла простор душевным силам героя. Романтической картиной счастливого похода в будущее завершается поэма: она звучит на высоких, патетических регистрах. Так выражается уверенность в том, что счастливое грядущее — неминуемо.

Персонажи поэмы — обыкновенные люди, простые труженики, шахтеры и оратаи, солдаты и восставшие рабочие, взятые из народной среды участники битв Октября. Вот эти хлопцы и девчата из Лисичанска, Попасной, Харькова, Полтавы, Белой Церкви, Таращи, Черкасс, Одессы или Винницы... И все они — дети новой отчизны, глаза их озарены огнем революции, и красный стяг над ними огненно полыхает, и ленинский клич — «Вперед, за власть Советов!» — победоносно ведет на новые рубежи.

Неудержимый поход народа в коммунистическое будущее, борьбу за него, за власть Советов — эту свою главную мысль, идею произведения — поэт выразительно передает через образ романтического плана — образ паровоза в неудержимом движении. Поэтический лет локомотива революции, характерные детали, изображающие это движение вперед, по-особенному окрашивают и озвучивают «Красную зиму». Образ паровоза в соответственной художественной интерпретации потом не раз встретится в творчестве Сосюры (поэмы «1917 год», «Железная дорога», «Оксана»); это вместе с тем и конкретизированное воспроизведение некоторых особенностей развития гражданской войны на Украине (имеются в виду начальные стадии развития революционных событий, когда бои и походы Красной Армии, можно сказать, были «привязаны» к железнодорожным магистралям). Следует отметить, что разные исторические реалии, которыми вообще богато творчество Сосюры, дают ему возможность достоверно изобразить эту уже довольно далекую, но такую дорогу для нас эпоху.

Все эти качества поэмы, в соединении со многими другими, обусловили ее популярность. «Красная зима» вошла в школьные хрестоматии как одно из классических достижений украинской советской литературы.

«Красная зима» — своеобразная лирическая хроника времен гражданской войны на Украине — вместе с тем является высокой песней о славных деяниях народа, о его победном шествии в великой освободительной борьбе. Произведение о внутреннем мире человека воспринимается как повествование о «мы», как эпос о революционных рабочих массах, всенародной битве.

Вслед за П. Тычиной, а в широкой исторической перспективе — почти одновременно с ним, новобранец поэзии Сосюры засвидетельствовал одним из первых в украинской советской литературе рождение нового искусства.

«Красная зима» говорит о том, что творчество поэта начало развиваться по пути социалистического реализма. Поэма — этапное произведение. Черты нового метода, который давал возможность исторически правдиво изображать действительность в ее революционном развитии и в свете коммунистического идеала, впервые начали слагаться в творчестве поэта именно в «Красной зиме».

Высокую оценку произведение получило сразу же после первых публикаций. «Тов. Сосюра — красноармеец, который недавно начал печатать свои произведения в харьковских газетах и журналах... Стихи Сосюры проникнуты щедрым, необычайно глубоким поэтическим чувством, сотканы из нежных и самобытно-художественных образов. Это еще раз свидетельствует, как много свежих творческих сил таится в недрах освобожденной от рабства рабоче-крестьянской массы»,¹ — писала газета «Красная Армия» в редакционной заметке, предпосланной публикации на ее страницах «Красной зимы».

3

Первая половина 20-х годов — период бурного развития масштабного лиро-эпоса Сосюры. Этот жанр давал возможность с помощью оригинальных сюжетных решений, интересных композиционных приемов наиболее полно раскрывать существенные коллизии и широкие перспективы жизни, углубляться в гущу революционной действительности.

Сборники, увидевшие тогда свет, — а это, кроме упомянутых, «Осенние зори» (1924), «Город» (1924), «Снега» (1925), «Сегодня» (1925), — включают в себя много поэм. Уже одно перечисление произведений указанного жанра говорит само за себя. На темы гражданской войны — «1917 год» (1921), «Вокруг» (1921), «Железная дорога» (отдельное издание в 1924 году), «Инна» (написана по-русски, 1922); на темы восстановления народного хозяйства — «Оксана» (1922), «Рабфакровка» (1923), «Шахтер» (1924), «Хлоня» (1924), «Оно» (1924).

В поэме «1917 год» в основном проявляются те же идейно-художественные тенденции, что и в «Красной зиме». По существу перед нами своеобразная лиро-эпическая хроника времен гражданской войны, поэтическое летописание битв за нашу победу.

Пафос революции, высокий советский патриотизм воодушевляли поэта, когда он создавал поэму «Вокруг» (1921). В произведении впервые в украинской литературе делается попытка воссоздать образ вождя пролетариата — В. И. Ленина. С любовью говорится о Владимире Ильиче — вере и надежде трудящихся всех зарубежных стран. Поэт увлечен романтикой революционных битв. Грядущую мировую пролетарскую революцию он рисует с гиперболическим размахом, образами

¹ «Красная Армия», 1921, 17 июля.

планетарного масштаба. Гиперболические и условно-символические образы, которые создает Сосюра, были характерными для русской и украинской революционной поэзии 1920-х годов.

Стихотворение «О, не напрасно...», как и поэма «Оксана», перебрасывает мост от темы гражданской войны к теме мирного труда, послевоенного восстановления. Главная героиня произведения Оксана — один из первых в советской поэзии образов раскрепощенной Октябрем женщины. Проникновенно, с глубокой симпатией воссоздается ее нравственный облик, как и облик рабфаковки в одноименной поэме. Героиня произведения еще недавно была воином Красной Армии, храбро сражалась на фронтах гражданской войны. Теперь это студентка вуза, она овладевает новым оружием в борьбе за коммунизм — основами науки, изучает и осваивает культурное достояние человечества. Творческие будни и их на первый взгляд незаметная, но тем не менее прекрасная романтика вдохновенного труда трогают нас правдивым изображением в этих показательных для поэта произведениях.

Своеобразным стихотворным репортажем является поэма «Селькор» (1924) — поэтический рассказ о том, как в далекой глубинке сельские труженики самоотверженно идут на штурм старого мира с его отсталыми нравами, обычаями и гибнут, но побеждают.

Историческая тематика этого периода творчества представлена поэмами «1871 год» и «Тарас Трясило» (опубликованы отдельными изданиями, первая — в 1923 году, вторая — в 1926-м). «1871 год» — значительное лиро-эпическое произведение, в котором звучат мотивы пролетарского интернационализма.

Поэма «Тарас Трясило» посвящена отдаленному героическому прошлому украинского народа. В ней Сосюра показывает освободительную борьбу украинских крестьян и казачества в 1630 году под руководством Тараса Федоровича (Трясилы). Образ удалого Трясилы, его беспокойную, исполненную невзгод, потрясений и жестоких битв жизнь поэт воссоздает в динамически развернутом сюжете, где изобилуют резкие конфликты и находят себе место любовные истории, принимающие зачастую мелодраматическую окраску.

Если сопоставить лирику Сосюры и его поэмы (а для этого имеется много данных: вспомним хотя бы, что все эти произведения — очень лирические, чем-то автобиографичны, близкие тематически), то совершенно очевидно намечается общая линия развития его творчества.

В стихотворении «Я встретил тебя, такую веселую...», созданном в середине 20-х годов, правдиво переданы интимные чувства лирического героя, участника освободительной войны. Стихотворение, как в фокусе, собирает в себе ряд коллизий, характерных для творчества тех лет. Борьба и любовь — таков пафос лирики поэта, о чем уже говорилось выше. Но если в начале творческого пути автора его героиня достаточно пассивна, — хотя она горячо симпатизирует революции, но

еще держится в стороне от борьбы, — то теперь эта героиня берет винтовку в руки и становится в ряды красноармейцев.

Романтически окрыленные стихи, в которых поэт воспекает самоотверженную любовь, возвеличивают счастье человека большого сердца и щедрой души, брызжут радостью, жизнелюбием, оптимизмом. В них плещет, переливается через край широкий поток искренних чувств.

Стих Сосюры, согретый теплом весеннего ветра, залит ослепительным светом. Тени для поэта необходимы только затем, чтобы подчеркнуть сияние солнечного дня. Да и тени видятся не хмурые, черные, а иссиня-нежные, голубые и ласковые, собственно не тени, а светотени. На фоне «синих чар» моря расцветает его любовь — нежная, светлая, с ее праздником молодых и чистых чувств.

В ряду лирических шедевров Сосюры начала 20-х годов, произведений, которые навсегда вошли в нашу литературу, следует назвать и стихотворения «Ласточки на солнце, ласточки на солнце...», «Так никто не любил... Раз лишь в тысячу лет...». Бурная раскованность чувств человека, освобожденного от ярма подневольного труда, рабочего-поэта, как называет лирического героя автор, и теперь поражает и пленяет нас своей задушевной непосредственностью и красотой.

Как волнующий монолог, как сердечное признание звучит стихотворение «Так никто не любил...». Образ возлюбленной ассоциируется с живой землей, стирающей до самых звезд свои руки. Опынение этим весенним чувством прекрасно передает Сосюра, например, такими самобытными стихами:

Так никто не любил... Раз лишь в тысячу лет
мир такая любовь посещает, —
и тогда на земле распускается цвет,
тот, что людям весну предвещает...

Тихо дышит земля. К синим звездам она
простирает горячие руки, —
и тогда на земле расцветает весна
и дрожит от блаженства и муки...

Раскованность, свежесть чувств поэт умеет тонко воссоздать с помощью оригинальных, на первый взгляд даже изысканных тропов:

Ласточки на солнце, ласточки на солнце,
словно взгляд летучий, быстрый, невзначай...
Зацвели ромашки — будто вешний сон твой,
пахнут поцелуи, как китайский чай...

(«Ласточки на солнце, ласточки на солнце...»)

Очаровывает мелодичность, песенность любовной лирики Сосюры. Певучесть стиха Сосюры становится пленительной благодаря особенному построению фразы, синтаксически оформленной в стиле народного

словотворчества, благодаря некоторым романсным приемам, характерным эпитетам и метафорам. Своим оптимизмом, страстным выражением лирического чувства стихи Сосюры, нежные и задушевные, сродни тем песенным традициям, которые разрабатывали в украинской классической поэзии и Т. Шевченко, и И. Франко, и Леся Украинка.

Уместно напомнить, что большинство вышеназванных книг Сосюры издавалось в Харькове: тогда это была столица Советской Украины. Сосюра, как талантливый, многообещающий поэт, был отозван из армии, переехал в Харьков и получил назначение инспектором прессы при агитпропе ЦК КП(б)У. В Харькове поэт продолжает свое образование и учится сначала в Харьковском коммунистическом университете имени Артема. Но вскоре оказалось, что общеобразовательная подготовка недавнего красноармейца не соответствовала университетским требованиям. И он переходит на рабфак Харьковского института народного образования. Летом 1925 года поэт оканчивает рабфак и полностью отдается литературной работе.

Начиная с 1923 года Сосюра принимает активное участие в создании и работе организации пролетарских писателей «Гарт» («Закал»), близко сходитя с ее основателем В. Элланом-Блакитным и многими другими харьковскими писателями, в том числе и «плужанами» (членами крестьянской писательской организации «Плуг»). Коммунист сердцем и словом, он неустанно и последовательно борется за развитие новой, как тогда говорили — пролетарской литературы, творческой работе отдает все свои силы. В коренных вопросах советской жизни он последовательно занимал позицию активного борца, страстно защищал линию партии, был непримирим к всяческому враждебным проявлениям в жизни и литературе.

Тем более обращает на себя внимание то, что именно в середине 20-х годов поэтом овладели преходящие настроения душевной ослабленности и неуверенности как своеобразная «реакция сердца» на разительные контрасты эпохи. Драматическое воплощение их видим, главным образом, в стихотворении «Город» из одноименного сборника и в поэме «Налетчица» (1924). Тем не менее не эти настроения стали преобладающими. В подавляющем большинстве своем стихотворения упомянутой книги, как и насыщенной публицистическими инвективами книги «Сердце», вышедшей в 1931 году, где Сосюра полемизирует с вульгаризаторами, отрицавшими лирику, — убедительно свидетельствуют, что поэт в состоянии был преодолеть все нездоровое, мешающее ему двигаться вперед.

4

В первой половине 20-х годов пышно расцветает интимная лирика Сосюры. Это цветение, своеобразно видоизменяясь, продолжается до конца его творческого пути. Привлекает внимание переключка Сосюры

с С. Есениным, — «есенинский лад» чистой и глубокой лирики чувствуется уже в сборнике «Город».

В январе 1924 года на нашу страну обрушилось большое горе — умер В. И. Ленин. Кончина Ильича глубоко, до глубины души всколыхнула советских писателей. Образ вождя революции становится главным во многих талантливых произведениях — и в поэзии, и в прозе. Например, Остап Вишня пишет свой лирический очерк «Ленин», Ю. Яновский — «Время пожаров», Н. Терещенко, М. Бажан, М. Йогансен, О. Донченко также создают стихотворения, преисполненные преданной любви к Ильичу.

Подобное явление наблюдается и в братской русской литературе. Появился ряд стихотворений, посвященных образу Ленина (стихи Н. Тихонова, Н. Полетаева, А. Жарова, А. Безыменского и других). Эпохальным произведением на эту тему явилась поэма В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин».

Говоря о лирике сборника «Снега», нужно отметить, что в создании образа вождя Сосюра, как и Маяковский, ясно выразил партийную точку зрения в трактовке ответственной темы.

Взять хотя бы его известный «Траурный марш». Неимоверно тяжелое горе не сломило, не разоружило поэта. Призыв к будущему, вдохновенное проникновение в грядущее характерно для произведения. Автор ясно видит и настоящее, и наш «дальний путь», хорошо представляет цель движения. Интонация марша никак не разрушает, а наоборот, дает возможность более рельефно проявиться напевной мелодике «Траурного марша» — лучшего произведения Сосюры тех лет. Образ Ильича встречаем и в стихотворениях «Сон», «Колыбельная». Лирический герой их — советский труженик, лелеющий в сердце своем бессмертный образ Ленина, человека самого дорогого и близкого всем людям доброй воли.

20-е годы — время возмужания поэтического таланта Сосюры, годы быстрого возрастания его популярности. Образ героя-труженика, борца за новый мир становится главным, ведущим во многих стихах и поэмах. Поэт разоблачает наших недругов-империалистов и их верных слуг — украинских буржуазных националистов.

Во весь голос приветствует Сосюра революционные рассветы Октября, освобождение родного края от поработителей, те знаменательные преобразования, которые обновили лицо родной земли. Именно поэтому с такой страстью воспевается образ новой Украины, ее невиданных доселе героев, богатырей современности, защитников и строителей новой жизни. Слагается пеан Советской Украине:

Цветет родная Украина.
Где в берег бьет волна, звонка,
где Днепр гремит, кипит пучина,

**уже поставила турбины
рабочих мощная рука.**

Это строки из «Днепрэльстана», созданного в начале второй половины 20-х годов. В первой публикации (газета «Коммунист», 1926, 7 ноября) произведение имело подзаголовок — «Будущее». Вскоре, переиздавая «Днепрэльстан», Сосюра снял подзаголовок. Собственно, его сняла сама жизнь. Ведь то, о чем он мечтал, что так ярко представлял, вдохновленный ленинским планом социалистического преобразования страны, стало реальной действительностью.

Незабываемые пришли времена. «8 ноября 1927 года, в день 10-летия Октябрьской революции, во исполнение завета вождя мирового пролетариата В. И. Ленина, усилиями трудящихся масс первой в мире революционной страны Союза Советских Социалистических Республик основана правительством СССР и УССР Днепровская гидроэлектростанция. . .» — эти торжественные слова были выбиты на стальной плите, положенной в основание Днепрогэса. Страна начала исторические преобразования, возводя величественное сооружение, имя которому — коммунизм.

«Днепрэльстан» — это лирическая картина индустриализации нашей страны, торжественное повествование о победе социализма. Это поэтический призыв к защите завоеваний Октября. Кто же вдохновил народ на исторические победы? Благодаря чему он завоевал их? Поэт дает ответ и на эти вопросы:

. . .нам подарила это чудо
стальная воля ВКП!

«Днепрэльстан» — глубоко идейное произведение, хвала Коммунистической партии — организатору и руководителю строительства социализма в Стране Советов. Здесь прославляется народ, идущий в прекрасное коммунистическое будущее.

Гиперболический размах, дерзновенный порыв чувствуются в образной системе произведения — в его оригинальных сравнениях, метафорах, эпитетах. Стих, звонкий, окрыленный, стремительно летит вперед. Вся поэма озвучена внутренними рифмами, создающими оригинальную звукопись: начиная с первой и до последней строфы.

«Днепрэльстан» явился своеобразным развитием тех особенностей стиля, которые начали кристаллизоваться уже в «Красной зиме», «О, не напрасно. . .» и в других вещах автора, вскоре прославившегося неповторимой манерой своего письма. Признанный мастер стиха, Сосюра оказывает глубокое, плодотворное влияние на творчество молодых поэтов-современников. Следы творческой учебы у Сосюры наблюдаются даже у очень самобытного, очень талантливого А. Малышко. Сосюре многим обязан талант мужественного поэта-партизана М. Шпака, у него учился безвременно ушедший от нас юный Я. Шпорта.

Главные признаки этого стиля — историческая конкретность, насыщенность произведения многочисленными реалиями, метко схваченными подробностями, которые стали одним из средств художественной типизации. И все это пропущено сквозь певучее сердце автора, выражено как исповедь пленительно искренней, трепетно-живой в своем глубинном самовыражении души... Очарования жизнью, революционной действительностью, своей любимой слились для поэта с самым дорогим для него образом Родины, Советской Украины:

В сладком рыданье зашлись соловьи,
внемлют сады и долины...
Губы и брови — совсем как твои,
и у мосей Украины.

Вот она, в светлом венке, как весна...
Счастье — до боли сердечной...
Слиты в той боли и ты и она
в образ единый и вечный.

*(«В знойные ночи для нас расцветут...»
Перевод Н. Сидоренко)*

Одна из определяющих черт исторического развития нашей отечественной литературы заключается в том, что в нашем искусстве слова чем дальше, тем ярче, мощнее проявляется и утверждается личное начало. У Сосюры это выражается через раскрытие образа нового героя — самобытного лирического героя или лирического персонажа. При этом поэт ориентируется на творческое усвоение классических традиций, богатейшую сокровищницу национального фольклора.

Отсюда, как трансформация некоторых особенностей классики и фольклора, еще одна черта стиля поэта — его окрыленность страстной верой в человека, романтика горьковского типа, которая, как и у Маяковского, обращена в будущее. Поэт боролся за это будущее, утверждал его в жизни. Не потому ли его поэтические «пророчества» вскоре, как, например, в «Днепрэльстане», становились жизненной реальностью: закономерность их осуществления диктовала сама революционная поступь жизни с ее чудесными планами социалистического строительства. Сосюра верил в реальность предначертаний партии, знал, что они будут воплощены в жизнь. И потому раскрывающиеся перед нами перспективы, как и грядущие свершения, воспел в своих патетических поэмах, героических балладах и лирических экспромтах.

Новаторский характер романтики — неотъемлемая черта стиля Сосюры. Уже в 20-е годы он неповторим в своих тропах — эпитетах, метафорах, сравнениях. С первого взгляда на его поэтическую строку говорим: да, это Сосюра и никто иной, ибо написать так мог только он.

Вот его неожиданные, тонкие, почти изысканные и вместе с тем единственно возможные в данном случае эпитеты: «косы печальные»,

«задумчивая степь» (одетая в «синий жупан»); «синий звон» и т. д. И один из самых любимых эпитетов Сосюры — «золотой». Какое удивительное разнообразие золотистых тонов и оттенков в художественной палитре поэта!

Эпитет «золотой» у Сосюры, как и в народном творчестве, часто используется для обозначения высшей меры — чего-то прекрасного, исключительно ценного, для обозначения высших духовных качеств человека. То есть этот эпитет является своеобразной краской, первичное вещественное значение которой ослаблено или совершенно теряется.

В стихотворении «Только поезд вдали прогрехочет. . .» Сосюра с помощью цветowych эпитетов создает такую деталь:

Я гляжусь теперь в синие очи, —
голубые они у тебя. . .

Но перед этим, вспоминая свои восторги от навсегда потерянных теперь для него «голубых очей», скажет: «тихие очи твои золотые». Золотые — значит, дорогие, незабываемые, возможно — те, о которых мечтал ночами. . .

Сходная семантика эпитета в широкоизвестных строках:

О, моя поэзия восстаний,
золотая поэзия труда!

(«В городе»)

То, что отмеченное явление — характерная черта поэтики Сосюры, свидетельствуют произведения последних лет. Например, программное стихотворение, возвеличивающее призывную силу одухотворенного большой любовью и большой ненавистью слова — «Я знаю силу слова». Переключаясь с Лесей Украинкой, с ее пониманием задач поэтического творчества, Сосюра утверждает во весь голос:

. . . Коль слово то — оружие,
как день, что не остыл,
коль в нем живет с любовью
и ненависти пыл, —

как пуля, золотое
оружье то разит,
коль ненависть в том слове
любовь твоя растит.

Как видим, здесь тоже эпитет с духовно-оценочным значением. Однако эпитет «золотой» у Сосюры выполняет и свою, так сказать, первичную функцию. Желтый, оранжевый (нередко с матовым оттен-

ком) — излюбленные цвета автора: «Уже в золоте поля»; «Вечер упал на колени, руки простер золотые»; «Золотые водопады электрического овещения»; «У меня карие задумчивые глаза и зеницы в них золотые»; «От тебя ушел я навеки в поля к пожарам золотым» и т. д.

Иногда у Сосюры эти два семантических плана сливаются, и традиционный эпитет «золотой» выполняет одновременно обе функции: он является средством внутренней характеристики образа и приемом, определяющим какой-то его важный «внешний» признак, воспринять который мы можем только с помощью зрительных впечатлений. «Золотые кудри! Искорка моя!»; «Синее золото очей» — подобные примеры аргументируют наш тезис о слиянии. Кстати, последний пример, как и некоторые другие, говорит о том, что к любимым цветам поэта относится также синий цвет — как и у Есенина. Вот, например, есенинский образ родной земли, «синей родины»:

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

(«Я покинул родимый дом...»)

Не так ли и у нашего Владимира Сосюры:

Наплывает туман голубой,
пал на вербы огонь янтара.
С поля вышли девчата гурьбой,
песня в небе горит, как зоря...

(«Пал на вербы огонь янтара»)

Тот же образ «синей юности», голубой родной дали, — но уже яного, Донецкого края, с которым навсегда сроднился поэт.

Неисчерпаемая щедрость дарования Сосюры порой выявляла и свою избыточную сторону — самоповторения, невзыскательные, хотя и гладко написанные стихи. В раннем творчестве поэта такими «рабочими отходами» были в основном перепевы есенинских мотивов.

Однако не эти заимствования крепко вяжут выходца из рабочего Донбасса Сосюру и славного сына России, певца рязанских рощ и полей. Пламенная любовь к отчому краю, умение раскрыть образ лирического героя в критические минуты развития интимного чувства, воспеть не только пленительную силу любви, но, возможно, и выразить какую-то душевную неустroенность, пришедшую с разлукой и потерями, печаль, но не безысходную тоску, не безверье безвременья, ибо у Сосюры, как и у Пушкина, печаль светлая, жизнеутверждающая... зовущая к новым свершениям! Вот что роднит жемчужины любовной и пейзажной лирики Сосюры и искренне-сердечные поэтические признания его русского современника...

Пушкин, Лермонтов, Есенин — вот прежде всего те мастера русской поэтической классики, у которых многое почерпнул Сосюра. Нельзя также не заметить его созвучия с мужественным глубоко народным Некрасовым, творческой учебы у гениального Блока (отзвуки Блока можно услышать в поэме «1917 год»). Очень любил Сосюра дерзновенного Маяковского, служившего для него образцом разностороннего партийного поэта.

Восходящая линия поэтического движения Сосюры — это, вообще говоря, утверждение и развитие в новые времена шевченковских начал. Ведь нет такого великого или малого художника в украинском искусстве, который не почувствовал бы на своем челе прикосновения благодатной руки Кобзаря. Благоприятное влияние Шевченко почувствовал Сосюра еще в юные годы. Шевченко — живое воплощение поэтического и революционного гения народа, старший друг и мудрый советчик, образец человека и гражданина — шел с ним рядом до самого конца его литературного пути. Зримые нити связывают Сосюру с поэтическим наследием Котляревского, Ивана Франко, Леси Украинки. Существенное значение имел для него опыт Олесья, Самийленко, Вороного. Поэт испытал на себе и глубокое воздействие украинской классической прозы, как и прозаиков мирового резонанса — писателей России, известных западноевропейских романистов. Сосюра у многих учился, он — мастер большой и серьезной поэтической культуры, выпестованной на родной почве, овеянной свежими животворными ветрами вечно юной и вечно прекрасной народной песни.

Оригинальность Сосюры ничего общего не имеет с манерностью, она всецело определяется природой его дарования. Сосюра — лирик, лирик во всем, лирик и при разработке эпических или драматических сюжетов, персонажей и ситуаций. Поэтому у него не драма, не эпос, а лиро-эпос «Красной зимы», «Заводской девчонки», «Оксаны», «Железной дороги», «1871 года», «Сына Украины», «За власть Советов». Поэтому у него такое тяготение к балладным жанрам. Что касается собственно лирики, то стихийный разлив самовыражения растекается в ней бурным потоком. Его творчество, писал А. Белецкий, «в самом своем исходе носит импровизационный характер, и, может быть, вдохновение в нем решительно господствует».¹

С этой точки зрения очень интересными являются воспоминания поэта «Как я писал „Красную зиму“». Они помогают войти в творческую лабораторию Сосюры, увидеть скрытые «ходы» творческого процесса. Поэт вспоминает:

«Тоска и радость слились во мне в золотое воспоминание души, которое вылилось в песню и стало «Красной зимой»...

Я смотрел в трюмо и пел и плакал, пел и плакал... О форме я не

¹ Белецкий А., Владимир Сосюра. Критический портрет. — «Красное слово», 1928, № 5, с. 144.

думал. Она сама возникла из лирического разлива, залившего мою душу...

Я не писал, а слагал поэму». ¹

Признания Сосюры очень красноречивы. По существу, перед нами рассказ о том «втором», по выражению Белинского, этапе творческой кристаллизации идеи в образ, которая происходит в душе каждого художника. Поэт подчеркивает народнопесенную основу своего стиха. Его поэзия органически рождается из песни. При этом автор безукоризненно владеет чудесным даром импровизации («Я не писал, я слагал поэму»). Наверное, лучше не скажешь, чем сказал сам поэт: «Все: и композиционное построение, и лиро-эпический сюжет с нарастанием лирического потока, его кульминацией и спадом, мелодика в построении словесных соединений, образы — все это родилось из пережитого и передуманного, как дитя первой любви, в солнечном движении чувства, оплодотворенного мыслью...

Слова, как монисто на нить, нанизывались на мотив и сливались с ним, чтобы стать песней моей, нашей революционной юности». ²

Как когда-то былинные бояны, кобзари, скальды-ведуны, слагал он свои песни тогда и там, где приходило к нему вдохновение, святое мгновение созидания. И певцу тогда становилось безразлично, имелись ли у него под руками бумага и перо, или их не было, стоит ли в углу его комнаты рабочий стол, или песня сама собой сложилась, казалось бы, в совершенно не подходящей обстановке — в морозный вечер около памятника Кобзарю в Харькове. Но случайно ли там и тогда она возникла? В настоящей поэзии ничего случайного нет!

Прекрасно об этой особенности таланта поэта сказал О. Гончар в своей мемуарной статье «Голос нежности и правды»: «Какая-либо искусственность Сосюре была противопоказана. Сила его слова, подлинный гуманизм его лирики — в естественности, в чистосердечном доверии к человеку, в бесконечной верности ему. Наверное, только значительная, незаурядная личность может разрешить себе роскошь разговаривать с людьми своим прирожденным голосом, — голосом правды, страсти, чистой, неподдельной любви». ³

5

Основной темой творчества Сосюры в 20—30-е годы становится тема социалистического строительства, индустриализация Страны Советов. Образ героя-труженика, борца за новый мир — главный в его многих

¹ Сосюра В., Твори в 10-ти тт. т. 10, с. 42. Перевод автора статьи.

² Там же, с. 42—43.

³ «Голос нежности і правди. Спогади про Володимира Сосюру», Київ, 1968, с. 17. Перевод автора статьи.

стихах и поэмах. Вместе с тем певец страстно выступает против капиталистического мира, беспощадно разоблачает империалистов и их пособников — украинских буржуазных националистов. Мотивы дружбы и интернационализма, братского единения народов и литератур пронизывают все его творчество.

Наиболее показательными сборниками тех лет являются: «Юнь» (1927), «Когда зацветут акации» (1928), «Днепрэльстан» (1930), «Война — войне» (1930), «Заводская девчонка» (1930), «Прошлое» (1931), «Отповедь» (1932), а также изданные несколько позже — «Новые стихи» (1937), «Люблю» (1939) и «Красногвардеец» (1940). Большинство произведений этих книг вошло в золотой фонд украинской советской поэзии. Именно во второй половине 20-х годов и в 30-е годы окончательно оформился образ поэта Сосюры как бойца революции, певца рабочей Донетчины, поэта новой, в битвах Октября и трудовых свершениях народа рожденной, социалистической Украины.

«Неслыханные вещи и понятия впервые входили в поэтическое употребление. Броневики и эшелоны, серая шинель, наган, штык, буденовка и рабфак — тысячи новых вещей, понятий, красок и цветов, ситуаций, звуков и мелодий наполняли наше сердце и наше сознание. По ним мы учились понимать революцию»¹ — вот с каким восхищением пишет о новаторском значении поэзии Сосюры С. Крыжановский, бывший член писательской молодежно-комсомольской организации «Молодняк», поэт и ученый, который вместе с нашей комсомольней, вместе с массовым читателем воспринимал Сосюру как своего поэта, нового революционного певца.

Стихотворения поэта о социалистическом строительстве перекликаются с его лирикой гражданских и личных мотивов. Теплое чувство радости, вызванное нашими трудовыми победами, — так можно было бы охарактеризовать тональность этих стихотворений. Именно такой предстает перед нами лирика сборника «Юнь».

С особенной любовью рисует Сосюра советский город — кузницу индустриализации нашей страны, большой промышленный и культурный центр. По улицам этого города прошел «радостный ремонт», который и прославляет автор в стихотворениях «Падают снежинки», «В городе», «Как будто радужные панели...» и других. Поэт чувствует себя неотделимым от этих социалистических преобразований.

Заметно усилились патриотические гражданские мотивы на исходе 30-х годов, перед началом 40-х. После некоторой паузы, холодной пустотой чернеющей в творчестве поэта в первой половине 30-х годов (Сосюра тогда серьезно болел), он с новым вдохновением берется за работу. На творческую активность его вдохновило историческое постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных

¹ Крижанівський С., Лірика революції. — Сб. «Володиміру Сосюрі», Київ, 1958, с. 50—51.

организаций» (1932), знаменательные решения Первого съезда писателей СССР (1934). Новые стихотворения — «Вновь село», «Ночь», «Я вспомнил», «Над морем» и другие — убедительное тому свидетельство.

Но работать, работать я буду!
Мне прошедших минут не забыть!
Нет! И я не заполнил покуда
золотую анкету судьбы.

- («Вновь село»)

С настроенным творческим беспокойством вступил в новый этап своего развития Сосюра. Рассматривая книги поэта того периода, замечаешь, как укреплялось, росло его патриотическое чувство, ширились, более четко выражались жизнеутверждающие гражданские мотивы.

С особенной силой раскрывается чувство любви поэта к Родине в новой книге «Люблю» (1939). Краткое название этой книги чем-то сходно с названием октябрьской поэмы Маяковского, который, выражая свою поэтическую оценку революционных преобразований в стране и раскрывая тем самым свое эмоциональное восприятие советской жизни, сказал: «Хорошо!» Так же подчеркивая свое отношение к нашей действительности, украинский советский поэт говорит: «Люблю!» Да, пламенно люблю тебя, мой родной край, твои поля и заводы, реки и моря, твоих людей, героических в труде и мужественных в битвах, люблю партию, воспитавшую новых людей, настоящих героев, поднимающую к солнцу и счастью Родину; люблю милую свою, образ которой неотделим от образа Родины; люблю вождя — великого Ленина, который привел народы нашей страны к победе.

Патриотические стихотворения сборника «Новые стихи», цикл стихов «Отчизна» и другие из книги «Люблю» — это произведения о непобедимости нашего Отечества, о дружбе советских народов. Они целиком отвечают тому чувству, которое так прекрасно выразил П. Тычина своей известной поэтической формулой — «чувство семьи единой». Дружба между трудящимися разных национальностей нашей страны — священное чувство, нерушимое, как мосты из стали, проложенные между народами.

Тема интернационализма — магистральная в творчестве Сосюры. Ее истоки — в 20-х годах. И в героическом лиро-эпосе тех лет, и в его мужественной лирике. И тогда, когда автор, обращаясь к образам, навеянным художественной литературой, дает нам интересные стихотворные портреты Пушкина, Горького, Маяковского, Багрицкого.

Особенно тесными были связи украинского певца с братской Белоруссией — «синеокой сестрой Украинны», как поэтически выразился он в одном своем стихотворении. Так, например, в стихотворении «Белорусская громада», написанном в связи с судебным процессом над членами комитета по выборам в польский сейм от Западной Белоруссии,

оккупированной тогда пилсудчиками, поэт выражает свои чувства гневного протеста. Фашистских палачей, говорит он, ожидает неизбежная расплата. Впечатляет и его известный поэтический цикл «Беларусь».

Продолжается и своеобразная творческая переключка Сосюры с Есениным. В связи с этим нельзя не вспомнить многочисленные шедевры Сосюры — песни, медитации, экспромты, миниатюры, баллады, лирические сцены встреч и разлук... Чуть ли не все они — и «Помню: вишни рдели и качались...», и «Белые акации будут цвести...», и «Напоследок отходят вагоны...», и «Мария» — овеяны легкой дымкой печали. Искренне и волнующе рассказывает поэт о том, что видел, пережил, что навеки дорого ему. Вот почему стало народной песней стихотворение «Ночью поезд вдали прогрохочет...», а лирические медитации «В мареве», «Пал на вербы огонь янтаря...», «Так никто не любил... Раз лишь в тысячу лет...» навсегда остались в антологиях как жемчужины любовной лирики.

Нет, не напрасно Сосюру называют соловьем Украины. Многие его популярные песни являются красноречивым подтверждением этого прозвища. Однако мы были бы весьма несправедливыми к автору, если бы, раскрывая гражданское лицо его поэзии, в том числе подчеркивая бесспорное воспитательное значение лирики личных мотивов, не обращали одновременно внимания на боевитость публицистических выступлений поэта. Так, например, его стихотворение «Неоклассикам», его полемика с вульгаризаторами, выбрасывавшими за борт литературы лирику, как таковую, его активная позиция певца — защитника Страны Советов, — все это убедительно дает почувствовать и понять: художник находился тогда на передней линии огня нашего литературного фронта.

В поэме-памфлете «Отповедь» (1927) Сосюра дает убийственный отпор националистическому писателю Маланюку, который в своей черной злобе клеветал на украинский народ, советскую Родину, наших деятелей культуры. «Отповедь» — злободневное произведение, грозная инвектива, которая и сейчас звучит по-современному. Оно стоит в первом ряду произведений украинских советских поэтов, развенчивающих национализм. Победоносный гнев «Отповеди» тем более убедителен, что страстное разоблачение мира эксплуатации и насилия сменяется и дополняется в произведении мотивом светоносным, ликующим, утверждающим красоту и правду нашей жизни.

Сразу же после публикации «Отповедь» была высоко оценена общественностью. На Всукраинском конкурсе, посвященном 10-летию Октябрьской социалистической революции, поэма была удостоена первой премии.

Беспощадно клеймит Сосюра поджигателей войны в поэме-оратории «Война — войне» (1929—1930). Свой публицистический удар направляет поэт против врагов Родины. Своей страстно выраженной гражданственностью, острым разоблачением ненавистного капиталистического

строю и порожденных им уродливых явлений «Война — войне» и «Отповедь» звучат в унисон революционной сатире Т. Шевченко, мужественной лирике Леси Украинки, огненному слову И. Франко.

К упомянутым поэтическим достижениям Сосюры примыкает «Комсомолец» (1927) — одно из самых совершенных его произведений. Показывая в этой трагедийного напряжения балладе звериное лицо националистической контрреволюции, поэт вместе с тем прославляет подвиг комсомолки, тех безымянных великанов духа, которые своей смертью попрали смерть и остались непобежденными в нашей памяти.

О том, какой сложной и жестокой была борьба за Советскую власть на Украине, как непросто было остановить и разгромить националистических упырей, свидетельствует и поэма «Заводская девчонка» (1929) — глубоко идейное высокохудожественное произведение. Лучшие традиции украинской и русской классики, в частности осязаемое влияние Лермонтова, сказавшиеся и в высокой культуре стиха украинского поэта, безусловно характерны для «Заводской девчонки».

Предвоенный этап творческого развития Сосюры своеобразно завершается поэмой «Красногвардеец» (1937—1940). Это значительное по объему произведение построено на историко-биографической основе. Ее герой — воин революции, его жизнь поэт показывает на широком историческом фоне, со времен детства (первая мировая война) и до 20-х годов.

Советский патриотизм, готовность защищать Родину до последней капли крови — вот что главное здесь. Поэма, как и ряд произведений, созданных автором в других жанрах, воспитывала чувство мобилизационной готовности читателей, закаляла их души, призывала быть на чеку перед лицом возможных агрессоров.

6

Великую Отечественную войну Сосюра встретил, как и надлежит советскому патриоту. Он не мыслил себя в стороне от смертельной борьбы народа, был с партией, которая возглавила советских людей в их битве с фашизмом. Вместе со своими товарищами по перу, мобилизованный в ряды защитников Отчизны, поэт словом и делом воевал с гитлеровцами. Как военный корреспондент газеты «За честь Родины», Сосюра был на Воронежском и Первом Украинском фронтах. Неоднократно в составе писательских бригад выезжал на встречи с воинами-фронтовиками на передний край обороны. В последний год войны работал военным корреспондентом газеты «Молодь Украйны».

Миг с веками здесь граничит... Дыма я, огня добыча, —
то меня Украйна кличет на последний, смертный бой.

(«Иду»)

Поэт отзывается на этот призыв. Он печатает свои стихи во фронтовых и армейских газетах и в листовках, разбрасываемых с самолетов на временно оккупированную врагами территорию. Появляются его книги стихов «Красным воинам» (1941), «В годину гнева» (1942), «Под гул кровавый» (1942), поэмы «Сын Украины» (1942) и «Мой сын» (1944).

Лирика Сосюры времен Отечественной войны тоже сражалась. Поэт полностью осознавал те огромнейшие задачи, которые поставили партия и правительство перед армией, перед советским народом. Так, в газете «Советская Украина» под рисунком художника П. Денисова (содержание рисунка кратко передает надпись под ним: «Спасите от немцев!») видим стихотворение Сосюры «Рабами мы не будем!».

Интересна одна из листовок, выпущенная Политуправлением Юго-Западного фронта. На одной ее стороне напечатаны стихи Сосюры и рисунок неизвестного художника с надписью «Они продают». Это начальные слова стихотворения поэта, призывающего к расплате с врагом:

Народе вкраїнський! Відплату
Здіймай, як сокиру свою,
Як ми — автомати на ката
В останнім і смертнім бою.¹

Поэт пишет оптимистические, окрыленные священными чувствами патриотизма стихи. Он верит в нашу победу, призывает брать ее с бою. А каким гневом клеймит певец фашистскую нечисть, посягающую на наше мирное счастье:

И гнев, как пожар, загорается в жилах,
Как сад под грозою, в ночи. . .
В Неметчину братьев, сестер моих милых
В оковах ведут палачи.

Пафос беспощадного разоблачения характеризует целый ряд произведений поэта, в том числе и процитированное стихотворение «Гнев».

Показательным для творчества поэта периода Отечественной войны является сборник «В годину гнева». Здесь много боевых, остропублицистических произведений. Таковы стихотворения «Черные круки», «На зеленые горы», ряд произведений о боях 1941 года под Москвой. Поэт со своим лирическим героем чувствует себя неотделимым от массы бойцов, которые вначале остановили гитлеровскую гадину, а потом нанесли мощный удар по фашистским полчищам в декабре первого года войны.

Необходимо также отметить поэтические послания, с которыми об-

¹ «Народ украинский! Отмщение подымай, как топор свой, как мы — автоматы на палача в последнем и смертном бою». — *Ред.*

ращался автор к читателям. Они забрасывались как листовки на временно оккупированную территорию Украины, передавались в партизанские отряды, выполняя там свое агитационное предназначение. Жанр мужественного боевого послания был тогда широко распространен в советской литературе, к нему обращался П. Тычина («Ответ бойцам на фронт») и М. Рыльский («Бойцам Южного фронта»), М. Бажан («Летите, орлы!») и Якуб Колас («Народу-борцу»), С. Чиковани («Гамардживеба») и Янка Купала («Белорусским партизанам»).

Чтобы стихи советских поэтов не попали в руки врага и не были уничтожены захватчиками, наши издательства печатали их среди текста изданий классиков, которые не вызывали у гитлеровцев особенных подозрений. Таким образом была издана «Укриздатом» и поэма Т. Шевченко «Сон» («У всякого своя доля»). На титульной странице книжечки сообщается, что она издана в Киеве в 1943 году. Но это, безусловно, своеобразная мистификация. В тексте поэмы после слов Кобзаря «А мати пшеницю на панщині жие» напечатано стихотворное обращение Сосюры, названное в других изданиях «Письмо землякам».

Послание Сосюры — пламенный призыв к землякам-патриотам:

Обращаюсь я к вам, сквозь туман и пургу ледяную, —
бейте всюду врага, чтоб и след его ветер замел.

Бейте всюду врага, — смерть над ним беспощадная кружит
на дорогах глухих, на кровавых и вьюжных снегах.

Длинная «некрасовская строка» стиха — как меч, вознесенный над головой врага. И одновременно — сколько нежности и теплоты чувствуется, когда поэт обращается к землякам-побратимам, к тем, кого знал еще сызмала и кто теперь, как воин, готов к любым испытаниям, кто защищает в кровопролитных боях отчизну.

Поэт свято верит в нашу победу. Поэтому и говорит в конце стихотворения об ожидаемом счастье, о садах соловьиных. . . Обращает на себя внимание жанр развернутого послания-монолога, не новый в отечественной литературе, к нему не раз обращались классики.

Выступления поэта во фронтовой прессе имели немалый агитационный эффект. Выразительно звучит в этой связи следующая публикация:

«Привет с фронта украинским писателям и поэтам товарищам Малышко, Сосюре, Головко!

В честь вашего посещения я, снайпер Гордиенко А., с группой молодых своих учеников-снайперов сделал десятидневный выход за передний край обороны. . .

За десять дней напряженной работы наша группа уничтожила 105 фашистов. Сам я лично уничтожил 48 гитлеровцев. . .

Клянусь перед Родиной воспитывать отважных снайперов, громить

фашистских гадов, мстить за наших отцов, матерей, братьев и детей до окончательного разгрома гитлеровских бандитов!»¹

Таким было мобилизирующее слово советских писателей, было ли оно произнесено во время их непосредственных встреч с бойцами, или передавалось по радио, или было напечатано в книге, газете, листовке... Вот почему в частях переднего края почетным стало называть оружие — верного боевого друга солдата — именем любимого автора. И не случайно во фронтовой прессе мы находим информацию о том, что боевой расчет одного из подразделений Советской Армии назвал свое оружие именем Владимира Сосюры.

Гневная, страстная, иногда печальная, но без расслабляющих ноток, одухотворенная муза Сосюры внушала ненависть к захватчикам, воспитывала мужество, вселяла веру в сердца, призывала народ к победе и только к победе.

В конце войны Сосюра написал стихотворение «Люби Украинну!» — известную поэтическую исповедь, преисполненную, как выразился Олесь Гончар, «искренности, душевной открытости».² Стихотворение потом вошло в сборник «Чтоб сады шумели». Автор вдохновенно признается в своей сыновней и всеопределяющей любви к Родине, Советской Украине. Он прославляет дружбу освобожденных Октябрем народов, искренне и самозабвенно слагает хвалу своей республике — полноправной и цветущей в созвездии республик-сестер нашего великого Союза:

Меж братских народов, как садом густым,
сияет она над веками,
люби Украинну всем сердцем своим
и всеми своими делами!

Лаконически, художественно выразительно рисует образ этой новой, созданной руками трудящихся Советской Украины, которую завещал поэт любить всегда и всей своей жизнью.

Среди созданных во время войны крупных произведений заметное место занимает поэма «Олег Кошевой» (1943), известная в окончательной редакции под названием «Бессмертные».

«Эта поэма, — писал тогда в «Комсомольской правде» автор, — задумана в двух планах: как рассказ о замечательной жизни комсомольцев-патриотов и как символическое изображение немеркнущей воли к борьбе и победе, жизни и юности. Мне хочется передать ту любовь к Родине, к родному Донбассу, которая горела в сердцах краснодонцев, и то ответное чувство, каким платит страна своим славным сынам, отдавшим за нее жизнь».³

¹ Привіт з фронту. — «Україна», 1943, № 7, с. 39. Перевод автора статьи.

² «Голос ніжності і правди. Спогади про Володимира Сосюру», с. 17.

³ Сосюра В., Задание сердца. — «Комсомольская правда», 1943, 7 октября.

Борьбу молодогвардейцев автор показывает не как стихийное выступление отдельной группы партизан, не связанной или мало связанной с народом, партией. Нет, он рисует своих героев в неразрывном единении с массами, со страной, которая думала и заботилась о своих верных сынах.

В годы Великой Отечественной войны в своих лучших произведениях поэт возвел ратный подвиг советского народа, его героизм, стойкость, несокрушимость духа — то есть те моральные качества, которые воспитала и воспитывает в трудящихся Коммунистическая партия. И хотя известно: до поверженного Берлина военный корреспондент Сосюра не дошел, но, по воле легенды, поэт Владимир Сосюра побывал все же там. Об этом свидетельствует надпись на стене разгромленного рейхстага, сделанная советским воином-победителем: «Смерть палачам!» — написал он. И подписался: «Владимир Сосюра».¹ Боевое слово певца всегда и до конца воевало с врагом, вместе с народом оно завоевало нашу всемирно-историческую незабываемую победу.

7

В послевоенный период Сосюра публикует книги «Родина!» (1946), «Чтоб сады шумели» (1947), «Зеленый мир» (1949), «За мир» (1953), «В саду Отечества» (1954), «На струнах сердца» (1955), «Соловьиные дали» (1957), «Рядом с шахтой старой» (1958), «Близкая даль» (1960), «Поэзия не спит» (1961), «Счастье семьи трудовой» (1962), «Когда б любовь помножить всех людей...» (1963), «Осенние мелодии» и «Весны дыхание» (1964), выпускает несколько книг избранного. «За власть Советов» — последняя книга новых произведений поэта — увидела свет посмертно (1968).

Два послевоенных десятилетия творческого развития Сосюры — это годы напряженного труда, годы неустанных поисков и заметных художественных свершений.

Можно считать, что во всей советской литературе, а значит, и в украинской советской поэзии, в послевоенный период наметилось несколько основных тем, к которым постоянно обращались писатели. Это тема подвига советского народа в незабываемые дни войны, тема послевоенного строительства, тема защиты мира, разоблачения поджигателей войны и их пособников — заподанцев-националистов. Разрабатывая эти темы, Сосюра главное внимание уделял изображению героя современности: молодого рабочего, шахтера, колхозника, воина Советской Армии — наших славных советских людей, их исторических завоеваний, богатого душевного мира.

¹ Чалый Б., Поет молодості. — «Літературна газета», 1948, 8 апреля.

Целый ряд эпических произведений появился из-под его пера: «Украина» (1951), «За мир» (1953), «Продавшимся» (1953), «Рядом с шахтой старой» (1957), «Счастье семьи трудовой» (1961), «За власть Советов» (1964), поэма, давшая название посмертному сборнику.

Героическая история украинского народа, неуязвимая в веках слава тех, кто боролся на баррикадах Октября, и наше гордое сегодня, шахтерский Донбасс и его новая рабочая, трудовая доблесть, возвышающая души советских людей, щедрое богатство их дум, чувств, переживаний — вот что неудержимо влекло к себе автора, стало предметом его изображения, его поэтическим словом, литературным делом.

Поэма «Украина» задумана автором как лирическая история жизни украинского народа, поэтическое летописание о нашей борьбе с захватчиками в далеком и недавнем прошлом.

Написанная в 1953 году поэма «Продавшимся» ведет свою родословную от поэм-инвектив 20-х годов («Отповедь», «Война — войне»). Священная ненависть к нашим врагам определяет лицо этого произведения, направленного против националистов, недобитков уродливого прошлого, тех, кто хватается за отжившее, чтобы навредить нам. Сокрушительное разоблачение и пылкая восторженность в утверждении наших побед определяют особенности развития главной темы, композицию и манеру письма. Гневная сатира и леан, из самого сердца изливающаяся песня-хвала нашим свершениям — таковы формы выражения собственно лирического чувства, свойственного произведению, занимающему заметное место в послевоенном творчестве Сосюры.

Что же касается поэмы «За власть Советов», то это последнее поэтическое обращение автора к незабываемым событиям гражданской войны, ко всему тому из его героической молодости, что он вобрал в свое сердце:

Ні, не загине молодість жива,
бо в перемогу серце віра гріс,
бо е на світі Ленін і Москва! ¹ —

патетически провозглашает лирический герой, и его голос сливается с голосами восставшей массы, чувствами и стремлениями красногвардейцев, многоликого «мы».

А теперь обратимся к лирике последнего периода жизни и творчества поэта — конца 50-х — начала 60-х годов.

Как и у М. Рыльского, «третье цветение» Сосюры, его «осенние мелодии» — это песнь чуткого и верного сердца, звучащего на самой тонкой, заветной, волнующей струне.

Много превосходных поэтических созданий Сосюры этих лет еще и еще раз свидетельствуют о том, что его песня осталась такой же юной, как

¹ «Нет, не погибнет молодость живая, потому что вера в победу согревает сердце, потому что есть в мире Ленин и Москва!» — *Ред.*

и тридцать — сорок лет назад. Ее эмоциональное богатство не поблекло под тяжестью лет, поэтический взгляд остался таким же пытливым, острым, проникающим в самую душу. И, безусловно, поэт имел полное право в одном из последних своих сборников «Зеленый мир» сказать о себе: «И я навсегда остался молодым».

Героика Великой Отечественной войны снова отзывается в его поэзии. Поэт и сейчас как живого видит того солдата, который, настигая врага, призывал соратников — наших воинов: «Вперед!» И своим горячим телом закрывал амбразуру дота, чтобы «к жизни нам путь открыть». Он еще и сейчас чувствует на своих губах вкус мягкой днепровской воды, которую освободители Киева пили из своих стальных шлемов. Далекие огненные дороги ратных трудов и побед снова и снова возникают перед его духовным взором.

А рядом с этим — послевоенные образы и мотивы: новый день в лесах новостроек, новые люди, герои труда все больше и глубже входят в его поэзию. Поэт стремится заглянуть в их сердце, он не скрывает своей кровной заинтересованности подвижниками послевоенных пятилеток. На страницы его книг приходит каменщик («Из пепла дом воскрес»), недавний воин, а теперь самоотверженный труженик. Мы видим его на новостройках Крещатика, Донбасса, он, как и тысячи, как миллионы подобных ему, подымает из руин родину к новой мирной жизни.

Характерным признаком большинства послевоенных книг является то, что в них помещено много автобиографических стихов, связанных именно с Донбассом, трудом, бытом и жизнью шахтеров. Нельзя не отметить постоянную привязанность Сосюры к этой важной и очень дорогой для него теме.

Но это не ограниченный автобиографизм наглухо замкнутой исповедальной лирики. Автобиографизм Сосюры — это способ художественного изображения эпохи.

Среди наиболее показательных стихотворений этого плана следует назвать: «Как передать, Донбасс, твою красу и силу...», «Какой мне ветер в сердце повеял...», «Осенний ветра свист...», «Возле клетки» и другие.

Вон шахты вдалеке... Гляжу на них, гляжу я,
и песнь рождается, слетает с губ моих.
Пускай снега кругом, но в сердце май бушует,
чуть вспомню о тебе, и в сердце — новый стих...

Донетчина моя, любимая, родная,
тебе все чувства я, всю жизнь отдать готов!
И снова, как дитя, к тебе я принимаю,
чтобы набраться сил для жизни и трудов.

(«Донетчина моя!»)

Именно стихи Сосюры о Донбассе еще раз показывают, с какой магией искусства автор умеет поднять и раскрыть, казалось бы, совершенно «непоэтическую» тему. В свое время обратил на это внимание белорусский поэт П. Бровка: «Многие утверждают, что жизнь заводов с их неумолчным гулом машин, лязгом цепей трудно воспеть лирику, а у Сосюры, в его стихах, это находит совершенное и органическое отражение... Да это и понятно, ибо все это с детства вошло в его сердце, как самое любимое и дорогое».¹

Автобиографический герой таких стихотворений — активный борец за новый, рожденный революцией мир, личность, которая если и обращается к прошлому, то только для того, чтобы вспомнить славные дни освободительной борьбы.

В этих стихах Сосюра явно избегает усложненных приемов — того, что, как дальний отголосок символистской, имажинистской поэтики, иногда проявлялось в образной системе некоторых его произведений 20-х годов. Теперь мы видим сдержанно, но выразительно поданную поэтическую деталь, меткие, эмоционально насыщенные тропы. И при этом — размышление над виденным, пережитым, незабываемым прошлым, пылкий взгляд, обращенный к современности и к будущему.

К стихам этого рода довольно тесно примыкают стихотворения, которые можно причислить к философской лирике. Если говорить об украинской традиции этой лирики, то сразу вспоминаются имена таких ее представителей, как П. Тычина, М. Бажан и М. Рыльский. Среди лирических произведений Сосюры последнего периода привлекает наше внимание стихотворение «Шумит деревьев зеленый мир...». Мысль о вечности жизни, о ее немеркнувшей красоте, о материальности мира, изменяющегося в процессе постоянного движения, — вот какие кардинальные проблемы жизни и смерти волнуют поэта. Если же рассматривать стихотворение в широкой исторической перспективе, то оно, безусловно, имеет свою давнюю традицию в украинской литературе. И слова мы обращаемся к Шевченко, к его памятным строкам «Всё идет, всё проходит...» (вступление к «Гайдамакам»). Безусловно, шевченковские веяния улавливаются и в других элементах произведения. Сосюра, как и Шевченко, в красочно воспроизведенный пейзажный рисунок вкладывает важную философскую мысль. Как и Шевченко, он стремится к торжественному звучанию произведения и с этой целью пользуется славянизмами (последняя строка стихотворения — своеобразное перифразирование строк библейского гимна).

К произведениям подобного типа следует отнести и миниатюру «Маленьким мальчиком». Лирические миниатюры Сосюры имеют значительный поэтический подтекст, ясно улавливаемый во всем добром,

¹ Бровка Петрусъ, Лирика, вдохновляемая жизнью. — «Литературная газета», 1960, 12 ноября.

гуманном и прекрасном, чем проникнуто произведение. Об этих миниатюрах — казалось бы, скромных «случайных» экспромтах — надо говорить как о значительных художественных достижениях автора.

Неоднократно обращали мы внимание на интернационализм Сосюры. Однако рассмотрение этой важнейшей черты его творчества было бы далеко не полным, если бы мы не сказали: возведение мостов дружбы между народами проявилось также в том, что поэт постоянно переводил на украинский язык произведения братских литератур. С русского — А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, К. Рылеева, А. Одоевского, А. Блока, В. Маяковского, С. Есенина, М. Исаковского, А. Прокофьева, С. Щипачева, Н. Ушакова, Г. Петникова, А. Безыменского; с белорусского — Я. Купалу, Я. Коласа, П. Бровку, П. Глебку, П. Панченко и других; с башкирского — С. Кудаша; с армянского Х. Абовяна, с калмыцкого — народный эпос «Джангар», с болгарского — Х. Ботева, с венгерского — Ш. Петефи.

Развивая и утверждая традиции советской школы перевода, Сосюра неутомимо работал, способствуя делу сближения народов и культур, укрепления в украинском искусстве интернациональной основы. Своими переводами он плодотворно обогатил идейно-тематические и образительные горизонты как своей, так и всей украинской поэзии.

Творчество Сосюры хорошо известно за пределами нашей республики. Его переводили многие поэты — Э. Багрицкий, М. Светлов, А. Прокофьев, Н. Браун, И. Садофьев, М. Комиссарова, С. Обрадович, Н. Ушаков, Б. Турганов, В. Цвелев, В. Звягинцева, Н. Старшинов. Несомненно, к этому обоюдному обмену духовными ценностями братских литератур с полным правом можно поставить как эпиграф прекрасные слова поэта, сказанные им в 1960 году, во время декады украинской литературы и искусства в Москве: «Встречаются братья. Братья по духу, братья по культуре, братья по языку».¹

Поэт вдохновенно, с полной отдачей сил служил партии, народу, и его подвижнический труд заслуженно оценен. Сосюра награжден двумя орденами Ленина, орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, орденом «Знак почета», многими медалями. Книга «Чтоб сады шумели» отмечена Государственной премией СССР (1948), а сборники «Ласточки на солнце» и «Счастье семьи трудовой» — Государственной премией УССР имени Т. Г. Шевченко (1963).

Умер Сосюра 8 января 1965 года. Его похоронили 11 января на Байковом кладбище в Киеве.

А. Малышко, выражая думы и чувства миллионных читателей поэзии Сосюры, проникновенно говорил на похоронах поэта о бессмертии его песни, о красоте и величии его слова. «Люди сегодняшнего дня и будущие поколения, — сказал он, — будут приходить к твоим песенным

¹ Сосюра В., Твори в 10-ти тт., т. 10, с. 47.

истокам и будут черпать из них вдохновение и радость. И к тому великому будущему, которое ты называл Эдемом Коммуны, за которое мы боремся много лет, мы придем с твоей песней на устах».¹

8

Более пятидесяти книг создал поэт. Как пятьдесят ступеней высь — к чуткому и отзывчивому на все доброе и прекрасное советскому читателю. К нашему современнику, к его помыслам, думам, стремлениям, свершениям. И хотя не все книги поэта стоят в одном ряду как полноценные и художественно совершенные, главное заключается в том, что выдающийся мастер поэтического слова в продолжение всей своей сознательной жизни, до последнего вздоха самоотверженно лепил величественный образ — образ нашего современника, своего чудесного лирического героя. Ведь вся его поэзия является задушевной исповедью, хвалой нашим свершениям, пеаном коммунистическому будущему.

Глубоко в сердце несет поэт, мастер искусства социалистического реализма, свой идеал — идеал коммунизма. Певец новой жизни, озаренный светом новой красоты, — таким выступает Сосюра в своих произведениях. И как теперь не вспомнить знаменательные слова академика А. И. Белецкого, который еще на заре творчества поэта пророчил: «Именно Сосюра и никто иной является подлинным лириком... революции — и, можно думать, через много лет, когда нынешняя украинская литература станет пройденным художественным этапом, историки не найдут более типического образца революционной украинской поэзии 1917—1927 годов, чем лирика Сосюры».² К сказанному, уместно замечает Е. П. Кириллюк, история добавила только одно: наследие Сосюры, как убедительно доказывает весь его творческий путь, «является типическим образцом *всей* революционной советской украинской поэзии».³

Лучшие произведения Сосюры — наша советская классика. Его любовная и пейзажная лирика пробуждает чувства добрые, гуманные, она глубоко проникает в духовный мир борцов, которые с оружием в руках устанавливали власть Советов, героическими усилиями выводили страну из темноты и отсталости на широкую дорогу социалистического строительства. В произведениях поэта запечатлен призывный образ лирического героя — борца и творца — из народной среды, рабочей массы. Он раскрывается перед нами как украинский народный национальный характер.

¹ «Голос ніжності і правди. Спогади про Володимира Сосюру», с. 401. Перевод автора статьи.

² Белецкий А. И., Владимир Сосюра. Критический портрет. — «Красное слово», 1928, № 5, с. 141.

³ Кириллюк Е., Лірик революції. Предисловие к изданию: В. Сосюра, Твори в 10-ти тт., т. 1, Київ, 1970, с. 41.

Первым заветом, оставленным Сосюрой нам, современникам, является его выношенная в творческом горении, потерях и достижениях невыблеяемая установка на верность нерушимым принципам советской литературы — принципам коммунистической партийности, глубокой идейности и народности, без которых нет нового искусства.

«Украинская советская поэзия проявляла свою способность не только к «человековедению», но и к человекодействию с первых дней своего существования. Мертвечиной веяло от расслабленной, плаксивой, окутанной в сумеречные тона поэзии украинских декадентов и эстетов, поэзии, которая встретила Октябрь похоронным плачем, а поэзия, рожденная революцией, жила молодо и бодро, сразу же начав завоевывать умы тысяч и миллионов читателей!.. Как много неопределимо необходимых слов о революции, о счастье борьбы, о красоте идеала, о величии нового мира выразили им, рядом с произведениями русских поэтов, прекрасные революционные стихи Чумака, Тычины, Блакитного, Сосюры, многих младших поэтов Советской Украины. Именно потому эти стихи, стихи-первооткрыватели той красоты, которую несет миру коммунизм, остались в памяти уже не одного поколения, продолжая эстетически формировать новое сознание людей».¹

Всю нашу советскую литературу, которая развивалась и развивается путем социалистического реализма, характеризует богатство творческих индивидуальностей, разнообразие художественного дарования. В украинской современной литературе — и в прозе, и в поэзии — имеются свои школы, свои течения. Выдающемуся мастеру искусства социалистического реализма Сосюре никогда не был чужд романтический взлет: его поэтическое слово, сохраняя и развивая «романтическую искристость своих образов, песенный лиризм своих мелодий», как признаки, издавна свойственные украинскому слову, «вобрало в себя столько живительных соков с живописных и душистых лугов народного творчества».²

И еще один завет Сосюры: быть до конца верным отечественным классическим традициям, быть верным народной песне. Издавна традиционные черты украинской поэзии Сосюра сумел, в соответствии с «духом времени», наполнить новым содержанием, своеобразно видоизменить. Преданность этой художественной позиции объясняет заботливо-отеческое наставление поэта литературной смене, предостережение тем, кто увлекается химерами искусственности, позерством, низкопоклонством перед модернистскими веяниями уже независимо от того, с какой стороны — справа или слева — слышится их отравленно-затхлый разлагающий запах...

Близкий и понятный самым широким народным массам, Владимир

¹ Новиченко Л., Поезія великого сорокаріччя. Предисловіе к кн.: «Антологія української поезії», т. 3. Київ, 1957, с. 51. Перевод автора статьи.

² Там же, с. 58.

Сосюра был преисполнен жизнеутверждающей веры в силу и могущество правдивого слова:

Оружье счастья, слово,
я жить с тобой привык!
В любви — цветок ты словно,
ты в ненависти — штык.

(«Я знаю силу слова»)

Как о живом, говорим сейчас о нем, незабвенном. . . Ибо песни истинных певцов никогда не умирают. «Красная зима», «Днепрэльстан», «Отповедь». . . Пленительное богатство многих и многих жемчужин его лирики красноречиво говорит о том, что их автор вошел в советскую поэзию как поэт-новатор, поэт-боец, вдохновенный певец нашей новой прекрасной жизни.

Юрий Бурляй

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я на Донбассе, в городе Дебальцево, Луганской области, в 1898 году, 6 января.

Детство и юность в основном прошли в селе Верхнее, или Третьей Роте, той же области.

Отец мой, Николай Владимирович, вышел из крестьян, имел незаконченное штейгерское образование. Основная его специальность — чертежник. Мать, Антонина Дмитриевна, — из работниц г. Луганска. В юности она работала на Луганском патронном заводе.

Мы часто переезжали из рудника на рудник, так как отец, из-за своего непостоянного характера, не мог долго работать на одном месте. Он говорил: «Не люблю покоряться» или: «Попы обманывают народ» — и не ходил в церковь. И, кроме многих донецких рудников, мы исколесили много сел, где отец учительствовал, получая с каждого ученика по полтиннику и буханке хлеба (палянице).

Вообще отец переменил не одну специальность — от чертежника, учителя, сельского адвоката до шахтера, потому что он пил «горькую» и я редко видел его трезвым. Но характер у него был мягкий, и в трезвом состоянии он был прекрасным человеком. Я очень любил его.

Все же в основном до 20 лет моя жизнь прошла в селе Верхнем.

С 11 лет я начал работать учеником бондарного цеха на Донецком содовом заводе около нашего села.

Зимой я учился в двухклассном министерском училище, а летом трудился то у подрядчика содового завода, то у родственников на сельскохозяйственных работах, косил и обмолачивал хлеб.

Начал я учиться с третьего отделения, куда отец меня подготовил.

За право учения надо было платить 75 копеек, я летом работал у родственников на току — обмолачивал снопы катком на лошади. По-

лучил за это пуд муки, продал на базаре за 75 копеек и купил билет на право учения.

Учился я на пятерки. Но сначала мне тяжело давалась арифметика. Как-то я решал задачи и ничего у меня не выходило. Отец как раз был трезвый, и я попросил его:

— Тятя! Помоги мне решить эту задачу!

А он так ласково склонился ко мне, посмотрел в задачник и сказал:

— А мы этих задач и не решали.

И я подумал: «Мой отец, идеал мой, и не решал этих задач! И я буду добиваться и все-таки решу задачу сам».

Потом мама как-то сказала мне:

— Ты думаешь, он не умеет решать этих задач? Он и алгебру знает. Он хотел, чтобы ты сам решал задачи.

В семье нас было десять человек: отец, мать, три мальчика и пять девочек.

Община позволила нам жить в одной хворостянке, которую построили одинокой старухе, бабушке Цыбульчихе, за ее землю. Старуха умерла, и мы стали жить в хворостянке, построенной для нее одной, все десять душ. Когда мне было 13 лет, я доставал рукой до потолка. Спал я на печи, а ноги свисали на лежанку.

Нам было тесно, и отец разломал печку и выбросил перегородки в сени, так что зимой во время морозов двери открывались прямо в хату. В хворостянке было два маленьких окошка. Дети повыбывали стекла, а до половины окна были закрыты кирпичом и подушками, так что в комнате была вечерняя полутьма.

Я очень любил читать книжки. Они уносили меня в мир забвения от тяжелой и темной жизни, — в сияющий, сказочный мир, в котором смелые и сильные люди побеждали жизнь, идя сквозь море испытаний и лишений.

Особенно я любил читать о «сыщиках».

Конечно, у нас никакой библиотеки не было, и я, в маминой кофте и отцовских сапогах, от горшка три вершка, встречая более-менее хорошо одетого человека, спрашивал его: «Дядя! Нет ли у вас чего-нибудь о сыщиках?»

Одни ничего не отвечали, другие смеялись, а то и ругались и прогоняли меня.

Но были и такие, что давали мне читать книжки о «сыщиках» и другие интересные книги. Как-то я обратился с моим вечным вопросом «Дядя! Нет ли у вас о сыщиках?» к заведующему заводской библиотекой, учителю Сергею Лукичу Зубову, и он позволил мне брать бесплатно (плата там была 5 коп. в месяц) книги для чтения в заводской библиотеке для рабочих и служащих. Так я вошел в сияющий свет человеческой мысли и фантазии.

В столовой для рабочих открылся «иллюзион», где за 20 копеек показывали «живые картины». А где мне, маленькому, взять такие деньги? И нас, мальчиков, сторож всегда прогонял, когда начинался сеанс.

«Иллюзион», вернее помещение для него, арендовала жена начальника нашей станции Переездная, малечья, худенькая, с бледным интеллигентным лицом.

Часто она проходила мимо нас, мальчиков, которые, как стайка воробьев, сбивались возле заветных дверей, и, наверно, прочитала в моих глазах такую отчаянную мольбу, такое безграничное желание, что спросила меня:

— Мальчик! Хочешь смотреть картины?

— Хочу, тетя! — радостно ответил я.

И она позволила мне бесплатно посещать «иллюзион», где душа моя то обретала золотые крылья осуществленных надежд, то плакала над разбитыми надеждами любимых героев.

Когда кончался сеанс, мне было грустно и тяжело возвращаться в свою убогую и беспросветную жизнь, идти в темную дождливую ночь, где одиноким глазом в чужой и равнодушный мир мерцал ночник в окне нашей хворостянки. . .

Так прошло мое детство.

После окончания двухклассного министерского училища (5 отделений) я поступил в ремесленное училище на слесарное отделение, но потому, что больше железной пыли я любил природу, я сдал конкурсный экзамен в низшее трехлетнее сельскохозяйственное училище, которое открылось у нас возле станции Яма.

Во время моего перехода во 2-й класс мой отец умер (ему было 37 лет) от истощения. Я вынужден был оставить учебу и стал работать в шахте, чтобы помочь матери.

Проработав год в шахте, я увидел, что ничем не могу помочь матери. Шла война, все дорожало с каждым днем, и моей зарплаты не хватало даже на хлеб.

И я опять начал учиться в сельскохозяйственном училище. Тут я во-настоящему познакомился с классиками русской литературы, которые стали для меня учителями жизни.

Стихи я начал писать с 14 лет. Писал потому, что стихи писали мой дед и отец, по-русски и по-украински.

Как-то, уставившись в стенку, я замечтался, слагая первое в своей жизни стихотворение — что-то про змею, которую рифмовал «я ее люблю». . . Проходила мимо меня бабушка. Видно, ее поразило мое лицо, и она сказала мне:

— Брось писать стихи, а то сойдешь с ума.

Я испугался и долго не делал новых попыток. Но когда началась первая империалистическая война, волна патриотизма охватила

мою душу, и я снова начал писать стихи, начал и уже никогда не бросал.

«Пусть я лишусь ума, но все же буду поэтом», — подумал я.

И я стал поэтом.

Но для этого пришлось мне еще много испытать в жизни, пройти сквозь огонь гражданской войны и вынести оттуда сердце, наполненное отзвуками отгремевших битв за царство свободы. . .

Крылатые багряные кони революции принесли меня, как и тысячи таких, как я, на таинственные вершины, к которым сквозь огонь и дым невиданных битв на земле жадно стремились наши души.

В Одессе, где стояла наша дивизия, с мая 1920 года я стал коммунистом. Будучи курсантом военно-политических курсов при 41-й стрелковой дивизии, я познакомился с Юрием Олешей, с поэтами Шенгели и Багрицким, которые в светлые и добрые руки взяли мое сердце и показали ему дорогу в голубое небо поэзии. Когда в кружке поэтов я в первый раз читал свои стихи, в которых были такие слова, как «хлопці», «дівчата», «половники», я спросил:

— Я поэт?

Юноша с орлиными глазами и соколиным профилем отозвался с по-доконника:

— Да, поэт, украинский поэт.

Это был Эдуард Багрицкий.

Я стал украинским поэтом. Потом, после гражданской войны, в Харькове я познакомился с поэтами Куликом, Блакитным и другими, но встречи с Шенгели, Багрицким и Олешей навсегда остались в моем сердце. Багрицкий говорил: «Нужно развивать свой художественный вкус», а лозунгом Юрия Олеси было: «Слово должно светиться».

Багрицкий первый познакомил меня со стихами Василя Чумака. До него я, конечно, уже читал и безгранично любил стихи великих поэтов — Шевченко, Франко, Леси Украинки, Олеся. Я еще маленьким переводил на русский язык «Кавказ» Шевченко.

В Харькове мою судьбу в украинской поэзии определил Иван Юлианович Кулик, который обратил на меня внимание как на молодого поэта и через ЦК КП(б)У отозвал меня из армии.

Руками Кулика партия дала мне путевку в поэтическую жизнь, и ей одной я благодарен своим поэтическим существованием. В тяжелые минуты сомнений и колебаний ее могучая рука поддерживала меня, не давала мне упасть, помогала идти по правильной дороге. Как же не любить ее и не петь о ней! Не петь о людях, которым гений партии дал крылья для полета в озаренное будущее!

Во время Великой Отечественной войны я работал в штабе украинского партизанского движения, был военным корреспондентом фронтовой газеты «За честь Родины».

С 1944 года живу в Киеве и продолжаю литературную работу.

Награжден орденами «Знак Почета» (1939), Красного Знамени (1943, 1958), Ленина (1948).

За сборник стихов «Чтоб сады шумели» я получил Государственную премию первой степени.

Книги мои переведены на русский язык и на много других языков народов Советского Союза, на языки братских народов социалистического лагеря, а также на другие языки мира.

Всего вышло в свет около сорока сборников моих стихов и поэм.

*5 октября 1958 г.,
Киев*

СТИХОТВОРЕНИЯ

1920—1933

1. О, НЕ НАПРАСНО!..

О, не напрасно, нет, гремели пушки в поле,
и наша кровь лилась, и шли мы умирать.
О, не напрасно, нет, сама, по доброй воле,
иконки и кресты с детей снимала мать!..

Гул на шоссе шагов... машины перебои...
С трибун приветствуют задымленных бойцов...
Всё — как чудесный сон, возникший предо мною
в забое, в полутьме, под песню обушков...

И девушки идут, и жены выступают,
и детвора бежит, — восторг в глазах горит...
И ночь скрипит, скрипит, промозглая, слепая,
и поднят мрак ее на лезвиях зари...

О, не напрасно, нет, гремели пушки в поле,
и наша кровь лилась, и шли мы умирать.
О, не напрасно, нет, сама, по доброй воле,
иконки и кресты с детей снимала мать!..

1921

2. К НАМ

Идите к нам в ряды все, кто живет борьбою,
кто солнце полюбил и на вершины гор
спешит — встречать его, душою молодою
провидя сквозь века зари багряный взор!

Гремят осколки скал под нашими шагами. . .
В былое горе бей нещадно, коммунар!
На смену мы идем, вступаем в бой рядами, —
урочный близок час. . . решающий удар. . .

Трепещет черный враг, на сполох бьет трусливо, —
но замолкает звон. . . редееет ночи муть. . .
Мы — дети звездных снов, мы — новых сил приливы,
нам златотканый май устлал цветами путь. . .

Серп Революции. . .
Знамена Первомая. . .
Лишь власть Советов нас к вершинам приведет.
Прочь отступает боль докучная, былая.
Настал урочный час. . . Бойцы идут вперед!

1921

3. РАСПЛАТА

Мы в солнечной тоске веками вам служили,
из крови и костей вам строили дворцы,
с издевкой, с хохотом из нас тянули жилы
вы, паралитики и мертвецы!

Мы золото с серебром из-под земли долбали
для вас во мгле сырой, во мгле глухой для вас,
с культурностью своей вы нам такое дали, —
не пожелаю я врагу в недобрый час.

Красоткам вашим мы брильянты добывали,
а сестры шили им наряды для балов,
а после по ночам под окнами стояли,
где в танце плыли вы по зеркалу полов.

Вас с детства, как цветы, лелеяли, любили,
привыкли вы от жизни всё без боя брать,
за наши деньги вас панами быть учили —
златые кандалы душе своей ковать.

Мы матом в рудниках учились крыть неволю
и водкой свою грусть в получку заливать,
искать свою по свету долю,
а сестры — тело продавать.

И поп с крестом в руке ножи совал нам в руки,
и за объедки с панского стола
на брата брата слал он под молитвы звуки,
морями наша кровь в слепой борьбе текла.

А бог на небе спал. Темнели, молча, дали.
И падали века в бездонность, как свинец. . .
Мы на крестах своих пророков распинали,
плели пиявкам мы в болотных снах венеч. . .

Но вот настали дни! Сошла с очей полуда,
и увидали мы, где враг, а где наш брат.
Возмездия огонь исторгли наши груди
в дни долгожданных красных дат. . .

Лакеи зла и тьмы! Уже Коммуны звоны,
как реквием для вас, гудят, гудят, гудят,
и падают, как дождь, дворцы, короны, троны,
в проклятиях борьбы тревоги бьет набат.

Покрыли небосвод всемирные пожары,
и там, где мы пройдем, лишь прах прошелестит. . .
На головы врагов обрушим мы удары, —
ваш мозг среди руин, как студень, заблестит. . .

Отплатим вам за всё — за слезы, кровь, за муки,
где бедный люд века тернистой шел тропой. . .
за это душим вас, ломаем ноги, руки
и топим мы в крови наш вечный гнев святой.

А в поле — солнце, май. . . Гудят Коммуны звоны,
в полях и городах последний бой идет. . .
И падают, как дождь, дворцы, короны, троны. . .
То мы идем. . . Расплата ждет!

1920. 1957
Одесса

4. РАЗДУЛИ МЫ ГОРН

Вчера потухший горн сегодня вновь раздули,
и наковальни звон людей к труду зовет,
и гибнет старый мир, где осени разгулье
на золотых челнах к закату дней плывет.

Завод, родной отец! Твоим заблудшим сыном
вернулся я к тебе с мольбою на устах.
К теплицам не пойдет под небом вечно синим
мечтатель молодой, что славит рожь в полях.

Где с черным золотом уходят эшелоны —
звучат веселые шахтерские шаги,
чалдоны-грузчики столпились у вагона,
полями стелется тревожный дух тайги.

В потухший горн ветра вновь силу нагоняют,
и наковальни звон людей к труду зовет,
и гибнет старый мир, чья осень отлетает,
на золотых челнах к закату дней плывет.

1921, 1957

5

Ласточки на солнце, ласточки на солнце,
словно взгляд летучий, быстрый, невзначай. . .
Зацвели ромашки — будто вешний сон твой,
пахнут поцелуи, как китайский чай. . .

Я твою одежду целовал до боли,
я к твоим коленям припадал, любя,
к ласковым и нежным, как березки в поле,
что растут далеко, там, где нет тебя. . .

Вижу за морями дальнюю дорогу,
где к степи склонился синий небосвод. . .
У тебя ж, подруга, светлая тревога
на щеках холодных трепетно цветет. . .

В городе вечернем плакали трамваи,
слезы на высоких сохли проводах.
Для тебя сегодня ландыши срывал я, —
белые бубенчики чуть бренчат в руках. . .

Ласточки на солнце, ласточки на солнце,
словно взгляд летучий, быстрый, невзначай. . .
Зацвели ромашки — будто вешний сон твой,
пахнут поцелуи, как китайский чай. . .

1922

Так никто не любил. . . Раз лишь в тысячу лет
мир такая любовь посещает, —
и тогда на земле распускается цвет,
тот, что людям веспу предвещает. . .

Тихо дышит земля. К синим звездам она
простирает горячие руки, —
и тогда на земле расцветает весна
и дрожит от блаженства и муки. . .

От счастливых твоих, от сияющих глаз
сердце полнится сладкой тоскою. . .
Кровь по жилам моим, как река, разлилась,
будто пахнет кругом лебедю. . .

Звезды, звезды вверху. . . Месяц ласковый мой. . .
Чья любовь больше этой, о ночи? . . .
Я сорву для нее Орнон золотой,
я, поэт Украины рабочей.

Так никто не любил. . . Раз лишь в тысячу лет
мир такая любовь посещает, —
и тогда на земле распускается цвет,
тот, что людям весну предвещает.

Тихо дышит земля. К синим звездам она
простирает горячие руки, —
и тогда на земле наступает весна
и дрожит от блаженства и муки. . .

1922

Куда я ни пойду, мне снова травы снятся,
деревьев стройный шум рыдает за Донцом;
где улицы пьянит, дурманит дух акаций,
лицо заплаканное вижу за окном.

И темные глаза мне снятся, не мигая,
что вянут и молчат, отцветшие давно,
и ветер щеки вновь мои ласкает,
и запах чебреца несет в мое окно.

Ну, как теперь живет Горошиха-вдовица,
чей Федька — сын ее — застрелен был в ночи?
Мы с ним не раз вдвоем ходили по кислицы,
где шелестел бурьян и плакали сычи. . .

О Холоденко, друг! Тебя уже давно нет,
далекий, милый брат, зарубленный в бою,
и мать твоя несчастная не склонит
на срубленном плече головушку свою.

Куда я ни пойду, мне снова травы снятся,
деревьев стройный шум рыдает за Донцом;
где улицы пьянит, дурманит дух акаций,
лицо заплаканное вижу за окном. . .

1922

8

Не возле стенки я, и кровь моя не льется,
и ветер грозовой не рвет мою шинель, —
под громом и дождем бригада не сдается,
и бьют броневики, и падает шрапнель.

Гремят броневики! . . И рвет сердца железо. . .
Горячим звоном бьет. . . и пыль и кровь в упор. . .
С разбитым боком смерть по рельсам тяжело лезет. . .
И кровью алою исходит семафор. . .

И мнится вновь: далекий полустанок,
и от снаряда дым над спелой рожью лег. . .
Так кто ж сказал, что мы в бою устанем
и не настал еще свободы нашей срок?!

Где пыль легла в бурьян, под небом Перекопа
от крови, как зарей, зарделся небосклон. . .
Я слышу, как гудит в дыму земли утроба,
где падали бойцы под орудийный стон. . .

Куда я ни пойду — далекий полустанок,
и от снаряда дым над спелой рожью лег. . .
Так кто ж сказал, что мы в бою устанем
и не настал еще свободы нашей срок?!

1922

Заря идет, золоторога,
там, где польною зацвело,
и вновь на огненных дорогах
ее широкое крыло.

Не облака над лебедями
и не цветы под синей мглой,
лишь бездна в самой звонкой яви
раскинулась над всей землей.

И снова осень сыплет в нивы
свое червонное литье. . .
Вдали коней железных гривы
и трав холодное житье. . .

1922

10. ГОРОД

От трамваев город синий-синий,
золотится снег от фонарей.
Кто же гениальный четкость линий
положил вдоль улиц, площадей?

Кто наметил эти повороты,
проводом пронзил небесный плат,
чтобы плыл трамвай до Третьей Роты
и потом, грустя, пошел назад?

Город взял и в ромбы, и в квадраты
все порывы и мечты мои.
Для чего же плакать виновато
мне в его заснеженной груди? . .

Для чего же мне ребенком малым
промышлять в асфальтовых котлах
да об стены головой усталой
биться, чтоб разбить печаль и страх?

На сугробах в парке тени веток,
там проводят ночи пацаны.
Только ветер знает их секреты,
ветер и простуженные сны. . .

Я не знаю, кто кого морочит,
но, сдаётся, что-то здесь не то,
я стрелял бы в нэпманские очи,
в нэпманские шляпки и манто. . .

Только — нет! Иначе с ними надо.
Синий снег метели намели.
Город взял и в ромбы, и в квадраты
все порывы и мечты мои.

(1923)

11

Часовой. Белый мрамор колонны.
Вышли призраки башен на смотр.
А вверху золотым медальоном
теплый месяц над морем плывет.

Положила любовно ладони
мне на смуглый, обветренный лоб.
Мир в малиновом мареве тонет,
льется сладкое в жилы тепло.

Теплый ветер целует колено
и украдкой щекочет плечо.
Вал у берега кроется пеной
и назад одиноко течет.

Но и крики и залпы тревожней,
и в зеленых потьмах — корабли. . .
Кто там крикнул: «О боже мой, боже! . .» —
и склонился бессильно в пыли?

Мчитя бешено конница снова,
только сухо копыта звенят. . .
Тяжело повернулся дредноут,
и скала захлебнулась в огнях. . .

Рядом ты. Белый мрамор колонны,
и спокойный «максим» — пулемет.
А вверху золотым медальоном
теплый месяц над морем плывет.

(1923)

Томящий сладкий олеандр,
 магнолии лимонный запах...
 Гранаты огненные в небе,
 и мысли звездами цветут...

О, моря гул! О, моря гул! ..
 И шорох волн морских на пляже...
 А там асфальт еще в снегу,
 дыхание мороза даже.

Мы волны любим. Мы ведь сами
 когда-то родились из них.
 Прижмись вишневыми губами,
 коснись волос моих густых!

Минуты бой, минуты бой...
 Я слышу, как бегут секунды,
 как звезды вижу пред собой
 в твоих глазах — зарницы бунта.

Томящий сладкий олеандр,
 магнолии лимонный запах...
 Гранаты огненные в небе,
 и мысли звездами цветут...

1923

Грезятся мне эшелоны, дороги,
 грозы похода...

А ветры крылят...

То не сердце пламенеет и безумствует в тревоге, —
 над вселенской бездной мчится огнеликая Земля...

Мы замкнули грозу в телефоне,
 светит миру огонь наших звезд.

Ночью возглас:

«По коням! По коням! По коням! ..» —
 и над шахтою знамя взвилось.

Красных крыльев полет непреклонней,
 и незримый кричит паровоз...

Пусть ведут провода к небосклону, —
там, за далями, радиодни!
Мы замкнем, как грозу в телефоны,
в сеть районов стихию стихий...
Грезятся мне эшелоны, дороги,
грозы похода...

А ветры крылят...

То не сердце пламенест и безумствует в тревоге, —
над вселенской бездной мчится огнеликая Земля...

1923

14

Рвал я шиповник осенний,
карие очи любил.
Вечер упал на колени,
руки твои озарил...

Черные шахты, заводы,
смены ночной голоса...
Месяц полями проходит,
в травы упала роса.

Тонкие нежные руки,
шорох осенних дождей...
Помню я холод разлуки,
горечь измены твоей.

Вот и пошел я полями;
там эшелоны вдали,
гром орудийный над нами,
зори у самой земли.

Вот и пошел я полями
в снежной колючей пыли —
там, где, гонимы ветрами,
мчат эшелоны вдали.

Где тот шиповник осенний,
очи, что я разлюбил?
Вечер упал на колени,
руки твои озарил...

1923

Такой я нежный, такой тревожный,
 моя осенняя земля!
 Взмывает ветер над бездорожьем,
 летит в поля. . .

И волны моря бьют неумолчно
 в земную грудь. . .
 Там стелет солнце свой путь урочный,
 кровавый путь. . .

Кровавьясь, пальцы дрожат. . . О вечер,
 остановись!
 Но море грозно шумит далече,
 затмилась высь. . .

Такой я нежный, такой тревожный,
 моя осенняя земля!
 Взмывает ветер над бездорожьем,
 летит в поля. . .

1923

Надвигается памяти ветер, и качает он душу мою,
 но упрямый мой челн не потонет, в нем я долгие ночи
не сплю.

Но упрямый мой челн не потонет. . . Отлетают проклятые
дни,

и стою я, в зóри закованный, только волны в лицо одни. . .
 Под горой над татарской казармой одинокие стыннут огни.
 Каждый вечер пожаром на небе умирают, расстреляны, дни.
 Незнакомых владельцев сады, ароматов туман незнакомый,
 над заводом задумчивый дым, под глазами фиалка истомы.
 Вечер. Панночки. Лаун-теннис. И мячи подающий ребенок.
 А на западе тучи в огне — пауки. . . Золотые затоны. . .
 Повернусь я назад, посмотрю, где маслины и станция Яма,
 и в сладчайшей тревоге душа — как на яблоне тихое
пламя.

Месяц розаном ясным плывет, западает в печальные очи,
 незнакомые никнут сады и огни над поселком рабочим.
 «Гей!» В степи запевали хлеба. Бабы шли с золотыми
платками.

Шли до церкви. . . О колокол, плачь! . . . Память дальняя. . .
Станция Яма. . .
 На баштане арбузы, и вновь — Парамоновы полуницы,
 загорелой шахтерки любовь, и над лесом взлетают зарницы.
 За любовью роса и туман. . . О, как пусто в душе
за любовью!
 Ведь она одуванчик: подул — будто листик в осенней
дуброве. . .
 Дни былого и образов дым — муравьями, в дожде,
на дороге,
 где Донец и заводов огни — осень бродит поселком
отлогим. . .
 Над поселком задумались дни, и летят под горою вагоны.
 И так нежно и сладостно мне! . . . Не склоняй же свой облик
влюбленный,
 не гляди и далеких очей не тумань молодою слезою. . .
 Теплый ветер по жилам течет, и кричат журавли надо мною.

1923

17

Может, не друзья мы? . .
 На твое «Прощай!»
 стелется ветвями,
 облетает гай.

Синий, синий, синий. . .
 Тень. . . день. . . свет. . .
 То листья осины
 заматают след.

Где летит широко
 в небо дымный прах,
 там лежат дороги,
 улицы впотьмах. . .

Как они горбаты!
 На стене плакат,
 а с того плаката —
 черная рука.

Ну а под рукою
 буквы, словно кровь,

не дают покою,
кличут вновь и вновь.

От тебя я руки,
губы оторву —
сердце лишь со стуком
падает в траву. . .

Может, не друзья мы?
На твое «Прощай!»
стелется ветвями,
облетает гай.

Синий, синий, синий. . .
Тень. . . день. . . свет. . .
То листья осины
заметают след.

1923

18

Напоследок обходят вагоны,
молоток о колеса звенит.
А под окнами ясень бессонный
про разлуку шумит и шумит.

Ты сидишь на скамье так покорно.
Нам немного осталось сказать.
Гладит ветер соленый, горный
мои брови в твоих слезах. . .

Лишь тревожные, синие взоры:
тихий плач. . . или озера плеск. . .
И на белом платочке узором
буквы темные: «В» и «С».

Отзвучали шаги по перрону,
и последний ударил звонок.
Только долго в окошке вагона
одинокий виднелся платок.

1923

Помню: вишни рдели и качались,
солнцем опаленные в саду.
Ты сказала мне, когда прощались:
«Где б ты ни был, я тебя найду».

И во тьме, от мук и от истомы
выпив злобу и любовь до дна,
часто вижу облик твой знакомый
в проеме светло-желтого окна.

Только снится, что давно минуло. . .
Замирая в песне боевой,
мнится, слитый с орудийным гулом,
голос твой, навеки дорогой. . .

И теперь, как прежде, вишни будут
розоветь от солнца и тепла.
Как всегда, ищу тебя повсюду
и хочу, чтоб ты меня нашла!

(1924)

20. СЕГОДНЯ

Тов. Усенко

Сегодня жду поэтов новых,
я слышу их чудесный шаг. . .
То здесь, то там звенит их слово,
их бодрый ритм звучит в ушах.

Они растут, — я это знаю
(мой осиянный, нежный край!).
По-новому в стихи поэта
вошли пшеница и трамвай.

И солнца огненное знамя
дорогою в века легло. . .
Как равные, сегодня нами
воспеты город и село.

(1924)

Поднимается месяц лучистый,
 и в мое заглянул он окно.
 Выплывает сквозь ветки, сквозь листья
 то, что было со мною давно.
 Поцелуи и крики: «К оружию!»
 И село загудело толпой.
 Разливался рассвет полукружьем,
 и плетни золотило зарей.
 О печальном не вспомню я даже,
 знают все, что в том было году.
 В Каменце, помню, стоя на страже,
 груши рвал у Петлюры в саду.
 На мою, на чумазую музу
 что теперь обменять я могу?
 Возле речки пекли кукурузу,
 муштровали нас там на лугу.
 Дальше: путь, ледяные вагоны,
 только с песней хватало тепла.
 Дальше: море и ветер соленый,
 и любовь моя вдруг расцвела.
 Гей вы, ветер, и солнце, и утро,
 в целом мире влюбленнее нет.
 А у пленного синяя куртка
 и в кармане партийный билет.
 Я один теперь. Месяц лучистый
 прежних дней не отыщет следы.
 И дрожат, и качаются листья
 от его золотистой слезы.

(1924)

Иду к Днепровскому Ивану
 читать свой новый цикл стихов. . .
 Над городом закат багряный,
 и месяц из-за спин домов
 восходит в дымке синей-синей,
 и крышу золотят лучи. . .
 Я месяцу прочту о сыне,
 о сонном кладбище в ночи,
 потом Ивану. . . Громыкает
 центр. . . Я к Днепровскому иду.

Он турка мне напоминает,
на лбу морщины тяжелых дум.
Мы с ним Подолию припомним,
повстанческие времена. . .
Смотрите — право, хорошо мне
он улыбнулся из окна!

(1924)

23. ПЕСНЯ

Порубаны, постреляны лежат большевики. . .
Иду я, как потерянный, грузны мои шаги,
в сорочке окровавленной иду я от беды,
за мной по снегу тянутся кровавые следы.
Перед оградой низкою я на колени стал.
«Скажи мне, брат замученный, ты на кого восстал?»
— «На кулака поднялся я и на его семью,
за то сложил под пулю я голову свою.
Но ждите, вместе с полночью придут братья ко мне,
за бледнолицей девушкой на вороном коне.
Глаза сверкают черные, коса её черна.
От пуль заговоренная Коммуной названа».
Что ж я не слышу выстрелов, команд каких-нибудь,
чьи слезы льются горькие мне на лицо и грудь?
Смотрю, и сердце быстрое и млеет и дрожит. . .
Штыками переколото офицерье лежит.
Встаю с колен растерянный, гляжу: блестят штыки,
бегут ко мне лавиною родные казаки.

1924

24

Песнями, подруга,
расцвети.
Мы полны друг друга —
я и ты.

Я иду бороться —
нынче бой.
В ночь ли приведется
быть с тобой?

Обними, не сетуй. . . —
только вскрик. . .
Ввысь ударил где-то
броневик.

1924

25

Жизнь не обман, не дым миража.
А может, нёт? А что, как нет?
Сегодня вновь увяли даже
мои вербены — нежный цвет.
Шум, песни в глуби коридора —
курсанты с лекции спешат. . .
Я не встречал милее взора,
чем этот близорукий взгляд.
Подснежным радуясь побегам,
пришла, — светлы часы мои. . .
Как пахнут губы талым снегом
и солнцем — волосы твои!
Они ласкают шею, плечи,
они волной бегут к ногам.
А в окна смотрит синий вечер,
тихонько улыбаясь нам.
Пришла. . . И в сердце нет печали. . .
Твои слова — что солнца свет!
Так отчего ж они повяли,
мои вербены — нежный цвет?

1924

26

Сквозь окна небо — не ковер,
не небо — синий камень.
Шумит валов нестройный хор. . .
Станки стоят рядами.
Ударю, гряну молотком,
пусть без нее тоскую.
Ковать мне приказал завком
Республику стальную.
Прощались с нею в клубе мы
вчера в конце доклада.

63

Как ветер, радостно шумит
моторная громада.
Ее послали на рабфак,
и я теперь тоскую.
Остался я, чтобы ковать
Республику стальную.
Сквозь окна небо — не ковер,
не небо — синий камень.
Шумит валов нестройный хор,
а в сердце — точно пламень.

1924

27

Дитя прижимая влюбленно,
стоишь, одинока, грустна.
А в небе, где ветер и клены,
фиалками пахнет весна.
Ты точно летишь ей навстречу
влюбленной душою своей. . .
И смотрит задумчивый вечер
в загадку лазурных очей.

1924

28

Глянул я на море, на простор без края,
словно луч в глубинах, затерялся я.
Может, предо мною не волна морская,
не закат багровый, а душа твоя?
Может быть, не море, а любимой косы
спеленали тело радужной волной?
Словно в колыбели солнечного плеса
я лежу, и волны плещут синевою.
Море, мое море, я в твоих объятьях,
как дельфин, играю голубой водой.
Сердце, даже сердце рад тебе отдать я,
чтоб зажглось на небе новою звездой.
А когда сквозь груды сонных туч с вершины
светлый луч пробьется в огненной парче,
я в твои, о море, звездные глубины
опущусь на этом ласковом луче.

1924

В окошко ветвь стучится,
качается иль нет.
И, как печаль на лица,
ложится первый снег.

Заснежены трамваи,
рисунки на окне.
Я Ленина читаю —
светло и ясно мне.

Пускай летит снегами
и холодом земля,
и нэпманские гаммы
сквозь стены слышу я, —

мы бурями до края
миры зальем совсем. . .
Про это твердо знаю
я, член ЛКСМ.

Звучат шаги рассвета,
их сосчитать нельзя.
И маленький с портрета
глядит Ильич в глаза.

1924

30. ИЗ ОКНА

И. Днепровскому

В глазах лошадиных кровавые слезы, —
трамваем хребет перебило с налету.
Трамвай на минуту. . . и вновь за работу —
он дальше бежит, он звенит на морозе.

Кто слышал, как стовут и плачут колеса,
когда переедут хребет или ногу? . .
Так конь одинокий хрипел безголосо,
тянулся неистово к конскому богу.

И в луже вишневой, густой от мороза,
кружились, метались снежинки устало.
Конь плакал. . . И мерзли тяжелые слезы. . .
И рядом нежданная женщина встала.

Стройна и тревожна, в буденовском шлеме,
она подошла — и в упор из нагана. . .
И очи погасли, и звякнуло стремя,
а в небе снежинки, летящие пьяно. . .

А в небе заря разлепила плакаты,
и двинулись в песнях колонны с вокзала.
Коня повезли. Лишь на камне щербатом
горячую лужу собака лизала.

1924

31. СНЕГА

Мохнатая шапка, гадюкою шлык. . .
А в сердце: «Констанция, где ты?»
Вчера на расстреле — к смертям я привык —
я снял с офицера штiblеты.

На станции хлопцы гуляют давно,
и сотник меж ними патлаты,
рябой и курносый, ему — всё равно:
за деньги полюбят девчата.

Блестит за дверями заснеженный путь,
как выстрел сухой и короткий. . .
Уж близко Махно. . . им не страшно ничуть,
танцуют гопак и чечетку.

Я вышел: волшебный и сказочный вид,
под снегом поля и овражки,
и ясень под месяцем тускло блестит,
зачем же здесь ружья и шашки?

То — стража. С горящей сигаркой рука, —
всю видно, от ногтя до шрама.
Узнал по нему своего казака —
дружок мой со станции Яма.

На западе — яркие вспышки огня.
«Дежуришь?» — спросил я Егора.
Ему восемнадцать, он на год меня
моложе. Донецкие горы —

вот родина наша. Засыпаны мы
снегами, и память, и души.
Что это за грохот мне слышен из тьмы,
уж не броневик ли, послушай!

Поехали хлопцы за сеном в село —
назад привезли нам их трупы. . .
И сеном в санях, как на смех, замело
их мертвые синие губы. . .

Сегодня идем на отчаянный шаг:
нашивки сорвем и погоны
и к красным бежим через поле, овраг,
сквозь все патрули и заслоны.

Сменили Егора. И вот мы идем
(а может быть, всё это снится?)
на дальние вспышки, на пушечный гром,
на яркне в небе зарницы.

Я счастлив, я снова — поэт и шахтер,
сдаваться, пожалуй, нам рано.
Жены фотокарточку вынул Егор,
чтоб мне показать, из кармана.

«А сыну два года. Какой он теперь?
Как он улыбается чудно! . . .»
Прорвемся ли, выживем? Сколько потерь!
И смерть нам грозит поминутно.

Идем. И не видно уже казаков.
А ветер нам стелет тревогу.
А жители сала вчера, огурцов
и хлеба нам дали в дорогу.

Смелее, товарищ! Винтовку бери,
сражайся за правое дело.
Идем. А над нами — сверканье зари,
лес в золоте заиндевельей.

Смелее, товарищ! Ты дымом пропах,
и кровь запеклась на шинели.
С тобою в восстаньях, любви и боях
узнали мы жизнь и выросли.

Вот мы на Лимане, и солнце встает,
снега озаряя в округе,
и кто-то, как плуг, его крепко берет
в надежные, сильные руки. . .

«Володька!» Я вздрогнул. Он крикнул: «Беги!»
Подкрались откуда-то с краю
петлюровцы тихо, сверкнули клинки,
что было потом — я не знаю.

.

На западе — хмурые тучи в огне,
быть может, Донецкие горы. . .
Разрубленным ртом улыбается мне
застывшая маска Егора.

Лежало, оборванной тише струны,
Егора холодное тело. . .
А карточка сына его и жены
прощальным укором чернела.

1924—1925

32. МАРИЯ

Зеленеют хлеба, отцветает любовь,
васильки поднялись полевые.
Мак с дыханьем моим осыпается вновь,
словно грустное имя — Мария. . .

Мы с тобою одни, среди поля одни,
ты стоишь предо мною, как вечер,
я смотрю, как заплаканы очи твои,
как покорно опущены плечи. . .

В небе тучи бегут. . . Может, будет гроза?
Заблестали над лесом зарницы. . .
Я не смею сказать, я боюсь рассказать,
что с тобой я решил распрощаться. . .

Что могу я? . . скажи. . . Мои дни — как кресты,
я, как встарь, ничего не имею.
Ты стоишь и молчишь. . . только ветер хрустит
и вздыхает под шалью твоею. . .

Зеленеют хлеба, отцветает любовь,
васильки поднялись полевые.
Мак с дыханьем моим осыпается вновь,
словно грустное имя — Мария.

(1925)

33. ТРАУРНЫЙ МАРШ

Сегодня не с нами наш вождь, наш Ильич,
остались одни мы в дороге.
Но звучен, как прежде, призывный наш клич,
и враг наш, как прежде, в тревоге.

Учителя славным заветам верны,
мы все — не сироты на свете:
мы поля, завода и шахты сыны,
Коммуны мы звездные дети!

На желтом Востоке народы встают,
ломают ярмо капитала;
и черного Юга орудия бьют,
и черное пламя восстало. . .

Волнуйся, рабочих голов океан,
мы дело вождя продолжаем.
Звучите, оркестры, греми, барабан,
мы телом и духом мужаем!

Был день этот траурный полон тоски,
товарищи горько рыдали.
Рыдали рабочие, пушки, гудки,
когда мы вождя провожали. . .

На наших знаменах был поднят призыв:
«Мы ленинцы, он — наше знамя!»
Лежал недвижимый Ильич наш, но жив
в сердцах был навеки он с нами. . .

Прислушайтесь, други: всё явственной гром,
он вскоре над Западом грянет. . .
Туда — наши взоры. Мы терпим и ждем,
когда там рабочий восстанет.

Наш красный маяк, неустанно сияй!
Земля наша будет Коммуной.

Мы смотрим вперед на столетия, в край
идем электрический, юный. . .

И звезды над нашим челом расцвели,
и звездная наша дорога.
А там, в стороне, в придорожной пыли,
руины разбитого бога.

Сомкнемся! Ведь цвет мы земли трудовой,
мы все от станка и от плуга.
Сегодня — день памяти, вечно живой,
вождя и товарища, друга.

16 декабря 1925, 1957

34

Боль печали,
раны дней. . .
Крик прощальный
журавлей. . .

Луг усталый,
голый лес. . .
Алый, алый
край небес.

Синь во взоре,
дрожь руки. . .
И на взгорье
ветряки.

В мир далекий
вьется шлях. . .
Стынут щеки,
все в слезах. . .

1925

35. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Люли, ой люли, сынок мой, усни!
Был я таким же в далекие дни.
Слушал, как ветер шумит и трава.
«Мама, мамунька», — шептал я едва.

Люли, ой люли, мой милый сынок!
Месяца луч к нам забрел за порог.
 Месяца блик на асфальте блестит. .
 То ли сверчок, то ль сирена кричит.

Нынче, мой милый сыночек, весна,
в городе ж песнь соловья не слышна,
 камни да камни, куда ни взгляну. . .
 Город, тебя и люблю и клянуп!

Не оттого ль я охвачен огнем,
что зацвели тополя над Донцом,
 что не услышу, о радость моя,
 что не увижу их больше и я. . .

Люли, ой люли, мой милый сынок!
Луч на тебя загляделся в окно. . .
 Ты ведь не знаешь борьбы огневой.
 Месяц цветет над твоей головой,

нити дрожат золотого луча,
а над кроваткой — портрет Ильича. . .
 Ручки к нему протянул ты сейчас. . .
 Не на стене он, а в сердце у нас!

Месяц уже и поник и поблек. . .
Спи, мой послушный, мой милый сынок!

1925

36

Только поезд вдали загрохочет —
оживет вереница картин,
звон гитары и лунные ночи,
поцелуи и грусть георгин. . .

Шум акаций. . . Поселок и склоны. . .
Мы с тобою идем через гать. . .
А внизу пролетают вагоны,
и колесам стучать и стучать.

Сад знакомый, влюбленные зори,
огонек затененных очей,
и потемок и света узоры
на дороге, на шали твоей. . .

71

Твои губы, как свежая рана...
Мы желали, не зная чего...
От любви мы безвольны и пьяны,
ты молчишь у плеча моего...

Ой вы ночи Донетчины синие,
и разлука, и слезы в ночи...
И звенят, как ключи журавлиные,
одинок и скорбны, ключи...

Вспоминаю, как села горели;
тени башен во тьме огневой...
Там стоял я в солдатской шинели
возле верб напоследок с тобой.

Заверял горячо и влюбленно,
что вернусь... не разлучат бои...
В патронташе лежали патроны,
тихо очи светились твои...

Боевая страда миновала...
Лишь любовь — как удар ножевой...
Ты чужою подругою стала,
я — певец Украины родной.

Словно сон... Я пришел из тумана,
в песнях вольных лучом засиял...
На тебя, что, как прежде, желанна,
я и славу б свою променял.

Позабыл бы измену и слезы...
Только б снова идти через гать,
только б слушать твой голос, и косы,
эти косы опять целовать...

Может, снятся гитара и ночи,
лунный свет и тебе иногда...
У жены моей синие очи,
а твои голубели всегда.

{1926}, 1957

37. В ПЕЧАЛИ

Один я с мыслями седыми. . .
Ужель и мне судьба грозит?
Сплошной поток манто и шимми
весь день за окнами шумит. . .

Во тьме, как будто в преисподней,
не нахожу дорог себе. . .
Ужель повеситься сегодня,
так, как Есенин, на трубе? . .

И брови искривит и губы
предсмертный мой, последний смех. . .
Не ликовать золотозубым,
что смерть поэта их успех!

Довольно, сгинь, что гнило, хмуро,
повито трауром всегда! . .
Я — не Есенин, я — Сосюра,
певец свободного труда.

Я в круг издевок смело вышел,
я не один, нас — легион.
Хотели вы, чтоб я не слышал
Грядущего призывный звон!

Пусть голодаю, но не сломан,
я слышу колокола зов,
перекрывает гул и гомон
клич детворы: «Всегда готов!»

(1926), 1957

38. НЕОКЛАССИКАМ

Царей бы воспевать, волшебниц и вино вам,
от жизни удалясь в укромный уголок.
Вас ужас мучает пред каждым шагом новым
от прошлого, что смерч в небытие увлек.

Мы шли в крови, в слезах по огненной дороге. .
Там эшелонов звон, расстрелы, пытки, страх. .
А вы по-старому слагаете эклоги,
власть будто не у нас в мозолистых руках.

Вам чужды цехи, комсомольцы, пионеры,
не в силах жизни вы пойти наперекор. . .
Вам снится мертвый Рим, на мраморе Венеры
остановился ваш остекленевший взор.

В мечтах у вас Париж. . . Элладу изучайте
в уютных уголках с коврами и трюмо,
ловите рыбку вы. . . Но только твердо знайте:
мы не дадим себя с дороги сбить прямой!

Вспойте лебедей и вод зеркальных лоно,
сережки вербные, далекий Млечный Путь. . .
Но о другом поют сегодня миллионы
и песен ждут таких, чтоб всколыхнули грудь.

Отчаянье людей и бунт вам докучают,
способны вы мечтать и грезить, как во сне. . .
Однако жизнь не сон. . . она не чашка чаю.
Вы уж давно в гробу, давно в живых вас нет.

Тих похоронный звон. . . над вами все туманы,
вечерняя заря заткала небосвод. . .
О призраки живых! . . Довольно нам обманов!
Не по дороге нам, ведь мы идем вперед!

В лицо нам дым и гул. . . железа рев звериный. . .
и нет преграды нам! . . О сердце, полыхай!
Вовек вам не любить вишневой Украины,
как любим мы ее, борясь за милый край.

О Украина! Мать! Ты в нас, как крик, как рана! . .
Как много новых сил дарит твоя земля!
Ты, как и мы, вперед! . . К Коммуне непрестанно! . .
Вся в черном дыме труб, чумазая моя!

Мы молоды, мы пьем сегодня счастья чашу,
что силой вырвали из жадных рук у тех,
кто гнал на гибель нас за мертвое, не наше,
кто долго мучил нас под ваш глумливый смех.

Мы молоды, бодры, и звонко наше пенье,
нельзя настигнуть нас, ведь мы сродни ветрам!
А вам ловить плотниц и млеть в мечте осенней. . .
Не по дороге нам, не по дороге нам.

Для нас шумят леса, в степи поют девчата,
и трактор на заре глубокий поднял пласт.
А вами спето всё... былому нет возврата...
И в гуле трудовом не слышно только вас.

Да. Разминулись мы. Жизнь ради вас не встанет.
И ваш никчемный бред откинул прочь народ.
Мы — люди действия, певцы труда-титана,
не по дороге нам, ведь мы идем вперед.

Июнь 1926, 1957

39. ДНЕПРЭЛЬСТАН

Цветет родная Украина.
Где в берег бьет волна, звонка,
где Днепр гремит, кипит пучина,
уже поставила турбины
рабочих мощная рука.

Пороги, стены, башни, краны...
И вот над грохотом реки
встают динамо-великаны
и золотые, неустанно,
мчат за стеклом маховики.

Колесный гул, шагов лавину
кто разогнал?

Какой титан?
Могучим током Украину,
ломаю прошлого плотину,
ведет в Коммуну Днепрэльстан.

И день, и ритм, и дали в дыме —
бодрый шаг и песен зов...
Гул городов... Вдали над ними
сквозными арками цветными
играет кружево мостов.

Как будто зарево пылает —
ширь неба красками полна:
то беспрестанно и без края
земля родная разливаает
из домен море чугуна.

Пред кем такие сны предстали
в игре мечтаний и огня? . .
Подобно струнам, магистрали
бегут в лучистом блеске стали,
в даль светозарную маня.

О, багровейте, туч овалы!
Стихии гать подвластна нам.
Звон проводов над полем чалым,
и там, где банды лютовали, —
лететь электропоездам!

Теснят вагоны ветер грудью,
через мосты — полями мчат.
В их окнах радостные люди
о том, что есть, о том, что будет,
так оживленно говорят!

И синей дружною толпою
идут рабочие чуть свет.
Зовут гудки, как трубы к бою,
и трактор властно стопою
свой черный оставляет след.

Там, где шоссе ведет к долинам,
летя приветливо с горы,
звучит из окон пианино,
а в садике за синим тыном —
веселый гомон детворы.

Не зря мы гибли в ту годину,
в полях пожар клубился злой. . .
Дни стали радужны, былинны —
Славутич древний, Украину
ты сделал радостной землей!

Печаль косы и взор чудесный
кому-то снятся так давно. . .
Вишневость губ, и свод небесный,
и ввечеру — девичьи песни,
и стук акации в окно. . .

Прощальный шум. . . Об этом чуде
смогу ль забыть? Блестит мой штык,
в патронах, в лентах наши груди. . .

А за Донцом — в погонах люди,
оружья звон, и плач, и крик. . .

Не зря мы гибли в ту годину
под крик отчаянный «война!».
Как в поле грустная калина,
была печальной Украина —
навек счастлива она!

Бушуют толпами майданы,
нам цель ясна, сомнений нет,
гремит и тает шаг чеканный.
А города встают — титаны,
литое золото побед!

Всегда готовы люди к бою.
Едва сигнал свой свет взметнет —
земля застонет под ногою
и даль грозю мировую
победоносно полыхнет!

Как ясно лица засияли —
то синеглазники прошли. . .
Устремлены их взоры в дали,
они фундаменты из стали
под дом Отчизны подвели.

На высоте плакатов кличи.
Наш путь — вперед! Наш путь — вперед!
Гудки, трамваи, смех девичий. . .
А в клубах — уж таков обычай —
рабочий с вечера народ.

Мы крепость создали из края:
стена к стене, на гати — гать. . .
Прожектор, небо рассекая,
в нем золотит аэрогаз —
им мирный труд оберегать!

Желанный день не за горами —
еще восстанья ток блеснет!
Идут полки. Пылают знамя. . .
Команда грянет над полками —
ритмичный шаг ряды качнет.

Идут полки. Приказ: «На стражу!»
Наш путь — вперед! Наш путь — вперед!
За ними танки, пушки наши —
как великаны. . . Силу вражью
их грозный строй с земли сотрет!

А в небе тихом, безмятежном
под утро — звездные рои. . .
Идут полки, и с шумом нежным
хлопчатник во поле безбрежном .
качает локоны свои.

Команда будит перегоны,
ритмично звякают штыки. . .
Восток окрашен в цвет червонный. . .
На защищенные кордоны
глядят с опаскою враги.

Идут полки, их путь — без края,
за ними тень — как тень от крыл.
А Днепрэльстан горит, играя,
трудом — простор земного рая
он для потомков отворил.

А Днепр шумит. Смирняют люди
упорство сил слепых в борьбе.
Машины дышат полной грудью —
нам подарила это чудо
стальная воля ВКП.

В росе Тарасова могила,
вокруг повсюду — сталь, чугун. . .
Спокойно спи, поэт наш милый,
над миром крылья распрямила
вся мощь республики коммун.

И в сталь одет наш край прекрасный,
и нам не страшен вражий стан.
«Быть иль не быть?» — вопрос напрасный.
Течет Славутич — синий, ясный,
поет о счастье Днепрэльстан.

Дніпральський

Звітиє червона Україна,
де квіє в берез дзвонка,
там, де Дніпро ермишів і лине,
уже поставила турбіни
міцна робочого рука.

Пороги, весі, музи, брами...
І от, над шумами ріки,
спокійні велетні-динамі,
де золотими двигунами
біскають за склою маловиски.

Коліс і кроків гіганта...
Хто дав розгін?
Який титан?
Могутнім струмом Україну
непереможно і невпинно
веде в Колуму Дніпральський.

Снова я на содовом заводе
над Донцом сияньем озарен.
И гудок печаль свою заводит,
в синей дали тонет сонный звон.

У мужчин в раздумьях лица буры,
разве снилось им во глуби лет:
у Миколы-пьяницы Сосюры
будет сын известнейший поэт.

На курган гляжу в степи ковыльной,
там отца дорога не видна,
потому что кабаки закрыли
и отец мой умер без вина.

Мой отец! Отравленным Икаром
ты погиб в своем родном краю.
Будь ты жив, сейчас я гонораром
оплатил бы «горькую» твою.

Над Донцом упал я на колени,
всё в слезах горит лицо мое. . .
Но молчит земля, сгущая тени,
мертвецов она не отдает.

Жизнь, ты реешь призраком над нами!
Все пути черны — на гати гать. . .
Я иду, а рельсы под ногами
о минувшем не хотят молчать.

Я пошел за звонами восстанья. . .
Только снилось иногда во сне:
. . . тот Бахмут. . . весна. . . в саду гулянье. . .
В белом вся идет она ко мне. . .

Я мечтал о девушке войну всю,
взор ее сиял среди огня. . .
А когда я из огня вернулся,
вышла замуж девушка моя.

Как ребенок, я живу в смятенье,
рвет чахотка горло мне и грудь.

Бросил бы писать стихотворенья,
только бы любовь свою вернуть.

А вверху вагончики качает,
точно их глотает вышина.
В сини даль молчит, полна печали,
не вернет мне юности она.

Ой, кричат гудки по всей округе:
«На работу! Слышите! Пора!»
Пожились парни и подружки,
и парнями стала детвора.

Ну чего хочу я, что пророчу,
потерял кого на рудниках? . .
Для других сияет месяц ночью,
смех звучит на молодых губах.

К ним придет акация цветами,
и заря протянет им мечи.
У меня ж морщины под глазами,
и не сплю от кашля я в ночи.

На колени б стать в дорожной глине.
Только нет. . . Стесняюсь я людей.
Жить нам по партийной дисциплине,
жить в борьбе за каждый новый день.

Поднимусь над грязью, скукой, пылью.
Всё растет и вянет, как цветок.
Помню я, как старики твердили:
«Для всего свой час, пора и срок».

Кто домой идет, а кто на смену,
где-нибудь я утону в бою,
но ремнем военным неизменно
затяну я талию свою.

Вновь завода раздается голос,
даже неба вздрагивает гать.
Скоро я закончу райпартшколу
и тогда не буду унывать.

(1927)

Вас. Элану

Смерти не будет творцам!
Сдвинем ряды — и вперед.
Тот, кто сгорел до конца,
вечно в поход нас ведет.

В бури и в грозы, на бой!
Через плечо патронташ.
Голубоглазый такой,
друг и товарищ ты наш!

Юным с тобой по пути,
мы — Революции гнев!
Весело вместе идти.
Не было смерти и нет!

Слышно фанфары вдали.
Золото солнца горит.
Музыку в глуби земли
эхо шагов — повторит.

Взгляд твой и мысль — будто нож,
в памяти — море огней. . .
Ты перед нами встаешь
в кожаной куртке своей.

Песнею — сердце в полет,
взоры — в скопление масс.
Руки простиер ты вперед,
кличешь с улыбкою нас.

Бурное море — не штиль —
туго колышет ряды.
Светлое имя «Василь»
вковано в наши труды.

Смерти не ведать творцам!
Сдвинем ряды — и вперед.
Тот, кто сгорел до конца,
вечно в поход нас ведет!

{1927}

Занавесила хмарь поднебесье,
 дождик льется на крыши села...
 Как сложить бы такую мне песню,
 чтоб правдивой была?

Ритмы скорбные мне надоели,
 ой вы, степи, леса!
 Как мне струны настроить, чтоб пели
 в них иные совсем голоса?..

Вербы сонные... нежности слово...
 Синый месяц на зеркале вод...
 Там гудки заливаются снова —
 отозвался завод.

Не пойду я по стежке до тына
 и не гляну я в сторону ту,
 где под ветром склонилась калина,
 о былом затаивши мечту...

Что-то шепчет... Довольно печали.
 Будут песни другие, не те.
 Золотинки в глазах заблестали —
 сердце отдал я нашей мечте.

Ветер вьется и мечется в поле.
 Больше, песня моя, не рыдай.
 Украина, родная до боли,
 заревой революции край!

(1927)

43. МАТЬ

Вражьей крови засохло пятно
 там, где рельсы сверкают тугие.
 Я ушел от них в город давно,
 чтоб Коммуны воспеть индустрию.

Там, где красных вагонов змея,
 возле хаты, у низкого тына

встанет смуглая мама моя —
будет ждать возвращения сына.

Вся покорность она и печаль. . .
Над чугунок тучей вороны. . .
А вагоны уносятся вдаль,
но меня не везут те вагоны.

На глаза наплывает туман. . .
Мама, мама. . . не плачь, не надо!
Твой Володька — Коммуны боян,
край донецкий — ему отрада.

Зацветут Украина и Русь
после дней мировой победы,
вот тогда и домой я вернусь —
мел долбить на карьере приеду.

Будет так, как хотела ты. . .
Но сейчас не зови. . . впустую. . .
Время красные мечет цветы
в мою душу, как луч, золотую. . .

Не до яблонь, озер и плетня. . .
И девчат, что поют до рассвета!
Мать другая теперь у меня, —
Революция. . . целого света!

(1927)

44. СОНЕТ

Люблю тебя, пора переходная,
за сумрак твой, за твой слепящий свет,
за шум толпы, за речи, где, играя,
так властно «да!», так непокорно «нет!».

Но и Грядущего страна родная
влечет меня: ей верен я, поэт. . .
О ней со звездами я рассуждаю,
когда весь мир вечерним сном одет.

Жизнь! Я тебе любовь несу, пылая;
на муравье и на цветке — твой след. . .

Когда умру, вольюсь ли, как желаю,
в могучий океан я, твой поэт?

О, даль моя! О, горизонт без края,
в вечерний час беседа огневая! . .

1927

45. ПЕСНЯ

Комсомолец уезжает
в Красной Армии служить.
Сына мама провожает,
не дает гармонь тужить.

«Защищай же край родимый
от непрошенных врагов».
Конь железный пышет дымом
до высоких облаков.

Но от матери в сторонку
устремленный взгляд летит.
Там, в толпе, стоит девчонка
и не смеет подойти.

Вдруг. . . звонок и дыма клочья,
зашаталось всё кругом. . .
Промелькнули сини очи,
утонули за окном.

Конь летит и дым взвивает,
вьется вдаль стальная нить.
Комсомолец уезжает
в Красной Армии служить.

1927

46

Падают снежинки, тает нежный холод. . .
Падают снежинки на мои следы.
И уже сдается, что вокруг не город,
а леса да рощи, рощи да пруды.
Что это? Не сон ли? Это звон трамвая. . .
Что это? Не сон ли? Загудел авто. . .

Нет, промчался ветер, дерево качая,
след в снегу глубокий. . . Что же это, что?
Где же явь, где сон мой? Почернели ветви,
а меж ними — солнца на стволах печать. . .
. . . Шум толпы, как будто в нашей роще ветер,
звук шагов счастливый. . . Время ли скучать? . . .
В клуб иду. . . С портрета — добрый взгляд навстречу:
«Что ты сделал?» — снова спрашивает он.
Что учусь в партшколе, я ему отвечаю,
что его заветом путь мой озарен.
Улыбнется Ленин. Стану я прилежно
слушать, что в письме нам говорит ЦК.
И как будто лоб мой гладит нежно-нежно
теплая, родная Ленина рука.

1927

47. КОМСОМОЛЕЦ

Баллада

. . . Кончился бой. . . Желто-синие ключья
снова над станцией треплют свой шелк. . .
К пленным, столпившимся молча,
сам куренной подошел. . .

Смотрит — огнем прожигает до кости. . .
Хлопцы стоят — побледнели, как мел. . .
Пьяная смерть набивается в гости,
в сумрачном блеске наган занемел. . .

«Есть комсомольцы меж вами! Я знаю! . .
Каждому пуля поставит печать. . .»
. . . Стиснуты губы: тоска гробовая,
но продолжают молчать. . .

«Вот так ребята, стройны да красивы! . .
Жалко расстреливать всех!
Эй, оглянитесь. . . и солнце, и нивы. . .»
Отповедь — смех.

«Ну, так пощады не знать и родному!
Вас не оплачет пылающий край! . .»
Вышел один. . . и сказал куренному:
«Я — комсомолец. . . Стреляй! . .»

1927

Тебя любил, как ветер — небо,
от оскорблений весь в огне.
Скажи, кому же на потребу
ты нежной притворялась мне? ..

Тебя любил, как розу ветер,
печалью сладкой обуян. . .
Но не могу прощением встретить
твое притворство и обман.

Ты не любила. . . Кончим сразу. . .
Как больно мне, как больно вновь! . .
Но всё же я тебе обязан
хотя бы за игру в любовь.

1927

49. ГРОЗА

Я читал тебе стихи мои,
не стерпев, я разрыдался бурно.
Ты смотрела грустно и лазурно,
как я руки заломил свои.

Ты исчезла. Я рыдал так полно,
позабыв о радости земной. . .
Сквозь рыдания слышал я невольно,
как и ты рыдала за стеной.

(1928)

50. ДЕВУШКА НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

1

В час, когда заснет вечерний город
и погаснут облака вдали,
слышен листьев падающих шорох
на ладонях стихнувшей земли.

Шелест крыльев журавлиной стаи
с высоты доносится ко мне,

и клубятся думы мои, тая,
словно ветви в синей тишине.

И душа не тянется к родному,
к дальнему, где детство протекло, —
чудится, по полю голубому
гостем лишь ходить мне на село. . .

Слышны паровозов отголоски,
рев моторов в небе надо мной. . .
К девушке на дальнем перекрестке
я пойду по гулкой мостовой.

У дверей ЦК моя кохана
в милицейской форме на посту.
Сердце замирает — только гляну
на ее земную красоту.

Нежная, как роза молодая,
тонким станом — тополю под стать.
И за что она меня, такая,
полюбила — век не разгадать!

Вся она — как свет зари горячей,
как дыханье утренних цветов.
Я ж, сдается, буднично невзрачен —
с картуза до сбитых каблуков. . .

Сердце мое звезды торопили,
воздух был пьянящим, как вино. . .
Я пришел. Ее давно сменили.
Из ЦК светило нам окно.

«Ты пришел?» — Она тугою грудью
крепко прижимается ко мне. . .
. . . Сиий жар. . . осеннее безлюдье. . .
тихий смех журчит в голубизне. . .

И опять, бессильный, не могу я
рассказать про сына и семью. . .
Губы в губы — жаром поцелуя
волю отняла она мою.

Долог поцелуй, а перерывы
коротки, — и нежные слова,

с губ ее слетая торопливо,
шелестят, как в сумраке листва. . .

Мы идем, и льется голос близкий,
открывая мне за годом год, —
как она училась гимназисткой,
как ходила в Венгрию в поход.

И слова в давным-давно знакомом
расцвели тюльпанами в былом —
как она любила военкома,
как ее покинул военком.

В лад с моими мыслями, тревожно
хочется глазам ее спросить:
«Ну, скажи, теперь нам невозможно
друг от друга что-то утаить?»

Я решил: «Последнее свиданье. . .»
Ночь смолчала — полная цветов. . .
О любовь, о радости молчанья,
дрожь руки, понятная без слов!

2

И сегодня, узел разрубая,
я сказал ей правду о жене. . .
Плакал ветер. Астры, пригибаясь,
с травами шептались обо мне.

Хмурый запад в облачных завалах
растерял свой вылинявший цвет.
Ничего тогда ты не сказала,
только долго мне глядела вслед.

С этих пор я высох от кручины.
И всегда щемит меня тоска,
как увижу грустную дивчину
на посту у здания ЦК.

Что ж, прощай. . . Такая наша доля.
Сердце сбережет мою весну. . .
Буду помнить синий ветер в поле,
Золотых волос твоих волну. . .

Только прикоснусь к такому чуду —
захлестнет меня хмельная синь. . .
Я тебя вовеки не забуду,
хоть всегда со мной жена и сын.

1928

51. В МАРЕВЕ

Путь в мечту, как в марево, память без границ:
там дрожит, колеблется тень густых ресниц.
Прежний синий милый взор там блестит, маня. . .
Золотые кудри! . . Искорка моя! . .

Там, где к звездам жерлами труб высоких хор,
где крестами тусклыми молится собор,
где Бахмутка-речка под мостом шумит,
на знакомой улице тихий дом стоит.

Подойду к крыльцу я, полон прежних дум,
и умолкнет явора переливный шум. . .
Где в постели милая спит давным-давно,
подойду и месяцем загляну в окно. . .

Сколько дней, ведь годы я о ней мечтал,
вот лица чуть виден дорогой овал. . .
Спит. . . сквозь стены сердцу сердце не вспугнуть. . .
Лишь сорочки вышивку поднимает грудь,
из-под одеяла, так стройна, тонка,
лилией цветущей свесилась рука.

А на щеках матовых — мой горячий взгляд,
и ресницы тенями грустными дрожат.
Пробудилась, дрогнула, белою рукой,
как бывало, тянется милая за мной. . .

Разомкнула губы и зовет она. . .
Нет, то просто ветер плачет у окна. . .
Спит любовь. И сердцу сердце не вспугнуть.
И на утро месяц повернул свой путь.

Глубже скрыл тоску я, гнев жестокий свой,
зашумел, как прежде, явор надо мной. . .
Так шумит и в жилах вечной боли яд. . .
По знакомой улице я иду назад.

Там, за синью зданий, стали крик и рев,
предо мною тени золотых стволов. . .
Меж деревьев — грустны — месяца края. . .
Золотые кудри! Искорка моя!

1928

52. ПАЛ НА ВЕРБЫ ОГОНЬ ЯНТАРЯ

Синий вечер, деревья, село.
Молчаливый, я жду, я притих. . .
Снова сердце мое расцвело
и лучами заката легло
в колыханье ветвей золотых.
Молчаливый, я жду, я притих. . .

Наплывает туман голубой,
пал на вербы огонь янтаря.
С поля вышли девчата гурьбой,
песня в небе горит, как заря. . .
Наплывает туман голубой.
С поля вышли девчата гурьбой.

И так тихо, так сонно кругом.
Только песня печалит до слез. . .
Вновь родное лицо за окном,
и прощальные шумы берез. . .
Снова память твердит об одном. . .
И так сонно, так тихо кругом.

Я знакомой тропинкой иду. . .
Память льет свой томительный яд.
В потемневшем июльском саду
я знакомой тропинкой иду.
Сад шумит, ой шумит старый сад. . .
Не вернуться мне больше назад.

Дни идут, пролетают года,
станут белыми брови мои. . .
Отлетят, как на юг журавли,
будто сказка, уйдут навсегда
недопетые песни мои. . .
Отшумят, как под осень ручьи.

И припомню деревья, село,
смех и шелесты в рощах ночных.
И начало всех песен моих —
это сердце мое расцвело. . .
В колыханье ветвей золотых
вижу проблески песен моих.

А теперь — тишина и покой.
Молчаливый, слежу я порой,
как цветет за окном вышина.
И в квартире моей — тишина. . .
И душа — как затон золотой,
где былое проходит волной. . .

1928

53

Я иду мимо дома «Известий»,
шумный город прибоем кипит,
за окном, на редакторском месте,
синеглазый поэт не сидит.

Был Эллан. . . А теперь не стало.
До конца, как и он, сознаю,
не успею прославить, пожалуй,
я родную Коммуну мою.

Вечер, падает снег на панели. . .
Яма? Стенка?! День завтрашний хмур.
Новых песен придут менестрели,
миллион безымянных Сосюр.

Песне новой — простор широкий,
ей — приветствия нежных рук. . .
Как снежинка, паду, одинокий,
и мороз и асфальт вокруг.

Час прощанья пробьет, затихая. . .
Упаду. . . и не больно, что мгла. . .
Я хотел, чтоб снежинка такая
пятыкрылой снежинкой была. . .

1928

Уездный городок далекий,
 круг карусели, степь, мечты. . .
 Его бровей разлет широкий
 и взгляд открытый помнишь ты? . . .
 Уездный городок далекий. . .

В раздумье он — ты помнишь это? —
 лик над штыком склонив, стоял. . .
 Шинель, разбитые штиблеты,
 вороний грай не затихал. . .
 Скажи, еще ты помнишь это?

Трепещет тополь над крылечком.
 Кто о былом не вспомнит вновь!
 Степные травы, зори, речка,
 его записки, в них — любовь. . .
 Трепещет тополь над крылечком.

О, как глядел он в час прощанья,
 какие он слова сказал!
 И вот сухое «до свиданья»,
 его корзинка и вокзал.
 О, как глядел он в час прощанья!

Слова его и песня. . . в ней —
 про тьму, расстрелы, эшелоны. . .
 и образ твой над ним во сне,
 как капелька слезы соленой
 в разлуки час. . . слезы по ней.

Воспоминаний тает сон. . .
 Вы встретились, о миг печальный!
 Вдруг у тебя на пальце он
 увидел перстень обручальный!
 Воспоминаний тает сон. . .

Вовек не позабуду я,
 как плакал он, как одиноко
 на тихой станции стоял
 в уездном городке далеком. . .
 Вовек не позабуду я. . .

Кто о былом не вспомнит вновь.
 Как смерть, оно сердца находит.

Моя душа! В ней стон и кровь.
Она в мучениях отходит...
Идут года... и всё проходит...
Но не прошла моя любовь,

1928

55

Уже не снятся мне бои
и взгляд манящий, мгlistый.
Уносит время дни мои,
как буйный ветер — листья.

Брожу один, как в полусне.
О, дум осенних стая!
Люблю я шум толпы и с ней
сливаюсь, размышляя.

Люблю, когда из окон свет
сияньем звездным брызнет...
Пусть он не мой, но я согрет
уютом многих жизней.

Я — в сини неба надо мной,
я — в свежем ветре лета,
я — в той девчонке молодой,
и я же — в парне этом.

Уж стелет осень, прошуршав,
в саду ковер любимый,
и люди так же все спешат
с делами мимо, мимо...

Толпа течет рекой, шумя,
нет ей конца и края...
В ней где-то девушка моя,
которой я не знаю.

В осеннем солнечном меду
мы сердца не остудим...
Забыв о грусти, я иду
и улыбаюсь людям.

1928

56. САД ШУМИТ

Снова ты? Любимая, во сне ли
ты со мной, как много лет назад?
Золотые буквы на панели, —
это пишет о любви закат. . .

Мы идем, и грудь мою стеснило,
словно песней, шумною толпой. . .
Будто веет лебедь белокрылый
над тобой, над нежною тобой.

Нет, ты снишься лишь. . . Я только знаю
одинокчество и боль тоски.
Тихий вечер, скорбно догорая,
заливает кровью ветряки.

За плетнями цокают копыта,
замирают глухо на мосту.
Сад шумит. . . Окно мое раскрыто. . .
Пахнут медом яблони в цвету.

Где-то в даях красное сверканье,
будто огоньки на тихом льду.
Сжав лицо холодными руками,
я гляжу, прислушиваясь, жду. . .

Показалось мне, что закачались
предо мною белых два крыла,
точно ты походкою печали
в белом платье вдалеке прошла.

Небо сеет звезды синим ситом,
дум о прошлом чуть журчит волна.
Сад шумит. . . Окно мое раскрыто,
и глядится в комнату луна. . .

1928

57. ЯБЛОНИ

Не буди ты, мой тополь, былого
в полумгле предрассветной земли.
Скоро в поле весеннее снова
позовут на простор журавли.

С чутким сердцем, тревожным и нежным,
к белым хаткам приеду, приду,
и от яблонь, цветущих, как прежде,
милым прошлым повеет в саду.

Я сердечные вспомню пожары,
как ходил на свидания к ней...
Под луною заплачет гитара
о любви невозвратной моей.

А в саду — георгины, горошек
и мечтаний несбыточных рой...
Был когда-то я стройный, хороший,
а теперь не такой, не такой.

Не воротятся юности грозы...
Только стены да камень кругом...
На вокзале кричат паровозы,
и трамваи звенят за окном.

Всё ищу я, смотрю, призываю...
Но былого не видно вдали.
Ой вы, яблони, яблони мая,
как хочу я, чтоб вы зацвели!..

1928

58

Кукуруза шумит и желтеет,
к теплым странам летят журавли.
И курган одинокий синееет
в тьме осенней дали.

Журавлиные клинья над нами,
шумы смерти кругом...
И размеренно машет крылами
одинокий ветряк за селом.

Сквозь печаль силуэтов и линий,
где гиганты бурлят — города,
по вечерней и тихой долине
золотые бегут поезда.

96

Синь и синь над полями без края,
сердце вянет под осени зов.
Ночью мимо села пролетают
золотые огни поездов.

К поездам простираю ладони,
но цокочет дороги змея. . .
Может быть, в промелькнувшем вагоне
пролетает и доля моя.

Плачет ветер за окнами тонко. . .
Променял я столицу давно
на проклятый огонь самогонки
и на узкое в хате окно.

И куда мне идти, я не знаю,
в город я не вернусь никогда;
там контрасты меня раздирают,
здесь убогая душит среда.

Гляну в зеркало, кличу несмело,
чтобы юность вернулась назад.
Но уже и лицо подурнело,
и живой затуманился взгляд.

Но гудят телеграфные струны,
хохот в них и рыданье тревог. . .
Был когда-то я смелым и юным,
но теперь постарел, изнемог.

Там по городу льются колонны,
поднимается песня в зенит,
и украшенный стягом червонным
Совнарком нерушимо стоит. . .

Все готовы к боям непреклонно.
И мне кажется в светлом чаду,
будто я в этом громе колонном
восхищенно и гордо иду.

Не могу, не могу, не могу я, —
поскорее от грусти села.
Слишком красную розу люблю я,
что навеки в груди расцвела.

Как я хлопнул простуженной дверью,
только видели звезды одни.
Предо мною простор, и теперь мне
станционные светят огни.

Умирает печальное лето,
тишина и покорности миг...
Паровоз прокричал мне приветно,
я спешу на призывный тот крик.

1928

59. НАД ДОНЦОМ

Я стою над Донцом,
поджидаю зарю,
с невеселым лицом
я в былое смотрю.

Небо то же точь-в-точь
над молчанием хат.
Но уже мне невмочь
воротиться назад.

Всё как прежней порой:
рыбаки в челноках
и осинник сквозной
в предрассветных слезах.

Гей ты, доля моя,
хоть теперь объявись!
Всё мне кажется — я
тот осинный лист...

Моих мыслей рои,
небеса в серебре,
даже слезы мои —
как роса на заре...

Льется песня — по чья?..
Над землею летит.
Что же доля моя
тридцать лет всё молчит?

Что ж! Бои — так бои.
Не впервой нам страдать.
Вытру слезы мои,
пойду долю искать.

Вон смеется опять,
красотою маня. . .
Стой, не то будешь знать,
как не слушать меня!

Стой, проклятая, стой,
молодая змея!
У меня конь степной —
это воля моя.

Уж не горестно мне,
жизнь на гроб не сменю,
а на этом коне
долю я догоню.

А чтоб знала свое,
не таилась в углу,
я ремнями ее
приторочу к седлу.

Чтоб не ныла в бою,
не боялась невзгод,
эту долю мою
я возьму на завод.

А чтоб лучше ей знать,
кто наш враг, всех лютей, —
будут хлопцы читать
политграмоту ей.

1928

60. ОСЕНЬ

Черный ворон сидит на могиле,
где дорога бежит всё грустней. . .
Вот и яблоки с яблони сбили,
и картошку вывозят с полей.

Листья желтые, голые ветки,
синий воздух как будто продрог.

На капустниках гости нередки —
это дети грызут кочанок.

Там, где тополь и вербы над тыном, —
там к утру замерзает вода,
по холодным и грустным долинам
так печально гудят провода.

Тучи встанут над синею сенью,
дождь в полях золотых застучит,
хорошо будет ночью осенней
кукурузу румянить в печи.

1928

61

Это было, было на Цейлоне,
там, где рощи радугой взошли.
Целовал мне узкие ладони
предводитель племени Аи.

Бережно груди моей касался
и рыдал от радости хмельной.
Но едва ко мне он наклонялся —
стрелы с ядом пели за спиной.

А когда по сходимям от причала
я взошла. . . О море, о любовь!
Как ни призывала, ни кричала,
предводитель не пришел на зов.

Это было, было на Цейлоне,
там, где рощи радугой взошли.
Не целует мне уже ладони
предводитель племени Аи.

1928

62. ВИНОВАТ

В тоске я, словно в паутине.
Не знаю, кто бы мог помочь.
Как потемнели очи синие
и на меня глядят, как ночь. . .

Молчу. . . За городом ночная
густеет мгла. . . Осенний путь. . .
Я виноват. . . прости, родная,
прости, забудь!

1930

63. ЧЕРНЫЕ РОЗЫ

От пылающих в небе лучей
на окошках
вечерних
багровые свету.
Бросаю
в огонь сегодняшних дней
черные розы
души поэта.
Сердце,
тише стучи в виски,
удары
умерь тугие.
Черные
свертываются лепестки,
превращаются
в золотые.
Разгорается пламя
сильней,
лепестки, как листву, обрываю,
будто повесть о жизни своей
за страницей страницу читаю.
Жег недаром глаза мои дым,
бил в лицо мое ветер хлестко.
Вновь кажусь я себе молодым,
шестнадцатилетним подростком.
Звонок смех, я не знаю тоски,
и летят моих дум вереницы
в то село, где вдали ветряки
быстро крыльями машут, как птицы,
где прошло мое детство давно,
где пылят без асфальта дороги,
где глядит моя бабка в окно,
внука ждет не дождется в тревоге.
Сеть морщинок — след прожитых дней —
на лице ее добром и милком.

Сто два года исполнилось ей,
и подняться уже нету силы.
А за окнами тополь шуршит,
слышен гул отдаленный завода.
На лежанке бабуся лежит:
«Хоть бы весточку внучек подал!»
Разве мог о тебе я забыть?!
Но, родная,
припомни, как было!
Мне под вечер —
в отряд уходить,
ты меня пирожками кормила
и крестила меня,
чтоб не пал я в бою,
чтоб любая беда миновала,
и тайком на папаху мою
безутешные слезы роняла.
Ночь была от пожаров светла,
грохот выстрелов, горечь потерн...
Крест, что ты мне в дорогу дала,
с шеи снял я, лишь вышел за двери.
Годы мчались метелью сердитой,
на полях не стихало, мело...
Растерзали б махновцы-бандиты,
если б я возвратился в село.
В первый раз нелегко расставаться,
путь лежал предо мной, каменист.
И решился тебе я признаться,
что давно уже коммунист.
И теперь, в этот вечер лучистый,
как не вспомнить тех слов дорогих:
«Знать, они молодцы, коммунисты,
если внучек остался у них!»
Ощутимее сердца удары,
губы горькой усмешкой свело...
Мало всё ж от своих гонораров
посылал я старушке в село.
Сквозь невольные светлые слезы
образ бабушки видится мне,
и смотрю я на черные розы,
что горят в невеселом огне.
Пусть горят — ничего б не осталось!
Так хочу я!
И с розами пусть

пропадают сомнение, усталость,
слов напрасных ненужная грусть!
Пусть ни злобы, ни грязи не будет,
и былое уйдет без следа.
Ведь нужны железные люди
величавой
эпохе
труда.
Все отдам свои силы народу, —
но клянусь я — не может так быть! —
что должны воспевать мы заводы
и о стареньких бабках забыть.
Тех, седых,
что, как вербы, унылы,
затаили
немую печаль,
тех, родных,
что до самой могилы
сердцем тянутся
в новую
даль.
Расплескались лучи золотые,
и в душе — песен радостных звень.
Лепестки черных роз в золотые
обращает
сегодняшний
день.

Декабрь 1931

64. МАРИИ

Когда б любовь помножить всех людей,
ту, что была, что есть теперь, что будет, —
то будет ночь, моя любовь пред ней —
как яркий день, такой не знали люди.

Когда б собрать все звезды вновь и вновь
и солнца все со всех небес на свете, —
затмит светила все моя любовь
на все века, на тысячу столетий.

Когда б собрать цветы со всех планет,
колеблемые звездными ветрами, —

на звездах всех меж этими цветами
моей любви цветка прекрасней нет.

Когда б собрать красавиц всех веков,
пускай проходят без конца и края, —
Марии я на них не променяю,
пред ней склоняюсь, я петь о ней готов.

Пусть их глаза в один сольются взор,
пускай проникнут в сердце светлым хором, —
твои глаза я встретил, с этих пор
меня другим зачаровать ли взорам?

С какой звезды спустилась ты сюда,
своим сияньем песню зажигая?
Свети всегда, свети, моя звезда,
с тобою не сравнится никакая!

1931

65. ВНОВЬ СЕЛО

Вновь село. Как по синему трапу
солнце всходит над ширью полей.
Я в пальто и в фетровой шляпе,
здесь, где бегал я в свитке своей.

Здесь, где в неповторимое лето,
смуглый юноша, я повзрослел,
на завод уходил до рассвета
и пиджак вместо свитки надел.

Годы шли силуэтами станций,
что чернели на фоне огня.
И тогда остроглазым повстанцем
я пиджак на шинель променял...

Отгремели и зимы, и лета,
штык сменил я на перья, потом
я купил в церабкоопе штиблеты,
стал при шляпе ходить и в пальто.

Так я жизни заполнил анкету,
первый приз получил я в бою,
снова смуглым и нежным поэтом
над родным пепелищем стою.

И опять в переулок садами
мимо вербы прошел, через гать...
Ни сестре не придется, ни маме,
ни Серку меня нынче встречать.

Ни отца и ни брата не стало.
Под крестом они возле села.
Нашу хату беда разломала,
ту, что нашею и не была.

Щеки чуют, слеза набежала,
жжет глаза... Возвращаться пора.
Санитаркою юной скончалась
от пятнистого тифа сестра.

А другая — недавно, от рака.
Сколько пролил я слез над сестрой!
А Серко, ту глухую собаку,
пожалев, застрелил под горой.

Вот и стены знакомые школы,
и несется ко мне ребятня...
«Наш поэт, наш Сосюра!» — их голос
и глаза — как цветы для меня.

И меня за одежду поносят:
«Твой наряд не приносит добра...»
Строчки «Красной зимы» произносят,
критикует меня детвора.

Вышел старый учитель, при этом
разговор он со мною ведет:
«Я не знал, что мой школьник поэтом,
украинским поэтом возрастет...»

Закурил я цигарку, он тоже
закурил, и припомнилось нам,
как тайком я курил осторожно
и поглядывал по сторонам...

Я мечтал, что пойду в инженеры,
вон из грязи — на солнечный шлях...
Из рогатки стрелял и за перья
возле школы ходил на руках...

Попрощались. И дождик закрапал.
Я мечтал (быстро время прошло),
что в пальто я и в фетровой шляпе
вновь приеду в родное село. . .

Ах, мечты, дорогие, ребячьи,
как лицо за далеким окном. . .
Над селом небо серое плачет,
дым завода плывет над селом. . .

Что ж! Работать, вставая с рассветом!
Не вернуть проносящихся дней!
Я еще не заполнил анкету
неоконченной жизни моей.

1932

66. Я ВСПОМНИЛ

Осенние цветы и думы.
Напев звенит в душе моей. . .
А ветер осени угрюмо
шумит и плачет меж ветвей.

Метнуло желтым и червонным,
и на земле всё улеглось.
Заметил я в стекле оконном
глаз синеву в тумане слез.

Вот так же желтым и червонным
мело с деревьев, как сквозь сон,
у станционного перрона
стоял военный эшелон.

Горнист сигналил над рекою,
осенний сад листву метнул,
когда прощались мы с тобою
под пушечный далекий гул.

Вагоны тронулись неспешно
с железным цоканьем колес,
и, полный боли безутешной,
твой крик пронзил меня насквозь.

1932

67. АКАЦИИ ЦВЕТУТ

Акации цветут... И в струях аромата
идут влюбленные... О, сколько счастья тут!
И я иду с толпой... Мечты мои — крылаты...
Акации цветут...

Акации цветут. Где рельсов параллели,
там полный счастья сад волнуется, шумит...
Ручей во тьме поет: лилюни, лю, нинели...
Опять моя душа предчувствием дрожит...

Я вижу блеск ручья и как деревья гнутся...
Там липы аромат — дыханье уст твоих.
Шальные соловьи там плачут и смеются,
и месяц слушает серебристый смех любви.

И поезда летят, украшены цветами...
В какой счастливый путь уносится вагон?
Кого они везут, гремя в ночи мостами,
кто станции в цвету считает из окон?

А утро!.. А лазурь!.. Туманы над рекою,
меняется в тонах, как музыка, заря...
Сегодня — день весны и праздник Днепростроя.
Мы — победители, глаза у нас горят...

Клокочет Днепрэльстан... и светятся турбины,
к дням коммунизма нас они с собой зовут...
Упала ночь весны на склоны, на долины,
в душе у каждого акации цветут.

Вон корабли: волну Славутича взрезая,
Они плывут, плывут — как уток важный строй...
Закованный гигант покорен легкой стае,
и музыка летит над блещущей рекой...

По берегам стоят без дымных труб заводы,
как бусы на груди у ночи, у весны...
И электричество, а не гудок, заводит
отныне песнь о том, что явью стали сны...

О том, как шли мы в бой, дыша окрепшей грудью,
с Коммуною в глазах и с песней на устах...

И не сломили нас ни танки, ни орудья,
и проложили путь потомкам мы в веках...

Я вижу детвору... Она с веселым смехом
в училище летит, как солнца блик, быстра,
и самолет цветет ее чудесным смехом...
Моя мечта, как луч, с тобою, детвора!...

.

И вот они вошли в зал, праздничный и светлый,
из синей комнаты идет учитель их,
и смугл, и строен он, и смотрит так приветно...
И говор школьников спадает... И затих...

«Сегодня наша речь о славе Днепростроя,
и нужно вспомнить нам тех гордых храбрецов,
что шли на смерть за нас, безвестные герои,
и, с пулями в груди, Коммуне слали зов...»

Я слушаю... И всё сильнее сердцебиенье...
Дрожит мое перо, горит мое лицо...
И вот уж слушает Коммуны поколение:
читает мальчуган «Лисичье над Донцом».

Лисичье над Донцом... О, нет любви предела!
К вам, к отдаленным вам, чтоб вечно молодым
жить с вами, милые... Лишь девочка несмело
шепнет учителю: «А что такое дым?..»

1932, 1957

68. МАРИЯ

Проходят над городом ветры степные,
и люди шумят неумолчным прибоем,
и я между ними, я полон тобою...
Горят фонари, словно шепчут:

Мария!

И сердцу так сладостны муки немые,
как будто мне сон удивительный снится...
И хочется в небо взлететь, словно птица,
где звезды мерцают и шепчут:

Мария!

В душе подымаются песни такие,
что сами на волю стремятся, как волны.
Весна, — но деревья по-зимнему голы,
качаются ветви и шепчут:

Мария!

А где-то на юге — просторы морские.
Там дали синей, чем в степях Украины,
стройны кипарисов прямые вершины,
и плещутся волны, и шепчут:

Мария!

Сияют мне крылья зари золотые.
Иду — и земли я не знаю счастливей. . .
А губы всё шепчут в блаженном порыве
одно незабвенное имя:

Мария!

1933

1934—1946

69. АСТРА

Эту астру среди трав обнаружил мой взор,
и сейчас же за нею я руку простер.
Над Ай-Петри сентябрь, как разливы реки,
синью высился необозримой. . .
Я сорвал эту астру. . . ее лепестки
мне напомнили губы любимой.
Я целую цветок. . . От его лепестков
льется в губы огонь, о Мария!
Он и в сердце проник до его тайников,
и сгорать в нем готов до зари я.
Ты на пляже лежишь. . . Он блестит, золотой,
ты смуглеешь на нем, как лилея.
Я в раздумье бреду, взор туманится мой,
я к любимой иду по аллее.
Тут жилось беспечально графиням, князьям,
воздыхали тут вечером лунным,
мы отбили у них эти земли, и нам,
нам даны они, радостным, юным.
Для тебя, моя радость, сорвал я цветок,
чтоб его ты на память хранила.

Ты на пляже лежишь, и сверкает песок...
Ты под веками солнце сокрыла.
Как два солнца, зрачки золотятся твои,
а в зрачках ты улыбки скрываешь свои,
свои думы, журчащие, как родники,
и горят в упоении очи мои,
украинские звезды-зрачки...

1 сентября 1934, 1957
Харакс

70. ВОЛНЫ

Волны прыгали неумоимо,
отступали с шипением прочь.
И томилась любовью над Крымом
освещенная месяцем ночь.

Я сидел (может, снилось) с тобою
на камнях, над бурлящей волной.
И в сверкающих брызгах прибоя
твои волосы пахли весной.

Ветер их разметал, перепутал,
глаз твоих мне снял океан.
Мы с тобой говорили как будто,
только речи окутал туман.

Гладил щеки мне ласковый ветер,
лунный снег отливал синевой...
Ни в какие слова в целом свете
не вместить мне мечты золотой.

1934

71. ПРОЩАНИЕ

Крик — во взгляде твоём, боль — в изломе бровей.
стелют черную тень кипарисы...
В немоте расставания волны слышней
шелестят у скалистого мыса.

Что об этом прощанье поведать еще,
обо всем, что вдруг стало никчемным, —

о слезах твоих жарких, о холоде щек
и как лбом ты уткнулась в плечо мне...

Не расскажет об этом никто, не споет, —
передать это слов не хватает.
Только ветер шумит, и песчинки метет,
да листву на деревьях листоет...

Как же так? Я любил, я был полон тобой,
и вдруг стала ты так далека мне...
Море в скалах шумит, мерно плещет прибой,
лижут волны прибрежные камни.

В сердце нет ничего. Я душой опустел.
Словно ты не бывала моею...
И на фоне листвы, неподвижен и бел —
профиль твой был похож на камею...

1934

72. МАЛЬЧИК

Это было, помнится, в Одессе,
в дни белогвардейщины. Бежал
по мосту ребенок. Был он весел
и свистел — «Интернационал».

Ветерком акации качало,
и синел задумчиво прибой...
Вдруг в покое полдня прозвучало
резкое, пронзительное: «Стой!»

Грубый окрик, лязганье винтовки,
торопливый топот детских ног...
Злая пуля, пущенная ловко,
угодила мальчику в висок...

Подсекла и кинула на камень
посреди горячей мостовой...
Кровь забила черными струями
из-под рук и головы его...

• • • • •

И когда в вечерней позолоте
заревами запылал квартал,
посинел навек ребячий ротик,
что свистел «Интернационал».

1934

73. ЛИ

Сердитый ветер свищет,
от тучи — тень вдали. . .
Сидит на пепелище
печальный мальчик Ли.

Японцы закололи
отца, сожгли село.
От пуль японских в поле
немало жертв легло.

Но далеко от станций,
в горах родной земли,
ведут борьбу повстанцы, —
и к ним собрался Ли.

За смерть отца отплату
готовит Ли врагам,
за всех, кто гнет проклятый
не в силах сбросить сам.

И Ли пошел полями,
трава в росе была,
и месяц белый пламя
по тропам расстилал.

Страх сторожил просторы,
пальба со всех сторон. . .
От злых японцев в горы,
в яры скрывался он.

От горя и печали
тревожны были сны.
Дорогу освещали
лишь звезды с вышины.

И далеко от станций,
в горах родной земли,
своих друзей-повстанцев
нашел отважный Ли.

И те, что флаг багряный
подняли над землей,
героя-мальчугана
принять решили в строй.

И мальчик с песней звонкой
идет вперед, как все.
Ружье в руках ребенка,
звезда на картузе.

Как звезды, блещут очи,
он смело в бой идет.
В своей семье рабочей
малыш бойцом растет.

Пускай отныне знает
коварный, злобный враг:
над миром расцветает
труда багряный стяг.

Пусть помнит вражья стая:
по всем краям земли
в сраженьях вырастают
милльоны грозных Ли.

1934

74

Я звонкою иду тропую,
и дышится свободно мне,
и Марс горит передо мною
в недостижимой вышине.

Над далью ясно-голубою
веков безмолвная печать.
И словно крылья за спиною
шумят, и всюду их слышать.

Хочу я песнею простою
прославить радости приход.

Пускай всей силой молодою
она в грядущих днях цветет.

Дышу я воздухом медвяным,
играет в синеве звезда.
Так кто ж сказал, что я не стану
с тобою, песня, жить всегда?

(1935)

75. МОЛОДОСТЬ

Грохочет ночь. Республика труда
обновы нам дарит, не уставая.
Грохочет ночь. И, как цветок, сюда,
в окно влетает песня молодая.

И месяц сонно льет сиянья ртуть,
на листья лег волшебный иней света.
И так мне юность хочется вернуть,
чтоб молодеть с эпохой юной этой.

Чтоб быть таким, как в дальние года,
когда мы шли на штурм кошмарной ночи —
ладьею золотою навсегда
пришла заря свободы в мир рабочий.

Чтоб быть таким, как отчая страна,
не спящая в ночи, в огнях и звоне,
чтоб и мое не знало сердце сна,
слагая стих про век неугомонный,

про эту ночь, в гуденье поездов
летающую под небом черной птицей
на звездный свет неведомых краев, —
ее крыло снежинками искрится.

Она летит к лесам фабричных труб,
к громадам из бетона и металла,
она еще летит, летит, но вдруг
крыло зари на черную упало.

Бой в небесах. Зарю мрак убит,
и падают всё гуще снега клочья...
Вдали зари победный клич звучит
и слышен даже хрип сраженной ночи...

Огня и мрака вечная игра.
Как будто в небо взмыли бомбовозы, —
горнист зари трубит сигнал, а мрак
кровавые роняет туберозы.

Восходит день, родившийся в боях,
вся даль сияньем солнечным одета.
Мое окно пылает в море света.
С хорошим утром, молодость моя!

1935

76

Сегодня я такой счастливый,
как в детстве, выбежав на шлях,
где солнце наливает сливы
горячим золотом в садах.

Сегодня я такой певучий,
мне так легко с моей судьбой!
Крыло зари румянит тучи
в дали вечерней, голубой.

Такой иду сегодня гордый,
вокруг такая тишина,
а надо мною звезды, звезды,
и там, над звездами — она!

Сегодня я такой веселый,
что дружен с молодостью вновь...
И провода бегут по селам,
и в проводах — моя любовь!

1935

77. В СТОЛИЦЕ

Я шагаю в уличном прибое,
на асфальте — марево огней.
И повис бесцельно надо мною
месяц, словно песня прошлых дней,

Ветер меж каштанами струится,
смех, цветы и возгласы кругом.

Украинская шумит столица
над прошитым звездами Днепром.

Стелется и ночь, и мыслей пряжа,
звездное над ними полотно.
Я припомнил в уличном мираже
шум, который отшумел давно.

Да, кварталы были не такие
над лицом встревоженной реки.
Гнали белых, отбивали Киев
Щорсовы победные полки.

В гуле боя шел он твердо к цели
и глядел уверенно кругом,
и глаза победой пламенели
под широким, темным козырьком.

Степи и курганы промелькнули,
догорающий костер лесной,
там, где от удара вражьей пули
командир склонился головой.

Бились мы, чтоб никакая сила
нас не задержала ни на миг,
чтоб шумела жизнь, мой Киев милый,
на зеленых улицах твоих.

1935

78. В САДУ

Солнце скрылось в зареве заката,
за горой — трубы далекий зов.
Я такой же лирик, как когда-то,
в золотом сиянье вечеров.

Веток непрерывное качанье,
желтый лист к ногам моим летит...
Снова песней и воспоминаньем
осень плодоносная звучит.

Я иду знакомою тропею.
Вот уже огни в домах зажгли.
За ажурной вышкой надо мною
шум мотора слышится вдали.

И под звездный свет неудержимо
рвется песня из груди моей.
Пусть шумит, цветет мой край родимый
для своих сынов и дочерей.

Радостно мы в грозах вырастали,
чтоб от горя не было следа.
Пусть встают антенны над мостами,
по мостам грохочут поезда.

Пусть не гаснет в поле, за горою
свет огней далеких в синеве.
Пусть вожатый теплою рукою
прикоснется к детской голове.

Сад пройдя, тревожась песней новой,
я иду исполненный любви.
Высоко над нашим домом «Слово»
пролетают летчики мои.

1935, 1958

79. НАД ТЕТРАДЬЮ

Стихи минувших лет опять передо мной, —
они открыли мне мою судьбу когда-то
в краю, где террикон за садом синеватым
и вешних зорь цветы над зыбкою рекой.

Прощальные цвели на нивах васильки,
мне издали они головками кивали, —
я из деревни шел, и розовели дали,
я в город уходил от верб и от реки.

Лежала сплошь роса, синело всё кругом,
и тихая заря травинки золотила.
Остались позади — и дом, и взор твой милый,
спявший часто мне за голубым окном.

Немало лет прошло. В деревне я опять,
где некогда писал цветущую весною.
Опять в моих руках забытая тетрадь,
та старая тетрадь, исписанная мною.

Но молодость свою не называю сном,
хотя на лбу моем не первые морщины, —
я вижу за окном веселые равнины,
я слышу — жизнь поет гудками за окном.

Румяный от зари, шумит мой тополь вволю,
шумит, волнуясь вновь, как некогда, давно,
и песня катится в раскрытое окно —
то тракторы спешат к домам колхозным с поля.

Уже лежит земля в спокойствии ночном,
мир звездами прикрыт, как легкой пеленою,
растаяла заря, синее всё кругом,
и комсомольцы в ночь идут, идут гурьбою.

Вдали огней игра, чист и прозрачен воздух,
свет электрический наполнил весь простор
июльской теплой мглы, — как будто дивный хор,
со звездами небес слились земные звезды!

Душа моя поет и песнею своей
наш воспеваеет век и нашу жизнь живую,
и, вспоминая гул моих прошедших дней,
страницы желтые я в тишине целую.

1935, 1958

80. ОГНИ

Там, далеко, огней хороводы
загорелись в небесном краю.
Сходит вечер со звездного свода
в тишину голубую мою.

Он вошел, и опять я во власти
той легенды, что в сердце цвела,
и в лицо мне повеяли счастьем
за спиною его два крыла.

Усмехнулся и обнял за плечи,
как на склоне далекого дня...
Унеси меня на небо, вечер,
выше звезд унеси ты меня!

Унеси меня, вечер, как брата,
ты на Млечный задумчивый Путь,
чтобы губы с улыбкой крылатой
я не помнил, не жаждал вернуть...

Может, там я забуду те очи,
что так сладостно в сердце таю...
Я молю, ну а вечер не хочет,
лишь глядит прямо в душу мою.

Утопаю я в нем... тьма ночная
так легка и прозрачна вокруг.
Я на вечер смотрю и не знаю —
мне не сердца ли слышится стук?

Вечер гладит мне кудри густые,
и душа расцветает моя...
«Я не вечер», — сказал он. «Мария!» —
закричал — и опомнился я.

15 декабря 1935

81. РАССВЕТ

Восток еще в розах рассвета,
в сверканье ветвей золотых.
Нет, песня моя недопета,
я сердцем еще не утих.

Бледнеют на небе мониста
уже догорающих звезд.
Зарнице подобен цветистой,
о город, я славлю твой рост.

И мнится мне — ранней весною
брожу я, как прежде, юнцом,
и дед мой, кузнец, за рекою
призывно звенит молотком.

И ветер над рощицей мчится,
златистые тучки гоня,
и росы, и травы, и птицы
приветствуют утром меня.

И слышу я светлое пенье,
как волн колыханье морских,

и слезы восторга, волненья
дрожат на ресницах моих.

Иду я землей золотою,
и сердце мое как вино.
О юность, неужто с тобою
успел я проститься давно?

Неправда! Поет всё напевней
мне ветер в цветущем саду.
Я вновь по родимой деревне
мальчишкой веселым иду.

Как счастье такое измерю?
О городе сердце поет.
Что, мне тридцать восемь? Не верю!
Нет, мне восемнадцатый год!

*7 апреля 1936. Ночь;
1958. Харьков*

82. ЗА ОКНОМ

Город спит за окном. Только поезд во мгле
резким свистом мечты прерывает...
Словно отблеск багряной слюды, на стекле
вдруг янтарное пламя всплывает.

Я один, я захлестнут прибоем дум, ●
пью сквозь веки закрытые пламя.
Самолета во тьме то приблизится шум,
то затихнет вдали за домами.

Рвется песня в окно, бьется птицей в стекло
и крылами стучит, словно хочет
в сердце вновь оживить и родное село,
и донецкие синие ночи.

И шиповник в оврагах, и звон молотка
по кувалде, и кузню над яром, —
юность, юность мою в мощных звуках гудка,
землю ту, где я стал коммунаром!

В небе звездная чудо-дорога ясна,
и горит и дрожит надо мною...

Песне я открываю окно, чтоб она
захлестнула всю душу весною.

Я ведь молод еще. В жилах кровь как вино.
Звезды, звезды, светите мне в очи!
Песне сердце раскрыл я, раскрыл ей окно,
и глаза беспокойные — ночи.

Вновь гудит самолет... Там бессонный пилот
разрезает заоблачный воздух
и в холодном просторе бездонных высот
смелый край мой возносит под звезды.

Песня, ночь, самолет, дальний гул поездов...
Счастье в дверь мою громко стучится.
Что ж, скорее, скорее входи — я готов:
лег мой стих, словно мак, на страницу.

1936

83. В САДАХ

Как бархат — ветер легкокрылый!..
Снега растаяли — плывут...
Настанет час, и с буйной силой
сады моей отчизны милой
румяным цветом зацветут.

Так вей же, ветер мой кудрявый,
чтоб молодец тобою я,
чтоб рдели звезды, млели травы.
Там, где запруда и купавы,
пройдет любимая моя.

Ее над прудом повстречаю.
О, как-то встретимся мы с ней?
К ней полечу, души не чая,
и зашумят, листвою качая,
деревья родины моей.

О чем беседовать мы станем?..
Вокруг — синеющий Донбасс,
над нами звездное блистанье,
и та же, что при расставанье,
луна свой свет прольет на нас.

Всё это будет там, где мчится,
грохочет поезд у села,
где блеск завода, как зарницы,
где мне родня — трава и птицы,
где наша юность протекла.

Берез шептанье, звезд узоры,
и смуглота щеки родной,
и ширь донецкого простора,
рукопожатия и взоры,
и смех, как сердце, молодой.

В ладони ветер бьет, бушует...
В трамвайном звоне — жизнь сама.
О, шепот у крыльца... Спешу я
на лекции, но всё дышу я
той, что меня свела с ума.

Всё это будет там, где любо
мне слушать, как шумит Донбасс,
где моего завода трубы...
Родные ласковые губы —
к ним припаду я в этот час!

Ну а покамест — легкокрылый
в квартире ходит ветерок...
Учиться буду с новой силой,
чтоб, верный сын отчизны милой,
в садах подругу встретить мог.

1936

84

За окном зима,
за окном огни.
Нет тебя, и тьма
заслоняет дни.

Где ты, с кем теперь,
нежный ландыш мой?
За окном как зверь
воет ветер злой.

1936, 1958

85. НА ТУРЧАНКУ ТЫ ЧЕМ-ТО ПОХОЖА

Кипарисы, томя и тревожа,
до рассвета шумят надо мной...
На турчанку ты чем-то похожа,
не вернуться которой домой,

не вернуться в далекие страны,
молодые глаза полюбя...
Я идти за тобой не устану,
не устану глядеть на тебя.

Как звезда, дальним светом дурманя,
как звезда золотая вдали,
в легких тканях, как будто в тумане,
ты скользишь, не касаясь земли.

Синий ветер, деревья в цветенье,
пенье птиц, мотыльки и цветы,
и грохочет прибой в отдаленье
сквозь стоящие в каплях кусты.

Синий грохот... Спешим мы к прибою,
волны берег каймой обвели,
и слилось мое сердце с тобою,
словно море и небо вдали.

10 апреля 1937
Харакс

86. ОТЧИЗНА

Ты — свет мой и отрада
в полете и в борьбе.
Каких же песен надо
и слов каких тебе?

Где взять слова поэту
воспеть твои черты?
Другой такой и нету
на всей земле, как ты.

Пускай тебе минуло
отныне двадцать лет, —
весь мир наполнен гулом
твоих больших побед.

Сорвала над собою
гирлянды звезд ночных
и в зори Днепростроя
ты обернула их.

В сердцах взошла навеки,
как радуга, заря.
Соединила реки,
народы и моря.

Твой флаг, что гордо поднят,
твой синий небосвод. . .
Так кто ж из нас сегодня
тебя не воспоет?

1937

87. Н. П. КОТЛЯРЕВСКОМУ

Как день горит, как ветви клонит ветер,
как то, что гонит тьму рассветный час,
тебе, поэт, вовеки жить на свете
в сердцах живых и тех, что сменят нас.

Пройдут века, и вечный май настанет,
но так, как мы в кипенье наших дней,
потомок в книжку «Энеиды» глянет
и в восхищении замрет над ней.

Как ветер ветви гнет, как гаснет день в зарницах,
как то, что зори светят нам ясней,
земля всё так же будет вдаль стремиться,
и будешь жить ты в памяти людей.

(1938)

88. ЛЮБЛЮ

Я люблю тебя, друг мой, за то,
что в глазах твоих море синее
и что солнце в глазах, как цветок,
мою душу ласкает и греет.

Что в сиянье волос золотом
так открыто лицо и красиво.
Я люблю тебя, друг мой, за то,
что тебя не любить я не в силах.

(1938)

89. ПОЭТУ

Ты слышишь молота удары,
что к счастью пробивают путь.
Поэт! Чтоб жизнь прожить недаром,
всегда с народом вместе будь.

Трудом преображая нивы,
он изменяет русла рек.
Его деянья и порывы
должны твоими стать навек.

Он истый властелин планеты.
Согрей себя в его тепле —
и озарится добрым светом
твой гордый жребий на земле.

(1938)

90. НЕ ГРУСТИ

Не грусти!
Солнце нам улыбнется,
отражаясь в наших глазах.
По-весеннему сердце забудется,
и забудем мы горестей страх.

Не грусти!
Золотыми очами
на меня ты в слезах не смотри. . .
В день весенний пойдем мы полями
по тропинкам, светлее зари. . .

Не грусти!
Надо мной и тобою
встанет счастье зарею чудес,
и лучей небывалой игрою
улыбнется нам солнце с небес.

23 января 1938

91. ЗАРНИЦЫ

Вечерами ветру над водой не спится.
Легкий шелест листьев, зыбкий сон морей...
Далеко-далёко за морем зарницы —
там идет, наверно, бой богатырей.

Лепестки тюльпанов, небо голубое,
блеск мечей нещадный, вихря грозный бег...
И в любви и в гневе так и мы с тобою,
так и мы с тобою бой ведем весь век,

16 апреля 1938

92. НА МОГИЛЕ ШЕВЧЕНКО

Над широким Днепром — вся в лучах синева,
и курган, и простая могила.
В той могиле певец, чьи не меркнут слова,
тот, чья песня народу служила,

кто народу навек отдал щедрой рукой
свои думы про ясные зори...
А луга за рекой вдаль плывут чередой,
словно птицы в небесном просторе.

На могилу приходят, в охапках несут
всё богатство цветов Украины;
кареглазые девушки, парни идут, —
и светлеют холмы и долины...

И раздолье Днестра шлет веселый привет
стройным женам, бойцам седовласым,
и гремит «Заповіт», как бессмертный завет,
на высокой могиле Тараса.

Спи спокойно, поэт! Украина твоя
развернула орлиные крылья, —
всё, о чем ты мечтал в ссылке, в дальних краях,
нынче стало незыблемой былью...

Спи спокойно, поэт! Мы, потомки твои,
пронесем твою славу сквозь годы,
сквозь крутые ветра, сквозь огонь, сквозь бон,
мы — сыны трудового народа.

Спи спокойно, поэт! Вечной славе твоей
не нужны никакие прикрасы.
В дружной, вольной, живой большевистской семье
не забыли мы батьку Тараса!

9 сентября 1938

93. СИЯНИЕ

Лето. Вечер. В роще сонной
задремало всё вокруг.
Слышен топот отдаленный...
Ну, а где же ты, мой друг?

За горою, за крутою,
где, в какой ты стороне?
Светят ли тебе порою
те же звезды, что и мне?

Их бесчисленно мерцанье —
ни начала, ни конца, —
и связует их сиянье
наши взоры и сердца.

9 сентября 1938

94

Вечер — в окне, а в груди расцветает
солнечный свет и весна.
Веселы улицы, люди с цветами,
в море огней — вышина.

Город гудит и бушует прибоем.
В Завтра — лежит его путь.
Выйдем, голубка, под звезды с тобою,
в шумной толпе потонуть.

Будем бродить до зари над рекою,
песню тебе я спою.
Тверже шагай! Не расстанусь с тобою,
дай только руку твою!

Тенью ресниц не скрывай, не таи ты
снов золотую игру.

Я приколю ароматом налитый
ландыш на милую грудь.

Пальчиков тонких и чутких касанья,
вы мне — как счастья печать.

Будет кукушки лесной кукованье
долгую жизнь нам вещать.

Что ж ты понурилась, будто страдая?
Тень на лице молодом? . .

Вечер зовет нас. Скорей же, родная,
звездам навстречу пойдем!

6 декабря 1938, 1958

95

Бабочка травы целует,
землю — сияние дня,
ветер — березку немую, —
ты не целуешь меня.

Волны, как небо, синеют,
к розам слетает звезда.
Всюду любовь. Но моею
ты не была никогда.

Слышатся счастья аккорды,
в синь загляделся камыш.
Ты ж, недоступная, гордо,
молча в глаза мне глядишь.

К травам туманы прильнули,
вздохи слились с синевой.
Сердце твое растоплю ли
жаркой моею тоской?

6 декабря 1938, 1958

96. В ПОЛЕ

Журавли прилетели, журавли прилетели,
ветер щеки целует, голубой, полевой.
Тебя за руки взял я. Вот лучи заалели,
на лице твоём словно поцелуй огневой.

Ясный луч, тихий ветер. Как в огне мои губы,
и с лучами и ветром я целую твой лик.
В твои ясные очи мне глядеться так люблю.
Так светло и так тихо в этот радостный миг.

Журавлей разговоры, за рекою просторы,
волны берег целуют. Дай же губы твои!
Там далеко-далеко, бросив ясные взоры,
зорька крылья простерла золотые свои.

А за рощами теми распростерлась столица,
и смешались с огнями звезд вечерних огни.
Красота эта может только в детстве присниться.
В голубеющем поле мы с тобою одни.

Только даль, только всходы, только вешние воды,
и в лазури над нами журавли, журавли.
Гей, крылатая юность, гей, кудрявые годы,
небеса для созвездий и земля для любви!

6 декабря 1938, 1958

97. ДОЖДЬ

Бьют часы. И дождь, и поздно.
Плачут окна в темноте.
У меня же в сердце — звезды,
блещут звезды при дожде.

Прокричит порой сирена
среди осенней тишины,
для меня же неизменно
ночи музыки полны.

Сквозь дождя слепые слезы
проплывает рой огней.
У меня же в сердце — розы
и смеется соловей...

И не давит тьма ночная,
и легко мне потому,
что головка золотая
освещает эту тьму.

7 декабря 1938

98. ПРОСЬБА

Не шуми, зеленый тополь,
пусть сынка не будит гул.
Долго ножками он топал
и умаялся — уснул.

Месяц, не свети в окошке
чародейной красотой,
не клади на веки крошке
тонкий лучик голубой.

Спит дитя, моя отрада.
Сердце, громко не стучи,
не буди сынка, не надо,
не тревожь его в ночи.

8 декабря 1938, 1958

99. КРИНИЦА

Пылает день, щебечут птицы.
Где тополей шумят ряды,
услышу тихий плеск криницы,
напьюсь живительной воды.

Полдневный луч огнем искрится
в ее хрустальной глубине...
Так и душа твоя — криница,
любовь дарующая мне.

9 декабря 1938

100. ВАЛЬС

В блеске зала — пар круженье,
Льется музыка волной.
Смотрит в окна, как виденье,
подступивший мрак ночной.

Блеск очей, сплетенье пальцев,
папиросный тает дым.
Улыбаясь, в вихре вальса
промелькнула ты с другим.

Под твоим сверкнувшим взором
сердцем падаю во тьму...
Ты, внимая разговорам,
улыбаешься чему?

Что он шепчет? Я тоскую,
и печали нету дна.
Если ж я с другой танцую,
то с тоской глядит она.

Вальс окончен, только муки
не исчерпаны до дна.
Вот что могут сделать звуки,
вальса дивная волна.

9 декабря 1938

101. УКРАИНА

Шепчется ветер с листвою,
песня звенит вдалеке,
месяца серп золотой
плещется в тихой реке.

Громче и громче кругом
дробная трель соловья.
Горы молчат над Днестром.
О Украина моя!

В небе гудит самолет,
кони стальные в полях.
Жизнь, расцветая, идет
цветом весенним в садах.

Станции, даль, города,
синяя дымка полей,
мчатся, гремят поезда
по Украине моей.

Мирное счастье и труд,
партии сердце отдав,
наши бойцы берегут
у пограничных застав.

Ясные дали и высь
светят в глазах матерей.
Солнце и песни слились
над Украиной моей.

9 декабря 1938, 1958

102

Знавала ль ты рассветы в поле,
зарю в задумчивых садах,
когда от счастья поневоле
вскипают слезы на глазах?

Щебечут птицы, веет ветер —
как в раннем детстве хороши.
И каждый стебель на рассвете
касается твоей души.

А ты идешь. Заря сияет
блаженным светом бытия!
С природой вместе запеваet
душа влюбленная твоя.

И сердце бьется, не смолкая.
Вот так идти бы вновь и вновь...
О друг мой милый, — это зная,
ты знаешь — такова любовь!

11 декабря 1938, 1958

103. ВАСИЛЬКИ

Васильки степные, васильки степные,
и у милой очи словно васильки,
и синеют дали темные, лесные,
синие просторы, счастья родники.

Отсияют годы тучками над нами,
так же двое в поле будут мять цветы,
только нас не будет. Может быть, цветами,
васильками в поле станем — я и ты.

Те же травы будут синего отлива,
тучка будет таять в дымке голубой,
и другой, далекий, полон чувств счастливых,
с синими очами нас сравнит с тобой.

11 декабря 1938, 1958

104. СНЕЖНИКИ

Снежинки на улице снежной,
как мошки, кружат у окна.
Смеешься ты звонко и нежно,
от южного солнца черна.

И комната зноем согрета,
такой еще ты не была.
Как много ты счастья и света
и влаги морской принесла.

Смотрю я влюбленно и нежно
в глаза и не вижу в них дна.
Снежинки на улице снежной,
снежинки, а в сердце весна.

11 декабря 1938

105. ЖЕЛАНИЕ

Степь и степь протянулась без края,
словно вечность легла предо мной.
И, крылами на солнце сверкая,
взмыл орел над цветущей землей.

Ой, простор мой безбрежный и синий, —
о тебе эта песня моя!
О, когда бы на крыльях орлиных
поднимался за тучи и я! . .

11 декабря 1938

106. ВОРОНЕНОК

Был день неясный, как спросонок.
Под крик и карканье в листве
упал на землю вороненок,
и я поймал его в траве.

Забилась пойманная птица
с безмолвным ужасом в глазах.
Но не могло угомониться,
кричало, каркало в ветвях.

И детство вспомнилось былое
под этот весь переполох,
когда заботливой рукою
я птицу положил на мох.

Глядел безмолвно вороненок,
но ужас исчезал в глазах...
И я ушел. И стало сонно
опять в замолкнувших ветвях.

15 декабря 1938

107. ВЕЧНОСТЬ

Так тихо всё. Мы вновь с тобою.
В моей руке твоя рука.
От песни дальней за рекою
на сердце сладкая тоска.

Летит с неведомою силой
та песня в летний небосклон.
Ты на плечо мое склонила
головку, светлую как лен.

И словно крылья за плечами —
легко и необычно мне.
Промчалась звездочка над нами,
погасла в синей вышине.

И мы погаснем вслед за всеми,
как та звезда. Но после нас
неутомимо будет время
шагать вперед, как и сейчас.

И так же будет песней этой
другой парнишка окрылен,
и гладить будет до рассвета
головку, светлую как лен.

И так же девушку обнимет
в прозрачной летней тишине,

и так же в синеве над ними
звезда погаснет в вышине.

И так же небо не устанет
светить, как светит нам сейчас...
О них двоих он думать станет
всё то, что думал я о нас.

15 декабря 1938

108. ОДИН

Чтоб образ тот, как ясный день прекрасный,
нарисовать, наверно, должен я
у всех цветов занять земные краски
и песен попросить у соловья.

Но для чего?.. Ее уж нет на свете.
Забыть ни смех, ни голос не могу...
Не отыскать ни звуков, ни соцветий,
чтоб передать бездонную тоску.

15 декабря 1938

109—110. (ИЗ ЦИКЛА «НОЧЬ»)

1

Бродит ночь по улицам широким,
зимний ветер снежен и суров.
На листке — любви и счастья строки
я из нежных складываю слов.

В круг спокойный комнатного света
фонарей сияние вплелось,
и порой мне кажется, что это
золотая прядь твоих волос.

Сквозь окно, блестя морозной пылью,
звезд огни задумчиво глядят.
То глаза родные не твои ли,
то не твой ли задушевный взгляд?

Ночь идет. Ни шороха, ни звука,
лишь снежинки кружатся в окне. .

Словно ты рукою в час разлуки,
как крылом, помахиваешь мне.

Ветер завывает в гулких трубах,
ночь плащом заснеженным шумит...
Ты давно заснула, моя любя,
лишь одна любовь моя не спит.

16 декабря 1938

2

Догорает вечер, как цветок багровый,
в шорохе трамвая, песнях и шагах.
Зимняя неслышно пролетает снова
ночь, как ворон-птица, в снежных облаках.

Разрывает клювом он цветок багровый,
заливает тьмою лепестков огни.
Гаснет звон трамвайный, замолкает слово,
выкриков не слышно, песен, беготни.

Замирает город. Тихо спит, глубоко.
Только снег вздымает вьюга с мостовых.
Вдоль домов, как тени, ходят одиноко
сторожа в тулупах, шапках меховых.

Улицы пустынно. Легче паутинки
иней, вьется чей-то одинокий след.
И с небес морозных звезды, как снежинки,
шлют свой равнодушный и холодный свет.

Кое-где желтеет в окнах свет янтарный.
В сердце зреет песня. Город, ночь, мечта.
Вкрадчивые тени, сноп лучей фонарный.
Что ты мне навешь, полночь, темнота?

Сколько их минуло в стуже белопенной!
Но осталась в сердце только ночь одна —
ночь любви далекой, первой, незабвенной,
ночь любви заветной, юности весна.

Как тогда шумели вербы над рекою,
как светили звезды, как снега цвели...
От волос любимой веяло весною.
Вижу нас с тобою в снежной той дали.

Ни челна, ни вёсел, ни кустов шумливых,
только снег, да ветер, да весна, весна
в двух сердцах горячих, в двух сердцах счастливых,
первою любовью жизнь освещена.

Месяц над рекою лил сквозь мглу и ветер
ртутный свет на вербы, лил, уныл и худ.
Оттого и звезды синие мне светят,
оттого и очи синие цветут.

Песня знает к сердцу путь, других короче.
В сердце мне весною вейте, снег и мгла!
Я за то люблю их, зимние те ночи,
что одна из них мне счастье принесла.

20 декабря 1938

111. ТЫ СПИШЬ

Ты спишь. А я пером усталым
всё слов таких не подберу,
чтоб в них любовь запыхала,
как роза на степном ветру.

Чтоб в них звенело наше счастье,
чтоб трепетало вновь и вновь
к земле старинное приростье,
к Отчизне верная любовь.

Чтобы глаза твои пылали,
струя чудесный синий свет,
чтоб про меня потом сказали:
«Вот так умел любить поэт!»

16 декабря 1938, 1958

112. ОЖИДАНИЕ

В воздухе ясном ни звука.
К песне слова где найду?
Падают мягко, без стука
яблоки в нашем саду.

Небо в тоске журавлиной.
Вянут, поникнув, цветы.

Выйду — а рядом калина,
гляну — а небо — как ты.

Тучка за тучкой кудрявой
тают, как легкие сны.
В лунном сиянии травы,
вздых твой — дыханье весны.

Руки простер я — ни звука...
Слушаю, слушаю, жду...
Падают мягко, без стука
яблоки в нашем саду.

18 декабря 1938

113. Я — ТВОЙ

Я — твой, когда заря пылает,
на землю глядя с высоты.
Я — твой, когда всё засыпает.
А ты?

Я — твой, когда идут колонны,
несут знамена и цветы.
Я — твой, когда бушуют волны.
А ты?

Я — твой, когда на подвиг бранный
бойцы идут, сомкнув ряды.
Я — твой всегда, мой друг желанный!
А ты?

18 декабря 1938

114. ДЕКАБРЬ

Всё затихло в доме к ночи.
На столе стоит вино.
Декабря седые очи
смотрят в синее окно.

Мне глядеть не наглядеться
на морозную зарю.
Может, хочется погреться,
чарку выпить декабря?

Он стучится, в щели дует,
бородой к стеклу прильнул.
За окно, во мглу седую,
я стакан свой протянул.

И заснеженным, крылатым
рукавом взмахнула ночь.
Захмелел декабрь косматый
и пошел, шатаясь, прочь.

19 декабря 1938

115. РОЯЛЬ

Синий месяц волшебной игрою
разузорил цветы на камнях.
И рыдает рояль за стеною
о далеких, потерянных днях.

Как тревожат глухие рыдания!
Безысходная скорбь, замолчи!
Видно, кто-то тоску и страданье
изливает, играя в ночи.

Кто играет и что за утрата,
что тревожит он душу мою?
Этих звуков печальных раскаты
я всё больше и больше люблю.

Но внезапно рыдания сменила
песня счастья, смывая печаль.
Мое сердце могучая сила
устредила в лазурную даль.

Ой, судьба моя, как ты богата!
Путь мой был и далек и тяжел,
и я рад незнакомому брату,
что забытую радость нашел.

Так играй же! Я сердцем с тобою,
жизнь сегодня лишь счастье дает.
И смеется рояль за стеною,
будто вместе со мною поет.

19 декабря 1938

116. ОДНА

Лес и поле,
синь без дна.
Степь — раздолье.
Тишина.

Только небо,
только ты.
Краше не были
цветы.

Легкокрылый,
как во сне,
может, милый
в вышине?

В сердце будто
тает мгла:
незабудка
расцвела.

Ниже, ниже
парашют.
Ясно вижу —
милый тут!

В сердце боли
нет твоим.
Лес и поле.
Мы вдвоем.

21 декабря 1938

117. О, ЕСЛИ Б!..

Осенний вечер. Стынут клены.
Струится легкий полумрак.
Гудок сирены отдаленный
и чей-то быстрый, легкий шаг.

Минулось... На висках — снежинки...
Зачем я не сказал: «Постой!»
И счастье в аленькой косынке
рассталось навсегда со мной...

А небеса — мутней опала,
и снова осень, снова мгла...
О, если б, если б юность знала
и старость мудрая — могла!..

28 декабря 1938

118. ЖИТЬ!

Вновь юность я догнал свою
на заревом мосту.
Вновь полным сердцем я пою —
душа моя в цвету.

Смотрю я в голубой простор,
на степь, что в дымке спит.
Смотрю в любимый синий взор —
и в сердце песнь кипит.

Да, петь про дней голубизну,
про счастье песнь сложить,
про молодость и про весну, —
и жить, и жить, и жить!

Декабрь 1938

119. СЫН

За туманной седой пеленою
ни звезды, только тополь высок.
Спит спокойно за тонкой стеною
кареглазый и смуглый сынок.

Он такой же, как я, чернобровый,
и походка быстра и легка.
Пусть приснится веселому Вове,
что ведет самолет на врага...

Пролетая, как мститель крылатый,
мстит за слезы, разрушенный кров,
разбивает он танков громады,
мечет бомбы на лютых врагов.

И взрывает окопы и щели,
где засели бандиты, дрожа,
поражает безжалостно цели
вдоль родимой страны рубежа.

Пусть приснится, что стал он пилотом
и что мир водворил на земле.
Награжденный за подвиг народом,
получает награду в Кремле.

А в окне, за седой пеленою
ни звезды, только тополь высок.
Раскидавшись во сне, за стеною
тихо спит кареглазый сынок.

Декабрь 1938

120

И солнце, и гудки, и ароматы хвои,
и шелесты берез, и птичьи голоса,
и паровоза крик над молодой листвою,
и синие мои, родные небеса...

Всё, что вокруг меня и что во мне — слилось
в прекрасный образ твой, видение мечты...
Дымится пыль дорог, целует даль колосья,
и облетает мак... Во всем и всюду — ты...

Страна в опасности. Полки готовы к бою...
Мосты, взрываясь, ввысь, под облака летят...
В походе и в бою — повсюду надо мною
сияет твой родной, задумчивый твой взгляд.

В подземной глубине, в морях, и под водою,
и на вершинах гор, и в хмурой тьме лесной,
днем, ночью, поутру, вечернею порою —
мне слышится твой смех и милый голос твой.

Зимой и в летний день, когда листву колыхает
веселый ветерок над рябью светлых вод, —
я шелковой твоей походки шелест слышу
и стан твой молодой в глазах моих плывет.

142

В своих блужданиях и в творческом тумане,
когда коснется сон моих усталых век,
в работе, в отдыхе — любовью думы пьяны...
И где бы ни был я — со мною ты навек!

1938

121. СЕРЕНАДА

За Днепром исчезло солнце,
Пахнут яблони в саду.
Глянь, хорошая, в оконце —
с песней нежной подойду.

В золотой пыли дороги
чувству спать нельзя вдвойне!..
Я сыграю так, что ноги
приведут тебя ко мне.

Пароход уходит в дыме...
Ты придешь ко мне сама...
Трудоднями золотыми
я насыплю закрома.

В сердце — лунная пороша,
сердцу снится вешний сад.
Для тебя, моей хорошей,
лучший выберу наряд.

Ты возникнешь, будто солнце,
я воскликну: «Чудо, ах!»
В волосах горят червонцы,
пальцы — в светлых перстеньках,

Взор любовью полон, знаю,
ласков каждый взмах руки.
Что за юбка расписная,
красной кожи башмачки!

Я тобой не налюбуюсь,
как звезду не разлюблю,
блузку нежно-голубую
алей розой обновлю.

Спой, кленовая ты дудка,
как не пела нам давно, —
слыша милую погудку,
глянет девушка в окно.

—

..Занграл он. Золотая
звуков хлынула волна.
Очи синие, сверкая,
показались у окна.

Уловив мотив напевный,
будто радостный зарок,
для беседы задушевной
счастье вышло на порог.

1938

122. ОСВОБОЖДЕНИЕ

Перед взором счастливого сына
западные проходят края...
Моя Западная Украина,
ты вольна, мать вторая моя.

То идут миллионы без счета,
села рады им и города,
мы — не два разобщенных народа,
мы в единой семье навсегда.

Не кручинься, плакучая ива,
лист зеленый, не вянь, не желтей.
Нет мне жизни без слов и мотива,
ярче зорь, алых роз горячей,

чтоб прославить народ наш могучий,
нашу землю и звезды над ней,
и того, кто несметные тучи
поборол ярким блеском мечей,

и всех тех, кто сражался бесстрашно,
чтоб не сгинул замученный брат,
кто за родину пал в рукопашной,
встретил пулю, попал под снаряд,

и всех тех, кто придет из похода,
кто обнимет подругу свою,
кто служил и кто служит народу,
не боится погибнуть в бою.

Вспоминаю, как шли мы в двадцатом
своих западных братьев спасать,
как товарищи падали рядом,
пенье пуль вспоминаю опять... .

Ах, тот год, щедро залитый кровью,
всё в крови — и сердца, и штыки... .
Аисты — на покинутых кровлях,
трупы, трупы, поля, ветряки... .

Наши трупы... . Ведь мы отступали... .
Тяжко, тяжело идти нам назад... .
И обломки металла стонали,
и рыданье несло к нам из хат... .

«На Гусятин!» В нем — белополяки... .
Нам они перерезали путь.
И, казалось, устали во мраке
пушки хрипло надсаживать грудь... .

Над Збручком, потускнев от печали,
плыло солнце. Сияли штыки,
и кольцо огневое прорвали
наших армий победных полки.

«Мы вернемся... .» А годы летели... .
И сдержали мы клятву свою.
Полны счастья и сил, одолели,
победили сегодня в бою.

Сердце, солнце, и шелест чудесный
трав, и зеркалом блещет река... .
Я б хотел сочинять свои песни
для народа века и века... .

Чтоб, как солнечный голос металла,
в той грядущей, счастливой дали
моя песня потомкам звучала,
как звучит в наши грозные дни.

Шумны улицы дальнего Львова,
Днестр — бурливая наша река...
Ты свободна, мы встретились снова,
голубая отчизна Франка.

Перед взором счастливого сына
западные проходят края...
Здравствуй, здравствуй, моя Украина,
мир тебе, мать вторая моя.

Сентябрь 1939
Киев

123

Отцветает мак в долинах,
веет духом тополиным
в дальние концы.
Что куют под гром небесный
там, за облачную бездной,
в небе кузнецы?

Веет духом тополиным,
отцветает мак в долинах,
расцветаю я.
Над хлебами — громы боя,
ты стоишь передо мною,
синеокая.

Синий ветер, тучи — стайей,
я с тобою расцветаю,
в сердце — соловьи.
Тени по полю — лавиной,
как по шее лебединой
волосы твои.

9 ноября 1939

124

Отгремела гроза, и, прощально блеснув,
отцвело полыхание молний...
Я окно распахнул и, встречая весну,
свою комнату солнцем наполнил.

Ты вернулась, пришла из страны ледяной,—
может быть, из владений Валгаллы.
И в раскрывшемся сердце при встрече с тобой
тоже тихо и солнечно стало.

1939

125

У ветра спрошу: «Она любит или нет?»
Но ветер молчит... Эхо плачет в ответ.

У моря спрошу: «Долго ль будет со мной?»
Но море молчит... Только плещет волной.

У солнца спрошу: «Не разлюбит она?»
Но ветер и солнце молчат, и волна.

1939

126. ТЫ

Сквозь туман, будто в звездах далеких,
через зимний наплыв темноты
ты идешь, по следам твоим легким
на снегу расцветают цветы.

Для меня ты — небесная вечность,
осветившая зимнюю тишь.
Воспевал бы тебя бесконечно,
но сама ты, как песня, звучишь.

1939

127

Не похваляйся так беспечно
ни стройностью, ни красотой.
Ведь молодость не бесконечна
и схлынет вешнею водой,

той, что безбрежно наполняет
бурлящий Днепр из года в год.
Погаснет взгляд, и прядь седая
на лоб высокий упадет.

147

От слез ночных и непокоя
морщинки лягут на челе.
И старость жесткою рукою
твой легкий стан пригнет к земле.

Со мной так будет и с тобою.
Скажу я, правды не тая:
должна иною красотою
светиться молодость твоя.

И пусть тогда седеют брови,
кровь станет в жилах угасать.
Краса душевная с любовью —
на свете высшая краса.

1939

128. ЛЕНИН

Пусть годы идут бесконечно
и песня напористо бьет, —
у каждого в сердце навечно
орлиное имя твое.

Мы стены разрушили тюрем
в бессмертных Октябрьских огнях.
Ты к счастью повел нас сквозь бури
и вывел на солнечный шлях.

Года без тебя миновали —
их много в сраженьях прошло.
Пред нами — открытые дали,
и каждого счастье нашло.

Цветут горизонты садами,
плывут по морям корабли,
и гордо горит наше знамя
над частью шестою земли.

Во гневе, в любви ли — мы вместе,
сплоченные все, как один.
Над нами звучат в поднебесье
напевы чудесных машин.

Как солнце, что всходит над нами,
лучи золотые струя,
повсюду растет городами,
цветет, молодеет земля.

Лети, моя песня, высоко,
как нашего счастья зенит!
На страже границ, огнеока,
с оружием юность стоит.

А грянет труба — в наступленье
за край наш пойдем против тьмы.
Вот вечный твой памятник, Ленин, —
та жизнь, что построили мы.

1939

129

Журавли прилетели, родная,
снова песнями сердце полно.
Зажила моя рана сквозная,
что вздохнуть не давала давно.

Журавли прилетели... Весною
зацвели, засинели поля.
Теплый ветер шумит надо мною,
и в слезах задремала земля.

Хорошо так идти нам полями
в голубом полумраке земли.
Закурлыкало счастье над нами...
Ой, привет вам, мои журавли!

30 июня 1940

130

Ты помнишь — марта поздний вечер
вел нас с тобой на край зимы.
Смеялся ветер, и навстречу
деревья словно шли из тьмы.

Свет фонарей, летя, неяркий
кружил в снежинках над тобой.
А нам от счастья было жарко
на этой улице ночной.

Вошли мы в загс, и ночь отстала,
кругом сиянье и цветы.
Но почему рука дрожала,
когда расписывалась ты? . .

18 июля 1940

131

С милой павушки своей
глаз павлин не сводит.
Для подруги соловей
трель свою выводит.

Для тебя пою и я —
то как гром, то тихо,
соловьиха ты моя,
свет мой соловьиха!

27 июля 1940

132. УДОДИК

Сидит удодик, отдыхает,
он наловил в траве жуков
и мне головкою кивает,
как будто молвит: «Будь здоров!»

Здорово, друг мой хлопотливый!
Тебя не мучит тут никто.
Ты понесешь свою поживу
подруге ласковой в гнездо.

А я один, душой отчаясь,
брожу в тоске среди дубров.
Счастливец тот, кого встречает
свое гнездо, а в нем любовь.

27 июля 1940

Ой, плывет туман долиною.
Жду, любимая, у тына я.

Он плывет так низко, низко.
Ну, прильни же к сердцу близко.

Ой, плывет туман у яра,
а мы с милой будем парой!

1 августа 1940

Грай вороний закружил,
ветер кучерявый
крылья звездные сложил
на густые травы.

На реке — к волне волна,
вышла, в хмари тая,
босонога и стройна,
юность золотая.

Подает рукою знак,
к розе бы нагнуться...
Только мне, увы, никак
к ней не дотянуться.

1940, 1958

Не погасни маревом, не развейся сном,
мимолетным облачком за моим окном.

Не замолкни песнею, всех иных родней,
не поникни мальвою на груди моей.

Садом солнцерадостным, как любимый край
ты цветы, желанная, и не отцветай.

Музыкой немолчно лейся в вышине,
чтобы пелось весело и жилося мне,

чтобы пламень юности в сердце не погас,
чтоб потомки милые не забыли нас.

1940

136

Я выдумал тебя. А может, нет? Не знаю.
Не любишь ты меня, скажи, не любишь ведь?
Да и за что любить?.. Вот осень ледяная
из глаз твоих глядит. И тает листьев медь

во мгле твоих зрачков, — не мне они сияют, —
в мечтах, что унесут меня куда-то вдаль.
Не любишь ты меня... И дни мои сгорают
в отчаянье глухом. И о былом печаль

на части сердце рвет, разбрызгивая густо
кочки былых надежд на этом вот листе.
Ломаю пальцы я, прислушиваясь к хрусту,
среди синей тишины шагая в пустоте.

А месяц лет в окно холодное сиянье.
Он — как душа твоя. Плывет седая мгла...
Ты — астра для меня, осенний луч в тумане,
цветок без запаха, свет солнца без тепла.

1940

137

Я так тебя люблю, что удержать нет силы
восторженных стихов, что льются через край...
Петь буду о тебе и в глубине могилы, —
о мой бесценный друг, мой незакатный май!

Когда на кладбище заглянешь ты в печали,
туда, где буду спать я в глубине сырой,
и зашумит листва, и засинеют дали, —
ты в нежном звоне птиц услышишь голос мой...

152

Чуть тронет ветерок травинку молодую,
и звезды вспыхнут вдруг мерцающей рекой, —
услышишь, как звучит, рыдая и ликуя,
сквозь шелесты травы, чуть внятный голос мой...

Я так тебя люблю! Дорогою широкой
пройдут столетия, — но знаю, всё равно
останется любовь к тебе, голубокой,
как отсвет дальних звезд, угаснувших давно...

Свершая свой полет меж звездными мирами,
умчится вдаль земля, как мчится и сейчас, —
но прядь волос твоих бесплотными устами
я буду целовать, хоть и не будет нас...

1940

138. ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Ты плакала. А дождь шумел сердито.
Но он прошел и свежесть в сад принес.
Острее пахнет цвет, дождем омытый, —
люблю тебя сильнее после слез.

И тишина блаженная яснее,
и с небом вдруг сливаются поля.
И после слез ты мне еще роднее,
как после гроз прекраснее земля.

1940

139. ВСАДНИК

Короче дни... Тропой холодной, дальней
блуждает осень в сумрачных садах,
и журавли, как зов любви прощальный,
летят на юг и тают в облаках.

А всадник мчится. Он забыл усталость.
Звенит металл уздечки в тишине...
Мой милый друг, то молодость промчалась
на золотом, горячем скакуне.

1940

140. КРАЙ РОДНОЙ

Край родной, грозой опаленный,
за недавнее — страдаю и скорблю.
Я люблю тебя любовью миллионов,
всей душой и сердцем я люблю.

Я *за нынешнее* — славлю звонкой песней,
что горит, как солнце на крыле.
Я люблю тебя, мой край чудесный,
пока буду жить я на земле.

За грядущее, что мне дороже жизни,
сквозь огонь любовь я свято нес, —
я люблю тебя, весна-отчизна,
так люблю, что не скрываю слез.

Сплошь цветы... Идут дорогой люди...
Край родной, полна тобою грудь, —
и когда меня уже не будет,
ты о песне этой не забудь.

1940

141

Цветка не сорву — нету средства
живую в нем боль притушить.
Цветку, как и нам, мое сердце,
под солнцем так хочется жить.

Рожденный в суровое время
под пушечный гул канонад,
любуюсь цветком и добрею,
вдыхая его аромат.

И ты — как цветок в чистом поле,
и мне ли тебя не любить?
Не огорчу тебя болью,
чтоб сердце свое не разбить.

1940

Люблю я море в шумный час прибоя,
 когда стремится оно волну к волне,
 Но в ясном и задумчивом покое
 оно еще стократ милее мне.

Люблю тебя, когда ты говорлива,
 когда ни чувств, ни мыслей не таишь.
 Скажу тебе, русалке шаловливой:
 еще сильнее люблю, когда молчишь...

1940

Как будто сон. И кровь лучей
 и кровь сердец — едина.
 Кричит в плену у палачей,
 рыдает Украина.

Всё жду и жду. Сверкнет в очах
 день, словно весть от сына.
 Проснусь... Увижу: вся в цветах
 сияет Украина.

1941

144. ПЕСНЯ

Там на западе глубоко
 пушки землю роют вновь...
 Мать на подвиг на высокий
 сына шлет, родную кровь.

И морщинистые руки
 на плечах его лежат.
 И в суровый час разлуки
 слезы жемчугом дрожат.

А вокруг — мой край крылатый,
 голубая даль бежит...
 На затворе автомата
 смуглая рука лежит.

Шепчет мать: «Ты смелым будешь»,
и глаза в глаза глядят.
А на западе орудья
всё гудят, гудят, гудят...

*6 августа 1941
Харьков*

145. ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ

В тумане слез — любимой очи,
моя душа — в тумане слез...
Дыханье холода и ночи
разлуки ветер нам принес.

Смертельным лезвием металла
пронзили сердце... Дни... Года...
Я слышал: ты во сне вздохала,
рыдала так, как никогда...

Я в день приду из мрака ночи,
от крови, от железных гроз.
И синие засветят очи
в тумане радости и слез...

17 сентября 1941, 1958

146. ИДУ

Пыли, ветра я добыча... Где Донец, сады, Лисичье, —
там меня Украина кличет на кровавый, смертный бой.
Я лечу туда бессонно. Перегоны, перегоны,
край степной башкирский тонет в грезях дымки голубой.

Где вы, вербы, вспомню, что ли, вечера в родимом поле,
песен дальнее раздолье на закате в тишине?..
Незнакомы в небе птицы, словно сон проклятый снится,
и душа моя — зарницей — утопает в этом сне...

Не представить всех убитых, вражьи кони топчут жито,
и звучат, гремят копыта в разоренных городах...
Там прошла безумцев сила, где росли, любили милых,
в селах — братские могилы, кровью залит счастья шлях.

Тени улиц, тихих самых. . . Боль гвоздит, и в сердце шрамы.
Я иду на крики мамы, чтоб укрыть от змей собой. . .
Миг с веками здесь граничит. . . Дыма я, огня добыча, —
то меня Украина кличет на последний, смертный бой.

17 сентября 1941, 1958

147

В сердцах отваги дух орлиный
и к хищным ордам лютый гнев.
Лети к Отчизне, песня сына,
грома войны преодолев.

Година гроз, година славы
сливает жизнь и смерть тесней.
Под пушек гром, под гул кровавый
пусть песнь стоит на страже дней.

Мой край в огне, в борьбе жестокой.
Мне ль равнодушным быть, друзья?
Как воин в каске, кареокий,
ты будь бесстрашной, песнь моя!

Прославь свой край, лети к лазури,
где пуль трассирующих град.
И пусть не скажут — ты средь бури
спала под грохот канонад.

19 сентября 1941, 1958

148. ПОД НЕБОМ БАШКИРИИ

Башкирского неба прохлада,
октябрьские росы в пути.
Не надо, родная, не надо
печальную песню вести.

На Запад, сквозь изгородь хмури,
дорога в туманах идет.
Замолкнут над Родиной бури,
и в песнях она расцветет. . .

157

И станет малиновой снова
косынка твоя на заре.
И волны Славуты седого
сверкнут куполам на горе. . .

Раскинется город пред нами
в певучих, душистых ночах.
Заблещет Крещатик огнями
в твоих неповторных очах.

8 октября 1941, 1958

149. ЕЩЕ ПРИДЕТ ВЕСНА

Зеленеет край, край,
еще будет май.
Будет травами одето
на земле родимой лето.
Эй, труба, играй!

Всё светлеет день, день,
слышу марша звень. . .
А вокруг всё дорогое,
сердце чует всё родное,
отгоняя тень.

И в широкий свет, свет,
где земли расцвет,
всем, чье сердце отзовется,
кто за край любимый бьется,
я пошлю привет.

Наше солнце, грей, грей,
победим скорей.
Штык разить врага умеет,
нет, никто не одолеет
нас, богатырей!

Нас не сломит ночь, ночь,
ворон, не пророчь.
Станет мир еще чудесней,
у меня на сердце песни,
злая сила, — прочь!

Счастье в новом дне, дне,
в вольной стороне.
Видишь, светит солнце юга,
руку дай свою, подруга,
улыбнись ты мне.

8 октября 1941, 1958

150. ДНИ ВОСКРЕСНЫЕ

Настанет час расплаты, —
мы в буре мировой
отбросим супостатов
на Запад огневой.

Возрадуется всякий
в раскатах канонад,
где наших танков траки
победно прогремят.

Я жду вас, дней воскресных,
чтоб стяги расцвели,
вам поклоняюсь в песнях,
чудесные мои.

Небес шелка синеют,
как росы на стерне,
и пушки всё слышнее
в родимой стороне.

8 октября 1941, 1958

151. В ОКНА

В окна смотрят рыдающим строем
дни осенние, хмурится лес.
Океанским кровавым прибором
Украина шумит до небес.

Там — враги, там — великое горе,
хочет враг в этот дикий поход
погасить наши ясные зори,
загрязнить зеркала тихих вод.

Там трава под копытами вянет,
тяжко стонет Славута-река,
черный танк землю ранит и ранит,
птица черная рвет облака.

Там орудий огонь над рекою,
прямо в сердце огонь этот бьет,
и Донетчина милая к бою
для расправы с врагами встает.

И от Черного моря до моря,
где синеют извечные льды,
мы встаем и, по-воински споря,
бьем врага и смыкаем ряды.

Не страшит нас пожарищ завеса,
защищаем мы землю свою,
и стоят Ленинград и Одесса,
как твердыни, в кровавом бою.

Час придет, и в степях Украины,
как давно, в восемнадцатый год,
враг узнает рубеж свой единый —
он могилу свою здесь найдет.

Будут вишни, акации снова
звать в просторы, в счастливую даль...
Неба ширь, не смотри же сурово
сквозь заплаканных окон печаль!

10 октября 1941, 1958

152. ГНЕВ

Мой друг, не до песен сегодня! Заданье —
пусть слово, как штык, заблестит!
Горят под бомбежками светлые зданья,
моя Украина горит.
В ту степь мое сердце летит, где курганы,
где счастье цвело предо мной,
где в берег Славутич мой, скорбный, туманный,
стучится кровавой волной.
И гнев, как пожар, загорается в жилах,
как сад под грозою, в ночи...

В Неметчину братьев, сестер моих милых
в оковах ведут палачи.
По всей Украине отравой черной
фашистов орда расплзлась,
и только, как прежде, сражаясь упорно,
врагам не сдаётся Донбасс...
Всё так же по рельсам летят эшелоны,
а в них — молодежь, земляки.
Под утренним солнцем, багряно-червонным,
широкие блещут штыки.
Всё так же над плесом мечтает калина,
где юность моя протекла;
и мать всё грустит в ожидании сына
в той мазанке с краю села.
Всё слушает... громы рокочат глухие...
И вдаль всё глядит поутру...
А сын в том краю, где леса вековые
под снегом шумят на ветру...
Я слышу сквозь бурю: «Сыночек, сыночек!..»
А зарево — меди красней.
В огне Украина... Туда, что есть мочи,
лети, мое сердце... скорей!..

20 октября 1941, 1958

153

Сыну Олегу

Какой-то гул плывет над нами
и нарастает всё сильнее...
Перекликается с громами
огонь зенитных батарей.

По тучам саранчи, что плыли,
движеньем опытной руки
к зениту жерла устремили
в защитных касках пареньки.

Меж них и сын мой. Точно целит
он свой удар по стае злой.
Гудят кровавые метели
и на земле, и над землей.

Огонь и смерть с тобою рядом.
Но ты, мой сын, будь тверд в бою,

каким был я тогда, в двадцатом,
под пулями врага, в строю.

Тот самолет, что с неба падал,
простор крылом подбитым бьет.
И может, сбил его снарядом
сын — продолжение мое. . .

8 ноября 1941

154. МЫ ПОБЕДИМ!

Мы победим, — зима звенит,
снега твердят об этом.
Об этом ветер говорит,
летя над белым светом.

Об этом звезды говорят,
горя в ночном просторе,
и брызжет их лучей каскад
всем палачам на горе.

Поет об этом солнце нам,
сверкая с небосвода.
Мы знаем, что победа там,
где правда и свобода!

10 ноября 1941

155

О, знаем мы, что так не будет,
А нынче день тяжел и строг,
и чувствуют и слышат люди
удары кованых сапог.

Уж не поют здесь соловьино,
и вся в крови лежит она —
моя родная Украина,
цветов и солнца сторона,

Но не померкла наша слава,
Сражаются в дыму войны
за честь, за волю и за право
ее любимые сыны.

Они пошли в часы невзгоды...
Но день придет, и вновь туда,
где ясны зори, тихи воды,
они вернуться навсегда.

И грянет песня соловьино,
чтоб пленной никогда не быть,
и встанет, встанет Украина,
чтоб снова и творить и жить.

10 ноября 1941

156

Песни боевые
и в беде поем.
Мальвы ледяные
на стекле моем.

Дым от папиросы
вьется голубой.
Вьюги и морозы
занялись Уфой.

За Уфой равнины
в снежной тишине.
Мальвы Украины
на моем окне.

14 ноября 1941

157

Когда фиалка синим оком
блеснет меж тоненьких стеблей
и встанет месяц над потоком,
как песня юности моей, —

я сквозь туман, мутивший взоры,
сквозь мглу, что путь пересекла,
увиджу киевские горы
и древней Лавры купола.

Увижу радостно, как встарь, я
Владимирской горы уклон,
и на Шевченковском бульваре
шумящий явор, тихий клен,

и улицу, где ночью синей
бродил не раз... Моя весна
дохнет на ранний легкий иней
из незабытого окна...

Там первой песней неумелой
я пел любимой блеск очей.
И черный кот в манишке белой
меня там встретит у дверей.

20 ноября 1941, 1958

158

Ой, в лугах, полях — туманы,
небо в сизой мгле.
В темной роще — партизаны,
а враги — в селе.

Но блеснут светлы, румяны
зори в темной мгле.
Будут в селах партизаны,
а враги — в земле.

28 ноября 1941

159

В чистом поле — кони вражьи,
где дорог кресты.
А по снегу, в заовражье, —
красные цветы.

Над долиной — карк вороний,
сыч в лесу — пу-гу!
Не цветы, а сгустки крови
в поле на снегу.

164

Вся земля под громом стонет —
так ей тяжело.
Эй, седлайте, хлопцы, коней,
сабли наголо!

28 ноября 1941, 1958

160

Донец уже в снегах. Река недавно стала.
Замерз и тот затон, где в детстве плавал я.
Сегодня, как и встарь, под мерный гул металла
заводский дым плывет в небесные края.

И за горой, как встарь, в просторах милой дали
глухой орудий гром. Тревога всё растёт...
Всё ближе недруги... Украина-мать, в печали,
как встарь, ты смотришь вдаль у сломанных ворот.

А сына нет как нет. Всё ближе пушек грома...
Шатается земля... Кругом боев страда.
Я сквозь ветра гляжу на облик твой знакомый,
на руки старые в мозолях от труда.

Звонят в мое окно деревья в снеге белом.
В шинели серой вновь себе приснился я.
Ты, как тогда, о мать, сыночка не успела
благословить на бой, родимая моя.

Но знаю, — будет так, настанет час желанный:
с победой я вернусь, окончив бранный путь,
и, как тогда, зимой далекой и багряной,
зальешься плачем ты, упав ко мне на грудь.

28 ноября 1941, 1958

161

Жемчугом-росою, солнечной красою
оживут поля.
Маковым монистом, клевером огнистым
зацветет земля.

165

Дни — гневные кони — мчат, летят в погоню,
на дорогах кровь.
Скоро из лазури солнце после бури
мир осветит вновь.

И на Украине вновь цвести калине,
глядя в небосклон.
И не гром могучий из летучей тучи, —
грянет песен звон.

1 декабря 1941, 1958

162

Тебя терзает ворон клятый,
и кровь из сердца пьет змея.
Люблю тебя, мой край распятый —
Украина бедная моя!

В безбрежной сини — птичьей стаи,
и запах пашни, и зарю,
под ярким солнцем и цветами
твои дороги я люблю.

Вновь засияет день твой ясный.
Я жду его, ночей не сплю.
Люблю тебя, мой край прекрасный,
в беде и в радости люблю.

1 декабря 1941

163

Когда цветы побед взойдут
и я вернусь в свой край родимый,
я на колени упаду
и поклонюсь земле любимой.

И Днепр, и Лавра, и пути
веселых улиц, звон трамвая...
По мостовой родной идти —
полнее счастья я не знаю!

Я слышу стон степей во сне,
дни тяжкие плывут, как льдины...
Испепеляет душу мне
кровавый ветер с Украины.

3 декабря 1941

164

Снег и дым ветвей седых —
как цветы у ног моих.

Вижу каждую снежинку.
Но подходит ночи мгла,
и заря свою косынку
алую сняла.

Я ей вслед гляжу... Суровы
снежные пути.
«Ой, надень косынку снова
и свети... свети!»

Я стою. Всё в клочьях снежных
в голубом саду.
И заря мне шепчет нежно:
«Я приду, приду...»

Снег и дым ветвей седых —
как цветы у ног моих.

12 декабря 1941, 1958

165

Янтареет окно. Утро. Слышен петух.
На стекле снеговые картины,
как цветы и сады. Моя песня не тут,
моя песня в степях Украины,

Тенью бродит она среди руин там, вдали,
мимо окон разбитых — все ночи.
Ветры черные косы ее расплели,
и в слезах ее карие очи,

167

В горе бродит она. Дух тревогой объят.
И гремит ее клекот орлиный.
А над нею снаряды гудят и гудят
в партизанских степях Украины.

12 декабря 1941

166

Ветер... В поле брезжит.
рой теней.
Зацветет, как прежде,
даль полей.

Отгрохочут трубы,
прояснятся сны.
Смолкнет голос грубый
дней войны.

И к тебе — отраде —
я в саду
в воннском наряде
подойду.

13 декабря 1941

167

Торжество победы, счастья и свободы,
радость возвращенья в ясный отчий край,
где, склонясь дугою, радуга пьет воду
и, волнуясь, реки плещут через край,

где красой цветущей девушки богаты,
смугловаты, статны парни на подбор,
где в шинели серой, поступью солдата,
вышла моя песня на степной простор.

Жаворонок в небе, всходов колыханье,
в мареве дрожащем села и сады...
Первое любимой робкое признание,
шахты, терриконы, рельсы и мосты...

Там, где мне знакома каждая тропина, —
бродят мои думы и мечты мои...

168

Мама моя, мама, мать Украина!..
Месяц над рекою, вечер, соловьи...

Тучка в теплом небе, тихий звон гитары...
Всё это далеко, всё прошло давно...
Мать, к тебе приду я сквозь огонь пожара,
подойду и тихо постучусь в окно.

«Кто там?» — нежной песней зазвучит из хаты.
«Я, моя матуся!..» Вьется снег дорог.
Ты откроешь дверь мне, птицею крылатой
кинешься навстречу сыну за порог.

И цветы запахнут, в роще взвевет ветер,
песня отзовется там, в далекой мгле...
А потом наступит тишина на свете,
тишина настанет всюду на земле.

Гляну я в родные, радостные очи
после бурь кровавых, огненных дорог...
«Ты пришел! Вернулся! Сынку мой, сыночек!..»
Я зальюсь слезами и склонюсь у ног.

20 декабря 1941, 1958

168

Черный явор головою,
ой, кудрявою,
гнется, гнется над водою,
над кровавою.

Гнется явор над водою
да в ненастье.
Посиди, побудь со мною,
песня-счастье!

Станет ширь степная краше
слов калиною, —
перекликнемся мы с нашей
Украиною.

22 декабря 1941

169

О, древней Лавры купола!
Среди домов, с дубравой схожих,
иду. Молчание и мгла.
Ни света в окнах, ни прохожих.

Квартал как будто неживой,
за мною тени, только тени,
да вдруг окликнет часовой,
блеснувший каской в отдаленье.

Заплаканная синева,
как в дни весны невозвратимой.
А снег скрипит едва-едва,
не снег, а кости побратимов...

Здесь с них одежды совлекли
внизу, у крепостного вала,
вот здесь их по мосту вели,
и камни кровь их заливала.

Река прохладная текла.
О, пламень их последней мысли!
Здесь на балконах их тела,
как гроздь страшные, повисли.

Недавно здесь звучал их смех
и песня громкая звенела.
Иду, и в сердце — мертвый снег,
душа моя зачоченела.

Декабрь 1941, 1958

170. НАЛЕТ

Прожекторы скрестились, как мечи,
и в их скрещении блестит, зловещ и прыток,
фашистский бомбовоз... Вокруг него в ночи
завесой грозною встает огонь зениток.
И пули шлет вдоль световых столбов
пунктиром огненным, уже бежать готов,
стервятник, свастикой отмеченный на крыльях, —

шатается и падает в бессилье
чадящим факелом... И вот уж замолчал
огонь зениток. Ночь. И городской квартал
колышет звезды мощным вздохом груди,
Выходят из убежищ люди.

1941

171. ПИСЬМО ЗЕМЛЯКАМ

В городах, в деревнях, по лесам, и ярам, и долинам,
в том Донецком краю, где родились и выросли мы,
бьются ночью и днем неотступно сыны Украины
с морем тьмы.

Обращаюсь я к вам, земляки мои и побратимы,
сквозь пожаров разгул, сквозь немолчный огонь канонад,
чтоб большую любовь передать вам строками скупыми,
всем, кто ныне в бою защищает цветущий наш сад.

Обращаюсь я к вам, тем, кто жив на земле непокорной,
к тем, кто бьется в снегах, в грозной смене и дней и ночей:
бейте всюду врага, пусть потонет в крови своей черной
злойный хищник навек под неистовый гул батарей!

Он за углем пришел на Донетчину нашу родную,
в отчий дом наш вошел, он за нашим богатством пришел.
Обращаюсь я к вам, сквозь туман и пургу ледяную, —
бейте всюду врага, чтоб и след его ветер замел.

Бейте всюду врага, — смерть над ним беспощадная кружит
на дорогах глухих, на кровавых и вьюжных снегах.
Гляньте, солнце уже на победном сияет оружие, —
то врагу приговор в ваших крепких и сильных руках!

Вдаль, на запад, идут непреклонным железным потоком
боевые полки, и поход их — вперед и вперед,
по лесам, городам, по степям украинским широким,
как тогда, как тогда, в восемнадцатый пламенный год.

Пусть же с пулями в ряд будет слово мое огневое, —
в нем любовь моя к вам, в нем немеркнувший к недругу гнев,
Побратимы мои, к вам сквозь грозное зарево боя
пусть стремится оно, местью в ваших сердцах закипев,

Вместе выросли мы, вместе строили мы и творили...
Как шумел и сиял наш цветущий и радостный сад!
Враг замыслил сломать наши, к солнцу простертые, крылья,
наши нивы стоптать, нас рабами погнать на закат.

И, закован в броню, он ворвался к нам дикой ордою,
черной бандой громил, мраком наши покрыл города.
Кровь потоком разлив, оставляя лишь смерть за собою,
он задумал народ ввергнуть в бездну ночей навсегда.

Но на партии клич гневно встала родная Держава,
и в гадючьей крови почернела разящая сталь.
Наша воля жива, и бессмертна орлиная слава,
наше солнце взошло, и сияет весенняя даль!

Земляки и друзья! С вами песня моя неразлучна,
как и сердце мое, что навеки единым узлом
с вашим связано сердцем; с любовью и дружбой созвучна,
эта песня летит над Донцом, над родимым селом,

Не смолкая летит, реет песня над каждой хатой,
и находит одну, что над Кировской тихой горой, —
мать родная моя ждет там вести от сына-солдата,
а шахтеры, шахтеры, шахтеры идут чередой...

Всё на запад идут под громовые залпы орудий,
за детей, матерей, за святую Отчизну свою.
Слава вечная им! Имена их народ не забудет, —
земляков моих, жизнь отдающих в смертельном бою!

Светят звезды Кремля в их орлиные гордые очи,
чутко слушают бор и поля их стремительный шаг;
вслед, волнуясь, Донец из-под льдины приветом рокошет —
им, идущим в огонь небывалых доселе атак.

Отсверкает гроза, молний отблеск угаснет кровавый,
вновь сады зацветут и в садах запоют соловьи, —
в отчий радостный дом, как герои, увенчаны славой,
вы вернетесь, друзья, земляки дорогие мои!

Там, где пепел теперь, где чернеют под небом руины, —
встанут села вокруг, засверкают, шумя, города.
Будет краше еще необъятная ширь Украины,
все преграды сметет на победном пути навсегда.

Земляки и друзья! Пусть снега заметают просторы, —
мое слово летит, вместе с вами проходит в строю,
и в окопах оно под огнем вместе с вами, шахтеры,
и ваш сон сторожит на привале в далеком краю.

Столько хочется вам передать и поведать скорее,
чтобы в слове моем вы услышали брата любовь,
чтоб его заглушить не смогли бы, гремя, батарей
на Украйне моей, где могилы, руины и кровь.

Пусть же песня идет с вами в серой солдатской шинели,
песня — сердце мое, что возникла в бессонных ночах
в городке над Донцом, там, где юные дни пролетели,
где разбит каждый дом в непрестанных и лютых боях...

Пусть крылом голубым вытрет слезы у матери милой
и у всех матерей, чьи сыны днем и ночью в огне,
чтоб шумела весна над землею цветущей, счастливой
в нашей светлой, как день, и всликой любимой стране!

Побратимы мои! Дети солнца, труда властелины!
Вас недаром взрастил в ураганах и зорях Донбасс.
Вы — как вихрь и порыв, и в тылу и на фронте — едины,
вам — всё сердце мое, что сроднилось с песней о вас.

Сквозь грозу, что кипит над землею кровавой и хмурой,
сквозь туман, сквозь ветра, небывалые в мире бои
шлет привет вам земляк-побратим ваш, Владимир Сосюра,
руки жмет вам, шахтеры. До встречи, родные мои!

1941

172. ШЕВЧЕНКО В ДОНБАССЕ

Твой голос над равниной мгливой...
А ветер вольности звенит
сквозь паровозов дальних свисты,
сквозь шум и шорохи раки.

Войска в поход идут с тобою,
ты вместе с ними на войне.
Горишь ты яркою звездой
в моей донецкой стороне,

Твой образ светит сквозь туманы,
ты в темноте пылаешь там,
где горняки и партизаны
поют в забоях по ночам

о тучах, о луне летучей,
о гневе пламенном твоём, —
и в этой песне Днепр могучий
кипящим льется серебром.

Бойцов собирая перед боем,
вперед, в шинели боевой,
скользишь ты легкою стопою
над головнями и золой.

Кругом гремит, гудит, грохочет,
а ты зовешь: «Вперед, сыны!»
Сияют из-под шлема очи,
и добрые усы видны.

Донец. Копры. «Боритесь, люди!» —
звонит твой голос в тишине.
Над Украиной гром орудий,
и всё в огне, в огне, в огне.

Другое, знаем, будет лето,
святая песня не умрет.
Бессмертного родив поэта,
не может умереть народ.

1942

173

Какое пламенное слово
мне отыскать? В тревоге я.
В огне пожара фронтового
отчизна вольная моя.

Не стану я шептать молитву,
не осеню себя крестом.
За шлемом шлем, — идут на битву
бойцы в дерзании святом.

Идут отрядами стальными,
Дорога, будь же им легка!
Благословением над ними
простерта Ленина рука.

Они за родину готовы
Отдать всю молодую кровь.
О, где найду такое слово,
чтоб им пропеть свою любовь?!

1942

174. ДРУЗЬЯМ

Там далёко, в огней полыханье
за Украину клокочут бои...
До свиданья, друзья, до свиданья,
краснозвездные братья мои!

Завтра крикнет сирена прощально,
и машине на запад лететь...
Сердце снова сожмется печально...
Что же делать... Я буду как медь,

что трубит, и зовет за собою,
и в атаку героев ведет...
Вспоминать буду, что под Москвою,
как нигде, наша слава встает...

Вспоминать буду вас, побратимы!..
И звенеть будут, как соловьи,
песни в огненной буре и дыме...
До свиданья, родные мои!

1942

175

Всю ночь гревели бомбовозы...
Я различал на звук с земли
сквозь набегающие грозы:
вот — наши, вот — чужие шли...
вот — наши, вот — чужие шли...
вот — наши, вот — чужие шли...

При слове «наши» сердце пело
и было на душе светло,

и гнев кипел, в глазах темнело,
когда «чужие» слово жгло...

«Чужие» — кровь детей и слезы...
а «наши» — к счастью дивный путь...
Всю ночь гремели бомбовозы,
и я всю ночь не мог заснуть...

1943

176. ПЕРЕД БИТВОЙ

Грузовик наш летит. И луна за ним мчится влогонку...
Далеко ты. Меж нами — дороги, поля и кресты.
Помню — локон спадал твой кольцом шелковистым

и тонким

над печальным лицом, когда шла провожать меня ты.
Целовал я ту прядь... Помню ветра полуночный лепет...
Сколько раз я, прощаясь, касался родных твоих уст...
Я — в машине. А ты? На земле иль на небе? О трепет
белых крыльев твоих! Словно чую их шелест и хруст...
Прилетают сюда, шумной стаей спешат бомбовозы,
и на запад летят, и тревожно гудят в вышине...
На калине роса, как твои несказанные слезы,
предо мной промелькнула, сверкнула в рассветном огне.
Автоматчики здесь. Полны гнева их юные очи,
как огни фонарей, что стремительно с нами летят...
Жизнь иль смерть в облаках? Вот затихнет... вот снова
грохочет...

Как созвездья небес, что, мерцаая, горят — не горят...
Блиндажи... блиндажи... В буйных травах и зелени жита
бронированный мир, что в боях стал мощнее стократ,
бьет врага наша армия, в землю глубоко зарыта,
и гремят за Донцом жерла огненных пушек-громов.
Звезды, звезды взошли... Вот одна, а за ней и другая.
Вспыхнул яркий пожар... И звезда покатилаь одна,
а другая цветет... То ракеты... Стрела золотая
в поднебесье взлетела, безмолвна, четка и ясна.
И снаряды вокруг (то фашистов преследуют пушки)...
Голубым, и зеленым, и красным пестрит их отлив...
И кукуют орудья — стальные гиганты-кукушки...
Вновь погасла звезда... Раздался оглушительный взрыв!
И всё явственней, явственней мнится с минутою каждой —
я — не я, я — звезда, от которой в полночную ширь
всем сияньем любви устремляется боль моя, жажда
и тоска по тебе, о которой звучит мне весь мир!

Вдаль к тебе, на восток, потянулись надежды с тоскою...
 Сам же я — я навстречу сияю, пою и горю
 всем огнем, всей душой, всюю кровью, не зная покоя,
 всё туда, за Донец, где великую вижу зарю, —
 ярче нет в целом мире! Моя Украина, с тобою
 каждый вздох мой — всё, всё, что вмещает в себя человек!
 За тебя мы штыками и сердцем торопимся к бою!
 Мы — ничто без тебя, а с тобой мы — бессмертны вовек!
 Есть любовь к своей матери, к милой жене и к сестренке,
 но превыше всех чувств — это чувство к родимой земле.
 Жизнь отдам за тебя, Украина! Как радость ребенка,
 ты мне детством сияешь сквозь грохот орудий во мгле,
 отдала ты мне всё, всё поведала мне ты, что знала,
 колыбельные песни ты пела мне в синих ночах,
 в темной хате меня новорожденным ты пеленала,
 когда встретил я жизнь на твоих материнских руках.
 Да, любовь — это ты. Подняла меня в жизнь ты любовью.
 Чувство к матери, к другу, — все чувства отдам тебе я!
 Я томлюсь по тебе, я пою о тебе сердцем, кровью,
 чернобровая юность, страдальца, мука моя!
 Украина, народ, ты и я, что в пилотках зеленых,
 мчимся к свету сквозь ночь... Долететь, долететь бы
скорей
 на крылах лебединых или на тех, на людьми сотворенных,
 что шумят в поднебесье, спешат к Украине моей...
 Долететь... долететь... «Долетим, долетим!» — в такт
грохочет
 грузовик и летит... А на нем мчусь пылинкой и я —
 всё туда, за Донец, где, как солнце, горят твои очи,
 Украина бессмертная, вечная радость моя!

1943

177. ЖЕНЕ

Я вижу пряди светлой тень
 над сном ресниц, в глазах — тревогу...
 Ты ландыш мне дала в тот день
 и проводила в путь-дорогу.

Прощай! Сирена. Мрак ночей.
 Как сон, платок исчезнет, тая,
 а с ним и синева очей...
 Нет! До свиданья, дорогая!

Ты жди меня... Жди... Горе минет...
И мне в ответ звучит: «Я жду!...»
Вернем свободу Украине,
и снова я к тебе приду.

1943

178

Украины родимой сады,
вишни, зелень густой лебеды,
что мне снились в годину беды,
вы шумите сейчас не во сне...

Хаток белых приветливый ряд,
и окошки на солнце горят,
на окошках цветы... Выйду в сад,
поплыву по зеленой волне,

по зеленой и сонной... В саду ль
я услышу кукушку? Июль,
через кровь и сквозь посвисты пуль,
вновь придет, как счастливая доля.

Выйдет месь на Донец, вся в броне и огне,
и клинки зацветут, как цветы по весне,
и я вновь обниму — наяву, не во сне —
мою мать после долгой неволи.

Украины родимой сады,
яворов многошумных ряды,
к вам я рвался в час горькой беды
вместе с песней моей соловьиной!

Только выйдем к тебе мы в бою,
только будем в родимом краю,
поцелую я землю твою,
мое сердце — моя Украина...

1943

179. ПЕТУШОК

Я видел петушка — мелькал,
когда гремело над рекою,
в бомбоубежище бежал
он с золотою детворою.

178

Потом пропал он. В злой игре
пришли лихие люди вчуже...
Задравши ланки, на заре
петух лежал в кровавой луже.

1943

180

Прилетела кукушка: ку-ку...
Куковала: казак, потерпи!
В вышине, как на синем току,
словно жито молотят в степи.

Золотистой половецкой дымки
проплывают и тают, как сны,
и зенитных снарядов куски
на поляны — дождем с вышины.

А кукушка: ку-ку да ку-ку,
в небе бьются на жизнь и на смерть.
Украина! Тебе на веку
Столько выпало бед одолеть.

Над полянами — запахи трав,
солнце хмуро глядит с высоты.
Самолет загорелся, упав,
и на нем черной краской кресты.

А кукушка: ку-ку да ку-ку...
И на сад — град осколков летит.
Украина! Еще на веку
быть счастливой тебе предстоит.

1943

181

Тяжко бухает и гулко,
пыхает огнем
в сталь одетая гадюка
за родным Донцом.

Мы гадюку не доби́ли —
и врагов полки
правый берег затопили
дорогой реки.

И змея петлей тугою
жмется к берегам...
Украина за рекою
руки тянет к нам.

1943

182

Столько было пережито,
как поля грустны.
От дождя поникло жито
до весны.

Вьются тучи над полями,
тишь на полосе...
От разрывов ямы, ямы,
по бокам шоссе.

В сердце матери — кручина,
змей в него заполз...
Поседела Украина
от горячих слез.

1943

183. РАНА

Живая рана в сердце Украины,
в тоске снегов лежит Крещатик мой.
Куда ни глянь — руины да руины
простерты молча к выси голубой,

как руки мертвых, в безысходном горе,
в железной муке тягостных ночей...
Звезда прощально светится в просторе,
и стрелы острые ее лучей

летят на запад, где на поле брани
титаны бьются... Где не так давно

элетросвет сиял парчовой тканью
и словно пело каждое окно.

К Славути шли в цветах победных люди,
смеялась юность в золотых садах...
Вовек такого сердце не забудет!
Среди руин лежит мой скорбный шлях.

Но что это? .. Уже идут трамваи,
стремительно течет людской поток.
И на глазах Крещатик оживает!
Ткань заживляется. Струится жизни ток.

Руин всё меньше... Синей перспективой
раскрылась даль, как милые глаза...
Я — радостный,
я — гордый и счастливый!
Так окровавленная полоса

лучом согрелась...

Мой Крещатик, здравствуй!
Ты краше станешь... Как морской прибор,
вновь зашумишь... И плачу я от счастья,
что ты преобразишься, молодой

невыразимо... Сыплется в машины
град кирпичей. Зовет желанный труд.
Звучит оркестр. И дети Украины,
строители, в рядах с лопатами идут,

чтоб рану заживить...

Вновь к выси тополиной
строй стен поднимется, и день не будет хмур,
покроется цветами Украина,
не станет слез, на мирный звон бандур

девичий голос в парке отзовется...
О, сколько радости в напеве том!..
Глаза зажмурив, соловей зальется
и серебристый нам подарит гром.

А ты, Крещатик, шумный и широкий,
огнями убранный, мне будешь слать привет,
и я пойду в сверкающем потоке
днепровским берегом, как много долгих лет

тому назад... Веселые трамваи,
глота́я даль, помчатся вдоль витрин...
Я — на горе́. И взором даль пронзает
Владимир мой — земли и солнца сын,

Иду. Луна, приветствуя сердечно,
шлет сно́п лучей... Я в день пришел из тьмы...
И на коне неукротимом в вечность
летит Богдан, как в будущее — мы.

1944

184. ЛЮБИ УКРАИНУ

Люби Украину, как жизни родник,
как солнце, и травы, и воды...
В счастливую пору и в радости миг,
люби и в годину невзгоды.

Люби Украину, люби всей душой
вишневый расцвет Украины,
красы ее новой и вечно живой
и речи ее соловьиной.

Меж братских народов, как садом густым,
сияет она над веками,
люби Украину всем сердцем своим
и всеми своими делами.

Для нас она в мире навеки одна
в простора волнующих чарах...
Она и в созвездьях, и в вербах она,
в горячего сердца ударах.

В цветке, малой птахе, в электроогнях,
и в песне душевной, и в думе,
и в детской улыбке, в девичьих глазах,
в знамен пламенеющем шуме.

Как той купине — ей гореть, не сгорать.
В тропишках ей жить и дубровах,
в гудков рокотанье, и в волнах Днепра,
и в тучках иссиня-багровых.

В огне канонад, что развеяли в прах
пришельцев в мундирах зеленых,
в штыках, что во тьме пробивали нам шлях
к раздолью времен просветленных,

О юноша! В памяти ты заруби,
коль сердцем Отчизну голубишь:
другие народы нельзя полюбить,
когда Украину не любишь.

О девушка! Родину верно любя,
ты годы напрасно не сгубишь.
Желанный любить не захочет тебя,
когда Украину не любишь.

Люби и в труде, и в беде, и в бою,
как песню, душою ты всею. . .
Всем сердцем люби Украину свою, —
и вечен пребудешь ты с нею!

1944

185. НАД НЕВОЮ

Еще недавно здесь снега
огнем пожаров полыхали
и орды лютого врага
кварталы кровью обагрjali.

Из чуждых, неприветных стран
пришли непрошеные гости, —
и Пулковский меридиан
сожгли бы, если б удалось им. . .

Огонь и тьма, огонь и тьма,
и рушились домов обломки,
но бронза Кирова сама
в сердцах бойцов звенела громко.

Под орудийный гул и град,
одетый дымной пеленою,
стоял голодный Ленинград
неопалимой купиною.

И, орды бешеных зверей
громя ударом небывалым,
гранитной головы своей
он не склонил пред вражьем валом.

Уже не та борьба идет, —
опять возводит труд строенья,
и радостной зари восход
встречает наше поколенья.

Стою безмолвно на мосту.
Нева моя! Заводов дымы...
И Медный Всадник в высоту
летит, летит неудержимо...

1945

186. ВЕСНА

Весна... И ветви сад полощет,
чуть-чуть качаясь, будто пьян,
шумит Софиевская площадь,
и ожил бронзовый Богдан.

Устав от вечного покоя
и медью в огненных глазах
сверкая, в небо голубое
помчался конь, взметая прах.

С коня слетают пены клочья,
он всё быстрее мчит вперед...
Вокруг него весна клокочет,
благоухает и цветет.

Детей, бегущих в школу, радость
звенит и плещет, как прибой,
и словно арками из радуг
украшен Киев мой родной.

И песен звонких переливы
сердца встревожили до дна...
Идет по улицам шумливым
непобедимая весна.

1945

187. НА ДНЕПРЕ

Ветер над рекою,
синева рябит.
Где был грохот боя —
смех теперь звучит.

Стягами, огнями
в небо, как прибой,
светится над нами
Киев вольный мой.

Облака гурьбою,
небо в серебре.
Мы в челне с тобою
снова на Днестре.

Льнет он к нам кудрявой,
ласковой волной, —
ой, была кровавой,
стала голубой.

1945

188. ШУМЯТ ДУБЫ

Шумят дубы... Да, это здесь когда-то,
как яростный и гневный исполин,
страной благословенные солдаты
прошли и гнев свой пронесли в Берлин.

Да, здесь гремели клики боевые...
Какой огонь горел в глазах бойцов!
Как пламенели лица их живые
на фоне темных сосен и дубов.

Шумят дубы... Лежат в обломках доты,
травя между колючкою густа.
И сквозь листья в вечерней позолоте
небесная синее высота.

Шумят дубы... А в сердце — свет покоя,
закатного луча чуть рдеет след...
Между корней тяжелою стопую
тут танки шли... Нет! День пришел, рассвет!

1946

Песня моя, песня, сколько в сердце счастья!
 В синеве прозрачной облака легки.
 Отлетело горе, темнота, ненастье —
 отразилось небо в зеркале реки.

Песня моя, песня, ты даруй мне силу
 воспевать могучих, смелых, молодых,
 разметавших тучи, тьму, что нас томила,
 отогнавших бури от полей родных.

Их пути-дороги памятны, как чудо,
 по кровавым кручам им пришлось шагать.
 Я строкою каждой, каждым словом буду
 воспевать их, славить, к сердцу прижимать.

Вы врага разбили, отогнали беды,
 и земля сияет в солнечных лучах.
 Вас, питомцы славы, вас, сыны Победы,
 берегу я в сердце. Вам — сиять в веках!

17 января 1947

Мне мечта шепнула... Вслед за зимним сном
 пролетит касатка над моим окном.
 Пролетит касатка. Счастье нам суля,
 журавли крылами осенят поля,

и забьется сладко сердце у меня,
 как родник, что плещет, серебром звёня.
 На полях не станет пятен снеговых,
 расцветут фиалки вновь в глазах твоих.

Пусть с весной сольются все мечты мои,
 и в душе о счастье грянут соловьи,
 и вернется радость, свет вокруг струя,
 как моя Украина, радуга моя!

29 января 1947

Твори, всегда твори, — пускай летят мгновенья,
пускай, как шумный лес, рокочат города.
Во имя Родины, во имя возрожденья
твори, твори всегда!

Развеяна навек штыками туча злая,
и золотом весны одета наша высь!
Ты — молотом звеня, а ты — стихи слагая,
трудись, всегда трудись!

В земных пластах шахтер, ученый в кабинете,
приблизьте к нам приход сверкающей зари!
И в сумраке ночей, и в ярком полдня свете —
твори, всегда твори!

1 февраля 1947

192. ДУБ

Качая вершиной косматой,
задумался дуб на заре.
Не зажил след пули проклятой
в сухой, заскорузлой коре.

Припомнил он осень, туманы
и запахи мокрой земли,
когда палачи партизана
сюда на расстрел привели.

Потрескались губы от муки,
и чуб завился на ветру.
Затекшие, потные руки
ласкали сухую кору.

И выстрела жаркое пламя
прошло через голову в ствол...
И ветками дуб, как руками,
по лбу молодому провел.

Задумался, смотрит косматый...
Но хлынули соки со дна,
не приняли пули проклятой —
и пала, как желудь, она.

И пала на борозды пашен.
А в небе — летят облака...
Вовеки на родине нашей
не даст этот желудь ростка!

И ветви у дуба от муки
вздываются в синь и в жару,
как будто затекшие руки
ласкают сухую кору.

1 июня 1947

193

М. Ф. Рыльскому

И вот пришел наш день победный,
но и сегодня помнишь ты,
как горек был тот час рассветный,
как выли бомбы с высоты.

Какое горе мы узнали,
как были наши дни темны,
когда наш Киев покидали,
на запад отступая, мы.

Но к счастью вновь открыты двери,
прошла страда лихих невзгод...
Не побеждают — без потери.
Без горя радость не живет.

2 июня 1947

194

Мой шаг — он в шагах миллионов звучит,
и в хоре согласном мой голос летит,
мой молот среди тысячи молотов бьет,
в дыханье народа — дыханье мое.

И мне, как другим, ароматы цветов,
и светлое солнце, и дали веков.
Я слит с моим домом — народом родным —
любовью горячей, дыханьем моим.

8 июня 1947

188

Мне любо золотое лето,
и даль, и зорек синева,
когда, колдуя до рассвета, ..
мне о любви шумит листва;

когда простерта ночь над нами,
и счастье с горем скрыты мглой,
и бродит месяц над домами,
как в древних латах часовой;

когда спадает пыль дневная,
и воздух пьется, как вино,
и входит вечность заревая
в мое раскрытое окно.

1947

Над шахтами небо в клубящемся дыме,
в зарницах огней заводских.
Давно о тебе я, Донец мой любимый,
стихов не слагал голубых.

Открыли зари золотые ворота
мы в битве за счастье свое,
и вот из пожарищ моя Третья Рота
в труде величавом встает.

Всё так же гудок свою песню заводит,
как нашим победам салют,
всё те же друзья, направляясь к заводу,
по улице Красной идут.

В махорочном дыме я вижу, я чую
весны драгоценной разбег:
я вижу конторку свою проходную,
следами утопанный снег,

родными следами. . . И след тот остался —
к чугунке, с горы, на пустырь,

где я малышом на салазках катался
сквозь снега колючую стынь.

И станция та, и вагоны, вагоны,
и стук неустанный колес;
и ясный мой взгляд словно в мареве тонет, —
там жил, там любил я, там рос.

1947

187

Зазеленели вновь каштаны,
и в птичьем щебете кругом
звучит мотив зари румяной
за голубым моим окном.

Душа — как щебет соловьиный.
Вот новый дом. Под шум машин,
деревьев перегнав вершины,
он вырастает из руин.

Руины... вся в крови, казалось,
земля навеки сожжена.
Я часто, сдерживая жалость,
глядел из своего окна...

Но люди с зорким, смелым взглядом
пришли: кирпич за кирпичом
кладут, ровняют ряд за рядом,
из праха поднимают дом.

Я видел жест их четкий, жесткий,
и взор их верою снял,
когда их пиджаки в известке
луч солнца нежно целовал.

Живет их образ неугасный,
как песня, вечен и един.
Прославим тех, чей труд прекрасный
жизнь подымает из руин!

1947

190

198. ТЕРРИКОНЫ

И поля, и мосты, и вагоны,
и протяжная песня — слышней. . .
Терриконы мои, терриконы,
пирамиды донецких степей!

Где земля заждалась возрождения,
где лишь дикие травы цвели,
неустанным трудом поколенья
вас под самое небо внесли.

В ваших недрах, темнея угрюмо,
закипала глухая гроза:
здесь шахтерские горькие думы,
подневольная, злая слеза.

Это — в прошлом. . . А выше, над кручей,
словно знамя летя в небеса,
наш порыв, боевой и кипучий,
наших вольных людей голоса!

Мы ступаем вперед непреклонно,
и опять они в песне моей —
терриконы мои, терриконы,
пирамиды донецких степей.

И стоите вы друг возле друга,
молчаливая, строгая рать. . .
Малышом собирал я здесь уголь,
чтобы — взрослым — напевы собирать.

1947

199

День зелен, степь расшита шелком,
безбрежны милые края,
и птичьих песен в роще столько. . .
Мне юность вспомнилась моя!

За горизонт бегут дороги,
поет серебряный ковыль. . .

Там и мои босые ноги
горячую топтали пыль.

Тонули взоры в море красок,
закат пылал и рдел вдали,
и взгорья синие Донбасса
куда-то в мареве текли.

Крылом ветряк мне машет смело,
и манят соловьи в простор. . .
Там девушка одна робела,
когда ее встречал мой взор.

Несутся дней лихие кони,
гудки над далями полей;
и снег виски неслышно тронул. . .
О, время зрелости моей!

Кто юность позабыть посмеет?
Взгляни: сверкает седина,
но только песня не стареет,
как прежде — молода она.

1947

200

Он бросился под крик «вперед!»
на амбразуру дота смело,
и захлебнулся пулемет
под молодым и сильным телом.

Упал он и погиб, как жил, —
победно, искренне и строго.
Своим он сердцем дот закрыл,
чтоб отворить нам в жизнь дорогу.

Последним взглядом он ловил
весь мир с бессмертной красотой. . .
И солнце падало в крови,
благословляя смерть героя.

1947

В серебро нарядились каштаны,
шумный день догорает быстрее,
и январь через город туманный
бродит в мутном огне фонарей.

Он под снежными ветками бродит,
что таинственно реют над ним,
и на стеклах цветы он выводит
леденящим дыханьем своим.

Это знак, что уже из-за моря
в путь-дорогу пустилась весна
и в живом, обновленном узоре
те цветы нам подарит она.

1947

А дни, как тени, мимо, мимо, мимо!
Ты дуною стремишься за ними вслед.
Пусть жизнь спешит вперед неутомимо,
ты вслед за ней не запоздай, поэт.

Крыло в крыло. Не отставай в стремленье.
Всегда в пути, стремишься на яркий свет,
чтоб после не было суровых сожалений...
Не отставай от времени, поэт.

Пускай живет в словах, как звон в металле,
бурливый путь прекрасных наших лет.
Одной нам жизни, скажем прямо, мало...
Не отставай, смотри вперед, поэт.

1947

Сеет и сеет снежок,
лег на просторы дорог.
В рощице ветер встает,
грустную песню поет.
Сеет и сеет снежок.

А под снегами зерно.
К свету пробьется оно.
Счастье заглянет в окно.
Спит под снегами зерно.

Сеет и сеет снежок...
Что я свершил, что не смог?
Небо в туманном снегу.
Что еще сделать смогу?

В сердце, что солнца полно,
песен бросаю зерно,
чтобы, весной созрев,
словом взошел мой посев.

Снежный туман, высота,
солнцем душа залита,
словно когда-то, давно...
Будет весна-красота,
Счастье заглянет в окно!..

1947

204

Как чудесно в поле!
Без конца бы шел.
Тополя на воле,
солнце, сад и дол.

Вновь я юный, юный
и веселый вновь...
Телеграфа струны,
пойте про любовь!

Смолкли батареи,
грозные в бою.
Снял я портупею
и шинель свою.

После дней ненастья,
стяг родной, алей!..
Счастье, счастье, счастье
на земле моей!

1947

Распелись птицами дубравы,
 шумят хлеба в краю родном.
 Подсолнечник золотоголовый
 за солнцем тянется лицом.

Над ним плывет родное небо,
 согрето блещущим лучом.
 Я, как и он, всегда хотел бы
 к тебе повернут быть лицом.

1947

206. ПЛЕННЫЕ

К нам шли они ордой несметной,
 несли нам кровь и мрак разлук.
 Их нынче путь — не марш победный —
 подметок деревянных стук.

Теперь умолк их крик нахальный,
 в их мутном взгляде — волчья жуть.
 В одежде полоненных дальний
 им надлежит осилить путь.

Идут, махаячи руками,
 как автоматы, тени зла.
 Их проклинаят каждый камень,
 моя земля их прокляла.

На них глядит как из тумана
 мать, вся в морщинах горевых.
 Быть может, дочь ее — Светлану
 замордовал один из них?

Они идут. Таких немало,
 познавших силу наших рук, —
 и хмуро слушают кварталы
 подошв их деревянный стук.

1947

По аллее иду я,
друга милого жду.
И цветам поцелуй
солнце дарит в саду.

А цветам это любо,
и, воздушно-легки,
как раскрытые губы,
чуть дрожат лепестки.

28 июня 1948

В твоих очах одна моя надежда,
и вся любовь в лучистых их морях.
И всё, чем жил, о чем я думал прежде, —
в твоих очах.

В их глубине краса души сияет.
Пока в крови пожар еще не стих,
моя любовь зарею полыхает
в очах твоих.

Пусть серебром снег волосы затронет,
на жизнь ложится тень осенних дней, —
целую узкие и нежные ладони,
смотрю в огонь негаснущих очей.

Я в них тону, как в том небесном море,
где звезды кружат хоровод лучей...
В моей душе всегда сияют зори
твоих очей.

3 июля 1948

Подходит вечер... Тихо, властно
он стирает тень свою.
Я над Донцом моим прекрасным
опять задумчиво стою.

Гляжу на дым, плывущий тучей
над незабвенной гладью вод.
Здорово, из руин встающий,
родной мой содовый завод!

О, как ты снился мне за далью,
как снились эти небеса! . .
Здорово, мой герой, страдалец,
степей Донетчины краса!

Ты крылья вновь расправил смело,
чтоб жизнь, как сад, цвела кругом.
Сюда, сюда, сюда летела
душа сквозь орудийный гром.

Донец! . . Тебе я в дни тревоги
с любовью посылал привет, —
не раз мои босые ноги
в песке здесь оставляли след.

Ты вырастил меня поэтом,
отец мой светлый, мой Донбасс!
Здесь, в сквере заводском вот этом,
я слушал музыку не раз.

Здесь и росли мы, и любили,
здесь юность встретили свою,
здесь на поденщину ходили,
отсюда шли на фронт в строю.

Ласкай же взор, садов цветенье,
звени, простор знакомых вод!
Я в радостном воображенье
вновь возвращаюсь на завод.

Тебя люблю, титан желанный!
Пройдя сквозь грозы и бои,
работой залечил ты раны,
как песней звонкой я — свои.

12 июля 1948

Цветы колышутся в мечтанье,
и я гляжу, гляжу на них —
и снова вижу очертанья
донецких склонов меловых.

Там я бродил, цветы собирая,
сбирал у шахты уголек
еще мальцом. Трава степная
там пахнет так же, в тот же срок,

Завод знакомый на пригорке,
гудок сквозь черный дым кричит,
и мимо проходной конторки
толпа друзей монах спешит.

В поселок, за горой покатою,
от сердца струны к ним бегут. . .
Там с белым узелком когда-то
и я спешил сквозь дым и гуд.

Я помню ночи голубые,
и небо в солнечном огне,
и цех гремящий, где впервые
смуглянка улыбнулась мне,

и как я шел под грохот грома,
рассвет встречая огневой,
и как порог родного дома
переступил, окончив бой. . .

Летите, думы, светлым роем
туда, за синеву озер,
где сквер за школой заводскою
из веток сплел сквозной шатер,

где солнца блеск упал на травы,
как будто что-то ищет он. . .
Но где взор девушки кудрявой,
где мальвы, где гитары звон?

Лазурь в огне, реки блистанье. . .
О, как хочу увидеть их —
и синь волны, и очертанья
донецких склонов меловых!

21 июля 1948

211

Встрепенется чутко
песня — и туда,
где течет Бахмутки
мутная вода,

и тропюю звонкой
мчится вдоль садов
в степь, где я мальчонкой
пас чужих коров.

Тучи золотые
в тихом свете дня.
Ноженьки босые,
колкая стерня.

На стерне той голой
я стоял вдали,
а ребята в школу,
в Звановку прошли.

Шли порой осенней
дети в первый класс.
Денег на учење
не было у нас.

Капал дождик тонкий.
Брел я налегке,
в мамкиной кофтенке,
с посошком в руке.

Долго так с тоскою
я глядел на шлях.
Ветер надо мною
плакал в проводах.

Капле на просторе
сам я был под стать...
С батькой стал я вскоре
по складам читать.

Поступил я в школу.
Позже — на завод.
Даль в дыму, тяжелый
блеск донецких вод.

Озаренный светом
боевых тревог,
стал давно поэтом
малый паренек...

...Встрепенется чутко
песня — и туда,
где течет Бахмутки
мутная вода,

и тропюю звонкой
мчится вдоль садов
в степь, где я мальчонкой
пас чужих коров...

21 июля 1948

212

О дней моих весна, тебя я в песни кличу,
и ты идешь ко мне, свободна и легка,
с донецких берегов... В заре твоем обличье,
и на челе моем лежит твоя рука...

Прозрачна и ясна, и сквозь нее видны мне
бескрайние поля, пожары за рекой,
и слышу пушек гром. На терриконов думы
иду в шинели я, вихрастый, молодой.

Подсумок на ремне, винтовка, бинт на горле,
обмотки на ногах все в глине и в крови...
Иду, иду... Ко мне, как будто бы из горна...
То молодость моя, былые дни мои...

Вот я прощаюсь с ней, она навек чужая...
в далеком Бахмуте... Окончились бои.
Вот я иду в слезах, пути не разбирая...
То молодость моя, былые дни мои...

Вот Харьков шумный... Я уже поэт известный.
Еще рабфаковец, а уж читают им,
студентам, обо мне... О, дней далеких песни,
о, дни, когда я был бездумно молодым!

Я с девушкой иду, и в розовые губы
ее целую я на улице при всех,
везде ручки звенят так весело и люблю,
и юный смех звучит, наш беззаботный смех.

Неужто уж рассвет? Как быстро ночь промчалась!
Я в зеркало смотрю... Уже седею я.
И все-таки за всё, что в сердце отсыяло,
благодарю тебя, о молодость моя!

19 августа 1948, 1958

213. ТРЕТЬЯ РОТА

Павлу Беспощадному

Я пришел к тебе, матушка наша,
Третья Рота, родная моя,
чтобы петь о тебе еще краше,
чем когда-то я пел про тебя.

Про Донец и цветущее поле
в бирюзовом разгоне путей,
про завод и родное приволье,
про героев — твоих сыновей.

Не забыть нам о юности хмурой,
звон оков и в крови краснотал...
И на шахте парторга Сосюру,
брата милого, я целовал.

Милый Януш!.. Я видел: седины,
слезы-росы катились по ним...
Вспомнил ты, как из мрака-руины
мы с боями шли к дням золотым.

Шестопалов. . . Когда-то мы «в перья»
наиграться с тобой не могли. . .
Инженерами жизни теперь мы
со страной вместе к счастью пришли.

Больше мрак нам проклятый не страшен,
о мой край — царство угля и руд!
Я пришел к Беспощадному Паше
и пою вдохновенный наш труд.

О поэт мой, о брат мой, с тобою
из шахтерской мы вышли семьи,
чтобы петь про гудки и забои,
про людей, что твои и мои,

про шахтеров, что к высям крылатым
поднимают трудящийся класс.
Ведь когда бы их не было, брат мой,
то с тобою бы не было нас.

Третья Рота. . . Донец, терриконы,
дым завода над синью реки. . .
Как салюты, гудят упоенно
над веками Донбасса гудки.

Сентябрь 1948, 1958
Ворошиловград

214. ОДЕССЕ

Мы здесь по улицам прошли,
товарищи мои.
Любовь с поэзией вели
меня, юнца, в бои.

Меня отсюда эшелон
на грозный запад вез,
где сбруи звон, и крик, и стон,
где гул орудий рос,

где разливались моря
кровавые в огне.

И кари очи, как заря,
там улыбались мне...

Поэзия моя, вон в том
я парке с ней гулял.
Недаром парк себе потом
Шевченко имя взял.

В потоке лет я не забыл
те дни... Здесь, за углом,
отель международный был,
и мы, курсанты, — в нем.

О, смелость в юной голове,
о, грозный блеск штыков!..
Нам гимнастерки с галифе
пошили из мешков.

Мне снова светят в вышине
мигнувших дней огни...
О Шотнек, Шотнек, разве мне
забыть тебя в те дни?

Ведь ты весною милой той,
когда гроза прошла,
меня путевкой золотой
в поэзию ввела.

Далекий Харьков... В свете дня
встает он за окном...
Ты познакомила меня
с Иваном Куликом.

Я для тебя стихи читал,
читал для Кулика.
И он тогда меня забрал
из армии в ЦК.

По этим улицам мы шли
в бой, в разлив огня...
Любовь с поэзией вели
в грядущий мир меня.

15 октября 1948

Крик гудков и звоны стали,
в сердце струнный перебор,
отблеск веток в синей дали,
люди, солнечный простор.

Снег, развихренный копытом,
птиц приветы на горе,
всё душе вокруг открыто,
тонет в ней, как синь в Днепре.

1948

Опять зеленый мир, и зеркало Ирпени,
и звонкий гомон птиц над синей рекой,
и вновь, как год назад, подобно белой пене,
спокойно облака плывут под синевой.

О свежий ветер мой и ветви в буйстве пьяном,
я вновь вернулся к вам от гула площадей
и уличной толпы. Опавший цвет каштанов
уже прибит к земле потоками дождей.

Опять меня цветы пьянят, благоухая,
ласкает взор мой даль. Такая ширь кругом!
Я молодею здесь. . . И снова песнь слагаю
о вербах золотых за голубым окном.

И в роще соловей запел, как будто вторя,
и всё поет кругом, со мною и во мне, —
и в небе облака, и розовые зори,
и сердце расцвело, как в сладком полусне.

О, пой, душа моя! Пусть сердце отдыхает —
ему такие сны безмерно дороги.
Пусть снова ветви мне приветливо кивают
и милой слышатся знакомые шаги.

Зеленый, светлый мир, я вновь тебя приемлю,
тону, как звездочка, в бездонности твоей,
что сквозь мильоны лет глядит на нашу землю,
сливая с звездами мерцание лучей.

1948

Не играй ты мне, друг, на гитаре,
нежной песней меня не мани!
О глазах я грущу не о карих,
а о синих, как ясные дни.

И пускай моя кровь не клокочет,
а поет и томится по ней. . .
Пусть в глазах твоих звездные ночи, —
мне же летнее солнце родней.

Так не пой же мне песен напрасно.
Для чего же бороться с судьбой?
Ты, как южная полночь, прекрасна,
а она — это день голубой.

Не играй для меня на гитаре, —
всё равно же, тебе на беду,
только в синих глазах, а не в карих
я бескрайнее небо пайду.

1948

Мария! И синее море. . .
Мария! И небо весной. . .
С тобою шумит на просторе
вся жизнь золотою волной,

как жито колхозное в поле,
как домен огни над Донцом. . .
Я сердцем сливаюсь до боли
с твоим незабвенным лицом,

что солнцем сияет над взгорьем
и душу волнует мою,
как радость, как жгучее горе. . .
И губы губами я пью. . .

И песня, как птица, взлетает,
в далекие мчится края. . .
А сердце одно повторяет:
«Мария моя!»

1948

219. ГАННА ИВАНОВНА

Учительницу милую мою
я до сих пор с любовью вспоминаю.
Она любила школьную семью, —
задумчивая, скромная такая!
Мы с Ганною Ивановной всегда,
как с матерью добрейшей, хоть и строгой,
дружили. Даже горькая беда
не унижала страхом и тревогой
ей душу. Кроткий огонек сиял
в ее глазах. Нам отчим домом стал
тот малый школьный домик у запруды.
Учительницу век я не забуду,
я так ее любил и уважал!
Приветлива, радушна, нашей воли
не сковывала, не бранила нас,
но на ее уроках целый класс
был точно сад притихший. С нами в поле
ходила и учила край родной
любить, как солнце, как простор степной;
учила знать цветов и трав названья,
учила не губить ни гнезд, ни птиц.
Вдали играли искорки зарниц,
и скошенная рожь цвела сверканьем
жемчужных рос. . . Учительница, друг,
мне не забыть тебя, пока живу я!
Твой тихий взор опять зажегся вдруг
в моей душе. Чудесную, простую,
тебя, как мальву, песня сберегла:
второю матерью ты для меня была.

1949

220. А. С. ПУШКИНУ

Вздыхает даль холодными валами,
и льется синь туда, где свет погас. . .
Он тут ходил, затравлен палачами,
под шум морской,
в прощанья скорбный час.

Завидовал он голубой стихии,
любил он непокорную красу

восставал из разрухи и жарко
посылал нам гудками салют.

Ты читал нам, и были мы, юны,
все — в тебе, ты был с нами, поэт. . .
Мы сияли, и грозами струны,
и любовью и гневом в ответ

пели в душах. . . Слова, пламенея,
единили мечты и сердца,
и штыков были вражьих сильнее,
и любовью святой без конца

к нашей Родине светлой, к народу
прожигали нам нервы они,
словно ток. . . А в окно с небосвода
засмотрелись созвездий огни,

освещали простор, чтоб не скользкий
был наш будущий путь молодой,
слал привет свой тебе, Маяковский,
тот далекий огонь золотой. . .

Как любили тебя мы! . . Трубою
звал твой голос для новых побед
и на бой, и на штурм за собою,
тьму пронзая, как будто стилет. . .

Пролетели и годы и сроки. . .
Но доньше мне сердце гнетет
смерть твоя, мой гигант кареокий,
в тот далекий, тридцатый тот год.

Как рыдал я тогда над тобою,
что погасла такая судьба
и что ненависть пулею злою,
словно недруг, сразила тебя,

что земля тебя мраком укрыла,
что твой голос навеки замрет,
что сложил ты орлиные крылья
в тот далекий, тридцатый тот год.

Да. Не стало тебя. Только струнный
в наших душах призыв не утих. . .

Это песни твои, сын Коммуны,
всё звучат, и не умер ты в них.

Ветер веет над нами, как знамя,
в наших жилах шумит твоя кровь...
Ты живешь, ты не умер, ты с нами,
ибо смерти не знает любовь.

1949

222

Горы Абхазии дремлют в тумане.
Тихо вокруг — ни души!
Ветер платаны качает, как пьяный,
в бархатной сонной тиши.

Снятся магнолиям встречи, свиданья,
зори в огнях янтаря...
Шумно могучего моря дыханье,
звезды, как очи, горят.

Травы покрылись жемчужной росой,
радуги вместе слились...
Долго кричал пароход над волною...
Друг мой далекий, вернись!

1949

223. ДОНЕТЧИНА МОЯ!

Донетчина моя, твоих ветров дыханье
я ощущаю вновь, как прежде, как в былом,
когда, в лучах зари, цветов благоуханье
я так любил встречать над голубым Донцом.

Я ощущаю мощь порыва трудового
и в голосах степей, и в гомоне лесов,
и музыку гудков твоих я слышу снова,
Донетчина моя, бессменная любовь!

Вон шахты вдалеке... Гляжу на них, гляжу я,
и песнь рождается, слетает с губ моих.
Пускай снега кругом, но в сердце май бушует,
чуть вспомню о тебе, и в сердце — новый стих.

И снова молод я, и в радужном свеченье
весь мир передо мной, и счастьем полон я;
я, как струна, звучу, охваченный волнением,
объятый пламенем, Донетчина моя!

Полями я иду и знаю: там, под ними,
огромный дивный мир таится в глубине,
и дышит, и гремит, и звонами своими
еще с ребячьих лет так близок, дорог мне!

И, как на крыльях, в глубь подземных коридоров
мои мечты опять, вплетаясь в лад строки,
летят. . . Летят туда, где в такт шагам шахтеров
качаются, плывут, мерцают огоньки.

Донетчина моя, отчизна, мать героев,
твоих заводов дым как стяг в моих глазах.
Ты сделала меня поэтом в гуле боя,
чтоб навсегда тебя прославил я в стихах.

Донетчина моя, любимая, родная,
тебе все чувства я, всю жизнь отдать готов!
И снова, как дитя, к тебе я приникаю,
чтобы набраться сил для жизни и трудов.

1949

224

Стылые стены и лица,
тени, летящие прочь. . .
Что, синеокая, снится
в эту холодную ночь?

Может, смеясь, как весною,
ты в толчее городской
с сыном идешь и со мною
в шубке своей меховой. . .

Спи. Темноту и ненастье
солнце сияньем забудет. . .
О мое чудное счастье,
горькое горе мое! . .

7 декабря 1949

210

Ой, снега, снега, они
солнцем осиянны,
тонет всё вокруг, взгляни,
в счастье несказанном.

Бриллиантов дивный блеск
всюду предо мною
густо сеется с небес
щедрою рукою.

Может, мне за горя дни
кануть в несказанном...
Ой, снега, снега, они
солнцем осиянны!

4 февраля 1950

Солнце распахнуло золотые веки,
взглядом жарким гонит потемневший снег...
Мы с тобой расстались, может быть, навеки,
и любовь забылась в непробудном сне.

Неужели смерть ей?.. Нет... Дыханье сонно
на груди колышет вышивку — цветы...
На ресницах блещет жемчуг увлажненный,
а под ним глубины жаркой темноты.

Тьма, а в ней сверкают вспышки молний синих —
тех очей жестоких, близких и чужих —
тех, которых краше нет на Украине,
и во всей вселенной не найти таких.

Спи, моя голубка!.. Сон твой не навеки,
мы с тобой дождемся радостного дня...
Неспроста, родная, золотые веки
распахнуло солнце в сердце у меня.

1950

Зачем в окно, что в сад открыто, —
и пенье птиц, и зов мечты,
и шепчущее в поле жито,
скажи мне ты, скажи мне ты?

Откуда счастье в нашем крае
и пахнут травы и цветы?
Тебя люблю, за что — не знаю,
скажи мне ты, скажи мне ты?

1950

Рассвет над шахтой дышит ранний,
в росе серебряной трава,
от ветра нежного дыханья
цветы колышутся едва.

И я всем сердцем, всей душою
донецким далям шлю привет.
Я рад и счастлив быть с землею,
где в первый раз увидел свет!

Где я впервые на работу
пошел на дальний зов гудка,
где мне с любовью и заботой
махнула милая рука.

В луче весеннего разлива
я помню девичьи уста. . .
Как будто кони с медной гривой,
промчались юности лета. . .

Яснеет день. В луче огнистом
звонит кузнечик полевой.
Иду по росам серебристым
свежеумытою землей.

1950

Уж осени предчувствие кругом. . .
И паутины волос протянулся
между ветвей. В падении своем
увядший лист седин моих коснулся,

как бы шепнул: «Забудь, забудь про всё,
как я про то, что жизнью звалось нами.
Меня холодный ветер понесет
и заметет печальными снегами,

как нес тебя вихрь безучастных лет;
и знать никто, и знать никто не будет,
что ты любил, что славил жизнь, поэт,
и что тебя за то любили люди».

День угасает. Тишина кругом.
Но, как и то, что будет час восхода,
нет, с песенного дерева листком
не упаду я в памяти народа.

26 августа 1951

Шахтер, я хочу, чтобы песня поэта
тебя воспевала и ночью и днем,
и в праздник и в будни, зимою и летом,
простор соколиным взрезая крылом. . .

Пускай о труде твоём люди узнают
и славят шахтера народов семья.
Пусть песнь о тебе никогда не смолкает:
во всем, что я вижу, работа твоя.

И в дымах фабричных, что вьются над нами,
клубятся над нами, как тучи, плывут,
в огнях поездов над стальными путями
и в заревах домен таится твой труд!

В домах, где глаза электричества яркие,
где в комнаты льются потоки тепла,
в мартенах с клокочущим пламенем жарким, —
и всюду, и всюду, где жизнь расцвела!

В каскетке угластой, красивый и смелый,
идешь по просторам весны голубым.
Прими мою песню, герой подземелий,
ее от души я пропел, побратим!

1951

231

Водой подрытый белый камень,
кукушки голос узнаю.
Где б ни был я, а всё ж мечтами
лечу в Донетчину свою.

Лечу, как будто стал крылатым,
и сердцем радуюсь своим,
завидя шахту, где когда-то
и я работал молодым.

Донца сверкающие воды,
поселка вижу я огни
и даже садик у завода,
где в давние гуляли дни,

где мы любили, выросли
среди товарищей своих
под вечный звон и грохот стали
в цехах широких заводских.

Еще сильней дымки клубятся,
но жизнь — по-новому светла:
копры рядами громоздятся,
и новым шахтам нет числа.

Гудки всё громче песнь заводят,
как счастья знак, а за Донцом
встают всё новые заводы
во всем величии своем.

Шумят сады над берегами
в далекой юности краю.
Где б ни был я, а всё ж мечтами
лечу в Донетчину свою.

1951

Ночные кричат паровозы,
и в крике их — радость пути,
каким мы прошли через грозы,
чтоб к миру и счастьем прийти.

Ночные кричат паровозы,
и в крике их — память тех дней,
когда, грохоча, бомбовозы
летали над степью моей.

Не сдержат ни бури, ни грозы
наш гордый порыв — в вышину.
Ночные кричат паровозы,
что мир уничтожит войну.

1951

Как счастлив я сейчас — ведь снова я шагаю
в родном селении по золоту земли.
Вот кареглазые шахтерки распевают,
прощально над Донцом курлычут журавли.

И содовый завод дымит над берегами,
и дым плывет в лесок — приют для птичьих стай, —
где осень сбросила прозрачными руками
багряную листву... А сердцу снится май...

Акаций аромат, покорные мне губы,
и ласки, и слова, что мне не позабыть...
А месяц в вышине очерчивает трубы,
накинув на кусты серебряную нить.

Как изменилось всё! Взгляни: над берегами
заводы поднялись, где рвали мы траву,
где молодой лесок шумел, шептался с нами
и небо в вышине мерцало сквозь листву.

Друзей встречаю я и, не тая волненья,
их обнимаю вновь над зеркалами вод,
а день шумит вокруг в рабочем напряженье,
и всё дымит, дымит мой содовый завод.

Как славно над Донцом! Качает ветер лозы.
Идет, гремя, состав к приморским берегам.
И золотом зари над грудью паровоза —
Пятиконечная республики звезда.

Донетчина моя! Любовь к тебе — без края!
Цветешь ты радугой на полный небосклон.
С высоких берегов, где Киев наш сияет,
с далекого Днепра несу тебе поклон.

1952

234

Звучали в дали неоглядной
могучие хоры гудков.
Читал побратимам в нарядной
я новые строки стихов.

Читал, что наш край возродится,
что злая развеяна мгла.
Улыбкой светлели их лица,
и радость во взорах цвела.

А небо в дали неоглядной
мерцало над лесом копров.
Читал побратимам в нарядной
я новые строки стихов.

1952

235

Первый раз, когда она, волнуясь,
с небом попрощавшись и с людьми,
робко в клеть широкоую шагнула, —
сердце замерло у ней в груди.

Клеть пошла, а дальше — полетела,
где-то солнце было и поля. . .
Как огонь, щека девичья рдела,
и казалось — падала земля.

«Ты не бойся», — молвила другая,
и лукаво улыбнулась вдруг,

и плеча коснулась, согревая
теплой лаской дружественных рук.

И глаза, синевшие, как льдины,
заискрились, счастья не тая...
Девушку Карпатской Украины
приняла шахтерская семья.

1952

236

С рассветом ветерок сильней
вдруг поднялся,
и смех шахтерок стал слышней
и голоса.

Не санки — фонари бренчат
наперебой:
толпа веселая девчат
спешит в забой.

Они идут, и ясен день,
ни тучки в синеве.
Как плавно самолета тень
скользнула по траве!

Девчат и в щеки и в уста
целует ветерок.
А рожь густа, а рожь густа
за кружевом дорог.

И солнце юное встает,
свой щедрый свет струя.
То не девчата, то идет
Донетчина моя.

1952

237

Гремит комбайн. . . И мерно, неустанно
агатовый блестящий ручеек
струится, — словно силою титана
направлен вдаль его сплошной поток.

Гремит комбайн. . . Луч, тонкий, серебристый,
над пыльной дорогой цветет.
Ведом рукою твердой машиниста
комбайн идет уверенно вперед,

как тот, что в море жита, в блеске солнца
среди колосьев золотых плывет,
но там — зерно в автомашины льется,
здесь — в вагонетки уголек течет.

Покорный повелению человека,
туда, где клеть напружила канат,
электровоз их полными вдоль штрека
промчит и вновь воротится назад.

Гигантский крот в земле — стальной и медный,
ток электрический в союзе с ним.
Гремит комбайн, как песня в день победный,
и угольный поток ценстошим.

1952

238

Как сад шумит, как пахнут ветви,
так не напишешь никогда!
Вот школьники, шахтеров дети,
идут, смеются у пруда.

Придет пора — трудом огромным
они прославят свой Донбасс.
А вдалеке сияют домны,
за горизонтом день погас.

На стыках рельсов — перезвоны
колес отчетливо слышны,
и озаряет терриконы
приветный свет большой луны.

Так тихо-тихо шепчут ветви,
в пруде, как зеркало, вода,
а там идут шахтеров дети —
грядущие бойцы труда.

1952

Вышли с песней за поселок,
 где в лучах янтарных луг,
 и стоит большой, веселый
 молодых шахтеров круг.

А кругом шумит, бушует
 в летнем мареве Донбасс.
 Под гармошку заводскую
 в пляске девушка прошла.

Сапожки стучат искусно,
 ножка быстрая мала. . .
 То откатчица Ганнуся
 из полтавского села.

Вся от солнца в позолоте,
 вся румяна, как весна,
 и на танцах и в работе —
 всюду первая она.

Пролетит по кругу птицей,
 стан согнет, махнет рукой. . .
 На нее не наглядится
 ладный парень молодой.

А девчонка жарким взглядом
 так и кличет паренька. . .
 Вот он вышел, стал с ней рядом
 и ударил «казачка».

Только эхо всё сильнее,
 в двух сердцах цветет весна.
 Он, как сокол, вслед за нею,
 и голубкою — она.

Вот догнал он полтавчанку —
 не смогла уйти она, —
 и кружатся по полянке,
 словно радуга одна.

Эх, как ловко, как искусно!
 Только чуб у парня взмок!
 В шахту к нам пришел из Курска
 этот бравый паренек.

Ветер веет и целует
щеки юных всякий раз.
А кругом шумит, бушует
в летнем мареве Донбасс.

1952

240

Нет равного труду шахтера,
взрывающего глубь земли.
Он пробивает путь сквозь горы,
чтоб радости моря цвели,

чтоб, как небес огни над нами,
огни земной красы зажглись,
шли поезда за поездами
и трубы дым клубили ввысь.

Чтоб заревом ширококрылым
вздымались домны в вышину,
чтоб выростала наша сила,
вещающая светлую весну.

Чтобы грядущей жизни зори
знаменами побед взошли. . .
Нет равного труду шахтера,
взрывающего глубь земли.

Вот он стоит, неукротимый
донецкий воин, сын труда,
краса земли своей родимой,
ее хозяин навсегда.

Улыбка расцветила губы,
и светлый день — в его глазах.
Над ним дымят заводов трубы,
гудят моторы в облаках.

Широкоплечий, смуглолицый,
он — жизни мощь и торжество.
Ему щебечут песни птицы,
поля приветствуют его.

220

Он весь как вылит из металла,
он смотрит в даль грядущих дней,
и солнце щедро увенчало
его огнем своих лучей.

1952

241

Ой, поля вы мои,
месяц над рекою. . .
Видно шахты вдали,
в лодке — мы с тобою.

Руку мне ты подала. . .
Глянь же, как красиво:
словно искорки, с весла
капель переливы! . .

Ой, поля вы мои,
ивы над рекою. . .
Видно шахты вдали,
в лодке — мы с тобою.

О любви ковыль шуршит,
ветерком гонимый. . .
За волной волна бежит,
светел взор любимый. . .

Ой, поля вы мои,
звезды над рекою. . .
Видно шахты вдали,
в лодке — мы с тобою.

1952

242

Дымит труба завода, чернея над Донцом, —
в его зеленых водах плескался я мальцом.
Где дым плывет над чашей, я, полон юных дум,
любил осин дрожащих зеленый слушать шум.

Прошли года, и снова волнует грудь мою
знакомой рощи гомон в родном моем краю:
вои там, где стебли маков сплелись в вечерний час,
проклятых гайдамаков рубили мы не раз.

В боях гудели степи в дни Красной той зимы.
Врагов из Боровского мы гнали в бездну тьмы.
Над Белою рекою мы ставили их в ряд —
И с гневной пулей в сердце за катом падал кат.

Прошли года... Зеленый шумит, как прежде, лес...
Цветы степные... клены... вишневый край небес...
Колышутся осины, и так же у реки
встают под небо трубы, мерцают огоньки.

Иду — и сквозь ресницы я вижу на заре:
коттеджами гордится поселок на горе.
Опять иду с друзьями... душа полна весной...
а дым плывет над самой конторкой проходной...

О, молодость! Опять я в кругу родной семьи...
О, в синих блузах брата, товарищи мои!
Идем семьей одною! Огнем горит лицо...
За трубами — родное Лисичье над Донцом.

Лисичье!.. Вновь предстали и юность и любовь...
О, пурпурные дали, о, вечный шум дубров!
И птицы над копрами, и рельсов звон стальной...
Опять иду с друзьями... душа полна весной...

И сердце ввысь стремится, и смех наш не затих,
ясны глаза и лица товарищей моих!
Врата зари весенней в лучах открылись мне.
О, радость возвращенья к родимой стороне!

1952

243

Для вас моя песня, пускай негасимо
вам светит, как звезд огоньки.
Для вас моя песня, мои побратимы,
шахтеры мои, земляки!

222

О вашей отваге, что всё покоряет,
о славной дороге побед,
о вашем труде, для которого, знаю,
пределов возможного нет.

Встают над веками копров силуэты,
о сердце правдивое, пой!
Примите же добрую песню поэта,
разведчики глуби земной!

Пусть песня немолчно идет рядом с вами
на те боевые посты,
где рубят комбайны стальными зубами
искристого угля пласты.

Фабричные дымы раскрасили чернью
небес голубых полотно.
Любовью к отчизне, любовью безмерной,
шахтерское сердце полно.

Для вас моя песня, пускай негасимо
вам светит, как звезд огоньки.
Для вас моя песня, мои побратимы,
шахтеры мои, земляки!

1952

244. КРЕПИЛЬЩИК

Он в мир, и в правду, и в добро влюблен —
во имя этого его дерзанья,
и, пласт крепя, всю землю держит он —
как тот Атлант из древнего сказанья.

Всю жизнь грядущей посвятив весне,
растит успех трудом упорным, честным.
А где-то в беспредельной вышине
бегут миры своим путем небесным.

Он верен цели, труд — ему под стать.
В свободный час берет он книгу в руки:
чтобы идти вперед, он должен знать
глубины светлой ленинской науки.

Намечен путь и к солнцу приведет.
Он добрый сын — Отчизна знает это...
Свой труд он отдает тебе, народ,
и сердце бьется возле партбилета.

1952

245

Терриконы, копры, терриконы,
вечный гомон глубоких стволов,
озаренных мельканьем бессонным
уносящихся вглубь огоньков.

Только сны о пожарах багряных,
о боях, отгремевших в полях...
Здесь вгрызается сталь неустанно,
прорывая дорогу в пластах.

Как прекрасна Отчизна родная!
С каждым годом всё краше она!
Нам, богатства свои открывая,
отдает их земли глубина.

К нам приветственный шум долетает
рек серебряных, нив золотых,
и на воле сады расцветают
в нежной зелени веток густых.

И вздымаются стены строений,
словно крылья, летят в вышину.
Никогда уже черные тени
не покроют родную страну.

Будет солнце опять, как от века,
по лазури свободной всходить.
Никогда, никогда в наших реках
чужеземцам коней не поить!

Сердце гордо и радостно бьется.
Мы — творцы новой жизни своей.
И трудом наших рук создается
прочный мир для планеты людей.

1952

224

Грянь, гармонь, играй
 про веселый май,
 про расцвет и радость жизни,
 про любовь к своей Отчизне, —
 эй, гармонь, играй!

Пальцы — на лады,
 и шумят сады,
 и пред нами даль огниста...
 То упали машиниста
 пальцы на лады!

Ну, гармошка, в ход!
 Соловей поет,
 звуки льются серебристо...
 И девчонка с гармониста
 взгляда не сведет.

Грянь, гармонь, играй:
 светел жизни май!
 У откатчицы Оксаны
 от любви сердечко пьяно...
 Эй, гармонь, играй!

Вьется дальний дым...
 Славно молодым
 в дружбе жигь, работать с песней!
 И плывет в простор небесный
 дальних фабрик дым.

Разгорелась кровь,
 а в глазах — любовь.
 И ладов смолкает слово...
 «Будь, чернявая, здорова!»
 — «Милый, будь здоров!»

1952

Донецкий край — его просторы
 и дали в заводском дыму...
 Не разлюбить его — он дорог
 навеки сердцу моему!

Раскрылись чувства, как соцветья,
весенним солнцем налились,
во тьме стремглав несешься в клетки
и думаешь — не вниз, а ввысь.

Душа весь мир вместить готова,
она — как моря бирюза...
И полны блеска золотого
шахтера зоркие глаза.

1952

248

Нет, здесь не посвист коногона,
а гром железа ледяной:
электровоз неугомонно
летит, летит в глуби земной.

Как бы лучом необычайным
пробито царство темноты,
и не кайлом мы, а комбайном
врубились в черные пласты.

Весна желанная настала,
зажглась, как в сердце нежный пыл:
то свет прекрасный, небывалый
отрадно шахты озарил.

1952

249. ПЕСНЯ

Машиниста молодого
полюбила я...
Полететь к нему готова,
да немилая...

Я немилая,
некрасивая.
Ой ты, доля моя
несчастливая!

226

А быть может, не так?
От любви я вяну.
Щеки вспыхнут, как мак,
если в очи гляну.

Видно, сердце, не нам
доли ждать хорошей!
Прошумит по садам
осени пороша. . .

Что же сердце болит,
разрывается?
Что же так он глядит,
улыбается?

Всё нейдет из ума,
только маюсь я.
А как гляну — сама
улыбаюсь я.

Пролетит и осень скоро
быстрокрылая.
Машиниста молодого
полюбила я.

1952

250

Здесь не речка льется звонко —
шахта новая.
В ней — откатчица-девчонка
чернобровая.

За вагончиком вагончик
отправляется.
В свете лампочки проходчик
улыбается.

Он девчонке скажет слово
спозараночку:
«Будь здорова, черноброва
подоляночка!»

227

Не забўрится вагончик,
не забўрится.
Как задумает проходчик —
так и сбудется.

От улыбки уст вишневых
легче дышится.
«Будь здорова, черноброва!» —
в штреке слышится.

1952

251. ВОЗЛЕ КЛЕТИ

Вот в клеть они вошли, чтоб устремиться вниз.
Стальной канат скользит, и мрак кругом, как копать.
Летят. И вдруг опять смолкают лязг и визг —
как будто великан внизу подставил локоть.

В дыханье теплых трав и в шепоте весны
идет горячий день дорогой голубою, —
а где-то там внизу, где своды так тесны,
мелькают лампочки по штрекам и забоям.

И девушка, что мы приметили с тобой,
глазами ясными под каскою сияя,
туда, где в глубине идет упорный бой,
помчится в поезде подземного трамвая.

И, как в ущелье гор, где тьма и тишина,
склоняя тонкий стан над лентой транспортера,
среди лавы угольной припомнит вдруг она
Гуцульщины родной студеные озера,

услышит сосен шум в краю своем родном,
услышит вдалеке знакомый зов трембиты.
Но всё это мелькнет далеким, милым сном, —
ее судьба теперь с Донетчиною слита.

И клеть помчалась вниз. И, отражая свет,
блестит канат во тьме, чернильной и глубокой.
Остановился он. Привет, большой привет
карпатской девушке — шахтерке ясноокой!

1952

Он в спецовке синей, радостен и молод,
клеть покинув, вышел повстречать апрель.
Брызги солнца всюду, ржавый лед расколот,
и звенит-рокочет дружная капель.

Тает снег опавший, пористый и хилый,
веет теплый ветер пареньку в лицо,
солнце наполняет душу новой силой,
и щебечут птицы в небе над Донцом.

Спит земля покуда, не шумит травую,
и не льется с неба дождик, свеж и скор,
но у парня сердце полнится весною:
славно потрудился молодой шахтер!

Снег в полях чернеет. Близки рек разливы.
Скоро закурлычат в небе журавли.
Он идет веселый, он идет счастливый,
в синей спецодежде — сын своей земли!

1952

Из клетки вышел. День какой,
и шепот ветра не смолкает!
А кажется — гремит забой
и взгляд комбайнера сверкает,

простой и ласковый. Он весь
как будто в этом взгляде ясном.
Слились и сталь и руки властно,
чтоб принести победы весть.

Всё это до сих пор в глазах! . . .
Я слышу бремсберга гуденье,
я вижу лампы отраженья
на неподвижных стояках.

Среди подземных коридоров —
электровоза быстрый бег,
и гулкие шаги шахтеров
доносятся из штрека в штрек. . .

Иду. Грохочут вереницы
машин асфальтовым путем,
и, словно золотые птицы,
проходят тучки над копром.

Гудки рокочут небывало,
алеют трубами поля. . .
Какой же ты прекрасной стала,
моя донецкая земля!

1952

254

Растаял снег. Дожди, дожди не в пору.
Январский день чуть брезжит из-за туч,
мерцает солнца бледный-бледный луч,
и в проводах звенят полей просторы.

Но васильками вновь цветет душа,
в ней веет ветер, полный ароматов.
Вдоль терриконов, хмурых и горбатых,
бежит шоссе, куда-то вдаль спеша.

Вот скоро шахта, скоро в шаткой клетке
я стану вновь, о, дней голубизна!
И шахтный ствол в неверном, странном свете,
как будто вверх, ко мне, взлетит со дна.

А там, внизу, где труд гремит, как грозы,
где бьют ключи, свой пролагая след,
я буду слушать гул электровоза,
идя по штреку на далекий свет.

И там, не зная ни тоски, ни боли,
зарю подобно, расцветет мой стих, —
где сталь машин слилась со сталью воли,
где солнце достают из недр земных.

Всё говорит здесь о шахтерской силе.
Луч на пластах блистает, как слюда.
Да! Только труд приносит песне крылья,
и жить не может песня без труда.

1952

255. РОССИИ

Уже в цвету пригорки и долины,
сады осыпал нежный, вешний цвет.
С теплом весны России Украина
шлет свой привет, свой братский шлет привет.

Мы любим Русь! Ей — всех сердец биенье,
она, как солнце, согревает нас.
Со дня Великого Соединенья
весна пришла уже в трехсотый раз!

Не страшен враг сплотившимся народам,
нам суждены великие дела:
нам под высоким этим небосводом
стальные крылья партия дала.

Не раз врага мы вместе отражали,
не погасить наш свет в кровавой мгле!
О Русь моя! Сверкающие дали
открыла ты всем людям на земле.

Мы пронесли с тобою стяг свободы
во все края в решающей борьбе.
Недаром предки наши в час невзгоды
клялись в навечной верности тебе!

Хвала ж тебе, чьи взоры лучезарны,
за все труды твои — тебе хвала!
Навек тебе народы благодарны
за то, что ты им Ленина дала,

того, кто в час Октябрьского восстанья
к победе, к счастью указал пути,
чье не померкнет жаркое сиянье,
за кем всегда к победам нам идти.

Курантов звон, как звон заздравной чаши,
как голос дружбы, ласки и тепла...
О Русь моя! Тебе все думы наши
и вся любовь, что в сердце расцвела!

1954

Кто, пушек не страшась, поднялся для атаки,
 услышав наконец восстания набат,
 кто видел на снегу багряной крови маки, —
 тот мне навеки брат.

Ведь за Отчизну он, всегда с ее сынами,
 любовью вдохновлен, прошел огонь войны,
 поднявши высоко пурпуровое знамя,
 как верный сын страны.

Кто с молотом в руках, и в шахте, под землю,
 бессмертье Родины упрочил, как солдат,
 и в поле, и в саду, цветущею весною, —
 тот мне навеки брат.

Ведь он построил мир грядущего прекрасный
 поднявшихся до звезд великих городов;
 в нем к Родине любовь жива, и не угаснет
 бессмертная любовь.

Кто стонет в кандалах, берет свободу с боя
 и кто встает с колен под залпов лютый град,
 кто смело восстает на самовластье злое,
 тот мне навеки брат.

Ведь он идет путем, которым мы стремились,
 чтоб в тот простор войти, куда и мы идем,
 чтоб грозно в небесах пожары не клубились
 и не терзали мир ни горем, ни огнем. . .

К вам, братья, голос мой! Кто ж угнетать
 стремится,
 кто хочет видеть мир закованным, в цепях,
 кто на крови людской спешит обогатиться,
 тот нам навеки враг.

Ведь он несет нам тьму, не любит он народа
 и ненавидит нас всем естеством гнилым,
 и на высоты нам, где счастье и свобода,
 не по дороге с ним.

Товарищи мои! Пора объединиться,
чтоб призрак злой войны исчез с полей труда.
И нас не разлучат ни море, ни границы,
мы — братья навсегда!

1955

257

Слышу крик журавлей вечерами вдали,
там, где в мареве синем долины. . .
С теплым шелестом трав, с плеском рек журавли
прилетят на мою Украину.

А она, их встречая, любви не тая,
озарится огнем, улыбнется,
расцветет, словно роза. . . И песня моя
с соловьиною трелью сольется.

Снег летит, снег летит, в белой замети сад,
и ничем не развеять кручину.
Он молчит, ожидая, когда прилетят
журавли на мою Украину.

1955

258

В саду зима, нагие мерзнут сучья,
и даль меж ними — как моя печаль.
Где летний мир, зеленый и пахучий?
Морозна даль.

Где пляж шумел под крики пароходов —
простерся сон, безмолвие, покой,
как рыцарь в ожидании похода,
оделся Днепр в свой панцирь ледяной.

И мы с тобою здесь не раз стояли,
где даль лучистым ливнем истекла,
и глаз твоих в ней синева сияла
в предчувствии весеннего тепла,

233

Прошли года, и снова мы с тобою,
далеких дней сдружила нас печаль...
Глядит сквозь ветви, в тишине, в покое,
снегами даль.

1955

259

Я горжусь тобой гордостью сына...
И тебя захлестнула весна,
Украина, моя Украина,
край рабочий, моя сторона!

Даль разносит железные звоны,
о труде песни славы летят,
где Донбасса встают терриконы,
рудники Криворожья гудят.

Пламенея, как флаг, неустанно
солнце льется на нивы твои.
От Донца до Карпат и до Сана
всюду свищут твои соловьи.

И идут по путям, где когда-то
за свободу гремели бон,
пареньки молодые, девчата —
ясноглазые дети твои.

Заалеет огнем георгина, —
для тебя распустилась она,
Украина, моя Украина,
край колхозный, моя сторона!

1955

260

Нет, не забыть тебя вовек.
То сон, обман, я знаю.
Всегда со мной, и в дождь, и в снег,
лишь ты была, родная.

234

И в тихий день, и в ветровой,
и в тягостные ночи
светил мне только образ твой,
твои сияли очи.

Разлуку дней проклятых тех
и тех дорог не сыщешь.
И снова голос твой и смех
звучат в моем жилище.

Как будто ветер злой отвыл.
Вновь жизнь мне подарила
тебя, что разум мой забыл,
а сердце не забыло.

1955

261

Твой день, край родной
мой,
в вишневый одет
цвет!

Мой к небу в упор
взор:
там флаги взвились
ввысь.

Провода стремят вдаль
сталь,
чтоб не знали тьмы
мы.

Где хлебам расцвествь —
песнь.
День в вишневый одет
цвет.

Стреми же вперед
лёт
ты, край дорогой
мой!

1955

235

Продают фиалки, синие, как очи,
 что люблю навеки, как сиянье дней.
 А вокруг нас Киев радостно грохочет,
 Киев, полный красок, песен и лучей...

Продают фиалки. Я иду с тобою
 меж людей счастливых, радостных, как мы.
 Ты еще со мною не была такою,
 как весна в цветенье после дней зимы.

Так твои ни разу не сияли взоры,
 не пылал на коже алый цвет зари...
 Так шуми под солнцем, золотой мой город,
 вставший, словно в сказке, из руин, золы!

Но в очах любимых что за тень мелькнула?
 Вспоминать не надо! Всё прошло, как ночь...
 Тяжкое — в тумане сникло, потонуло...
 Ты со мной. И думы сумрачные прочь!

Тени от каштанов, света переливы...
 Голубым барвинком устлан путь для нас.
 Ленинской идет народ такой счастливый,
 радостью сияет свет лучистых глаз.

1955

Днепровский шум... Я вновь на Днепрэльстане,
 воскресшем из руин военных лет.
 Гул проводов, и, словно на экране
 встают заводы... Им и счета нет!..

Летит необоримо ток могучий
 в поля и в город гулкою струной...
 Завод, завод, клубятся дыма тучи...
 О край родной, о юность, ты — со мной!

В полях звучит индустрий новых голос,
 индустрий счастья. Солнцем новых дней
 нам светит труд. Шумит колхозный колос,
 необозрим простор родных полей.

Как радуга, в просторы небосвода
пролег наш путь, сверкающий в веках...
Могучий ток — энергия народа,
поет, куда ни взглянешь, в проводах.

Волна цветам лепечет жизни песни,
вокруг всё наше и мое кругом!
От красоты, которой нет чудесней,
поэта сердце вспыхнуло огнем.

1955

264

В опорках кожаных, в затянутой овчине,
спокойно, как орел, глядел с утеса он
на свой любимый край. И взор был ясный, синий...
Его приветствовал ручьев веселый звон.

И щебет певчих птиц. И лета ароматы.
Гор верховинских высь. И туч далеких дым.
Ему слова шептал о счастье лист крылатый,
о счастье вольным быть и гордо-молодым.

О том, что всё его: и пастбища, и горы,
и города окрест, — хозяин он всему,
что весь его народ, навек изгнавший тьму,
как тот орел, что рвет крылом тугим просторы.

Громада гордых гор — как золотой осколок,
что алый сноп лучей в седую высь взметнул,
и словно здесь Кремля сияет звездный полог,
где высится сейчас в краю орлов гуцул.

1955

265

Солнечный зайчик лежит на пороге,
то полыхнет, то померкнет в тревоге.
Тучкою солнышко чуть затуманит —
небо из синего сумрачным станет.
Так и с тобой, моя светлая радость,
ты весела — я забыл про усталость.
Если же слезы в глазах засверкали,
кажутся годом минуты печали,

Только не долго туманншь ты взоры,
вновь в них сверкают счастливые зоры.
Видно, затихла былая тревога,
солнечный зайчик лежит у порога.

1955

266

Копры и трубы, вижу я,
встречают утренним приветом.
Земля донецкая моя
всего милее в мире этом.

Донец зеленый, сосен звон
и ароматы мяты-руты,
как золотого детства сон,
мне не забыть ни на минуту.

В душе картина та жива,
и дороги воспоминанья,
как песни первые слова,
как трепет первого свиданья...

Оттуда начинался я,
где гул цехов зимой и летом.
Земля донецкая моя,
ты всех дороже в мире этом.

1955

267

Кто может солнце погасить
и сдвинуть шар земной с орбиты?
Нельзя и нас остановить,
в одну колонну крепко слитых!

Мы сердцем к сердцу встали в строй,
чтобы творить, вершить делами.
Сыны мы эры золотой,
мы — нашей светлой правды знамя!

В пути, где нас весна страны
уже приветствует цветами,

мы волей партии сильны
и стали все богатырями.

С ней к счастью, в шуме урожая,
идет советский человек,
бессмертье Ленина сливая
с бессмертьем партии навек.

1955

268

Над Днепром журавлям Украину приветствовать снова,
разливаться вокруг ароматам весенней земли.
В эти дни я лечу сквозь метели и думой и словом...
Где вы, где, журавли вы мои, журавли?

И сады неустанно будут песней звенеть соловьиной,
прямо к солнцу цветы лепестки приподнимут свои.
Зеленеть будут снова Батые гора и долины...
Где вы, где, соловьи вы мои, соловьи?

Так, как верят в весну на деревьях обмерзшие ветви
и цветы, что еще не взошли и пока не видны,
так и песни мои, что сияют в вишневом рассвете,
моих дум и своей ожидают весны.

1955

269

Тьму свет уничтожает,
чтоб не было невзгод.
Творят лишь те, кто знает
и любит свой народ.

А кто, как змен, злобны,
наш ненавидя свет,
те творчески бесплодны,
у них и жизни нет.

Полны мы сил несметных,
не тонем, не горим.
Мы потому бессмертны,
что сами жизнь творим.

1955

239

Садом я блуждаю, тихую тропую,
и румяным вечер от заката стал.
Яблоки поспели, виснут надо мною,
помню, я о них у Рыльского читал.

Был я юным-юным; огненной грозой
руки миллионов гнев на штурм взметнул.
Где-то на Подолье, в поле, перед боем
я читал поэта под снарядный гул.

Мы пошли в атаку под дождем железным,
кровь багрила травы; не могу забыть,
как в душе сияло ласково и нежно:
«Тот расстаться может, кто умел любить».

Те слова звучали в орудийном хоре
и когда, прощаясь, руку ей сжимал.
Те слова поэта в радости и в горе
до седин сквозь годы нес, не забывал.

Я иду, мелькает прошлое незримо...
Где ты, моя юность, неба синий взгляд?
Яблоки краснеют Рыльского Максима,
надо мною виснут, жить и жить велят!

1955

Та звездная ночь словно песня была,
счастливые шли мы с тобою,
где белые крылья свои занесла
зима над Москвою-рекою.

Искрилась панель в белоснежном цвету,
склонялись деревья под снегом,
и поезд метро, отстучав на мосту,
под землю врывался с разбега.

И новой, чудесной казалась земля:
великого города стены,
хрустальные звуки курантов Кремля,
машин торопливых сирены,





все башни и арки на нашем пути,
всё милое счастье простое, —
хотелось бы вечно с тобою идти
той снежной минувшей зимою.

И всё это вновь окрылило меня,
хоть я не в разлуке с тобою.
О, светлые звуки курантов Кремля
в ту ночь над Москвою-рекою!

1955

272

Сады Абхазии опять передо мною!
Плывут туманы с гор; и молодым вином
заря течет вдаль; и ровный гул прибоя
вдыхает под горой, как дальних пушек гром.

Летят, летят ветра с турецких берегов,
но сдерживает их крутой хребет Кавказа
и возвращает вспять. Закат погас, лилов,
и мечет в небо ночь бесчисленные алмазы.

Она свои огни соединила с теми,
какие зажжены в пространствах голубых. . .
Должно быть, так же тут роняла звезды темень
и Пушкин со скалы глядел, глядел на них.

Копыт холодный звон. Печальны и ясны,
как караваны звезд, поэта плыли думы,
чтоб превратиться в стих. . . И звезды с вышины
лились на плащ его, на трудный путь к Арзруму.

Поэта светлый зов всё явственней, звучней
мне слышится теперь. . . Он в сердце оживает!
А ночь плывет, плывет миллионами огней,
и море Черное опять внизу вздыхает.

1955

273

Пионы заката истлели,
не слышно кукушки вдаль,
и вербы в ручей по колени
напиться воды забрели.

241

Умчались дневные заботы,
плывет предвечерняя мгла,
и с песней девчата с работы
подходят к задворьям села.

И, звуками песни далекой
заслушавшись, вербы стоят...
И ветер румяные щеки
целует у милых девчат.

1955

274. ДЕВУШКА

Стерней хрусткою
ноги колются,
косы русые
комсомолятся.

Жар-пожар ее
в щеки кинется,
очи карие
украинятся.

(1956)

275

Весна и молодость!
Ну, что милей на свете!
Такой, как наша, не найти весны!
Садов шумливых розово соцветье,
и солнечным теплом сады полны.

А за спиной — могучих крыльев сила,
весна и молодость в мою стучится грудь.
Нам воля Партии чудесный путь открыла,
к добру и счастью путь.

Спасибо, жизнь!..

Даль птичьи песни ловит,
гул тракторов плывет, неодолим.
Весны и юности ничто не остановит,
шаг старости неведом молодым!

Как всё цветет и как привольно стало,
сыны и дочери Отчизны трудовой,
такой весны, пожалуй, не бывало,
и не бывало радости такой!

Заводы и сады, где вишни в дыме...
Как дружба наша, полная тепла,
жизнь зашумела стройками большими...
Да, это всё нам Партия дала!

Всё тонет в светлых солнечных потоках,
встречают счастье юность и весна;
избавившись от зимних дней жестоких,
зерно в земле уже не просит сна.

О Партия, тебе мы посвятили жизни,
в грядущее всегда ведешь ты нас одна!
Мы — дети вольные прославленной Отчизны,
мы — Коммунизма юность и весна!

1956

276. БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето, стоит бабье лето...
И осенний у сердца настрой.
Кто опутал печальные ветви
паутиной такой золотой?

Роща, слушая ветра вздыханья,
скоро флаг свой багряный свернет.
Над покорной красой умиранья
солнце грустное светит с высот...

Вянут губы пурпурного цвета...
Осень радости дарит свои!
Ты запутала сердце поэта
золотой паутиной любви.

1956

277

Май засветил в листве уже каштанов свечи,
весна в цветах шумит в моем родном краю.
Я так его люблю, что всё богатство речи
не в силах передать к нему любовь мою.

Любовь тревожную, любовь мою святую,
для счастья и труда рожденную в бою.
Весь в помыслах о ней — за землю я родную
пронес через огонь всю молодость свою.

О родина моя! Простор необозримый,
и в небесах твоих стальные корабли...
Ни с чем земли родной красоты не сравнимы,
да и на свете нет другой такой земли!

Сиянье звезд твоих вовеки не погаснет,
а неба твоего нет глубже и синей.
Родившись на земле, которой нет прекрасней,
свой первый в жизни шаг мы сделали на ней.

Бульвары городов и даль цветут весною,
и песни соловьев несутся по садам...
Как любящий твой сын, склоняясь пред тобою,
я песню лучшую кладу к твоим ногам.

1956

278

Иду и славлю новой песней
тебя и вешние цветы,
а каменщица — взгляд небесный —
на Киев смотрит с высоты.

Она родную Украину
возвысит радостным трудом —
кладет кирпич под небом синим,
и вырастает новый дом.

Куда бы взгляд ни устремился —
в душе звучанье соловьев...
И в песне образ милый слился
с высоким образом ее...

1956

279

Задумчив сад, цветы, аллеи,
но думы у меня одни:
в подземной глубине яснеют
шахтерских лампочек огни.

Там капель звуки за живое
заденут, как родная речь,
как поступь тех, кто шел в забой,
чтоб солнце Родине сберечь.

Над заводскими корпусами
там трубы стройные дымят,
а под садами и полями
шахтеров лампочки блестят.

1956

280

Соловьиный голос, край мой соловьиный!..
Вешний день шагает светлой Украиной.
Не снежком, а цветом убрана сторонка,
снова сердце бьется радостно и звонко.

Ухожу я в рощу... Сторона родная,
краше тебя в мире не найти, я знаю!
Лучшего не встречу, о простор мой синий,
чем весна на нашей милой Украине.

Спят в росе фиалки, над рекой — туманы...
В сердце светят очи, молоды, желанны...
В птичьем щебетанье всё вокруг проснулось,
и ко мне сегодня молодость вернулась.

Ухожу я в рощу...

И в простор стремится
сердце молодое, что поет, как птица:
вешний день шагает нашей Украиной...
Соловьиный голос, край мой соловьиный!

1956

281. ЮНОШЕ

Шумит волна Днепра седого,
по черным кручам бьет прибой.
Прими мое живое слово,
как заповедь, друг юный мой!

Кто матери язык забудет,
как сын неблагодарный, — тот
сухой листве подобен будет,
что ветер с дерева сорвет.

О речь родная — «Рідна мова», —
тобой навеки я согрет!
Мой друг, без языка родного
и нашего народа нет.

Взгляни! Идут сыны России,
над ними солнце льет лучи.
И, полная надежды, силы,
их речь уверенно звучит.

Она, как песня, землю будит.
Надежда, сила их — Москва.
И разве кто из них забудет
родные русские слова?!

Мой друг, мы с ними всё осилим —
у нас единый к счастью путь.
Так будь и ты как сын России
и речь родную не забудь!

Между 1956 и 1958

282

Юность — друг чернобровый, —
все поляны в цвету,
я тебя на кленовом
всё ж догнал на мосту.

И невиданным светом
ты мне душу зажгла.
Хорошо, что ко мне ты
в гости с песней пришла.

(1957)

283

Отгрохотал гигантов бой,
и гром греметь устал.
Стихи я в школе заводской
товарищам читал.

246

Но как всё это далеко —
озера, камыши. . .
Как звезды, очи земляков
горят на дне души.

Когда об этом вспомню я,
то в сердце — снова май. . .
Весна моя, весна моя,
цвети, не отцветай!

(1957)

284

Выходит осень. В дымке светлой,
в лазури взгляд ее горит,
и по садам под синим ветром
багряный плащ ее шумит.

Она печальные аллеи,
где пало золото, метет.
И тугогривый конь за нею
на черном поводе идет.

На травах иней, а не росы,
недалеко уже до дня,
как сядет осень, свесив косы,
на черногривого коня.

И взглянет грустно на аллеи, —
в дыханье холода сады, —
и вдаль поедет. . . А за нею
снег заметет ее следы.

(1957)

285

Покой молчаливо-глубокий,
где думаю нет краю-конца,
где лес загляделся высокий
в заветные воды Донца.

Поля и холмы меловые,
сияющий красками дол

всегда предо мной, как живые,
хоть в город от них я ушел.

Исполненный сладостной силы,
на песенный вышел покос,
но сердце навек сохранило
Донца прибережный откос,

и кручи, багряные кручи,
и белые хатки кругом,
да облик завода могучий,
светящийся в лоне речном.

И снится мне долгие годы
березки родной силуэт. . .
Всей Родине песни я отдал,
но всё ж я донецкий поэт!

(1957)

286

Привиделась ты мне давно,
запала ты в думы мои.
Я море люблю, ведь оно
похоже на очи твои.

Я к солнцу раскрою окно,
лучей пропускаю рои. . .
Я небо люблю, ведь оно
похоже на очи твои.

В цветущие вешние дни,
когда запоют соловьи,
люблю я фиалки — они
похожи на очи твои.

(1957)

287

Под весенней зарей
вспомнил снова я,
как ходила со мной
разбедовая.

Но другой ее стал
звать любимую,
и не я в паре встал
с той дивчиною.

Сердце зря я томлю
болью ласковой,
ведь теперь я люблю
ленинградскую.

День веселый такой!
Пой, тальяночка,
как сдружилась со мной
россияночка!

(1957)

288. ОРЫСЕ

Солнце стелет на полу дорожки.
По утрам с улыбкой слышу я,
как топочут маленькие ножки —
прибегает внученька моя.

Искрятся ребячие глазенки,
словно ярких звездочек лучи.
Голосок ее веселый, звонкий,
как весенний ручеек, журчит.

Девочка любимая, родная!
Я волненья не могу унять.
А она, ботинки поднимая,
подает их прямо мне в кровать.

Утром, лишь рассеются потемки,
на душе становится светлей,
потому что раздается громкий
топот ножек в комнате моей.

(1957)

289

Пушистый, веселый сверкает снежок,
как зорька в предутренней выси.
И белые бабочки кружат у ног
Орыси.

Смотрю я, исполнен любви и тепла, —
нет девочки этой дороже! —
сама в белой шубке Орыся была
как белая бабочка тоже.

(1957)

290

Поешь о крае счастья обновленном,
как мы шагали в этот край сквозь тьму,
а счастье наше молотом стотонным
кует железо в заводском дыму.

Поешь о счастье ты, что над веками
взошло, подобно солнцу на крыле,
а счастье наше с черными бровями
идет за сеялкой по вспаханной земле.

Нет, не одни абстрактные фигуры
рисуй в дни радости и в дни невзгод.
Когда поешь о тучках белокурых,
не забывай, поэт, про свой народ!

1957

291

Мне и поныне берег снится,
залитый солнечным огнем,
где часто воду из криницы
брал под горой я над Донцом.

И, вспоминая, вижу ясно,
как хлопчик там идет к воде.
Я до седин такой прекрасной,
такой воды не пил нигде.

Донец звенит волной, рокошет...
Ой, дни мои, мои года!..
И отражает так же очи,
как в детстве канувшем, вода...

1957

Медведи на картинках, зайцы, рыси,
от пули лань взбегают на утес. . .
Сегодня день рождения Орыси,
и куклу я в подарок ей принес.

Я дал бы небо в звездах внучке милой,
чтоб вся она улыбкой расцвела!
Орыся книжку сразу отложила
и куклу в ручки радостно взяла.

Пред нею солнце на песке дрожало,
и перемену в ней заметил я:
как будто мать к себе дитя прижала,
а не игрушку внученька моя.

1958

Запела Орыся. Звенит голосок,
и к солнцу он тянется, как колосок,
с лучами сливается в выси. . .
И тучки из зеркала синей реки
любуются ею, прозрачно-легки. . .
Запела Орыся.

Летит ее голос, летит над рекой,
Кого-то зовет он. . . Но в синий покой
не белые ль крылья взвились?
Не шепчутся ль это с цветами поля,
а слушают — солнце, и дед, и земля?
Запела Орыся. . .

1958

Из вечности, как из тумана,
пришла ты к нам в светлые дни,
и я молодею, чуть гляну
в очей твоих темных огни.

Ты — луч из безоблачной выси,
степей украинских цветов. . .

Хотел бы твой дед для Орыси
прожить долгий век, если б мог.

Чтоб долго чернел еще волос,
чтоб мыслей шумели рои,
чтоб слушать всем сердцем твой голос
и в очи глядеться твои.

1958

295

Спит санаторий, словно крылья
сложила птица до утра.
Поэта сердце полонили
в халатах белых доктора.

Ах, там Орысенькины ножки
в просторных комнатах стучат,
а с неба месяц, выгнув рожки,
льет серебро на синий сад.

Его лучи всё заливают,
листву проходят без помех...
А думы деда улетают
туда, где слышен внучки смех...

Прозрачны пальчики у внучки,
она играет, встав чуть свет, —
то лечит куклу, взяв на ручки,
то спросит бабу: «Где мой дед?»

Сверкнет зарница золотая
за окнами, и снова мгла...
И дед, о внучке вспоминая,
грустит без рук ее тепла.

1958

296

Поезд ринулся в темные дали,
где заката кровавого свет...
И Орыся в толпе на вокзале
долго-долго смотрела вослед.

Там отец ее где-то в вагоне,
в путь его проводила она.
Вдаль, где солнца погасли ладони,
всё глядела Орыся, грустна.

Будто вовсе забыла о деде,
кулачки прижимала к груди...
Не грусти, скоро папа приедет,
и вагонам вослед не гляди.

Мы пошли. У плакучей березы
ветер тонкие ветки ломал.
Капал дождь, как Орысины слезы,
вместе с внучкой и дед горевал.

1958

297

Ветром пахучим весна
сердце волнует мое...
Даль, что близка и ясна,
в зорях Коммуны встает.

Светлый народ мой, лишь ты
в даль пролагаешь пути...
Краше твоих золотых
рук на земле не найти!

Общая степь без межи —
вод голубых окоем...
Как же не петь от души
мне о бессмертье твоём!

Ты мне не кажешься сном,
даль, что близка и ясна,
белым махнула крылом
там над заводом весна...

1959

298

День в облаках за горизонтом синим,
и трубы отражаются в воде...
Я так люблю природу Украины,
людьми преображенную в труде!

253

Как древнего Египта пирамиды,
здесь терриконов высятся холмы. . .
Труд всё живое не дает в обиду,
и в честь труда слагаем песни мы.

Для нас он — песня. Зори над копрами,
и зори в сердце. . . Степи без межи,
вновь шепчется там ветер с колосками. . .
Твоя там песня льется от души. . .

Огни земные зажигаем сами
над реками. . . Мы в бой за жизнь встаем. . .
И стройки исполинскими шагами
идут в тайгу, чтоб изменить ее.

Гудят мосты, суда им шлют привет,
далекие леса сродни с мечтою.
От самолетов реактивных след
лег в синем небе белою чертою.

Какой гигант поднялся в даль высот
и твердо встал от края и до края?
Народ мой Коммунизма небосвод
могучими плечами подпирает.

Да, мой народ! Он — как цветы в росе,
и песни для него — как дар отваги. . .
Ведь мой народ, он как народы все,
что встали и встают под наши флаги.

1959

299

Ветер косы расплетает
у зари,
вечер в небе рассыпает
янтари.

Соловьиной песней ночью
выткан путь. . .
На траве, заря, платочек
не забудь!

254

Неба синего покосы,
в час зари
там свои сложили косы
косари

и пошли. Лишь ветер поздний
у крыльца
той заре прощанья слезы
стер с лица.

И пошли по небокраю
ветер, косари...
В травах тихо догорает
алый плат зари...

1959

300

Вновь пришел румяный тихий вечер.
Девушка выходит на откос.
Давит ей в шестнадцать лет на плечи
тяжесть кос.

Журавли курлычут стороною,
так свежо, задумчиво кругом...
Только снится ей зима... Весною
нежно пахнут вербы над прудом.

И земле так хочется покоя...
Лопаются почки у берез,
всходит желтый месяц над травой, —
девушка выходит на откос...

1959

301

О, звон минут, и темнота ночная,
и одиночества табачный дым,
когда от дум глаза я не смыкаю,
в своем полете подчиняюсь им.

Они меня несут от стен холодных
туда, за дальний рокот поездов,

чтоб голосом счастливым и свободным
я отвечал на Украины зов.

Чтоб в чье-нибудь окно светил зарею,
чтоб чей-то сон хранил в тени дубрав,
встав со своею песней молодою,
чтоб светлячком светился среди трав.

Да, светлячком. Пусть равнодушных руки
не трогают, чтоб не погаснул он.
В ночи лишь отвечает сердце стуком
под звон минут, минут холодный звон.

1959

302

За окнами ночь проплывает,
внизу от тумана темно.
Вокруг всё давно отдыхает,
лишь песне уснуть не дано.

Но крыльев порыв не исчезнет,
ничто не удержит полет.
И в том твой удел, моя песня,
чтоб вечно стремиться вперед!

1959

303

Кругом — зимы кровавые метели,
в огне зари, как волны, льется бой...
И я бегу в разорванной шинели
сквозь ветер смерти терпкий и сырой...

То там, то там уже чернеют трупы,
но жизнь вовек не остановит бег,
хоть пулеметы желто скалят зубы
и мертвецы всё падают на снег...

А мы летим — разим врага в атаке
штыками, словно стрелами зари...
Тот дальний день давно погас во мраке,
но он, как песня, в памяти горит.

Всё вдаль плывут, плывут снегов туманы,
затворов лязг, бойцов тяжелый шаг,
и тень свою колышет стяг багряный,
насквозь пробитый пулями наш стяг... .

1959

304

Кто шлет мне в сердце радости ручей
и образ чей, как солнце над долиной,
встает над бурным морем дум и дней? ..
Моя дивчина.

Кому, паря мечтою в том краю,
где ты зарей румяной светишь ныне,
я эти песни звонкие пою? ..
Моей дивчине.

Кого я вечно буду вспоминать
и даже в миг последний не отрину,
идя во тьму, за гибельную гать? ..
Мою дивчину.

И кто в моей душе — как дивный сад,
а в бедном сердце — как печаль-кручина,
что из пустыни принеслась назад? ..
Моя дивчина.

1959

305

Я вспомнил то время былое,
что душу пьянило мою,
когда ежевику с тобою
мы рвали в зеленом гаю.

Нам было так ясно и любо,
и пели в сердцах соловьи,
и пахли, как ягоды, губы,
раскрытые губы твои.

257

И зеленью травы играли,
играла улыбка твоя,
и в губы тебя целовали
мы двое — лишь солнце и я.

И полная сил, молодая,
сияла моя сторона...
О солнце, о юность былая,
моя золотая весна!

1959

306

Смотрю я на родные руки
и на лазурь твоих очей, —
годам, что знали боль разлуки,
не погасить любви моей.

И что ей осень, что порывы
зимы, чей холод студит нас!
Любовь — как море в час прилива,
она всё глубже каждый час.

И счастья свет в душе сияет,
и — нет, не стынет в жилах кровь...
Во мне горит, не угасает
творенье вечности — любовь.

1959

307

Мир гаснет без тебя и вновь с тобой сияет
живыми красками, восторгом полня грудь,
и всё, что видит взор, по-майски расцветает,
и снова легок мне цветистый жизни путь.

И солнце ясное так весело смеется,
как будто в первый раз я вижу этот свет.
Про счастье новых дней из сердца песня льется,
про то, что нам с тобой не знать грядущих бед.

258

Как будто шум листвы мы слышим в чистом поле,
и наковальни звон привет шлет нам с тобой,
и эхо катится в родимое раздолье —
и с нами молодость Отчизны золотой.

Охваченный трудом, весенний день рокошет, —
мы разрубили тьму веков зари мечом!
И, полные любви, мои дивятся очи
на землю, что на ней с тобою мы живем.

Сердца сынов труда спаял союз высокий,
чтоб злые тучи бед исчезли на земле...
О, как же радостно нам, друг мой синеокий,
любить, творить и жить здесь, на родной земле!

1959

308

Идем с тобой... Вот-вот и песня хлынет
про юность, про далекие бои...
И солнышко устами золотыми
целует щеки нежные твои.

Хоть снег еще, но солнцем всё согрето
и птичьи голоса уже слышны.
Хоть снег еще, но в сердце у поэта
царит дыханье молодой весны.

Мы в лес вошли... А он в весенней дрожи.
И сердце всё быстрее гонит кровь.
Оно не может постареть, не может,
как ты, моя давнишняя любовь.

Да и зачем?.. Быть юным сердце хочет
не только в песне! Нет, могу и я
не только петь про голубые очи,
а целовать их, юная моя!

Затишье леса будят птичьи песни,
заглядывает солнца луч сюда.
И я тебя целую с солнцем вместе!
Моя любовь, как песня, молода.

9 февраля 1960

259

Ты шла. Качались два ведерца,
 что ты в руках своих несла.
 Но обернулась ты — и сердце,
 бровями сердце обожгла.

Бровями черными, как ночи
 в моей донецкой стороне, —
 и синие, как счастье, очи
 взглянули прямо в душу мне

и засияли небывало,
 родными стали мне навек! ..
 О, плеч наклонные овалы
 и бархатные крылья век!

Ты вся была как счастья птица
 из края сказок и мечты! ..
 Как сладостно, когда хранится
 любовь в душе! Как счастлив ты!

Там, где заводы с их дымами
 в далеком зареве огней, —
 и только говоришь глазами,
 когда идешь с работы с ней.

Тот дым из труб плывет и ныне,
 а всё ж не тот, как всё кругом. . .
 О, где тот сад, и георгины,
 и стон гитары под окном?

Лишь бродит ветер по долине —
 и кто идет там через гать?
 Где свет очей тех, синих-синих,
 что так любил я целовать?

Где губы те в слезах соленых,
 где косы пышные твои? ..
 Когда я там, средь верб зеленых,
 переборол себя в любви!

Тот сквер, аллея заводская,
и юный шум, и даль дорог!..
Пусть изменила ты — тебя я
до седины в душе сберег,

7 апреля 1960

310

Снова веет даль весною,
журавлями кличет высь...
Помнишь, как порой ночью
под ветлою мы сошлись?

Но навек меня покоя
ты лишил, мой дорогой:
под знакомою ветлою
счастье пьешь теперь с другой.

Ясен день. Весна в полете...
Журавли, мила вам даль...
Людам радость вы несете,
ну а мне — одну печаль.

28 апреля 1960
Конча-Заспа

311. УЧИСЬ

Учись ты, мой мальчик, отличником будь,
люби и поля и дубровы!
И где бы ты ни был, ни жил, не забудь
свою украинскую мову.

Не раз нашу землю тяжелой стопой
топтали захватчиков орды...
...Идя к коммунизму, в тот век золотой,
ты будь непреклонным и гордым

и знай: твои предки, как в бурю дубы,
негнулись вовек под грозою...
Люби Украину, Россию люби,
их небо цветет над тобою...

Одна им заря разливает вино,
где в сини стальные машины...
Как небо над ними сияет одно,
их помыслы так же едины.

Учись ты, мой мальчик, работать и жить.
чтоб стала земля еще краше!
Любить Украину — равно, что любить
всю землю Советскую нашу.

12 мая 1960

312

Дней минувших сердцу жалко,
счастье — в каждом дне...
Очи, синие фиалки,
как забыть вас мне?

Как забыть вас? Я не знаю.
(С вишен льется цвет...)
О тебе пою, родная,
ровно тридцать лет.

Как забыть мне? Что мне сделать?
Остывает кровь...
Ты с поэтом поседела,
первая любовь.

2 июня 1960

313. АКАЦИИ

Иду на станцию. Легко мне.
Мои мечты цветут, как сад...
Мне ширь донецкую напомнил
акаций белых аромат.

Шум листьев здесь, в родной сторонке,
и мост, и рельсы над Донцом,
дорожка, что вела к девчонке
с таким задумчивым лицом.

И угля запахи... И грозы...
Родная хата за селом,

где клал Надсона вирши-слезы
я под подушку перед сном.

Там клонит вербы ветер пьяный,
петух горланит в тишь полей...
Люблю я Киев² каштаны,
но мне акация милей!

4 июня 1960

314

Ячень колосится... Молчат соловьи,
и песен девичьих не стало,
что вихрили жаркие думы мои...
Багряные розы, как губы твои,
в глаза мои смотрят устало.

А сам утопаю я в сини очей,
что кажутся морем глубоким,
ничто им и долгие сроки...
Ответьте мне, розы, где ваш соловей?
Молчат... Лишь пылают их щеки,
и, падая, тонут в потоке
багряные блески, как слезы очей.

11 июня 1960

315

А розы вянут так, как в день осенний,
и астры вянут под напев ветров.
Я вижу, как трепещет, словно тени,
багряное семейство лепестков.

Ведь лето, им бы жить и жить на свете,
но золотые сочтены их дни.
И лепестки как неживые дети, —
без жалоб на земле лежат они.

Их скоро ветер яростный поднимет,
как дым из дальних труб, и бросит вдаль.

Ты ласково склоняешься над ними,
в глазах твоих, как и в моих, печаль.

Заходит солнце... И своей рукою
я чувствую тепло твоей руки...
Как эти розы мы теперь с тобою...
О время, ты не рви дней наших лепестки!

23 июня 1960

316

Жизнь порождает новь. И вот
она горит и не сгорает.
Я так люблю всё, что живет,
душа весь мир наш обнимает!

Он весь — во мне, я — в нем, я — с ним,
мы вместе мчимся дни и ночи,
чтоб быть мне вечно молодым,
как чувства, что во мне клокочут.

26 июня 1960

317

Трубы над рельсами, дым над заставой.
Шаг одинокий бойца,
где отразились ракиты и травы
в водах зеленых Донца.

Вербы ведут о минувшем рассказы,
думы в душе как моря...
Ходит и ходит боец кареглазый,
а на фуражке — заря.

Ходит на страже. И пламя рассвета
блещет на синем штыке.
Видит боец за туманами где-то
хату свою вдалеке.

Смотрят глаза его, даль отражая,
небо стальной синевы.

Песня из сердца летит молодая
в шуме тревожном листвы.

Как там сестричка и мать и два брата?
Сумрачно в хате родной...
А за Донцом всё грознее раскаты,
близится, близится бой,

бой самый первый!.. Замечутся пули,
стиснет винтовку рука...
Дуло орудья, врага карауля,
целится с броневика.

2 июля 1960

318

Дрожь веток и листвы полет...
Я так люблю мир леса древний!
Нам всем и всюду жизнь дает
зеленый люд его — деревья.

Деревья дышат, воду пьют,
и всем они на нас походят,
И даже видят и поют,
и только вот ходить не ходят.

А может, ходят... Всё влечет
меня узнать рассветом ранним,
как солнце наливает плод,
фиалку пестует сияньем?

Цветы, цветы!.. И соловья
не зря так роза привлекает.
В них тонет вся душа моя,
в них, словно луч, она сверкает.

Земля, березки белой стать
и синь небес... Всё это вместе
есть жизнь. О, счастье — жить, мечтать
и петь о жизни счастья песни!

20 июля 1960

Жемчугами заблестала
на лесных цветах роса...
Вот одна с листа упала,
как с ресниц твоих слеза.

И меня как будто нету...
Я иду в разлив небес,
счастьем вся душа согрета,
как зарей июльский лес.

Полутьма осталась где-то
лишь в заплаканных кустах...
И лучистого рассвета
поцелуи на устах.

22 июля 1960

320. СКВОЗЬ ОГОНЬ

Орудия друг другу
проклятья шлют всю ночь.
И месяц с перепугу
бежал за тучи, прочь.

Не вьюга-завируха,
не снежные рои, —
то ноет возле уха
печальных пуль «пи-и!».

Встречая вражью роту,
мой штык не задрожит.
И лента пулемета
куда-то всё бежит.

Сквозь огненную вьюгу
в штыки наперевес...
А месяц с перепугу
за тучкою исчез.

До неба грохот поднят,
а вся земля в снегу...
И в ясное сегодня
я сквозь огонь бегу.

22 июля 1960

Природа! . . С нею я и сам,
как луч, навеки ясный.
Она в душе моей как храм,
лазурный и прекрасный.

В слезах смотрю не насмотрюсь
на каждую дорогу.
И здесь я песнями молюсь
народу, словно богу.

Всё хочет жить и жить спеша —
заря, цветы и воды. . .
Природа — храм мой, а душа —
живой орган природы.

26 июля 1960

Поднимаются крылья души,
белоснежные, с синим отливом,
и уже не в квартирной тиши
мое сердце — в полете счастливом.

Сердце — в небе, что крыльями дней
разлучает с землей меня. С нею!
Чтоб любил я ее всё сильнее,
как любимую, звал бы своею.

Если ж с неба, как звездочка, я
упаду — песни выльются сами. . .
О, земля золотая моя
с голубыми (то — небо) глазами!

26 июля 1960

О чем лепечут листья в этот грустный вечер?
Как будто сквозь туман, смотрю на дрожь листа.
Таинственно и сонно сказки шепчут
их вещие зеленые уста.

Их слушает душа... Но смысл тех песен милых
людская речь никак не может передать,
ведь разумом понять их мы еще не в силах, —
меж ними и душой не проложили гать.

И тщетно мысль во тьме пожаром полыхает
да бьется, бьется в стену, прочную, как сталь.
И только иногда откроет даль без края
та вечная стена... А там... за далью — даль..,

И мне тогда ясны все голоса природы:
как падает листок, зеленый братик мой,
и просит помощи... Как жалуются воды
ночным ветвям на холод неземной,

что превратил их в лед... Как астры в непогоду
томятся под дождем и жаждут теплых дней,
как звезды шепчутся за далью небосвода,
играя в черной бездне золотом лучей.

Тогда я весь открыт для вечности. При этом
хоть сам я невелик, но все миры — во мне,
я их в себя вобрал, как музыку рассвета,
когда заря на росах блещет в тишине.

Дождь отшумел, прошел... Молчат листки, промокли,
и капли на ветвях дрожат, полны огня,
как будто бы в мельчайшие глядят бинокли
их очи на меня...

27 июля 1960

324

Вновь заря рассвета стерла сон крылом,
воробей щебечет звонко за окном,
где цветы проснулись и трепещет свет, —
и земле и небу шлет он свой привет!

Стаи туч гривастых в край далекий мчат,
музыкою счастья полон синий сад,
с небесами пьяно обнялись поля,
и румяной стала от зари земля.

У тебя, родная, милая навек,
выпил слезы счастья луч с закрытых век,
на твоей подушке он лежит, горя. . .
Ты глаза открыла, в них — любви заря.

28 июля 1960

325

Бежит слеза с небесных век
по голубым просторам. . .
Нет, это юный месяц-свет
встает над синим бором.

Он золотых лучей вино
льет на воду и сушу.
И, как в открытое окно,
заглядывает в душу.

И сон, и сосны. . . Тишина.
Ее я не нарушу. . .
О нет, не месяц, то она
заглядывает в душу.

28 июля 1960

326

Золотую свою ножку
в травах ставит луч стоймя,
где асфальт пробил дорожку
меж березами двумя.

Треплет ветви ветер хлесткий,
как далёко синь дубров. . .
Загрустили две березки,
нежны, чисты, как любовь.

О, как знаю я печаль ту,
те стремленья — вдаль и ввысь!
Над дорожкой, над асфальтом
две березки обнялись.

Июль 1960

269

327. ПИСЬМО АЛЕКСАНДРУ КОВИНЫКЕ

О, память! . . . Сердце всё гудит от боя,
как встретились, Ковинька, мы с тобой
под стягом Черноморского полка. . .
Одесса. Ночь морозна и звонка.
Как спорили мы, распаясь не в меру,
об Украине — долго и всерьез! . . .
Ты, как пророк, — в глазах огонь и вера, —
всё снишься мне в том дыме папирос.
Вот мы идем с тобой на трубы боя
по Дерибасовской. И лес штыков
качается за мной и предо мною. . .
В них видел я порыв наш в даль веков,
в штыках и в нас. . . Галиция. . . Тирасполь. . .
И снова степь широкая кругом. . .
Я сквозь туманы рвался к братьям красным
на светлых их орудий дальний гром.
Тогда в боях, когда мы отступали,
я видел сон, и ты был в этом сне, —
стоял с штыком. . . Играя на металле,
искрился луч. . . И ты промолвил мне:
«Идем, Володька! . . .» Холодно и быстро
слова звучали. И подумал я:
«Не промахнется он. Один лишь выстрел —
и разлетится голова моя».
Тот сон был глупым. И в крови, и в славе,
как я, прошел ты сквозь огонь тех лет.
И вот с тобой мы встретились в Полтаве
в двадцать седьмом. . . И дружбы нашей свет
горит, о сын Остапа Вишни ясный!
А сколько юмора в словах твоих,
то чувство до сих пор еще не гаснет,
живет в тебе как отзвук дней былых.
Ты — как пророк. Спокойный, аж железный
в покое том. . . И очи как огни. . .
Мы словом служим Родине любезной,
как ей штыком служили мы в те дни.
Отгрохотала дымных сил вендетта,
Москва и Киев обнялись любя.
Пиши, мой друг, не забывай поэта,
как в песнях он не позабыл тебя.

*Июль 1960
Ирпень*

Камышеваха, Лоскутовка
и Переездная потом. . .
Там русая ее головка
лежала на плече моем. . .

И наши жилы кровью пели,
довольны юною судьбой.
И травы пьяно так шумели
когда мы в гору шли с тобой.

«Любимая! . . Моя!» — «Володя! . .» —
Слетало с губ. Цвели глаза.
И гром гремел на небосводе,
метала молнии гроза.

Давно, давно. . . Теперь мы седы.
И всё как сон, о край ты мой!
Но ведь в душе, познавшей беды,
еще совсем я молодой.

И, значит, юно сердце бьется,
как и твое. . . о, благодать!
А песня льется, льется, льется,
а песне края не видать,

1 августа 1960

Над бором, над туманною рекою —
крыло зари.
Слеза печали, радости слезою
в глазах гори!

Слеза послушно заиграла —
алмаз-краса. . .
«Не я печали собирала —
с ветвей роса!»

Роса? Ну, что ж. Ушла ты от ответа!
Душа, молчи!
В глазах слеза, крупницей самоцвета
переливаясь, шлет лучи.

8 августа 1960

330. ОНА ИДЕТ

Как мысли мне словами передать,
как окрылить слова напевом юным? ..
Она идет, для всех народов мать,
она идет, всемирная Коммуна.

Пусть враг умножит свой запас тротила
хоть в сотни раз, хоть в миллионы раз,
никто остановить ее не в силах,
как ночь не остановит утра час.

Шумят над нами красные знамена,
счастливый смех звучит в сердцах людских...
Она идет средь грохота и звона,
и в ореоле зарев заводских,

и в жажде счастья... В светлые чертоги
с собой зовем мы угнетенный люд.
Встают народы и вперед идут,
борясь и прозревая по дороге.

И новые вершины в нашей власти —
туда начертан партией маршрут! ..
Она идет, как всей Отчизны счастье,
и это счастье создает наш труд.

15 августа 1960

331

Реют птицами-вихрями думы,
не испить мою радость до дна...
Электрическим светом и шумом
вся душа моя нынче полна.

Сердце — скрипка, послушай, играет
голос самой высокой струны!
Всё, как море, душа отражает
тайниками своей глубины.

Нету в песнях ни сна, ни забвенья...
Сам я — песня, как неба слеза.
Не божественное вдохновенье —
их диктует мне сердца гроза.

15 августа 1960





Она идет и знать не хочет,
 что небо рушится, гудя.
 Ей шею белую щекочут
 живые капельки дождя.

Нет, то — алмазы огневые! . .
 Я на пути ее встаю,
 и эти капли дождевые
 с ее лица губами пью.

15 августа 1960

Щебечет сердце. . .
 Сколько лет
 слагаю песни я!
 Я славлю день, я славлю свет,
 ведь он — душа моя.

Вот облака плывут гуськом
 в блаженной вышине. . .
 Я весь, я весь живу во всем,
 и всё живет во мне.

Сверкает солнышко в росе,
 цветут мои края. . .
 Мне хорошо, я — это всё,
 для всех и песнь моя.

19 августа 1960

Вновь по-осеннему деревья меж собою
 в тревоге шепчутся. Желта уже трава.
 И тучи в вышине проносятся гурьбою, —
 конечно же картина не нова.

Дано ей повторяться год из года.
 Но только сердце чует, как впервой,
 всенних снов жестокие приходы, —
 не принимаю их душой живой.

Душа не хочет быть, как листья, желтой,
растаять, словно тучка, навсегда.
О мой напев! Неужто в жизнь пришел ты,
чтоб прозвенеть и сгинуть без следа? ..

24 августа 1960

335

Я смотрю на травы, а на травах — слезы,
а в слезах тех солнце. . . Я в мечтах стою. . .
Отшумели бури, отсыяли грозы,
тишина, ты в душу забрела мою.

Как оно страдало, зеркало природы,
как рыдала бурно бездна синих вод! . .
А теперь спокойно спят под солнцем воды,
в этих водах мирно дремлет небосвод.

Словно это роза лепестки сомкнула,
так теперь устало сердце спит мое. . .
Это моя роза сладким сном уснула,
милая, не трогай лепестков ее!

28 августа 1960

336

Уж холод осени я в теплом ветре чую,
и в листьев лепете, и в солнечном огне,
что льется к нам сквозь даль, сквозь черноту немую,
где мчат и мчат миры в бездонной тишине.

Дыханье осени я в теплом ветре чую. . .
С чего ж так радостно, легко и сладко мне?
С чего ж я, взяв тетрадь, хожу, не зная горя
и нежный весь во вдохновенном милом сне,
что мир весь отразил в души спокойном море,
в его задумчивой и строгой глубине?

Уже от хмурых туч, от грома даль не рвется
и молнии не блещут в вышине.
Вот почему так ровно сердце бьется,
дыханье осени, ты жизнь приносишь мне. . .

Я успокоюсь думами и кровью,
что в жилах у меня не так тревожно бьет.
Да, я люблю весну болезненной любовью,
а осень исцеленье мне дает.

28 августа 1960

337. ЗПМЕ

Расстелешь на полях ты белые постели,
чтобы зерно в земле не мерзло до весны,
когда под небосвод польются птички трели
и тучи поплывут по сини, как челны.

На стеклах гений твой так наведет соцветья,
что их красу никто не сможет передать,
хоть будет на земле он жить тысячелетья...
И я не петь не смог про эту благодать!

28 августа 1960

338

Ласточки в полете, в солнца позолоте,
даль так безмятежна, как любовь моя...
Нес я через годы в сердце радость, горе,
и явился с песней я в твои края.

Долго для меня ты как заря сияла
и сиять мне будешь посреди степей.
В сердце у меня ты светлой песней стала,
что поет и плачет для родных людей.

Дни и ночи полон я одной тобою,
с небом Украины взор твой слился в них,
а когда глаза в последний час закрою,
будет песня плакать — вся в строках моих;

плакать и смеяться, с ветром целоваться,
о тебе, родная, петь в твоём краю,
где деревьев ветви клонятся в привете,
в проводах звенеть ей про любовь мою.

29 августа 1960

339. П. Г. ТЫЧИНА

Заспівали скрипки у душі моїй...¹

П. Тычина

Они завладели всей юной душой,
те скрипки и «солнечны очи»,
когда я сквозь тьму гайдамацкую шел
и сердце терзали мне ночи...

И вышел из ночи я к счастью. И Вас,
учителя юности, встретил!
Учиться послал меня батька Донбасс,
как стихли бои на планете.

Мы бились за солнце... Из сумрачных хат
мы вышли, из мрака в подвале,
когда под орудий кровавый раскат
Вы красный рассвет воспевали.

Вы стáтью — стремительным птицам сродни,
в зеленых глазах — пламя света.
Рвались Вы душою в те бурные дни,
как это и должно поэту.

Парите же вечно над ширью годов
на крыльях мечты исполинской
и пойте о счастье вишневых садов,
Вы, гений земли украинской!

9 сентября 1960

340. СТРУНЫ

Под солнцем перегрелся
июльский день в огне,
и убегают рельсы
к далекой стороне...

Там, где бродил я, юный,
шумит, гремит Донбасс...
Сердец и рельсов струны
соединяют нас.

¹ Запели скрипки в моей душе (укр.). — *Ред.*

Они летят сквозь ветви,
как солнце в высоте. . .
И нашей жизни ветер
колеблет струны те.

О, как он грозен в горе,
когда идет война!
И сердце эхом вторит
тогда ему сполна.

А нежным он бывает —
и сердце в те часы,
как георгин, играет
алмазами росы. . .

От счастья он взметнется
в надзвездные края,
когда тех струн коснется
любимая моя.

1960

341. СОЛОВЬИ

Вновь голосу кукушки вторит эхо. . .
А соловьи? На то они и соловьи,
ведь им ничто не может быть помехой,
так, как и вам, о песни вы мои!

Я помню, как под грохот беспрестанный
тяжелых пушек я шагал в строю. . .
Вдруг песню соловьи в кустах как грянут
про молодость далекую мою.

И вспомнились мне. . . житницы. . . девчата. . .
И в лунном свете те уста твои,
что берегу в своем я сердце свято;
а соловьи? . . О, песни вы мои!

И нынче, если радуюсь я, если
я болен или горем я объят,
всегда моя душа светлеет в песне,
о соловьи! . . Я ваш родимый брат.

Я соловей, хоть в рощах не летаю
за соловьиною, а по земле
хожу и вечно песни распеваю, —
о соловьи мои, вы братья мне,
как нашу землю, вас я обожаю!

1960

342

Как весной из почек рвется лист зеленый,
так из сердца песни рвутся что есть сил,
чтоб тянуться к солнцу. . . Их во мне миллионы,
а народ мой — солнце, с ним я душу слил.

Вместе с ним встречал рассветы и закаты
от цветущих весен и до седины,
в нем мои надежды и любовь. . . Когда-то
за него я юность нес в огонь войны.

Всей душой я песни пел ему, родному,
и сейчас пою их, как певал давно. . .
Старому, седому, словно молодому,
лишь его любить мне на земле дано.

1960

343

Как будто в тучах кто, играя,
кнутом захлопал — гром такой. . .
И рельсы без конца и края,
и шлак повсюду заводской.

«Володя!» Кто меня там кличет?
Чьих нежных губ дыханье пью? . . .
Я над Донцом иду в Лисичье,
как будто в молодость мою. . .

Я там любил смотреть на зори
на фоне доменных огней.
Я там в траве — в зеленом море —
читал Шевченко с юных дней,

И отвечали сердца струны
его большим мечтам сполна.
И был тогда я юным-юным,
и кожа щек была нежна

и бархатиста. . . Карп очи
светили мне в пути огнем.
Я сердцем чувствовал их ночью,
я ими любовался днем.

О, как те очи чаровали
красой земной и неземной.
Они меж звездами сияли
и были каждый миг со мной.

Там будка под горою где-то
и рельсы, что горят огнем. . .
Как часто мимо будки этой
я шел в Лисичье над Донцом,

чтоб лишь услышать милый голос,
глубокий, ласковый такой,
чтобы упавшей пряди волос
поправить бережно рукой.

Донец! Ты вот, передо мною
течешь, а там — мое село. . .
О, сколько милых лет с водою
куда-то в дали утекло!

Тут всё не так! . . С железной силой
над шахтами ревут гудки.
Но по тебе, как прежде было,
в челнах шныряют рыбаки.

Я слышу, как играют воды. . .
Навек я этих мест певец!
И лишь немного от завода
ты отклонился, мой Донец.

Стою в раздумье над тобою. . .
Ты малость обмелел сейчас,
но всё же сладкою водою
еще ты поишь весь Донбасс.

О мой Донец, я жив тобою,
с тобой лечу я до высот. . .
Тебе поить Донбасс водою,
мне песнями — родной народ!

1960

344. НАД МОРЕМ

Я люблю тишину, когда море спокойно так дышит
и во сне затихает до самого темного дна,
когда осень кругом, а в полях наступило затишье —
всё, что было у них, они отдали людям сполна.

В море — даль, в поле — даль. . . И в единстве их сила,
их великая мощь, как в единстве земли и воды.
Вот стою я над морем. . . Оно в синей дымке застыло,
а за мною Одесса — и камни ее, и сады.

Вы, о камни, как сплав, что вулкана жерло извергало,
чем так дороги мне вы, что в памяти вас я сберег? . .
Здесь моя боевая, далекая юность шагала
и качался мой штык — друг далеких и грозных дорог.

Здесь юнец кареглазый свой путь начинал. Здесь ночами
он набрасывал первые строки «Червонной зимы».
Тут мои и Ковиньки шаги прозвучали,
как и тысячи тысяч таких же, как мы.

Мы взошли на хребты, что нам снились в боях
беспрестанных,
в бесконечных холодных снегах, и в горячих песках,
и в кровавых, несущих погибель буранах,
когда небо желанное меркло в глазах.

За вершинами вновь поднимаются снежные горы
и зовут нас. . . Над нами сияют вовсю небеса.
И вдали, как всегда, багрянеют знамена «Авроры».
Мы на горы взошли, чтоб бессмертья творить чудеса!

1960

345. Я ЗНАЮ СИЛУ СЛОВА

Я знаю силу слова —
оно острее штыка,
быстрее даже пули,
не только ястребка.

Оно. лучшей быстрее,
в нем — чувств и дум полет.
Для жизни вековой
оно идет в народ.

Коль слово то — оружие,
как день, что не остыл,
коль в нем живет с любовью
и ненависти пыл, —

как пуля, золотое
оружье то разит,
коль ненависть в том слове
любовь твоя растит.

Оно с восходом мчится,
и в нем живет напев
любви к Отчизне нашей,
к врагу священный гнев.

Оружье счастья, слово,
я жить с тобой привык!
В любви — цветок ты словно,
ты в ненависти — штык.

(1960—1961)

346

Жарища. Марево степное.
Даль голубого голубей. . .
От сильной жажды и от зноя
раскрыл свой клювик воробей.

Кричит над полем ворон в сини,
речные заводи блестят.

В болоте, словно на картине,
спят стаи уток и утят.

Всё спит. Былиночка любая.
И светлый луч к ресницам льнет.
И лишь душа моя живая
никак в тревоге не уснет.

Она в далеких днях блуждает.
И вновь прощальных слез огнем
ей небо юности сияет
там, где Лисичье над Донцом;

где поезда кричат за далью
еще не выжженных степей
и пахнет углем и печалью
моих, давно прошедших, дней;

там ветер камыши качает...
И вижу я, как вдалеке
волна спокойно заливаает
следы ребячьи на песке...

5 июня 1961

347. КАК МНЕ УСЛЫШАТЬ

Как мне услышать листьев шум
в те дни, когда я был счастливым,
когда неслись, как море дум,
по небу тучи белогривы?..

Как мне увидеть волны те,
что юной зеленью светились,
где головастики в воде,
нагретой солнцем, суетились?

И вновь, где шепчутся березы
при набежавшем ветерке,
почувствовать родные слезы
на зацелованной щеке...

*3 июля 1961
Ирпень*

Сияло небо надо мною —
и я бродить не уставал,
захвачен жизни красотою,
листву каштанов целовал.

Моя душа в себя впитала
всю радость в солнечном тепле.
И ласточка мне щебетала
о счастье жизни на земле.

Как хорошо в порывах пьяных,
когда небес синее гать,
листву развесистых каштанов,
как губы милой, целовать.

10 июля 1961
Ирпень

В небе чудо-радуга сверкает,
в землю оперев свою дугу,
и ни на минуту не смолкает
тракторов гуденье на лугу.

Там далёко Киев за лесами,
там беда когда-то с громом шла...
Верба-свет зелеными глазами
смотрится в Славуты зеркала.

Что-то шепчет ей листва акаций,
а она от трав и от тепла,
чтобы дном речным полюбоваться,
по колена в воду забрела.

10 июля 1961
Ирпень

Дождь прошел над рощей, над рекою,
на листве оставил капли слез.
Но еще, не ведая покоя,
всё гремит небес электровоз.

Всё гремит. . . Как будто после боя
отсверкали сабли наголо,
и до неба тихой красотою
столько росяных цветов взошло!

Дальше, дальше грозный гром грохочет,
радостен и свеж умытый сад.
И всё шире неба сини очи
вниз, на землю юную, глядят.

*10 июля 1961
Ирпень*

351

Рыдает арфю Эола
вечерний ветер. Звезды. Сад.
И разливают маттиолы
свой тонкий, нежный аромат.

И тополя склонились долу,
не в душу ли глядят мою? . .
Твои уста как маттиолы,
я аромат их сладкий пью.

*10 июля 1961
Ирпень*

352. ПЕСНЯ

Из сердца песня о тебе несется,
она не канет в вечность, я клянусь!
Как тянется всегда былинка к солнцу,
так всей душою я к тебе тянусь.

Клянусь твоим я именем, Мария,
сияньем звезд, что чище, чем кристалл, —
еще не все тебе сложил стихи я,
еще не всё с тобою отмечтал.

Пусть щеки у тебя бледны немного
и взгляд как синь осенняя дубров,
но даже годы песнь убить не смогут,
она бессмертна, как моя любовь.

*12 июля 1961
Ирпень*

Запылают огнем мои щеки,
сердце радостно в грудь застучит,
лишь к перрону из далей далеких
электрический поезд примчит.

И тогда, сединой убеленный,
но по-прежнему юный в любви,
я прижму в суматохе перронной
к сердцу нежные руки твои.

Синий взгляд твой задумчивый встречу —
сколько света и радости в нем!
И опять сотни птах защебечут
всё о сердце влюбленном моем.

*12 июля 1961
Ирпень*

Пусть в волосах твоих заметно
уже пробилась седина,
но для меня, как час рассветный,
ты и пригожа и юна.

Ничто с душой моей не сталося,
лишь ты одна, как прежде, в ней
еще с тех пор, как повстречалась
мне на Донетчине моей.

Пусть небо дней моих седеет,
пусть мчат минуты и года, —
песнь о тебе не оскудеет,
она всё так же молода.

*12 июля 1961
Ирпень*

Пойте, шелкайте, птахи! Пусть ваш радостный щебет
славит солнце, любовь как начало начал...
Я скажу: на земле побывал я и в небе,
но таких, как твои, я очей не встречал.

Я в исканьях такие прошел расстоянья,
столько долгих дорог миновал за года!
Край мой, краше, чем звезд твоих синих, сиянья
я в чужой стороне не видал никогда.

Блещет даль, словно камня бесценного грани,
словно поднятый в вечность трепещущий стяг.
Блещет день — и в серебряном птиц щебетанье
виден образ Отчизны в любимых очах.

*14 июля 1961
Ирпень*

356. КАМЕНЩИКИ

Их славят гудки, перестуки:
мол, впору им неба достичь.
И кранов железные руки
наверх подают им кирпич.

Они в красоте и сиянье
наш будущий мир создают.
Прекрасные, стройные зданья
до туч как титаны встают.

Я тех, что в просторных кварталах
работают в солнечный час,
в забрызганных ватниках старых
на улицах видел не раз.

И в очи их, полные света,
смотрел зачарованно я.
К ним сердце сияло приветом,
как юная песня моя.

*17 июля 1961
Ирпень*

357

Брильянты рос покрыли луг собою,
глядятся вербы в зеркало реки,
и столяры домой идут гурьбою,
оставив золотые верстаки.

Им что-то шепчут ветви над рекою,
им дарит отсветы зари вода...
Полны глаза их мира и покоя
и счастья после долгого труда.

Под вечер им объятья даль раскрыла,
цветы им предлагают сладкий сок.
А там, где смолкнули электропилы,
смолою пахнет белый ряд досок.

Недолго дожидаться им хозяев,
промчится ночь, зари часы близки...
И, будущее наше приближая,
вновь встанут столяры за верстаки.

*17 июля 1961
Ирпень*

358

Всё пролетают поезда,
несут куда-то радость, горе.
Синеет небо на просторе,
шумят сады, звенит вода.

Иду в лесок в пчелином гуле
через баштан, вдоль колен.
Подсолнухи все повернули
за солнцем головы свои.

В их чаще прячет день истому...
Вон дед у шалаша стоит,
и даже шляпа из соломы
на нем подсолнухом горит...

*17 июля 1961
Ирпень*

359

Для меня привычкой
день счастливый стал.
Быстрой электричкой
он загрохотал.

287

Как весна цветет он
в крае молодом.
В небе — самолета
реактивный гром.

Провода, как струны,
оплели поля —
и летит в коммуну
в хорах звезд Земля...

29 июля 1961
Ирпень

360

Тихий вечер. Синева.
Песни зреет слово...
Я люблю, когда трава
стелется шелково,

как шумит ее прибор,
широкий-широкий,
и как ветер молодой
обжигает щеки.

Солнце скрылось в синь краю...
Сядь ко мне поближе.
Я в очах твоих мою
Украину вижу...

29 июля 1961
Ирпень

361

Отцвели сады давно
бело и крылато.
Вишни смотрятся в окно,
месяц белит хату.

Сердце бьется без тревог,
в этом стуче — счастье...
И на тын подсолнух лег
головой вихрастой.

Не уняться до утра
ночке чернобровой.
Отгудели трактора,
спят в хлевах коровы.

Смолкли гомоны труда,
кончились заботы.
И доярка — молода! —
вышла за ворота.

Светлый путь ее зовет
выйти спозаранку. . .
А за садом, у ворот,
слышно: «Эй, смуглянка!»

*29 июля 1961
Ирпень*

362

Качая да баюкая траву,
ей ветер шепчет сказки дни и ночи. . .
Деревья тянут руки в синеву,
всё вверх и вверх. . . А сердце песни хочет,

чтоб краски в ней и звуки навсегда
сошлись в одно, как в радуги глубинах,
и чтобы в ней, как в прошлые года,
синела даль очей твоих любимых,

чтобы вернулась молодость моя
хоть в песне, окрыленная тобою!
Тень от деревьев всё смутней. . . И я
пою в саду, над сонною рекою. . .

*29 июля 1961
Ирпень*

363

Ты для меня такая ж, как была,
когда пришел я из краев незримых. . .
Как сладкий сок пьет с лепестков пчела,
так счастье пью я с губ твоих любимых,

289

С тобой узнал я радости и горе,
узнал и встречи, и разлуки я.
В твоих глазах я вижу синее море,
и в нем душа колышется моя

морскую чайкой, чайкой белокрылой...
Ей тоже крылья надо поднимать, —
пускай летит, чтоб никакою силой
их ни грозе, ни буре не сломать!

29 июля 1961
Ирпень

364

Земля моя, твои заботы
я так люблю из года в год!
Идут рабочие с работы,
Шевченка зоренька встает.

Она сияет, как сияла
сквозь синей вечности моря,
когда с любовью озаряла
усы седые Кобзаря.

Во тьме ревел Днипро косматый,
перекликались сычи.
И распевали песнь девчата,
«як бивсь татарин уночі...»¹

3 августа 1961
Ирпень

365

Душе моей, как арфе, век играть, —
она всегда была и будет юной...
Когда ты улыбаешься, опять
моя любовь ее колеблет струны...

¹ Как сражался ночью татарин (укр.). — *Ред.*

И песнь из сердца рвется в тишине
про дивный мир, что блещет, нас чаруя.
И всё, что есть вокруг, так близко мне,
и всё вокруг всем существом люблю я.

3 августа 1961
Ирпень

366

Трубы высокие. Росы.
Травы. Вечерняя тишь...
Рвал я багряные розы,
там, где шептался камыш.

Шорох осины крылатой...
Очи, снявшие мне
там, где над озером хата,
видел я в синем окне.

Годы всё мимо, всё мимо...
Падают звезды в траву...
Я под окном у любимой
розы багряные рву.

3 августа 1961
Ирпень

367. Я ШЕЛ В СТРОЮ

Я шел в строю. Любовь мою
я променял на звон металла, —
друг другу посвистом в гаю
передавали мы сигналы.

Сиянье звезд мою шинель
сквозь гущу веток целовало,
и двух броневиков дуэль
над нами небо разрывала...

А мы всё шли... В дыму густом
дрожали тополя и стыли.
И мы тогда с лихим врагом
свои штыки в бою скрестили,

291

Деревья, словно бы от мук,
взметнулись ветками над нами...
Сердце и крови резкий стук
и поскрип снега под ногами...

И, словно в тело, в общий строй
стальных штыков вонзались жала.
И смерть над павшими немой,
туманный лик свой наклоняла...

Нет, эту ночь не скроет память —
и гром, и выкрики во мгле,
где пробивали мы штыками
дорогу счастья на земле.

*6 августа 1961
Ирпень*

368

Улица Ленина песни поет,
смотрит аллеей зеленой.
Ветер каштанам уснуть не дает,
солнце ласкает их кроны.

Тучки по небу высокому мчат,
камнем звенят мостовые.
Выглядят яркие платья девчат
словно цветы луговые.

Кажется мне, что их пестрый поток
в небо взовьется крылато...
Здесь и живет мой любимый цветок,
тот, что сорвал я когда-то.

*10 августа 1961
Ирпень*

369

День отсиял и погаснул давно,
шепчется полночь кустами.
Месяц в открытое смотрит окно,
комната дышит мечтами...

Сколько в них счастья, тепла и красоты!
Ими я зорям молюся,
я в их тумане, как капля росы,
песнею в небо тянуса.

С нею навеки я слился в одно,
чтоб полететь над долиной...
Месяц в открытое смотрит окно
с неба моей Украины...

10 августа 1961
Ирпень

370

Где-то хлопчик бредет по садам...
И слеза набегает на очи.
Всё глядит он вослед поездам,
что по рельсам прощально грохочут.

Пятки сбиты его от камней —
он еще не имеет ботинок.
Он идет и рогаткой своей
воробьев разгоняет на тынах.

Нет, еще не в Червону зиму
он идет — не к огню и металлу...
И донецкое солнце ему
курослеп на картуз набросало.

10 августа 1961
Ирпень

371

Море... Где сыщешь для песни слова,
те, что в душе моей пели?...
Сердце качает твоя синева,
словно дитя в колыбели.

Белое кружево песни, песок...
Море, ты с чудом сравнимо...

Синий простор твой глубок и высок,
будто глаза у любимой. . .

Море и марево. . . Вечный прибой.
Волн белогривые стайки. . .
И над волнами в дали голубой
грустные жалобы чайки.

12 августа 1961
Ирпень

372

Поет моя душа, прозрачна и крылата,
Она полна любовью ко всему и всем. . .
И каждого хочу держать я, словно брата,
в объятиях стихов, в объятиях поэм.

Мы всё вперед летим, всё выше. . . Нет, не сон то!
Там села, города. . . Стремительный полет! . .
И солнце коммунизма смотрит с горизонта
и золотой привет с вершин своих нам шлет.

20 августа 1961
Киев

373

Там где-то милый сад над синею рекою,
где я с тобой бродил меж росяных лугов
под гомон тракторов вечернею порою,
под беспрерывный бег электропоездов. . .

И вербы плакали. Вода точила камень.
В дыхании ветров качались трав моря.
И ты куда-то вдаль летела за мечтами,
и тонкий профиль твой чертила мне заря. . .

А город всё шумит, подобен он прибою,
и в шуме толп его — сквозь пестроту и гам —
всё видится мне сад над синею рекою,
где пьют росу цветы и к нашим льнут ногам.

20 августа 1961
Киев

Снова я — мальчишка... Лето, мое лето!
 Ветер набегает, колос шевеля.
 Ветряки хотели б в небо взмыть, да где там! —
 их не отпускает от себя земля.

Даль жарой объята... И певец крылатый,
 жаворонок, песню вылил в душу мне...
 На плечах несу я маленького брата,
 хоть и сам мальчишка... Поле — в тишине.

Где-то нас обоих ожидает хата,
 там к иконе темной свет свой луч простер...
 На плечах несу я маленького брата,
 и бежит дорога в голубой простор.

20 августа 1951
Киев

Я от песни юный,
 юный от труда.
 Пойте, сердца струны,
 молодо всегда!

Чтоб в порывах смелых
 стал крылатым я,
 чтобы с вами пела
 в жилах кровь моя!

Хмурых туч буруны
 сгнули давно.
 Мне, как прежде, юным
 в песне быть дано.

21 августа 1961
Киев

Где трактора вовсю гудят,
 где рельсы и мосты,
 над морем уток и утят
 стояла ты.

Стояла, как лесной цветок,
что в травах расцветал.
И ветер синий твой платок
с любовью целовал.

И стая лишь тебе одной
послушною была.
И даль небес голубизной
над фермою плыла.

И для тебя цвела весна
в просторе луговом.
И пела неба вышина
о счастье трудовом.

Где трактора вовсю гудят,
где травы и цветы,
над морем уток и утят
стояла ты.

22 августа 1961
Киев

377

Помнишь, небом открытым
даль цвела нам, ясна,
где над дотом разбитым
наклонилась сосна.

Птахи пели нам утром,
и, не зная забот,
мы теряли минутам
в светлой радости счет.

Ветер листики нянчит
в колыбели ветвей...
Парашют-одуванчик
на ладони твоей...

22 августа 1961
Киев

Вы слышали, как в звоне молотка
 сталь славит человека песней дивной?
 Вы видели, как слушает река
 волны дрожаньем посвист соловьиный?

Как красками поет весенний сад,
 когда вечерний ветерок играет,
 когда заря за лесом догорает
 и песне шлют цветы свой аромат.

И с юных лет в мечтах, в весеннем цвете
 всю душу отдал песне я сполна.
 Она — моя советчица на свете,
 природой и работой рождена.

24 августа 1961
Киев

Пожелтела вся трава
 в бурю-непогоду.
 Клонит ветер дерева
 на чистую воду.

Отражает их она,
 небо отражает...
 Грусть гармоники слышна —
 лето провожает.

На душе, как в утра рань,
 тихо, сине, чисто.
 И горят, куда ни глянь,
 осени мониста.

24 августа 1961
Киев

Остыла синь Днепра, всю зелень отдал сад
 за золото... Уже и липа им одета,
 уже багрянцем листья тополя горят...
 Остыла синь Днепра... То умирает лето.

Во всем видна покорность, дрема и печаль,
ждут дней ненастных зябнувшие дали.
И ветви так дрожат, — им, видно, лета жаль
и журавлей, что здесь над рошей отрыдали.

А солнце так печально смотрит с вышины,
и ветер мертвый лист вот-вот за тучу кинет...
Остыла синь Днепра, но сердце не остынет, —
всё ждет оно и ждет, как и земля, весны.

24 августа 1961
Киев

381

Я помню ту былую пору:
и щебет птиц, и трав шумок.
Ты радостно бежала в гору,
а я догнать тебя не мог.

О, сколько весен, сколько снега!
Отщебетали, отцвели! ..
Хоть задыхались мы от бега,
но губ разнять мы не могли.

Моя заплаканная птица,
где щебет тот и трав шумок? ..
Я знал — она далёко мчится,
а вот догнать ее не смог.

24 августа 1961
Киев

382

Нет, материнских глаз тревожных
я больше не увижу вновь
и теплой пылью подорожной
на пальцах не присыплю кровь.

Да, я прошел дорог немало, —
им нет ни края ни конца. . .
Теперь уже я, как бывало,
не побегу встречать отца.

Года, куда вы так спешили? ..
Зачем вы белым снегом мне
всю голову запорошили?
А нынче снитесь лишь во сне.

Чтоб слышать вновь тот шум пшеницы,
чтоб видеть вновь ее сейчас,
я детство, что мне только снится,
хочу прожить еще хоть раз.

25 августа 1961
Киев

383

Копры, и рощи, и туманы,
поля, поля — во все края...
И гул заводов беспрестанный...
То ты, Донетчина моя.

Несет челны, не зная дремы,
вода зеленого Донца.
И дружно гулу заводскому
забой вторят и сердца.

И трубы поднялись стеною,
над ними дым стоит, как мгла...
Там, за конторкой проходною,
ты, молодость моя, прошла.

Прошла полями и водою
среди меловых притихших гор,
где со смуглянкой молодою
не раз ходил я в синий бор...

Зачем все сны мои об этом,
к чему волнуют душу вновь? ..
На лесенках вагонных летом
стихи слагал я про любовь.

Я полетел туда теперь бы,
в родную юность, к тем местам,
где над Донцом*склонились вербы.
Я всей душой и сердцем — там.

Где журавлиный клин курлычет,
березки чешут пряди кос,
с какой бы радостью в Лисичье
я первые стихи принес!

Чтоб снова мчалась в днях буруиных
моя весна, о край родной!
Чтоб на щеках почуять юных
донецкий ветерок степной.

И чтобы злато-кари очи
не застил долгих лет туман,
чтоб та же красная сорочка
мой юный облежала стан...

Одна нам юность неизменно
и песня о любви дана...
Так будь же ты благословенна,
донецкой славы сторона!

25 августа 1961
Киев

384

Они прошли, полны спокойной силы,
и словно здесь жарница ожила...
В густой воде купались крокодилы,
даль от фламинго радужной была;

качались пальмы тихо над рекою,
и лотос цвел, не хоронясь в тени...
И негры шли веселою гурьбою,
танцуя: не рабы уже они!

Настанет день, им счастье улыбнется!
И это верно так же, как и то,
что щедрое тропическое солнце
в их мускулы и души налитó.

И снова Киев... Словно на экране,
один пейзаж сменяется другим,
чтоб песня поднялась в рассветной рани
в моей душе волненьем дорогим,

Они прошли спокойно по панели,
черны как уголь были их тела,
на черном фоне губы багрянели...
То Африка Крещатином прошла.

28 августа 1961
Киев

385

И вновь дорога... синь воды...
И хаты в мареве застыли...
И снова Звановки сады
свои объятя мне раскрыли.

Вот нашей хаты огонек
и дым родимого селенья...
А вот на коврике — стрелок,
который целится в оленя.

Хоть жил я здесь давным-давно,
мне это вновь увидеть вышло.
Вот я у бабушки. В окно
опять заглядывает вишня.

Там, за Донцом, гудок ревет...
А дома — бабушкины ласки.
И перед сном ленивый кот
мне на ухо мурлычет сказки.

Минуты мчат, и путь искрится,
как бы крыла орлиный взмах...
И снится, снится, снится, снится
родная Звановка в садах.

28 августа 1961
Киев

386

Как я люблю тебя! Как сердце страстно хочет
воспеть твой взгляд, исполненный тепла!..
Я юношей мечтал про сини очи —
и вот мне их Донетчина дала.

Да, мне дала она их цвет весною,
когда цвели деревья и трава.
И в наших песнях, о мой друг, с тобою
всегда, всегда Донетчина жива!

28 августа 1961
Киев

387

В крутой гранит Днепра бьют волны, кверху лезут,
темны и холодны. . . Я на мосту стою,
и мост шатается, гудит его железо,
напоминая мне про молодость мою.

Вы, годы, как цветы: попробуй только вынь их
из матушки-земли — обратно не вернуть. . .
Внозь вижу я: Донец, и небо в звездах синих,
и на мосту — юнец. . . Сияет Млечный Путь. . .

Стоит юнец и смотрит зоркими глазами
в кусты на берегу. . . Сжимает сталь рука.
И голова его полна всю ночь стихами,
и желтый луч луны целует грань штыка. . .

И я на Днепр гляжу, над бурной бездной стоя,
и на Донец гляжу, как в сказочных мечтах,
лечу куда-то вдаль. . . Я не один — нас двое,
и мы вдвоем стоим на разных двух мостах.

28 августа 1961
Киев

388

Еще деревья голых веток
не тянут в синий небосвод,
они еще в листву одеты,
и песня радости живет.

Еще, заманивая лето,
кузнечики в траве звенят,
и краски теплотой манят,
и счастьем вся душа согрета.

29 августа 1961
Ирпень

Пусть туман осенний скрыл лицо земли,
и кому-то жалуются в небе журавли,
и замолкли птахи в голубом гаю, —
я весне слагаю эту песнь мою.

Деревцам зеленым, росяным цветам,
юности прекрасной, хоть седею сам,
тем, кто с тьмою ночи вынес смертный бой, —
всем нашедшим счастье на земле родной.

Пусть туман осенний скрыл лицо земли,
и кому-то жалуются в небе журавли,
и замолкли птахи в голубом гаю, —
я весне слагаю эту песнь мою.

29 августа 1961
Киев

Да, осень есть в весне и в осени весна,
как есть в слезах любовь и встречи есть в прощанье...
Так в горестном огне закатного сиянья
к нам крылья тянет вновь рассвета даль, ясна,
Да, осень есть в весне и в осени весна.

Вновь георгин горит прощальною красою,
над садом золотым курлычут журавли.
Расстались мы давно в печальный день с тобою,
и повстречались вновь мы в радости земли, —
и осень показалась нам в тот день весною.

Тогда светилась вновь в твоих слезах любовь.
Я целовал твои натруженные руки,
что ты ко мне тянула в злых ветрах разлуки,
в полночном шелесте задумчивых дубров...
Тогда светилась вновь в твоих слезах любовь...

Да, осень есть в весне и в осени весна.
Пусть смолкнут журавли и георгин увянет,
идешь ты — и с полей весенним ветром тянет,
поверь, на всей земле ты для меня одна.
Да, осень есть в весне и в осени весна.

29 августа 1961
Киев

Вся в терриконах даль,
а небеса ясны...
Осенняя печаль
днецкой стороны.

Как журавли весной,
ты вновь приснилась мне.
Навеки ты со мной,
с тобой я в каждом дне.

Заводы. Гул руды.
И синяя вода.
И верба у воды.
И белых гор гряда.

Железные мосты,
копры в голубизне...
И всё, и всё, что — ты,
во мне, во мне, во мне!..

30 августа 1961
Киев

Здесь рельсы, виадуки,
а воздух как хрусталь.
Подъемных кранов руки,
протянутые вдаль.

Под стать борцам-титанам
столбов железных крепь.
Кварталы неустанно
теснят всё дальше степь.

Они в красе и силе
живут в картине той!
Так расправляет крылья
мой Киев золотой.

И песней соловьиной,
бессмертна, молода,
мне в сердце льется ныне
симфония труда.

30 августа 1961
Киев

О чем в росе задумалась земля? ..
 Здесь для меня всё, всё навеки свято.
 И обелиск стоит, как бы храня
 могилу Неизвестного солдата.

В огне крошилась у врагов броня,
 когда он шел на смерть в немые дали...
 Перед бессмертьем Вечного огня
 моя Отчизна замерла в печали.

В слезах зари задумалась земля...
 Здесь для меня всё, всё навеки свято.
 И обелиск стоит, как бы храня
 могилу Неизвестного солдата.

30 августа 1961
Киев

Ветер. Небо. В небе — тучи...
 Снова в поле я и ты.
 Затянув напев могучий,
 над Днестром гудят мосты.

Даль от счастья замирает,
 вечер колосом поник.
 Синь просторов разрывает
 электрички дальний крик.

Мы слились вдвоем с тобою
 так давно, давным-давно,
 ведь едины мы душою,
 да и сердце в нас одно.

30 августа 1961
Киев

Среди паутин серебристых
 смолкает гудок заводской.
 И ветер, запутавшись в листьях,
 танцует свой вальс золотой.

Поет он о солнечном лете,
что в тихие доли ушло,
качая под музыку ветви,
он астру целует тепло.

И клонится астра в печали,
и шепчет ему: «О, постой!»
А ветер уносится в дали,
танцуя свой вальс золотой.

1 сентября 1961
Киев

396

Где вход в метро, где отлитая медь
от тысяч рук на солнце засняла,
я так люблю на памятник смотреть,
поставленный героям «Арсенала».

Как в знак того, что вечны эти люди,
что с нами в битвах и в труде они,
здесь с пьедестала вдаль глядит орудье —
в минувшие и будущие дни.

Так, будто в вечность как пальнет зарядом,
и в небе синем радость загремит...
А люди всё проходят ряд за рядом,
и Киев мой машинами шумит.

1 сентября 1961
Киев

397

Летят часы моих раздумий,
как тучи в дальние края...
Вновь вспомнил я в осеннем шуме
тебя, Башкирия моя.

Под грохот ночи воробьиной,
под орудийный гул и гам
к тебе пришли мы с Украины
по окровавленным степям,

Тогда снегами даль белела
и с ног метель сбивала нас, —
как мать своих детей, пригрела
ты украинцев в трудный час.

И хоть давно уже затишье
и я в родной вернулся край —
всё вижу степь твою, всё слышу,
как грустно в ней поет курай.

А здесь рокошет бор сосновый,
ветвями ловит солнца свет. . .
И я с любовью шлю сыновний
тебе, Башкирия, привет.

1 сентября 1961
Киев

398

Как сердцу радостно, когда завеса ночи
и тает, и редет, как туман,
когда зари на землю глянут очи
и засияет неба океан.

И я стою, захваченный простором,
как будто только-только жить начав.
Я сам встречаю солнце птичьим хором
и трепетом ветвей, листвы и трав.

Я до небес протягиваю руки,
блаженная частица всей земли, —
так после ночи длительной разлуки
нам солнце улыбается вдали.

1 сентября 1961
Киев

399

Как помрачнела неба глубина,
листву деревьев охватило пламя. . .
Но не о том ли, что придет весна,
осенний сад, ты мне шумишь ветвями?

307

В аллеях бродит ветер-бандурист,
пройдет, цветам промолвит тихо слово...
И падает на землю желтый лист,
что оживет в листе зеленом снова.

Пусть кони с белогривыми ветрами
летят сюда сквозь далей синеву,
пусть осень и зима не за горами, —
и всё же сердцем я весну зову!

2 сентября 1961
Киев

400

Где-то каркнул ворон мрачный,
мчатся тучи в вышину...
Но напомнил смех ребячий
мне далекую весну.

И увидел, как в тумане,
я в осенний мокрый час
ту весну, рассвет тот ранний,
что бывает только раз.

От завода — гомон звонкий,
и тропинкой на лугу
снова маленьким мальчонкой
я с рогаткою бегу...

2 сентября 1961
Киев

401

Бахмутка, где твои излуки?..
Там лишь поля — нет края им, —
где слушал я рояля звуки
и плакал под окном чужим.

И тихий пруд, и чисто поле —
как изменилось всё кругом,
где кукурузу мы пололи,
где начинали жить трудом.

И словно золотой стрелю
летишь ты, память, вдаль, туда,
где мы вечернею порою
таскали раков из пруда.

А сердце бьется в перестуках...
От тех минут всё дальше я,
где плачет от рою звуков
в тумане молодость моя.

2 сентября 1961
Киев

402

Солнце скрылось уже за курганы,
что-то шепчет цветам ветерок
там, где в травах вечерних багряный
потеряла заря гребешок.

Уплывает желанное лето
на зеленом челне в небеса...
Ой, цветы, вы осенних расцветок,
запоздалого счастья краса!

Холоднее пойдут дни за днями,
отпылают рябины огнем...
Будет ветер метаться над вами,
разрыдается небо дождем.

2 сентября 1961
Киев

403

В осенних флагах вновь лицо земное,
и рощи плещут, как в морях вода...
Весна моей души везде со мною,
со мной всегда.

Я жизнь люблю, пою ее одну,
чтоб мы с тобою грусти не встречали,
чтобы смотреть на осень сквозь весну,
сквозь радости земные — на печали.

Ты осенью пришла к поэту вновь
и вырвала навек из сердца жало,
чтоб расцвела в ветрах моя любовь
и песнею слеза разлуки стала.

2 сентября 1961
Киев

404

О Красная зима, сквозь были
вовек греметь громам твоим!
Мы этот день вчера творили,
как нынче завтрашний творим.

Когда, грядущего сыны,
мы шли в далекие просторы,
и в дни последней, той войны
гремели выстрелы «Авроры»,
мы гордо встали над веками,
как солнце над лицом земли...
О, нет! Они навеки с нами,
те, что навек от нас ушли!

3 сентября 1961
Киев

405

Как радостно с утра идти под шум каштанов
по улице родной, идти и знать: вокруг
счастливый день куют в порывах неустанных,
сплоченные в одно, миллионы дружных рук.

Да, счастье трудовое мы для всех куюм,
и сам ему несу я песни, словно зерна.
И знаем хорошо мы, для чего живем,
и знаем, для чего работаем упорно.

Счастливый я, как все; богатый я, как все.
В труде и в подвигах собою мы богаты
и всем, что жизнь несет в величье и красе,
что нас ведет в грядущий мир крылатый.

5 сентября 1961
Киев

Эй, ты, радость жизни!.. Эй,
цветики в долине!..
В наковальню, молот, бей,
взвейся в искрах синих.

И кузнец (он синеглаз)
крепко держит молот.
Дышит счастьем он сейчас,
потому что молод.

И душа у кузнеца
рвется в синь дорогу...
Вот идет встречать отца
сын его к порогу.

Он впервые говорит,
называет «тятьей»...
Над землей напев парит,
юности крылатей.

Эй, эй, радость жизни!.. Эй,
цветики в долине!..
В наковальню, молот, бей,
взвейся в искрах синих.

5 сентября 1961
Киев

Иду... И сердца струны,
тая мечты волну,
играют мне про юность
и про мою весну,

про вербы над рекою,
Лисичье над Донцом,
про счастье трудовое,
что мы для всех куем,

про то, что мирным светом
полны мои края,
про то, что в счастье этом
есть доля и моя.

Иду... И сердца струны,
тая мечты волну,
играют мне про юность
и про мою весну.

6 сентября 1961
Киев

408

Объяття свои мне раскрыли
поля, и сады, и ручьи...
Возьми мое сердце на крылья,
о песня, и в дали умчи!

Туда, где Карпаты синеют,
смеются свирели в гаю...
Оно, молодое, сумеет
воспеть Украину мою.

В рассветном помчимся мы небе,
где радуги Черемош пьют...
И птахи свой радостный щебет
с его щебетаньем сольют.

6 сентября 1961
Киев

409

Те сады всё чаще
вижу снова я,
в соловьином счастье
вешние края.

В чарах небосвода
тихо ночь плыла,
бриллианты в воду
падали с весла.

Помню, этой ночью
были мне даны
и любимой очи,
и заря весны.

312

Годы мчались мимо,
мимо мчались дни...
Свет очей любимых —
где теперь они?

Я забыть не в силе
блеск очей твоих.
Мне они светили
ярче звезд любых.

6 сентября 1961
Киев

410

И всё никак не замолчу я,
пою, не зная скорбных чувств,
хотя в осеннем ветре чую
моей земли осенней грусть.

Мне шепчут травы — тише, тише, —
что в сердце юность я несу.
И кажется мне, что я слышу
звоночки ландышей в лесу.

Летят листочки всё багровой...
Ты для меня — весенний цвет!
Как нет у осени любви,
так старости у песни нет.

7 сентября 1961
Киев

411

В садах вся листва пожелтела,
замолкли давно журавли,
и солнца любовь ожадела
к просторам родимой земли.

Где птахи теперь распевают?
Не слышу я их за окном.
И тихо под небом вздыхает
сырая земля перед сном.

Но сон этот канет куда-то...
И с первою зеленью вновь
к земле, молодой и крылатой,
пробудится солнца любовь.

7 сентября 1961
Киев

412

Дрозды покидают дубровы
до будущей ранней весны,
и листья трепещут багрово,
и астры поникли, грустны.

И сонно качаются сучья,
прощаясь с последней листвою,
и солнце взирает сквозь тучи
на зябкий простор полевой.

Сады отмечтают в покое
и в зимнем забудутся сне...
Но песни мои и зимою
не смолкнут о синей весне.

7 сентября 1961
Киев

413

Пусть взлетает напев
над землею!
Лишь заметить улыбку успев,
я светлею душою.

Синь и смех
солнце пьет.
В счастье всех —
мой полет.

А когда грохотали дороги,
дождь свинцовый над Родиной лил,
то со всеми грозу и тревоги
я делил.

314

Пусть взлетает напев
над землею!
Лишь заметить улыбку успев,
я светлею душою.

*7 сентября 1961
Киев*

414

Ты поднялся аж до звезд над землею —
и на пути пред тобой
горы дрожат под твоею ногою,
в реках вскипает прибой.

О мой народ, о тебе я
песни пою много лет.
Плащ твой — небес голубсе,
очи — как радуги цвет.

Всё в тебе — пламень мартенов,
трель соловья и заря. . .
Горы тебе — по колено
и по колено моря.

Трудишься ты всё упорней,
с песнею радость дела.
И распласталась покорно
перед тобою земля.

Труд твой сливает сердца, словно реки,
в славном родимом краю.
Пусть моя песня прославит навеки
силу и правду твою!

*9 сентября 1961
Киев*

415

Листок осенний всё угрюмей,
он полон самых грустных дум. . .
Но я в листьях весеннем шуме
опять его услышал шум.

Нет, ты не жмись к ногам с мольбою!
Весной под небом голубым
своею смертью золотою
ты юность дашь листкам другим.

Пусть ветра хищного порывы
тебя уносят в даль дорог,
чтоб новой весной счастливой
ты жить в других листочках мог.

Как грустно небо догорает...
Всё гибнет, чтоб родиться вновь.
И только песнь не умирает,
когда в той песни есть любовь.

9 сентября 1961
Киев

416

От раздумий никак не усну я,
что в душе словно ветра мотив...
Я на гору ходил меловую,
звон гитар молодых полюбив.

Вновь лечу я в те дальние годы,
забывая свою седину,
где Донца быстротечные воды,
где любил я девчонку одну.

Целовал я ее, молодую,
был от счастья я сам голубой...
И сегодня как будто я чую
шум акаций тех лет над собой.

Пусть вовеки я юным не буду, —
всё ж лечу к голубой давнине
и хоть в песне о ней позабуду,
о холодной своей седине.

9 сентября 1961
Киев

Давно умолкли трубы боя,
и крик, и плач, и звон удил...
Навеки властною рукою
народ себя освободил.

И снова ленинское знамя
ведет нас всюду и всегда.
Оно колышется над нами
как символ мира и труда.

Мы к солнцу самому взлетали
не раз, не два с лица Земли.
Наш стяг в космические дали
уносят наши корабли.

Ему — серебряные реки
и молота тяжелый звон,
и грозы атома навеки
себе служить заставил он.

Мы с ним оковы тьмы разбили,
чтобы в счастливой высоте
нам прилететь на светлых крыльях
к всечеловеческой мечте.

11 сентября 1961
Киев

Я вижу в золоте осеннем
весны зеленую красу.
Пылай, напев, души гореньем,
что я людским сердцам несу!

Плывут, плывут мелодий звуки —
их столько в сердце расцвело!
Я верю: в холоде разлуки
таится новых встреч тепло.

Целует землю после ночи
устами солнца небосвод. . .
Так после слез сияют очи,
из грусти радость так растет.

11 сентября 1961
Киев

419

Шумят дубы, весною пахнут травы
в тумане отсиявшей старины. . .
И у Днепра я вижу Святослава,
что снаряжает в дальний путь челны.

Текут, текут, текут спокойно воды, —
под солнцем как стекло равнина вод.
Из этих мест полки в бои-походы
его дружина в море поведет.

Там Святослав прольет потоки крови,
чтоб лютый враг навек запомнил Русь. . .
И он стоит, в раздумье хмурит брови
и челн качает, что в песок погруз.

12 сентября 1961
Киев

420

Давно уже влюбилась ты, душа моя,
в прозрачную красу закатов и рассветов.
Так пусть, так пусть звучит, как песня соловья,
мой голос молодой, вливаясь в хор поэтов.

Пусть славит он весну, что, душу окрыля,
сердца нам наполняет силою живою!
Как счастлив я идти росистой землею,
когда заря с небес слетает на поля! . .

Пусть славит работяг, что поднялись на труд,
когда гудками даль зовет нас беспрестанно
и от Днепра туманы белые плывут,
а в небе облаков лазурных караваны.

318

Да, знаю я, что Днепр не потечет назад,
что молодость моя вторично не настанет, —
и всё же я пою, пою про синий взгляд,
что у меня в душе всегда горит, не вянет.

И, прославляя труд, я с песней огневою
ни на единый миг расстаться не могу.
Я землю полюбил любовью молодою,
и молодость свою я в песне берегу.

Пусть шире дышит грудь. Я славлю жизни чудо,
всё радостнее мне под небом петь родным!
Любовь, ты — молодость. И от любви я буду
до самого конца, как песня, молодым.

13 сентября 1961
Киев

421

Славить песнями я буду
край родной, родной народ.
Там дрожат мосты от гуда,
в наковальню молот бьет.

Блещет синь реки глубокой,
и шумит под ветром сад.
И румянит ветер щеки
у колхозных у девчат.

Я очей, что нету ближе,
синее сиянье пью.
И весной звоночки вижу
белых ландышей в гаю.

А лишь вечер наплывает,
травы стелятся, шурша,
звонкой песней отвечает
здесь на всё моя душа.

13 сентября 1961
Киев

Идем мы лучистой долиной,
 для счастья — бескрайний простор...
 Как синяя даль Украины,
 любимая, светит твой взор.

Вдали, за рекой голубою,
 зарей занялся небосклон.
 Идем мы, и шлют нам с тобою
 березки свой светлый поклон.

Их ветер полей колыхает,
 целует твой облик родной, —
 то солнце во мне полыхает,
 то счастье шагает со мной.

13 сентября 1961
 Киев

Весною накопил цветов я нежно-синих,
 когда здесь соловьи нашли себе приют.
 И вот на всех углах арбузы, груши, дыни
 возами нынче продают.

И винограда золотые гроздья
 сверкают на лотках светло и тяжело.
 Им осенью последний дождик роздан,
 им солнцем отдано последнее тепло.

И всё шумит, шумит, не утихает город
 и шпилями стремится в небеса...
 На всех углах растут цветистых фруктов горы —
 богатства нашего осенняя краса.

14 сентября 1961
 Киев

Дождь прошел, он отстучал в окно,
 над цветами звонко отрывав.
 Для сердец, для листьев и для трав
 крутится минут веретено...

Песней я приник к земной груди,
чтоб до самых голубых вершин
жаворонком взвиться. . . Погляди,
мчится по шоссе поток машин.

Пой, земля, неси заводов дым,
веком электричества гуди. . .
Чтобы вечно быть мне молодым,
песней я приник к земной груди.

15 сентября 1961
Киев

425

Как сине, как чисто, как тихо кругом!
Один я на круче стою.
И вербы, склонившись над сивым Днестром,
припомнили юность свою.

Срывает с них ветер сухие листки,
и смотрят им вербы вослед. . .
Им снятся крылатые Щорса полки,
что шли здесь дорогой побед.

Им старенький дед в те далекие дни
показывал путь через лед.
Несли на руках командира они
и шли всё вперед и вперед.

Гремел по Днестру бесконечный их шаг,
как грозного моря прибой. . .
То Щорс проносился лавиной атак,
чтоб Киев спасти золотой.

Как сине, как чисто, как тихо кругом! . .
Один я на круче стою.
И вербы, склонившись над сивым Днестром,
припомнили юность свою.

15 сентября 1961
Киев

426. ЮРИЮ ГАГАРИНУ

Тебя, крылатого, все славим мы сегодня,
и завтра, и в веках мы будем славить вновь, —
ты первым гордый стяг наш к самым звездам поднял
и тем завоевал бессмертье и любовь.

С такими нас никто нигде сломить не сможет,
твой смелый взгляд пробил космическую даль,
невиданный гигант, на хлопчика похожий,
с душою нежною, но твердою как сталь!

В твоих глазах, орел, спокойное сиянье.
А в жизни с каждым ты открыт, приветлив, прост.
Ты, словно памятник, стоишь в моем сознание
с крылом, простертым ввысь —
до самых дальних звезд.

*20 сентября 1961
Киев*

427

День отсиял неповторимо,
в степях разлил зари вино.
И вечер заглянул незримо
глазами синими в окно.

С приветом на меня глядит он,
распространяя синь и сонь,
чтоб стукнул кованым копытом
в брусчатку ночи черный конь.

И, высекая чудо-искры,
конь будет мчать и мчать во мгле,
и вспыхнет месяц серебристый
у черной ночи на челе.

*20 сентября 1961
Киев*

428

Пусть цветик последний в долине
зачах,
но в сердце всё песня о синих
очах.

В них звезды задумчиво светят
на черные пашни ночей.
И жить не могу я без этих
очей. . .

В них вижу и днем я и ночью
сиянье небес голубых.
И пусть нас не будет, — те очи
светить будут в песнях монах.

*24 сентября 1961
Киев*

429

Растреплются в ветрах зимы холодной косы,
неумолимый снег засыплет желтый лист
пуховой пеленой. . . И солнце глянет косо
на голые леса, где только ветра свист.

И ласковое лето вспоминать я буду
в цвету счастливых дней, как молодость мою.
И вот увижу вдруг я уцелевший чудом
один-единый лист, упавший на скамью.

Я сяду на скамью, и только ветра гаммы
всё будут для меня в пустом саду звучать. . .
Тот одинокий лист согрею я губами,
на память положу его себе в тетрадь.

*24 сентября 1961
Киев*

430

Я не забыл ребят-дружков,
ремесленную школу,
где стал впервые у тисков
под стали звон веселый.

Всё это кажется мне сном,
а ведь взаправду было. . .
Я бил по пальцам молотком,
хоть целился в зубило. . .

Еще не мчался я в строю
под грохот стали в дали,
но в кровь уже вошли мою
крупницы чистой стали.

Там небо в окнах так тепло,
так радостно синело!
Мое рабочее село
в акациях шумело.

Усталость вахты трудовой,
весны далекой громы. . .
Звонок, и вот мы всей гурьбой
летим скорее к дому.

Летим по улице вон той,
свет-солнышком залитой. . .
Овраг. Погост. Там батька мой
лежит в земле зарытый.

И с ним в земле сырой лежат,
где щебет птичьей стаи,
два деда, две бабуся, брат
и матушка родная.

Ах, как бы это в жизнь вернуть
их золотые души!
В глаза их добрые взглянуть,
их голоса послушать. . .

Плывет, подобный серебру,
донецкий тихий вечер.
С любовью нежною беру
я братика на плечи.

Иду, его несу в огне
зари золотокрылой.
Я разве знал, что скоро мне
стыть над его могилой?! .

Гудки гудят, и даль дрожит
вечернею порою
там, где Олежек мой лежит,
мой братик, под землею. . .

Вот дед Владимир. Всю семью
он держит очень строго.
Я, маленький, пред ним стою,
боюсь его немного.

Он чай горячий пил, спешил,
зайдя к соседке Паше,
а я передразнить решил
его негромкий кашель.

Но он лишь улыбнулся мне:
«Не надо так, Вовуся!»
А за стеною в тишине
молилася бабуся.

Вот, как жар-птицыно перо,
я мчусь в зари ворота. . .
А вот другой мой дед, Дмитро,
родная Третья Рота.

Глаза горели, как в огне,
и кровью пели вены,
когда о Гарибальди мне
читал он вдохновенно. . .

Нет, не забуду это я!
Меняются картины. . .
Другая бабушка моя.
Добры ее морщины.

Нет, до сих пор я не забыл
глаза людей и души. . .
Как я у бабушки любил
под вечер сказки слушать!

Среди болот Яга живет
в глухом и темном месте. . .
Зевает бабушка и рот
беззубый сонно крестит. . .

Вот новый день мной воскрешен,
он никнет, словно колос. . .
И слышу я гитары звон
и задушевный голос. . .

То батька... Мука сердце рвет...
Поет он о садочке
и о вдове, что там живет,
о милой вдовьей дочке...

И снова память ожила...
Когда мы шли лавиной,
я крест, что мама мне дала,
взял и в траву закинул.

Мы солнце добыли в бою
всему простому люду...
Но я и юность и семью
родную не забуду.

Моя земля из года в год
в космическом полете...
И на завод гудок зовет
в далекой Третьей Роте.

*16 октября 1961
Киев*

431

В сиянье нашей славы и труда
мы — партии своей родные дети.
У нас трудящиеся — господа,
а не рабы, как это в старом свете.

Сильны мы дружбой, каждый миру рад,
нам труд, как солнце, в нашей жизни светит.
И каждый честный человек нам — брат,
брат, а не волк, как это в старом свете.

В единстве нашем — наше торжество,
борьбой закалено... У нас в ответе
один за всех и все за одного, —
не каждый за себя, как в старом свете.

1961

Как сон, туман плывет с реки
 над криком птичьих стай.
 Отшелестели колоски,
 тоскует гай.

Не слышно больше соловья...
 И, как ни посмотри,
 тоскует гай... Душа моя
 в слезах зари.

А сердце хочет жить спеша:
 пой, песне помогай!
 В слезах зари моя душа,
 тоскует гай...

1961

Грустно вечер бормочет —
 быть метелям, снегам...
 Ты не падай, листочек,
 чтоб прижаться к ногам!

Вечер стал на колени
 среди равнин золотых...
 И в предсмертном томленьи
 георгин приутих.

Но наполнится звоном
 сад весною... И вот
 вновь в листочке зеленом
 мертвый лист оживет.

Теплый ветер нахлынет, —
 георгин, ты опять
 в молодом георгине
 будешь жизнью сиять.

1961

Солнце, мое солнце, что поет и греет,
расцветай и властвуй над моей душой!
Только тот, кто любит, в песне не стареет,
только тот, кто любит, вечно молодой.

Да! Душа поэта песнею крылата,
на земле и в небе все улыбки — ей.
И цветок сорвать я не могу, как брата,
как и всё живое на земле моей.

Песня всё добудет, песня всё умеет,
в песне не ослабнет дней моих разбег.
Только тот, кто любит, сердцем не стареет,
только тот, кто любит, не умрет вовек.

29 июля 1962
Ирпень

435. ТРУБАЧ

А. Малышко

В окно бился ветер, затеяв трезвон,
сняли у матери очи,
когда, в бедной хате крестьянской рожден,
увидел ты неба кусочек.

Нелегкою доля, признаться, была,
с ветрами сроднился ты скоро.
И звонкая песня тебя повела
по тропкам извилистым в город.

Пришел ты от верб и задумчивых трав,
тая в себе дух тополиный,
и, сердце народу навеки отдав,
ты стал трубачом Украины.

А враг объявился — ты в грохоте гроз
с отвагою вышел в дорогу,
сквозь битвы трубу свою с честью пронес,
трубя боевую тревогу.

Давно громогласные пушки молчат,
лишь в песнях их гул слышу вновь я...
И пусть тебе нынче уже пятьдесят —
ты юн, словно ветер Днепровья.

И, силы свои отдавая труду,
сквозь звездные годы шагая,
цветет с тобой в песенном этом саду
подруга твоя дорогая.

Пусть синий рассвет постучится в окно,
как встарь, мы покоя не ищем.
Скажу я: добро, когда сердце одно,
а два — еще лучше, дружище!

Мне дороги песни твои, не таю,
и дорог твой нрав молодецкий.
Ты любишь днепровскую землю свою,
как горд я своею, донецкой.

Одна Украина. И травы одни,
и зори одни, что над нами,
и души, и песни, — как сестры они,
и к жизни любовь — наше знамя.

И всё, что прекрасно, что чисто, чему
сердца мы свои посвятили, —
народ, наша гордая честь, и ему
все помыслы наши и силы!

О всяком старье я ничуть не скорблю,
и ты свою душу не губишь.
Всем сердцем тебя я, дружище, люблю
за то, что народ свой ты любишь.

4 сентября 1962

Он идет, и ветер вьется,
теплый, ласковый...
У шахтерки сердце бьется,
как у ласточки.

Хмурит угольные брови,
как цыганочка.
На щеках огонь багровый
тлеет в ямочках.

Прячет вспыхнувшие щеки,
наклоняется.
С неба месяц ясноокий
усмехается.

10 сентября 1962

437

Где над Днепром привяли травы,
склонились вербы с берегов,
я вижу очи Святослава
суровые в дали веков.

Поют ему родные воды
и льнут к ногам его волной.
Он из счастливого похода
привел соратников домой.

Он шлет привет ветрам и тучам,
с улыбкой светлой в даль глядит.
И на плече его могучем
кольчуга золотом блестит.

11 сентября 1962

438

Над степью, что в ранних туманах,
синей обрамленье лесов. . .
А в даях тревожно-багряных
в бой красных ведет Примаков.

Клинком обнаженным играет,
сам русский и юный такой.
И радостно солнце сняет
на кожаной куртке тугой.

330

Разбита звериная стая,
свободна земля от врагов. . .
Родных избавителей славя,
их древний приветствует Львов.

11 сентября 1962

439

Я смотрю на партийный билет —
вижу юности мир незабвенный:
я — курсант, я — в пилотке военной,
я впервые шагнул в новый свет.

Золотая Одесса. Цветенье. . .
И так ласково шепчут сады.
В этот день я отнес заявление,
чтоб вступить в коммунистов ряды.

Май, сияющий, добрый, цветастый,
разливал молодое тепло.
Я был принят тогда. . . Сколько счастья
в моем сердце тогда расцвело!

Солнце, солнце сияло во взоре,
солнце в жилах и солнце в саду. . .
Это было у Черного моря,
это было в двадцатом году.

Ой вы, юности давние грозы,
неуемная радость тех лет!
Вновь и вновь, сквозь счастливые слезы,
я смотрю на партийный билет.

13 сентября 1962

440

О, как прекрасно осенью в Карпатах!
Здесь горы были о Довбуше хранят. . .
Леса в воспоминаниях крылатых
багряно-желтые стоят.

331

В руках топор, он с камня и на камень
словно летит. С ним верные друзья.
Лучи ложатся желтыми листками
на кожушок его. Туман, скользя,

ползет в долину с гор высоколобых. . .
Всё выше путь героического рывка.
Внимательно вокруг он смотрит в оба,
топорик блещет у него в руках.

14 сентября 1962

441

Ты песнею сердце колышешь
и дум пробуждаешь рон. . .
Люблю, как ты ходишь и дышишь,
твой голос и жесты твои.

Чтоб быть с тобой, утром и ночью
я воды и дали молю. . .
Люблю твои брови и очи,
и всю тебя, всю я люблю.

Ты — сада вишневого вьюга,
акаций цветущая шаль. . .
Тебя не любить не могу я —
как я не могу не дышать.

18 сентября 1962

442

Сквозь гудки заводов,
сквозь седой туман
в песню мою входит
бронзовый Богдан.

Расправляет плечи,
гладит смоль усов.
Звон Софии, вечер,
тихий звон подков.

И в дали багряной,
в отблесках зари
булава Богдана
золотом горит...

25 сентября 1962

443

Отснилась ночь земле давно
со звездами и тьмою,
и постучал рассвет в окно
рукою голубою.

Как ярко взор его горит
усмешкою веселой!
Он на коне зари спешит
будить родные села.

Звенят подковы в тишине
по долам и отрогам.
И звезды гаснут в вышине —
дают ему дорогу.

26 сентября 1962

444

Какое счастье — мчаться на коне.
В лицо тебе весенний ветер веет,
и степи, как надежды, зеленеют,
и мельницы синеют вдалеке...
Какое счастье — мчаться на коне!

Какое счастье — вновь быть молодым,
шагать, из дальних странствий возвращаясь.
Из-за холмов родных заводов дым
вздывается, и схлынула усталость.
Какое счастье — вновь быть молодым!

Пусть мне в лицо осенний ветер веет,
в саду уже не слышно соловья,
пока еще мечтать и песни петь умею —
какое счастье! — не состарюсь я.

27 сентября 1962

333

Твоя кора груба и ветви так колючи,
ты узловата вся, акация моя!
Но ты родная мне — твой белый цвет пахучий
на ароматы роз не променяю я.

Где б ни был я, всегда на сердце лето,
твой сладкий запах, вечер, соловьи...
Где б ни был я, твои родные ветви
клонятся и шумят о давних днях моих.

Какие бы меня ни звали дали —
твой тихий шум всем сердцем слышу я,
о дерево прощанья и печали,
донецкая акация моя!

28 сентября 1962

В дубраве — листвы облетанье
и ветров игра на трубе.
Покорна краса умиранья...
Зачем я так близок тебе?

И осень, и дым над рекою...
О край мой, подобный стихам,
зачем же всем сердцем с тобою
опять умираю я сам!

Как будто звезды угасанье,
когда все в слезах небеса,
покорна краса умиранья,
осенних прощаний краса.

8 октября 1962

Завод, мы связаны с тобою,
во мне вся ясность от тебя:
под незабвенною горою
ты, как отец, растил меня.

И, словно в поле спелый колос
в ресницах ости золотой,
я полюбил твой дым, твой голос,
железный, звонкий голос твой.

И полюбил я мир рабочий,
моих товарищей семью,
и голос твой в былые ночи
меня поддерживал в бою.

Звучат рекою многоводной
рулады песни заводской,
поддерживая и сегодня
высоким хором голос мой.

12 октября 1962

448

Уже зари, зари моей вишневой
коса легла так нежно на плечо.
Мне горько, что деревья валят снова,
что сталь их так безжалостно сечет.

Им не шуметь о юности без края,
к высоким звездам не тянуть вершин.
Как сталь пронзает, в сердце боль такая,
когда зеленый никнет исполн.

Он упадет, со стоном вскинет ветки,
в синь брызнет кровь зеленая листков.
И я над счастьем, срубленным навеки,
как ветер, сам расплакаться готов.

11 декабря 1962

449

Я на земле отцов моих, где ветви
родных акаций клонятся кругом,
и на глазах моих веселый ветер
не вытер слез прозрачным рукавом.

335

Смотрю сквозь них на заводские здания —
и в сердце солнце, счастье и весна. . .
Здесь не одно в душе цвело мечтанье
и прозвучала песня не одна.

Шуми, шуми, о нива жизни новой,
тобой иду всё дальше, дальше я!
Меня, стройна, нежна и черноброва,
взяла за плечи молодость моя.

Взяла и водит по местам знакомым,
где всё вокруг родное мне до слез,
там, где косил я в поле до истомы
и видел над стерней Чумацкий Воз.¹

Здесь нам улыбка воли соколиной
знамен багряных расцвела огнем.
Здесь воспевал я карий взор любимой
и трепетные ночи над Донцом.

И тянутся ко мне, как руки, ветви,
и всё мне здесь сдается дивным сном.
И на глазах моих веселый ветер
не вытер слез прозрачным рукавом.

12 декабря 1962

450

Где шумел у села
трав зеленый прибор,
моя молодость шла
на гудок заводской.

В карем взоре жила
расставанья печаль,
только песня вела
юность за руку вдаль.

Ой вы, дни той весны,
села и города!
Дожил до седины,
пролетели года. . .

¹ Чумацкий Воз — Большая Медведица, созвездие.

Только юность зовет,
и звенит наша сталь...
И меня всё ведет
песня за руку вдаль.

13 декабря 1962

451. ТЫ — ГОРДОСТЬ НАШЕГО НАРОДА

П. Поповичу

Ты в звездной побывал пучине,
путь проложив бессмертный свой.
Тебя приветствуем мы ныне
и славим в песнях, наш герой.

Тебя встречают горы, воды,
сады задумчивых долин...
Ты — гордость нашего народа,
сын Украины, неба сын!

Еще не раз враги, бледнея,
поймут, что дом наш защитим.
С тобой, в просторах вечных рея,
был твой отважный побратим.

Вам звезды золотом блистали,
приветствовали в грозной мгле...
Во имя мира вы летали,
во имя счастья на земле.

Добра орбиты проложили,
чтоб не было на свете зла.
Чтоб светлый подвиг свой свершили,
вам крылья партия дала.

Да будет молодость орлиной,
что дружит с ясной высотой!
Привет звучит над Украиной
и над Чувашией родной.

Над всей страной необозримой,
над всей Землей... Привет, привет!
Да будет молодость орлиной,
пускай цветет, как вешний цвет!

Идет наш Павел, словно мчится
вдали, где тучи-корабли.
Что выше счастья — возвратиться,
вдохнуть ветра родной земли.

Он вспоминает, озаренный,
полет, космическую тьму. . .
И шлют приветные наклоны
каштаны Киева ему.

День в небо песни поднимает,
как молодости торжество. . .
То Украина обнимает
героя сына своего.

1962

452

Я не забуду: ветер чертом
гонял погоны по земле
и корабли с Одесским портом
прощались залпами во мгле.

Жизнь раскрывалась на просторе
воочию. . . О, торжество!
Мы рабство вышвырнули в море
и с ним — защитников его.

Отныне нам сияет счастье,
своей рукою власть берем!
И только ночь кромсал на части
дредноутов далекий гром. . .

4 февраля 1963

453

Я губ твоих дыханье пью,
как росы — отблеск солнца ранний,
и открывает глаз сиянье
всю душу светлую твою.

338

В мерцанье звездного мониста
на дальнем перекрестке дней
явилась ты мечтою чистой
и бесконечно близкой мне.

Ты для меня полна желанья,
как песней майской — соловьи...
Я все твои переживанья
помножу в сердце на свои.

И солнце вновь лучи раскроет,
как лепестки, погожим днем...
И будем мы гореть с тобою
любви негаснувшим огнем...

5 февраля 1963

454

Помню поцелуи,
лунную траву...
Молодость свою я
песнями зову.

Там сады, Лисичье,
счастье и весна...
Молодость я кличу —
не идет она.

Что ты там ни делай —
облетела вся.
На горе на белой
ходит, грусть неся.

Юность, ты мечтами
душу не печаль...
Годы между нами,
между нами — даль.

Я никак не в силе
даль ту сократить,
так, как мы любили,
и теперь любить.

7 февраля 1963

Румяный цвет зари осыпался спокойно,
 куда-то пролегли в туман лучи дорог...
 И тополя стоят на синем фоне стройно.
 Я украинскими их пальмами нарек.

Они качаются, и тени их, взлетая,
 ко мне так призрачно простерлись по земле...
 О нив родных краса, и сила молодая,
 и сладкий сон зерна в заботливом тепле!

Над ним голубизна прошита облаками,
 а там вокруг лишь тьма, лишь тьма и тишина...
 Хоть вьюги сон его тревожили ночами,
 но в силах разбудить его одна весна.

Иду мечтая. Вот электропоезд встречный
 гудит в седой дали под перестук колес.
 А я иду, иду, и радостно до слез, —
 со мною говорит природы голос вечный...

А тополя стоят на синем фоне стройно,
 я с ними заодно, и с ними, и с зерном.
 Как радостно, свежо, как молодо кругом!
 Румяный цвет зари осыпался спокойно.

8 февраля 1963

Петь не устану о земле великой,
 цветут на ней и счастье, и краса!
 Где бегал малышом за ежевикой,
 уже встают заводов корпуса.

Их возвели там новые атланты
 во славу Красной памятной зимы...
 И их огни, как будто бриллианты,
 сияют средь ночной донецкой тьмы.

Куда ни глянь — всё новой жизни знаки...
 Нет, никогда, поэт, о не забудь
 земли своей, где шли в огонь атаки,
 вперед штыком прокладывая путь!..

20 февраля 1963

Еще весь Днепр в седых, тяжелых льдах,
но легкий дух весны уже витает,
и слышится мне где-то в облаках
прозрачный крик, крик журавлиной стаи.

Еще спят ландыши под посвист вьюг,
и дремлет бор в заснеженном покое,
а я весны пьянящий запах пью
с ветвей, в мечтах повисших надо мною.

Вот я иду, один среди людей,
иду, как все. Но что ж так сердце бьется?
Лежат снега, нет солнечных лучей,
а в душу мне весна, как песня, льется.

20 февраля 1963

Вновь село приснилось, где жилось-любилось,
где прозрачны волны на Донце-реке,
где любви слезинка первая скатилась
по ее горячей молодой щеке. . .

Как гудки кричали, птицы щебетали,
как с друзьями детство весело прошло!
Там, где мы играли, рельсы вдаль бежали,
аромат акаций полонил село. . .

Вновь весна с цветами хлынет прямо к дому,
принесет минуты счастья и тепла.
И хотя привык я к городу большому,
не могу родного позабыть села.

25 февраля 1963

459. НЕИЗВЕСТНОМУ СОЛДАТУ

Упал в траву, под хохот стали,
смертельно раненный боец.
И мак, поникнувший в печали,
над ним рассыпал свой багрец. . .

Погиб боец, но в изголовье
цветы раскинулись шатром.
На лепестках, залитых кровью,
осталась песня — о живом.

В ней Ярославны зов рыдает,
про расставанье говорит. . .
Его по имени не знают,
а песня та — в сердцах горит.

26 февраля 1963

460. ПАРТИЯ

Любовью нашей ты, народной стала силой,
трудами славим мы бессмертный гений твой,
ты в коммунизм ведешь полет наш светлокрылый,
и миллионов шаг мы слышим за собой.

Народам ты дала единство боевое
в ударах молота и шелесте полей,
чтоб вечный мир светил, как солнце, над землею,
чтоб детский смех звенел и радовал людей.

Все помыслы тебе и наших уст дыханье,
ты — совесть наших дней, оружие ты бойца.
Ты поднялась в века, как радуги сиянье,
симфонией вошла в народные сердца.

Свободно, и тепло, и радостно с тобою,
и лица светятся у каждого из нас:
ты в тайны космоса межзвездной крутизною
на кораблях стальных впервые поднялась.

Во всем, во всем с народом ты едина,
мы славим Родину, и в славе этой — ты,
как юность наших дней, как наш полет орлиный
в чудесный край, где — Труд, знамена и цветы.

Ты свет кремлевских звезд, могучий и бессонный,
зажгла над миром всем, на всех путях земных,
и тянутся к нему сегодня миллионы,
и происки врага не остановят их.

Сияет счастьем взор уж не в одном оконце,
в свободной высоте поют, поют гудки. . .
Как цвет подсолнуха всегда идет за солнцем,
так страны к нам идут, идут материки.

Гнет в Октябре смели мы вихрем всенародным
и свастику смели, свою проливши кровь.
В борьбе за мир и жизнь, за счастье быть свободным
мы отдаем тебе сердец своих любовь.

1963

461. КЛЕНОВЫЙ ЛИСТОК

И осень в лужицах хрустальных,
и неба слезы на окне, —
и вдруг, как две звезды печальных,
твои глаза приснились мне.

Я проронил хотя бы слово?
Сияла даль зари крылом. . .
В твоей руке листок кленовый
желтел, как осень — за окном.

Во взоре милом, вечно новом,
любая черточка мила. . .
О, сколько ты с листком кленовым
поэту счастья принесла!

1 октября 1964

462

Боль, знаю, стихнет год за годом,
печали скроются во мгле.
Переживай всегда с народом
беду и радость на земле.

И станешь мощным ты поэтом,
в сиянье радостных огней,
когда летит твоя планета
в даль бесконечных светлых дней.

(1964)

Цветок я осенний. . . Дожди меня мочат,
рвет ветер мои лепестки. . .
Светить мне усталое солнце не хочет,
туманы плывут от реки.

И я расцветал, молодой и хороший,
но всё отцветет по весне.
И сыплют рассветы холодной порошей
на бедную голову мне. . .

Пороша растает, чуть солнце проглянет
сквозь тучу надеждою — жить,
и сникнет. . . и снова туманы натянет,
и снова дождит и дождит. . .

Я вяну, совсем без тебя одинокий,
но я всё надеюсь и жду
тебя, как цветок после бури жестокой
в растоптанном счастья саду.

(1964)

ПОЭМЫ

464. КРАСНАЯ ЗИМА

1

Как Лисичанск забыть!.. Донец, и дым завода,
и музыка в саду, и поезд ровно в семь...
Как позабыть тебя, родная Третья Рота!..
О вас под бег минут рассказываю всем.

Работать к Сушенку на щебень мы ходили, —
случалось четвертак добыть нам в день иной.
А в клунях по ночам мы девушек любили...
О, поцелуев вкус, о, свежий дух степной!..

Так просто нам жилось в той стороне, где зори
горят над шахтами и где гудки кричат!
Учились мы писать, конечно, на заборе
и с лисичанами дрались из-за девчат.

Ну как же Белую я позабуду гору,
траву в росе, глаза, что изменили мне?
В прозрачности ночной по ясному простору
там вихрем я летал на добром скакуне...

А волны всё журчат, холодные такие,
завод не устает со мною говорить,
всё вороток скрипит про времена былые,
когда восстали мы и шли Петлюру бить...

Как Лисичанск забыть!.. Донец, и дым завода
и музыка в саду, и поезд ровно в семь...
Как позабыть тебя, родная Третья Рота!..
О вас под бег минут рассказываю всем.

2

Зима. На фронт, на фронт!.. А на перроне люди...
Мы возле поезда запели «Чумака»...
И дышат радостно и вольно наши груди.
Борьба сплотила нас на долгие века.

Лохматых шапок строй, штыков блестит щетина.
На станции сестра печальная стоит.
А вот родная мать не провожает сына,
и сердце оттого и ноет и болит.

Проходит это всё, как сон, перед глазами...
Нам враг из-за Донца привет из пушек шлет...
И смело мы идем сражаться с юнкерами —
уже немало их пустили мы под лед...

Зима. На фронт, на фронт!.. А на перроне люди...
Мы возле поезда запели «Чумака»...
И дышат радостно и вольно наши груди.
Борьба сплотила нас на долгие века.

3

Вновь перестук колес... На стыках — перебои...
Уж мост через Донец давным-давно затих...
Я у дверей стою... И дышит даль сосною,
и ветер мне поет о вешних днях моих...

Рубежная... потом Володино... Кабанье...
Ну вот и Сватово, и поезд крикнул: «Стой!»
Сходили на базар и побывали в бане, —
я стал писать стихи в тот вечер золотой...

Писал про снег и кровь... Как будто знал, что ночью
вновь пули в темноте начнут свой путь чертить...
И вновь мы в бой пойдем за класс родной, рабочий.
Ту зиму Красную неммыслимо забыть!..

Мы вдоль и поперек страну прошли с боями...
 И таял красный снег в пожарах баррикад...
 «За власть Советов в бой!» — катился клич
над нами.
 Умножен гром его в просторах был стократ.

Куда б мы ни пришли, с восторгом нас встречали,
 дорог не заносил пред нами ветер злой.
 Девчата красный бант к шинели пришивали,
 а хлопцы, ружья взяв, к нам становились в строй...

И вновь Донетчина... Ракиты, ветер в поле...
 Не верится, что вновь увижу я село,
 оставленное мной, любимое до боли...
 Ведь сколько нас домой уж больше не пришло!

Так мягко снег скрипит... Иду, иду в тревоге...
 Знакомый с детства путь лежит передо мной:
 здесь ягоды с кустов срывал я у дороги,
 цветы любви срывал осенью порой...

Вот станция... завод... и рельсы заблестали
 от тысячи огней... Вот и рабочий клуб...
 И в небо поднялись, его разрисовали
 спокойные ряды высокодымных труб.

Спектакль окончился... идут из клуба люди...
 О, сколько, сколько тут знакомых, милых лиц!..
 Что ж мне сжимает грудь, что слезы в сердце будит
 и почему печаль те встречи принесли?..

О, где ты, милый брат?.. Приди хоть на мгновенье...
 Ты ждал меня, так ждал, а я не знал, что ты
 давно уже сменил донецкое селенье
 на старенький погост, на ветхие кресты.

Ты ждал меня, так ждал... Всё говорил ты: «Скоро
Володька привезет мне с фронта галифе...»
С тобой на Белую мы не пойдем уж гору,
и галифе теперь не надобно тебе...

7

Вновь перестук колес... на стыках перебои...
Уж мост через Донец давным-давно затих...
Я у дверей стою... И дышит даль сосною,
и ветер мне поет о вешних днях моих...

8

А город всё не спит, а город всё грохочет...
Допосит ветер к нам дыханье волн морских...
Еще недавно здесь бесстыжи были ночи,
стоящие в огнях, как в бусах золотых...

Идем по городу... каштаны слева, справа...
Сдавили зданья нас, но быстро мы идем.
Недавно были здесь и греки, и зуавы, —
тут правил капитал, кипел его содом...

Мы держим четкий шаг, волнующимся строем
идем по улицам... Я полон дивных сил...
Я есть, и нет меня, — с народною судьбою,
с общенародным «мы» свою судьбу я слил.

Мы держим четкий шаг, широкими рядами
идем вперед — туда, где стали слышен звон...
И красными у нас цветут сердца цветами,
горячие цветы качаются знамен.

9

Всё круче в гору путь... гудит бетон в долинах...
Вся светится душа — озарена мечтой...
Под звон серебряный источников глубинных
в даль золотистую день смотрит молодой.

Зима сняла с земли унылые уборы
для нас, для нас одних... И всё вокруг в цвету...
И звездные мосты в Грядущего просторы
победные года для нас одних прядут.

1921

465. ОКСАНА

1

Где золотистый ток, где шумы непрестанны
и от половы дым несется к небесам,
там в солнечном меду цветет платок Оксаны
и месяц молодой томится по ночам. . .

И каждым летом так. Зимой — к терриконам,
забытой церкви звон, и голоса подруг,
и встречи в глубине с веселым коногоном,
где пьяным ветром бьет продольни тяжкий дух. . .

И всё как будто сон прозрачный в час восхода,
всё — будто по ярам разбросанный бурьян,
всё — словно над Донцом пахучий дым завода. . .
О, камерона звон, о, боль забытых ран! . .

Родной вишневый край! . . За что люблю тебя я?!
Как пахнут берега далекие весной,
подснежники цветут, цветут созвездья края,
и в щеки ветер бьет тревожный и шальной! . .

Родной вишневый сад! . . То на твоих дорогах
услышал я впервой боев смертельный звон
и крови дух в снегу, щемящий, как тревога,
когда цветет полынь в огнях со всех сторон. . .

Холодный дикий день простер свои ладони,
где огненно гудят во мраке города,
где ветры рвутся вдаль, как бешеные кони,
и рассыпает звон, осенний звон вода,

где улицы пьянит мелодия железа
и голубым крылом бензин просторы бьет,
где сизый небосвод разрывами изрезан, —
моих стремлений, дум таится хоровод.

А осень всё летит, как золотая птица,
и пожелтевший лист еще богат теплом...
О, сколько будет дней — без счета, вереница,
таких хороших дней, как некогда в былом...

2

Заплаканная степь гудела и стонала,
вбирала мертвецов скорбящая земля,
и равнодушный блеск небесного опала
бездонное ведро струило на поля.

Шли танки сквозь огонь, ползли громадой стали,
и вся земля была раздавленной, больной...
Еще не зацветая, всходы отцветали,
таился в лепестках отгрохотавший бой...

Мигала злым огнем тревога горизонта,
селянская текла и остывала кровь...
И уходили вдаль, через ворота фронта
дивизии, полки, чтоб не вернуться вновь...

И трудно стало жить. Оставила Оксана
разбитое село, пошла к делам иным.
Она пошла туда, где лечат братьям раны
и где в глазах печаль, а в сердце только дым...

Как терпко пахли дни сплошным иодоформом,
и снились ей бои, и рельсы, и туман,
и злой, холодный блеск орудий на платформах,
когда и эхо битв исходит кровью ран...

Из пламени костров как будто чьи-то руки,
дрожа и торопясь, касались зорь войны...
И грезили — о чем? — луга в осенней муке,
казалось, никогда им не видать весны...

Осеннею листвой ее мечты летели,
и в сердце к ней вошли все ужасы войны, —
так малое дитя смеется в колыбели,
когда над ним плывут неясной стаей сны...

И по ночам, когда носился ветер с воем
и заметал следы за поездом сполна,
казалось небо ей покинутым забоем,
а меж пластами туч карбидкою — луна...

Село, мое село! В моей дорожной думе
твой шелест и печаль припоминаю вновь,
где явор мой шумит, и в этом теплом шуме
как будто запеклась разбрызганная кровь...

И ржавчина травы уже глядит червонно,
и в проводах гудит и плачет телефон.
А снег уже летит задумчиво и сонно,
подобием любви — так тих и легок он...

3

И вот ушла зима за кровью, в бой зовущей,
март о весне запел, во весь поднявшись рост,
на улицах земля плыла кофейной гущей,
и вечера цвели огнем электрозвезд...

Вдоль дома пробежал ночной трамвай устало,
кузнечик — синий блеск — за ним летел спяна,
и сахарной пылью все кровли посыпала
с ладоней голубых далекая луна...

Подстреленным крылом махали дни бессонно,
не теплотой дымка простор полей объят,
как мертвые листья, с офицерьа погоны
летели в кровь и грязь под сапоги солдат...

Как радостно пила восстанья дух Оксана,
когда свалился трон, и часто с этих пор
сквозь госпитальный дым, в страданиях и ранах,
ей виделся в ночи туманный брата взор...

4

Зачем же вновь на фронт и «до победы!» снова?
Солдаты в постолах... и бесконечный шлях...
И ветер флагов вновь, и кровь смятенья злого
в обманутых очах...

Как пахли на полях теплом июня ночи
 (не верилось, что там, на улицах Москвы,
 на тротуар упал расстрелянный рабочий
 за то, что не склонил пред паном головы...).

Гей, сквозь огонь и гул селян простая доля
 с ободранной сумой бредет сквозь города.
 Там дети по углам заплаканны и голы
 и женщины в нужде стареют от труда.

И только кое-где пронзит полотна ночи,
 как сердца перебой, предчувствие судьбы,
 и снова всё шумит, и снова всё грохочет,
 как будто камни кто бросает на гробы...

Вдали гремел Октябрь, подъемля крылья строго,
 светили волны звезд для городов и сел, —
 то шли мы, как один, на дьявола и бога,
 и вспыхивал наш гнев, как огненный бензол...

Уже летели в грязь не лишь одни погоны,
 а головы панов — так праведны клинки...
 И всюду на путях гудели эшелоны —
 то мчались на фронты, на бой большевики...

За ними с ветром гул, за ними с ветром звоны,
 проклятья и огонь, надежды и любовь,
 пожары били вверх бичом своим червонным,
 куда-то звал простор: «Иди, не прекословь...»

Всё снятся мне перрон, отряды и вагоны,
 и ветер, что сады шатает всё сильней,
 в вагоне сквозь окно Оксаны взор бессонный,
 в туманах вечеров рыдание полей...

И верила она: красногвардеец-воин
 лишь за рабочий люд против панов идет,
 ведь неспроста у всех, тревожен, неспокоен,
 бескрасн, как любовь, в сердцах огонь цветет...

Ведь все они в нужде, оборваны и босы,
 от шахт и от станков, где поднялась весна...

И срезала тогда свои Оксана косы,
и в грубую шинель закуталась она.

И снова будто сон, и Лоскутовка где-то,
разбитый грузовик и на перроне кровь...
А за горою гром не молкнет до рассвета —
в разбитое ведро так бьет лопата вновь...

7

Зеленый прежде лист как будто ржа сгубила,
в холодный стебелек пробрался едкий дым.
Железная гудит и днем и ночью сила
и обгоняет даль по рельсам золотым...

Видения-огни горят над дикой кручей,
над шахтами встают и в степь зовут в ночи;
на головах у них венком багряным тучи,
и от очей звенят и падают мечи...

Как будто кто открыл железные ворота
в неведомый нам край... И сердце — как орел.
И падают мечи, гей, на шахтеров роты,
горячей стали крик над тишиною сел...

Чьи ж серые в огне опять я вижу очи
и юных губ тепло, как милый свежий цвет?!
Былое, всё в крови, разорванное в клочья,
развевали поля в туманах этих лет...

8

Но гроыхала даль тревожная во мраке...
О небо, ты скорбишь израненным лицом!..
То с запада пришли германцы, гайдамаки
и золото полей закрыли злым свинцом...

О, то они тогда зарезали заводы!..
Как стала холодеть Донетчина моя!..
Над степью ужас плыл, как бы кровавой содой
засыпало души печальные поля...

Смешали всё в крови... И на отряд Оксаны
как будто гром упал, — был весь отряд пленен...

Как будто и сейчас там рыщет ветер пьяный
и в выемке лежит разбитый эшелон. . .

Во тьму, в ночной мороз Оксану выводили,
как тысячи других, в тревожную бессонь. . .
И слышала тот крик, Донетчина, не ты ли,
Сухой и острый: «По большевикам — огонь! . . .»

Японский карабин. . . и в грудь вонзились пули. . .
Простреленной идешь ты, молодость моя.
В спасение и свет поверить я могу ли?
Оксана будет жить, об этом знаю я.

Оксану спас старик, упрятал после боя,
ходил за нею он, оправилась она.
И снова без конца далекий звон забоя,
поселок заводской и неба глубина.

Мне хочется сказать, что осень ясноока
и что ее приход — краса полей родных.
Я видел лик ее — то рядом, то далёко —
и с ветром посылал ей жар поэм своих.

Приходит листопад, по шахтам он блуждает,
браслетами звенит — осеннюю листвою,
так верб моих тоска порою отступает,
когда припомнишь ты: весна не за горой.

И тихая печаль, и эти неба сини
начальный день любви напоминают мне.
Ох, стонет сердце там, пьет в сладкой грусти ныне
узоры теплых грез. . . То я бреду в огне. . .

То я бреду в огне. . . В душе простор зеленый,
молчанием цветут заветные слова. . .
А в небе молодом, где тучи — коногоны,
как будто шелестит багряная трава. . .

9

Рыданья, боль, тоска. . . Под сапогом германца
рабочий изнурен и стонет селянин. . .
А день гудит, встает в пылающих багрянцах, —
то с севера идут, поднявшись, как один. . .

В степях железный дух... Стяг красных армий гордый
простер свое крыло на север, на восток...
И таяли, как дым, петлюровские орды,
и таял без следа немецкий злой поток.

Ведь понял селянин, и протянул он руки
рабочим наций всех, что помогли в бою,
и под тополий шум, под пушечные звуки
он обнял навсегда Советов власть свою.

10

Зачем же буйный Дон, нагайками известный,
которых не забыть рабочим никогда,
волнуется, гудит, поет чужие песни,
и пьяный генерал несет войну сюда?

И города в крови, в отчаянье кричали,
и падали мосты — чем ближе до Москвы...
Белогвардейцы всё своим огнем сметали,
погромы и гробы — следы их таковы.

Под Брянском дым и кровь... И в тыл к нам вражьи рейды...
От выстрелов бегут огни, огни, огни...
И плакали без слов поры осенней флейты,
и горькая полынь венчала эти дни...

Буденный, где ты, где?.. Уже твои отряды
вздывают пики ввысь, в свод неба голубой...
Так РСФСР летит во тьму снарядом,
чтоб дать буржуйам бой, последний страшный бой...

Удары под Орлом... И в страхе — белых банды,
они бегут на юг, бросая стяги в прах...
Звенели черепа, и с бурею команды
в затылки злым панам летели дым и страх.

О, кто ж там на коне, где пыль и эскадроны?
Под шапкой не видать лица издавека...
И верить я хочу, что упадут короны
и землю обновит Свобода на века.

А море (как тогда!) с пахучим теплым звоном,
как чайка в час беды, бьет в желтый берег вдруг,

как бы звенят вдали без счета камероны
и от продольши вновь — тяжелый сладкий дух...

В каких тогда очах огни Афин сверкали
и грезил Диоген о солнечных веках?
Провидел ли тогда он Коминтерна дали,
и мог ли он мечтать о радиовеках?

На теплых бурьянах не сын к отцу стал строже
(о классовой борьбе еще не всякий знал), —
Одесса и Херсон, за ними Запорожье,
сплетая песен гнев, слышали сигнал...

Над морем синий парк. Луна блуждает в травах.
В заливе корабли — как чайки на пути...
И на воде дрожит среди дорог кровавых
тот бесконечный путь, куда нам всем идти...

То глянул сквозь века прожектор с полуночи,
и хмуро шелестят знамена грозных дней,
как будто рассказать до боли кто-то хочет
о крови, что на них горит всё горячее...

По улицам в ночи бродила там Оксана,
ей отсветы луны — как память свежих ран,
и словно шла она от поцелуев пьяно
за реюющей мечтой на заревой туман...

11

Пусть с запада летит стервятник одноглавый, —
ему не проглотить советского герба,
ведь захлебнется он в своей крови без славы
и упадет в дыму — презренная судьба...

Несется шляхты клич: «От можа и до можа»,¹ —
и жовниров ряды идут путем степным...
И виснет без конца над Киевом тревожным
разорванным рядом зеленый тяжкий дым...

И вновь набата зов. В легендах эшелоны,
и синей дали край надеждою зацвел...
С Кубани в помощь нам идет Семен Буденный,
и радостно шумит непокоренный дол.

¹ От моря и до моря (польск.). — *Ред.*

Один удар — и фронт, железный фронт прорвали...
Нет, не поможет им французский маршал Фош.
И крики без конца до Праги долетали,
как ветер долетал: «Даешь! Даешь! Даешь!»

И видели полки: притихла крепость Гродно,
и стены Осовца дрожат в смятенье злом...
Но откатился вновь великий гнев народный,
как будто на степях грозы далекий гром...

Не скоро пан-орел свои залечит раны,
не даст спокойно спать панам варшавским страх,
лишь глянут на восток — пылает сквозь туманы
«республики рабов» непобедимый стяг...

И армии пошли к воротам Перекопа,
где Врангеля орда, как дикой ночи тень,
где виноград цветет и где в стальных окопах
враги из батарей стреляли в алый день...

Гудит, гудит, гудит по селам и заводам
горячий долгий крик: «Товарищ, на коня!»
А где-то над Донцом печально осень бродит
и волн голубизна задумалась, звеня.

В тот день, когда снега долины грудь укрыли
и ветер без конца шумел над Сивашом,
орудия врагов в агонии забили
и небо осветил пожар сплошным огнем...

О, тяжкий, долгий день... И десять тысяч сразу
сожрал последний штурм... О, тяжкий, долгий день!
И вот погони гром, то гонят, как заразу,
белогвардейский сброд вдоль вставших деревень...

О Перекоп мой, ты — проклятый и любимый!..
Теперь ты красным стал. Но бой здесь был таков,
что многим не видать теперь заводов дымы
и уж не услышать мелодии гудков...

Не плачут журавли, не мчатся эшелоны.
О, голубой мой звон путей в иную новь!..
Где отгудел простор, там ветер утомленный,
задумалась трава и дымом пахнет кровь...

В Полтаве женотдел. Там видели Оксану,
нельзя и передать, как выросла она.
Как море в октябре, когда порою глянет
на вас ее очей бездонных глубина!..

То митинг, а то сход. Она уж коммунистка.
И любит РКП, как любит свой народ.
И словом и трудом стоит к заводам близко
и женщин на селе она зовет вперед.

Горелым пахнет даль. Поволжье в дни и ночи
протягивает к нам худые руки сел...
Из зарубежных стран пришел бы хлеб рабочих,
но не позволит им Европы производ.

Как золото зубов — так кованы кордоны...
Когда ж восстаний жар растопит их навек
и в бриллиантах звезд наступит на короны,
как ветер, как огонь, свободный человек?

А листья шелестят на мокрых тротуарах...
И хочется стрелять и плакать без конца...
Нет, нет, недаром нам гудела даль в пожарах,
недаром мы царя смели грозой свинца!

И всё как будто сон... Голодный фронт... Оксана...
В седую даль идут-уходят поезда...
О ветер милый мой, товарищ мой чуть пьяный,
ведь не забудем мы с тобою звон труда!..

Один лишь только труд избавит нас от горя,
а власть из наших рук врагам не вырвать, нет.
Поволжью мы дадим зерна в достатке скоро,
рабочая рука избавит нас от бед.

В последний раз шумит буржуй в своем квартале,
и гобеленов мир живет последний день...
Ведь трубы и гудки давно уж отрыдали,
и обогрела кровь последнюю ступень!..

Оксана поняла: чтоб лучше знать работу,
наука ей пужна, учиться нужно ей.
Заехала она в родную Третью Роту,
увидела село, и нивы, и людей.

Оставив женотдел, попала в губпартшколу,
в тот город, где звездой цветет для нас Артем.
Навеки слава тем, кто из босых и голых
в грядущее идет с мечтой одним путем!..

До Харькова вдет железная дорога,
и поезда бегут — попробуй сосчитай.
И светит лунный серп — мой друг золоторогий —
сквозь марево веков на мой вишневый край...

1922

466. ТАРАС ТРЯСИЛО

Роман

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

1

«А чтоб чума вас покосила,
пускай бы вы подошли все!» —
кричит, бежит пастух Трясило
по перламутровой росе.

Он и ободранный, убогий,
он и разгневанный такой.
Ему стерня не колет ноги
с их пяткой черной и тугой.

Разбитые колени ноют,
и кровь в виски натужно бьет...
С Мариною, его сестрою,
в селе отец седой живет.

И что там деется с Мариной?
Но думать некогда о том,
когда болтается холстинный
мешок с харчами за плечом.

Марина где-то тенью жалкой,
там, где орел степной парит.
В руке — замашистая палка,
в мешке — лишь лук да сухари.

Бежит с проклятьями и смехом.
Лохмотья, пыльных трав рядом —
вот это вся его утеха,
его имущество одно.

Шумят ему дубы и клены
и ясеня листвою блестят,
где гарцевал он испуганно,
под звездами любил девчат.

Там, далеко, где неба грани,
есть край счастливый, дорогой, —
а тут и голод, и стенанья
от свиста панских батогов.

И думы стаями — за грани,
где Хортицы мятежный гам,
где казаки в хмельном дерзанье
по вольным рыскают степям.

Как часто грезили с Иваном
они бежать к сечевикам!
От слов Тараса гнев багряно
горел в зеницах гайдука...

Себе героями казались,
бежав на Сечь в мечтах своих...
За сабли мысленно хватались,
но сабель не было у них.

Коптилки пламя скупое, вяло
дрожит, шатается, течет.
И Настя голову склопяла
Ивану тихо на плечо.

Ой, раздвигали стены думы
недавно, может, иль давно...
О, вечера в избе угрюмой
и песни, слезы за окном...

А дни и вялы, и нескоры,
не знаю, как бы их назвал...
Тарасу улыбались зори
и грезы ветер навевал...

Жизнь, разнолика и безгранна,
течет, волнуется кругом. . .
К нему во сне приходит панна
в уборе пышном, дорогом. . .

К ней сердце потянулось живо,
как нить, что вечно золота. . .
У ней — волос волниста грива,
свежи и радостны уста. . .

Под ноги словно розы стелет
и пьет глаза его до дна. . .
Она — не сон, она Ягелла
и дочь магната Рудзяна.

Объятыя утро раскрывает,
светло туманится, цветет
над полем, над далеким гаем,
где свеж и молод небосвод.

Покорно собрались коровы,
хрустят зеленою травой.
Пастух меж них уселся снова
и сладко грезит, сам не свой. . .

Монисто звезд по небу вьется,
как будто думы чабана. . .
Ему не естся и не пьется,
мечта владеет им одна. . .

К себе зовет младую панну
и, жмуясь, ловит он ворон.
И перед образом туманным
застыл, коленопреклонен. . .

К нему всё ближе, ближе брови
и губы, губы с их огнем. . .
Ах, то не панна, то корова
его лизнула языком.

«Эгей! Куда? А, чтоб ты сдохла! . . .» —
и непечатные слова.
Трещит под ним подсолнух сохлый
и желто клонится трава.

Припомнил он: младая панна
его цветы не приняла,
и глаз мутит слеза, неожиданна,
усмешка губы зло свела.

Она рабом его назвала,
ответила, как наглецу...
Взглянула гордо и сказала:
«Вот погоди, скажу отцу».

2

В злате парк осенний тонет,
неба синь — в разливе дум.
Сосны клонятся и стонут,
их вершин тревожен шум.

Может, здесь я не впервые?
Не вернешь тех дней назад...
В сини листья неживые
сонно кружатся, летят.

В парке панна молодая
бродит с книжкой в руках,
золото в прическе тает,
разливается в глазах.

Нежно тонет в желтых листьях,
бродит тихую стопой.
Очи сини и лучисты,
черевичек — золотой.

В небе солнце разлилось,
в ливне струн-лучей трава...
Черевичек тот курносый,
знать, во сне я целовал.

Жжет светило без пощады...
Меж густых ветвистых крон —
мраморные колоннады
и в сплошных цветах балкои.

На балконе — люди, люди,
музыки настал черед.
Рвет она тоскою груди,
властно за сердце берет...

Далее веди, о муза,
без тебя ведь трудно мне.
А магнат поводит усом,
мочит пышный ус в вине.

Кровью то вино стекает,
весь в багряных пятнах стол.
Глазом черным пан играет,
грозен взгляд его и зол...

Хмурые седые брови
грозно выгнулись дугой...
Сколько горя, сколько крови
на парче его рудой!..

Он орет, как очумелый,
пол ножищами долбит...
Перед ним оторопелый
молодой гайдук стоит.

Как то пану ни обрыдло,
он расквасит морду в кровь...
«Рассчитаться с хлопьям быдлом,
на конюшне запороть!

Ни питья ему, ни пищи,
на соломе пусть гниет!
Будет знать безумец нищий,
где его, а где мое!»

«Пся крев! Быдло!» — возбужденно
голосов гудят шмели.
Гайдуку магнат взъяренный
пастуха найти велит.

3

День увял золотолистый,
запад медленно потух.
За межою парка — свисты:
гонит стадо там пастух.

Ничего еще не знает,
батогов еще не ждет...
На сопелке он играет,
словно панночку зовет.

Пусть у хлопца ноги босы,
между пальцев грязь и кровь, —
пану станет он угрозой
за народное добро!

Будет кровь с огнем расплаты,
проклянет он сад густой,
мраморные колоннады,
черевичек золотой.

.

Гайдук бежит, коня седлает
и про запас берет коня.
Он за ворота вылетает,
как привиденье из огня.

«Эй, берегись!» — и кони мчатся,
за ним собаки с детворой.
Глядит в окно на парня Настя,
и взгляд туманится слезой. . .

«Прощай, прощай!» — за волю друга
гайдук Иван на всё готов.
Лишь бы не лопнули подпруги
и не расшибли кони в кровь. . .

Уж вечер потянул прохладой,
зари последний луч погас.
Гайдук встречается со стадом,
за стадом тем идет Тарас.

Видать ее хотя б минутку. . .
Ой, панна смотрит сверху вниз!
Сыграй последний раз на дудке
и на коня скорей садись!

Кричит Иван: «Веленье пана —
тебя в конюшне запороть,
за то, что оскорбил ты панну,
за то, что ты — мужичья плоть!

Бежим на Сечь, Тарас мой милый,
квитаться с паном — наш удел!»
У пастуха набухли жилы,
и он зубами заскрипел:

«Постой! Расправиться с тобою,
проклятый пан, мне хватит сил!»
И он могучею рукою
коня за повод ухватил. . .

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

4

Поникли тихо вербы ветви,
лоза раскинула кусты,
по ржи тепло струится ветер,
подсолнух, как во сне, застыл.

Он всё грустит. А рядом — тенью
покрыто травное рядно,
и птицы выклевали семя
уж из подсолнуха давно.

Он, как и дед, что здесь, на круче,
глаз не отводит от руин.
Лицо нахмурено гнетуще,
печально так. Один, один. . .

Села уж нет. Его татары
железом и огнем смели.
Он видит. . . волны злых пожаров
людей раздетых унесли. . .

Шумит огонь. . . и от угара
в крови всё кажется, во мгле. . .
А там — арканами татары
людей волочат по земле. . .

Дед опустил на колени,
не в силах превозмочь тоску:
Марину, дочь его, в селенье
схватил татарин на скаку.

И конь летел, как ветер гая. . .
Доныне в сердце боль живет!
И дед упал, и дед рыдает,
и волоса седые рвет. . .

И вдруг: «Уйми, отец, мученья!» —
гарцует в солнечном огне
над ним крылатым привиденьем
казак на белом скакуне.

Летел сюда он издалече,
чтоб на родимый дом взглянуть,
посланцем гетмана от Сечи
преодолев нелегкий путь.

С коня — скорей: «А где Марина?»
— «Татары захватили в плен».
Рыдает дед, целует сына,
встает со старческих колен.

Стоят среди руины дикой,
в развалинах, отец и сын.
Как солнца взблеск на юном лице,
на камень пали две слезы.

Тут сын повел сурово бровью,
взглянул испуганно старик.
«Ну что ж. Пойдешь на Сечь со мною,
там кашу будешь нам варить».

.

Блестят слезинки рос на травах
в вечернем зареве огней,
и мчится полем и дубравой
с отцом Тарас на скакуне.

Горит, играет на жупане,
блестит оружие седока. . .
Ох, не одной вздохнуть Оксане,
когда вспомнит казака. . .

5

Так ныло у Марины тело
и так кружилась голова.
Вокруг неистово галдела
и задавалась татарва.

Кричали люди, кони ржали,
не уставало солнце греть:

оно глядело и не знало
кого палить, кого жалеть. . .

Скажите мне, о сон-забвенье
и ты, мой ветер-янычар,
зачем горчат полынным зельем
глаза и губы у татар? . .

Ты погляди на Ятагана,
читатель милый, дорогой,
как даль пронзает он глазами,
как строен стан его тугой. . .

Он близко подошел к Марине,
в глаза ей нежно посмотрев:
глаза ее, как небо, сини,
а в них горят любовь и гнев. . .

Мне скажут: по-иному выстрой
сюжет — любовь не так остра.
Но кровь в степи бежит так быстро,
и так в степи любовь быстра. . .

Марина уж на всё готова —
так люб и так желанен ей
татарин этот чернобровый
с зеленым отблеском очей. . .

И в час ночной, покуда станом
не завладела тишина,
о, как любила Ятагана
в степи под месяцем она! . .

Лежит, раскинувшись, Марина,
забыла всё. . . огни блестят. . .
Лучи луны, на травы хлынув,
в истоме тело золотят. . .

И замирает, жмурит очи,
жгут поцелуи и слова. . .
Кто это шепчет среди ночи,
кто ей сорочку разорвал? . .

«Мой Ятаган, мой сон и чудо,
тебе лишь сердце отдано.

Отца и мать своих забуду
за слово нежное одно».

«О люни ней, моя отрада!
ты небо звездное мое...
Мои шатры, садов прохлада,
и меч, и сердце — всё твое».

А в небе сон, а в небе зовы...
И кто-то над землей идет...
И ей на грудь в истоме снова
свою он голову кладет...

.
Шумит аул. Возле мечети
в войну играет детвора.
О, сколько Ятаган Охметти
с казатчины привез добра!

Прекрасны жены, что калина,
в их жилах — пламенная кровь.
Но краше всех ему Марина,
его первойшая любовь.

Все величают Ятагана.
Их сабли — как блескучий миг!
А в небе — тучек караваны,
а море Черное шумит...

Летят стрелою дни за днями,
они — друг друга веселей!
Она гуляет на Байраме,
как будто в Пасху на селе.

О птицы Времени! Хранимо
всё тенью вашего крыла!
Она, забыв свой край родимый,
ислама веру приняла.

Ну что ж — пускай. Кому то мило?
Ведь были многие слепы,
всех без конца в обман вводили
кесендзы, и муллы, и попы.

Люблю я не за то Марину,
и не за то ее мне жаль...
А больно мне, что Украину
она забыла — вот печаль...

Гей, на море солнышко —
батожком.
Там ходила девушка
бережком.
Ожидала милого
тут она.
По-татарски девушка
убрана...

Девушка не девушка —
жёнка молода.
Не цветет калиною
лебеда.

У ней очи синие
с золотом сквозным.
Вот была дивчиною,
а теперь — ханым.

6

Прошло два года. Наш Трясило
был избран Сечью в вожак.
О, сколько крови нацедили
Днепру пистолы и клинки.

.

На Сечи шум, на Сечи песни,
смеются, рады шинкари,
над ними солнце в поднебесье
смеется, золотом горит.

Его немытый лик червонный
глядится в зеркало реки.
А церковь кличет древним звоном,
идут, идут сечевики...

Ужель мне Сечь так ясно снится?
В багряном пламени зари
горят обветренные лица,
наряд пистолями горит. . .

Тут и поляки и татары,
и молодежь и старики,
Тут женщин нет. А на базаре
уже открыты кабаки. .

Кабак и церковь. . . Вот так воля.
Да разве справедливо так —
одной босой, невытой голи
платиться жизнью за пятак?!

Другие ж сыты и пузаты,
живут всегда с тугой мошной. . .
Какая воля тут, когда ты
придавлен вечно старшиной.

Слышь, голытьба шумит на сходе —
не будет спуска никому,
она звенит, как на работе
рои сегодняшних коммун. . .

Вот-вот затопят атамана,
вперед-назад, приборь-отбой. . .
«Рядится в пышные жупаны
и думает, он царь и бог!»

«На турка нас он посылает,
а на Украину не пора?»
— «Ведь там в неволе мать страдает,
ведь там в неволе стонет брат! . .»

Но атаман кричит: «Рядами
постройтесь живо, казаки!»
И вот пришли попы с крестами,
и стали в строй сечевики.

«Кто на Украину — стань налево,
на турка — вправо перейди!»
И слышно, как, объята гневом,
вся Сечь волнуется, гудит.

Листком спадающим багрятся
то ус, то трубка, то жупан. . .
Вскричал один: «Не верьте, братцы,
нас вводит старшина в обман!

За мной пошли! Вперед за волю!
Гей, сотник, не теряй штанов! . . .»
Его ударил из пистоля
в лицо пузатый куренной. . .

Упал казак. . . Беднее стала
голь сердцем смелым, молодым.
На трупе — листьев покрывало,
над трупом — от кадила дым.

«Должны мы туркам и татарам
отпор за все налеты дать!
Ну, а тогда и пан от кары
не убежит!» — «Всё — ерунда!

И всё — брехня!» И голь немывта
сверкает саблями, шумит.
А куренной со ртом открытым
расставил ноги и молчит.

«Кто это?» Из толпы выходит
казак — детина средних лет,
он по рядам глазами бродит,
гудит казацкий их комбед. . .

«Товарищи!» — А сам как небо. . .
Слова — не молния, а нож:
«Сначала есть одна потреба —
своих порезать нам панов!

Вот здесь они — стоят с крестами,
а рядом — та же старшина!
Кто на Украйну?!» В шуме, в гаме
чубы взлетают, как волна.

А солнце клонится устало
и на жупаны цедит кровь. . .
«Пан атаман, дозвошь нахала
нам батогамн запороть!»

«Связать его!» — и кляп вбивают
в рот казаку... О, гнев, о, срам!
И голь всё это одобряет
в слепой покорности богам?

Зачем не в силах им сказать я
и ложь проклятую разбить? ..
А поп с крыльца: «Должны мы, братья,
всем сердцем бога возлюбить!»

Всё — зря: и голытьба стихает,
и верх опять — у старшины.
А в сейме руки потирают
и кубками звенят паны.

Сквозь даль столетий сердце чует,
и дума знает: так всё шло.
«Пускай пся крев за нас воюет,
а мы... угомоним село...»

Слова поповы — как сопелка.
А куренной тут не дремал:
«На турка кто, тому — горелка,
пей хоть залейся! Я сказал».

На сабли солнце блеск наводит.
«Гей, на челны! Пора, пора!»
И голь чубатая уходит,
наивна, словно детвора.

Винище смуту погасило...
Развеялся кадилый дым...
И кровь засохла... А Трясило
не верит всё глазам своим.

Он труп ощупал... «Так, Иван мой,
клянусь над прахом я твоим,
когда я стану атаманом,
развею этот клятый дым...»

Он другу руку сжал, суровый
в сознание горьком: «Не пора...
Своей прольем немало крови
на глине своего двора...»

Еще прольем. Село я знаю.
Но день восстанья — впереди».
А Сечь знаменами пылает,
а Сечь горелкою гудит...

.

Что за наплыв казацких бурок? .
Спешат, спешат, как на пожар...
Один отряд идет на турок,
другой... другой — тот на татар...

7

Кони и травы,
люди, мечи.
Звездная лава
гаснет в ночи.

Дали открыты...
А кони летят.
Только копыта
ритмично гудят.

Им лишь по нраву
дуван да Коран.
И эту ораву
ведет Ятаган.

В дали очами —
и так он, и так...
Лишь за плечами
звенит сагайдак...

Где чем поживиться,
зырит всё он.
Дома томится
дюжина жен.

Вдали исчезает
и море, и Крым.
Оружье бряцает,
как песня ханым...

Ханым, о-ла-люли,
Ханым, о-ла-ной...
В темном ауле
уснули давно.

«Ужели он сгинет?..
Скорее за ним!..»
Рыдает Марина,
теперь — ханым.

Любви не изводит
печалью ни дня —
под звезды выходит,
седлает коня.

О, край ты мой сизый,
о, милого взгляд!..
Шумят кипарисы,
и сосны шумят,

и ветви всё тянут
сквозь сумрачный дым,
летит неустанно
меж ними ханым... .

Летит сквозь туманы
всё дальше, быстрее.
Наряд Ятагана
сверкает на ней.

Яснеет над бором,
и росы горят.
Навстречу ей — горы,
навстречу — заря.

Ветер подувает,
ясен небосвод.
Нынче выступают
казаки в поход.

В них бушует сила,
песня — что гроза,

их ведет Трясило,
молодой казак.

Он сестру всё ищет —
года два искал.
Ветер в поле свищет,
прошумел, пропал.

Веет над равниной,
в нем и грусть, и гнев...
Улетел, Марине
что-то прошумев.

И Марина — слышит,
всё быстрее летит,
щеки жаром пышут,
вся она дрожит.

Вспомнит — вянут силы,
тают от огня...
«Ятаган мой милый,
подожди меня!..»

10

Столкнулись казаки с Ордою
там, где курганы над Днепром...
Поникла туча пред бедою
над ними огненным челом.

Привычно тырсу ветер гладит
и шелестит в густой траве.
Поодаль стали два отряда,
как перед громом тучи две...

И наконец вот выезжает
перед отрядом Ятаган,
и казаков он выкликает
попробовать от сабли ран.

Но выходить никто не хочет,
все засмотрелись и молчат...
Сверкают Ятагана очи,
а в вышине орлы кричат...

О, где же ты, казачья сила?
Ужель зазубрены мечи?!
Но вот уже Тарас Трясило
навстречу Ятагану мчит.

Сошлись... А там летит Марина,
чтоб Ятагану пособить.
«Не может быть, чтоб милый сгинул,
кого же мне тогда любить?..»

А там: удары за удары...
«О Ятаган, любимый мой!..»
И расступились вдруг татары,
Марина бурею — на бой...

Вдруг дико вскрикнула в тревоге,
от страха помутился взгляд:
на смертной топчутся дороге
и Ятаган и кровный брат...

Тараса усталю шатает,
в истоме не поднять руки...
На саблях солнца луч играет,
звенят, сшибаются клинки.

Кому тут белый свет затмило?
Кого отвлек тревожный крик?
Кого последним через силу
в висок ударил сечевик?

Глаза ханым во мгле тумана,
в тот миг она и не жила...
Увяло тело Ятагана
и тихо свесилось с седла...

Махнул последний раз рукою,
в ковыль свалился мертвецом...
Лишь кровь горячею росой
Трясиле брызнула в лицо.

«Алла, алла!..» Но Украине
лелеять трусов не дано!
Трясило не узнал Марину,
Марине это всё равно.

Ужель?.. Ужель Трясило сгинет?
«И ты туда? За ним?.. Эва!..»
Блеснула сабля у Марины,
и покатилась голова...

Чья голова? Лежит Марина...
(Уж пронеслась давно гроза...)
А перед нею, шапку скинув,
брат на коленях, весь в слезах...

Узнал... узнал... Но в страшной яви
вдруг растерял он все слова...
К плечам ей голову приставил,
но отвалилась голова...

Сечевики окаменело
вокруг стояли, хмурия лбы,
стыл пот на лицах загорелых,
и ветер шевелил чубы...

Кричат орлы... Лежат татары...
Прощально травы шелестят.
Над плесами Днепра пожары
багровым заревом блестят.

.

Не чуял он, как ныли раны,
лишь видел сквозь наплыв тоски —
его сестру и Ятагана
зарыли в землю казаки.

О солнце, милое светило,
ты своего мне дай огня!..
Воткнул копьё в траву Трясило,
на север повернул коня.

«Теперь пора... На Украину
народ из рабства вызволять!
Пусть люди разгибают спины
и вольная цветет земля!..»

И все за ним, сквозь дым пожара,
и богачи лишь отстают...

«Прощай, сестра, и вы, татары,
напрасно павшие в бою...»

.

Где тучи движутся лавиной
и где закат огнем горит,
над сном татарина с Мариной
курган с ветрами говорит.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

11

Вновь зовет меня он жаркой речью,
властно раздвигая мрак ночной.
..Месяц загрустил над старой Сечью,
на порогах Днепр шумит волной.

Звезды в небе светят иступленно
и целуют в губы казака,
и горят в глазах его бессонных,
перстнями сверкают на руках...

Знаю я, как трудно бесконечно
бедняков поднять, вести на бой...
Но, мечтой ведомый к правде вечной,
я надел папаху со звездой.

Не споткнись, мой конь неугомонный,
не сходи с дороги столбовой.
Вдруг и я залью тебя червонным
и склонюсь на гриву головой.

И Тарас глядит во тьму в тревоге,
поднимается на стременах...
В небе ходит месяц круторогий,
рдеет голубая глубина.

Думу одинокую глубоко
затаил Трясило ото всех...
В ковыле потонет шаг широкий,
захрипит, зальется кровью смех...

Не один на стенах Сечи встанет,
отражая приступы вражья,
и не одному в лицо заглянет
дуло смертоносное ружья...

Золото огней уже из мрака
выплывает, зыблется, горит...
И молчат, задумавшись, казаки,
только Днепр порогами шумит...

12

Сечь справляет праздник. Площадь сто́голосо
песни запеваёт, танцами гремит...
Атаман за чарой льёт хмельные слезы,
нос его, как перец, у огня блестит.

«Я гуляю, — пей, гуляй,
всяк не шитый лыком!»
Площадью — из края в край —
танцы да музыка...

«У меня жена — строга,
кочергой дерется...
Отдирает гопака,
аж земля смеется...»

Ветер рвется на куски,
атамана маёт,
выступают казаки,
голос поднимают...

«У меня жена строга —
мужа ожидает...
Гой да го и о-ха-ха,
плачет да вздыхает...

Я не знаю, что мелю,
путает лукавый.
Буйну голову склоню,
топну каблуками.

Грусть-печаль перенесу.
Я не дам оплошки
и любимой привезу
красные сапожки».

Ветер рвется на куски.
Атаману спится.
Выступают казаки,
чтобы в круг сплотиться.

На жупанах и на лицах
отблеск пламени горит...
В бурной пляске голь ярится,
круг вращается, звенит...

А меж тучами гарцует
ясный месяц — тож казак;
с ними вместе он танцует,
скоком, боком, так и так...

Что ж тут приняло всё унылый вид
и на миг застыло, занемело? ..
То Тарас идет, аж земля гудит
и поля дрожат оторопело...

Гей, проснись, пробудись, атаман, — ведь шальная
смерть твоя идет, смерть твоя бежит! ..
Но лежит, лежит старшина хмельная,
впавалку лежит...

Гей, казаки, казаки, просыпайтесь, поскорее вставайте,
вяжите старшину, оружие доставайте,
ворота открывайте, братьев родных встречайте,
руки кверху вздымайте! ..

И казаки из хат-куреней выбегали,
старшину вязали, оружие доставали,
ворота открывали, родных братьев встречали,
руки кверху вздымали...

Ой, скажи да поведай, Трясило,
да что у тебя за власть,
да что у тебя за сила,
что так полонишь сердце казацкое, сердце молодое...

Месяц из тучи выглянул внезапно...
И молчит Тарас...
Только ветер воет...
...Только двери: хлоп...

Вышел поп,
глянул поп,
тихо скрылся поп.
Двери снова: хлоп...

Искося Трясило наблюдает,
он увидел, он поднялся... Гей!
Не сбежишь ни полем и ни гаем,
поп проклятый, от моих очей.

Чует поп, что наступает кара,
под кровать он лезет поскорей...
Думает: «Проклятье янычару,
чтоб ему в аду, в смоле сгореть».

Кто там двери тихо открывает?
Поп со страху вдруг мочой пропах...
А Тарас кровать отодвигает,
тянет лихо за ногу попа...

Поп хрипит: «Тарасик ты мой милый,
пощади, не сироти причет...»
Что-то вдруг штаны попу смочило,
по полу от шлепанцев течет...

Обошел Тарас домишки божьи
и связал монахов и попов.
На дворе и тихо и тревожно,
словно бы в сердцах сечевиков...

Булаву несет он и клейноды
к берегу, где высится стена,
и швыряет их оттуда в воду,
и стена от казаков черна!..

Все глядят... Не вынырнут клейноды,
булаву не вынесет волна...
И казаки пляшут в хороводах,
и стена от них черным-черна!..

А над ними небо розовеет,
горизонты ширятся кругом...
Только — взблеск! И солнце там алеет,
выплывает огненным челом...

«Гляньте, хлопцы! Солнце наше встало!..»
Саблями вдруг поле зацвело...
Солнце над волнами заблестало,
через Днепр им руку подаю...

«Скорее в путь, чтоб не узнали,
не догадались казаки,
что у меня попы попали,
надежно связаны, в мешки...»

Блестит и цокает желсзо...
Тарас, пытай свою судьбу!..
Он улыбнулся и прорезал
каленным голосом толпу:

«Товарищи! Скорее в море!
Вернем заблудших казаков!
За мною все!» Тарасу вторит
громовый гнев сечевиков...

И казаки, как волны гая,
все дружно к берегу идут,
они челны на Днепр спускают
и в даль туманную плывут...

13

О, дней далеких перегоны!..
Не видно Хортицы давно...
Ой, не один казак утонет,
расплещет черное вино...

Вино иль кровь?.. В морском просторе
Тарас ведет своих людей...
Десятый раз ныряет в море
залитый кровью день...

В воде и в небе звезды светят,
и тут и там ясны они.
Как под ножом кровавым дети,
взывают волки на огни.

Они от голода взывают,
глаза их бешено горят...

А берега плывут и тают,
меняют облик и наряд...

Тревожно думалось Трясиле —
как тучи по лицу прошли...
Ему подобных не носили
ладони матери-земли!..

О дней далеких перегоны,
всё представляетесь вы мне,
в вас мысль и сердце дивно тонут,
как в проруби или на дне.

Чего, не знаю, сердце хочет.
Ах, то не звезды — фонари,
то светят трубками сквозь ночи
мон герои-бунтари!..

Кузнечики выводят гаммы
над темным зеркалом реки...
И веслами, как бы ногами,
перебирают байдаки!..

А ночь упала на колени,
им к морю проложив маршрут...
И капли в лунном озаренье
на веслах жемчугом цветут!..

Там, в тумане, башни вековые
крепости Очакова стоят,
а на стенах турки-часовые
меж собою тихо говорят.

Что за плеск?.. Из ночи из туманной
дружно выплывают байдаки!..
Берегись, Тарас, беды неожиданной!
Наклоняйтесь ниже, казаки!

Гулом орудийного удара
тяжко берега потрясены...
А Тарас и радостно и яро
гонит морем грозные челны!..

И челны — мушкетами на стену,
часовые — в воду головой!..

Выплывают, падают мгновенно,
снова лезут оголтело в бой...

И челны идут, туман прорезав,
аж от ядер весь кипит лиман,
мечет в лица волны и железо...
Берегись, проклятый басурман!

Тьма горит... И на челне Трясило
огненным видением стоит...
Мой казак лихой и сердцу милый,
ясно вижу помыслы твои.

Я к тебе тянусь, в тебя я верю,
ты мне жизнь, как солнце, осветил.
Тьма горит... И кто-то, в ней растерян,
в ужасе свой челн поворотил.

Но не удалось спастись сзади...
В борт ядро ударило ему...
От челна лишь огненные пряди
протянулись, канули во тьму...

14

В море волны-горы расходились,
а меж ними — маком байдаки.
Уж забыли, что вчера случилось...
Дружно запевают казаки.

Уж забыли, что вчера случилось...
А Тарас всё смотрит зорко вдаль,
в синеву, что дымкой замутилась,
не блеснет ли парусом байдак...

.

Пенится, бушует сине море,
но вперед просторы их зовут,
и навстречу им сквозь волны-горы
казаки из Турции плывут.

Ой, немало злата в Цареграде!
Каждый там немало покутил...
Бравый куренной себе в награду
юную турчанку захватил.

Вся она — как робкая мимоза,
шалы у ней — как заревой туман...
Черные глаза глядят сквозь слезы,
их губами ловит атаман...

Потерялись, потонули в море
минаретов стройных купола,
муэдзин уж не встречает зори,
юный хан любовью отпылал.

Юный хан, зарубленный в гареме,
он приходит только лишь в ночи,
только снится юный хан Зареме,
и она вздыхает и молчит...

Атаман, не зарься на турчанку,
ведь не для тебя ее слова,
тихая девчонка-полонянка
не тебя хотела б целовать.

Лишь один казак тут не ест, не пьет,
только загляделся на турчанку...
Жарким глазом бьет: сердце ты мое!..
Он забыл, забыл свою Оксанку...

И казак встает, к пленнице идет
и к ее губам лицо склоняет...
«Берегись, казак, не целуют так!..»
Куренной пистоль свой вынимает...

Казак молчат... Лишь вода шумит...
Но внезапно в небо и рвануло...
И казак упал... и казак лежит...
Только шапку кверху и взметнуло...

Атаман, тебе не видать добра —
ведь в себя стрелял ты из пистоля...
А у казака не лицо — дыра,
и над ним Зарема стынет стоя,

словно глыба льда... И по шее кровь,
по сорочке медленно стекает...
Молча атаман кубок свой берет
и вино спокойно выпивает...

«Пей, ватага, пей!» Пьют сечевники...
Лишь иные с глаз слезу смахнули.
Чайки лишь кричат, да вода звенит
о челны в своем извечном гуле...

.

Атаман хмельной не отрывает
от турчанки взгляд угрюмый свой,
синие штаны вином пятнает,
в воду мечет каждый штоф пустой.

Казачки давно грозою стонут,
в них от злости на глазах туман...
Ведь забыл казацкие законы
и влюбился в бабу атаман.

Только что там тонет, выплывает?..
Там под солнцем вспыхнуло весло...
Перед ним, как от калины в гае,
байдаками море зацвело.

И турчанку оттолкнул Барило,
он поднялся, хмель с себя стряхнул...
«Опоздал я», — думает Трясило
и рукою казакам махнул.

Только почему глядит Зарема
и бледнеет с шеи до руки?
Что это? Ужель его в гареме
чудом не убили казаки?!

«О юный хан мой, о коран мой...»
В глазах его огонь забил...
Нет, не его гяур поганый
тогда в гареме зарубил...

Но почему он с длинным чубом
и чуб гадюкою бежит?..
Зарема вдруг разжала губы,
но поперхнулась и молчит.

Она обиды все забыла
и тонет, тает, словно даль...

Что загляделась на Трясила,
сама красива, молода!

.

А море Черное играет,
как конь анархии в бою...
И на челне тут начинает
Тарас впервые речь свою.

Под ним не челн, а небо мчало,
что в сердце и вверху горит...
«Свяжите старшину сначала,
тогда я буду говорить».

И враз клинками заискрило
и закипело всё кругом...
И враз сгорел, упал Барило
на труп изрубленным лицом...

Не море Черное взбесилось —
оковы рвет на нем казак...
Так поступили, как Трясило
громовым голосом сказал.

«Гей, казаки! Вас на чужбину
всех старшина вела на смерть,
и за папов там каждый гинул —
то ясно каждому теперь!

Шли мстить вы туркам и татарам,
а там, где край родной — село,
Украина вся гудит пожаром,
Украину кровью залило!..

Довольно быть нам в услуженье
у гетманов и старшины!
Огонь борьбы за вызволение
в народе мы разжечь должны,

должны у воли встать на страже
и всех панов рубить подряд...
Мы раздробим те пушки вражьи,
что братьям головы дробят!..

Они к нам руки простирают,
они встают... их грозен гнев!..»
И шапки казаки снимают,
и от клинков челны — как снег!..

«Веди нас! Слава атаману!»
— «Час избавленья наступил!»
— «Поганой старшине и пану
мы зададим кровавый пир!»

Гляди, Тарас: играет море,
как конь анархии в бою...
оно встречает синим хором
тепло речь первую твою.

Стоит и слушает Зарема,
пьянеет, словно от вина...
Ах, не таким его в гареме
так часто видела она...

О люни ней, моя отрада,
тебя не сможет он любить,
тебе любить его не надо —
он старшину уходит бить.

А он — как ветер в непокое,
он первой звездочкой блеснит...
Турчанка слушает с тоскою,
как море Черное шумит...

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ

15

Лети, лети, мой конь каурый,
туда, где связаны лежат
попы, за собственные шкуры
они испуганно дрожат.

Лежат они, дородны телом,
на каждом крест литой блеснит.
А на базаре опустелом
листва сухая шелестит.

Она летит на куренного,
в глазах его — одна тоска!
Уж затекли, набухли ноги,
и вздулись жилы на руках...

Рыдает он, что «ненька» сгинет
(такой писклявый голосок!..).
А старшина от страха стынет,
чубами тычется в песок...

О, не молитесь... Понапрасну
даете волю вы слезам.
Ваш выдуманный бог прекрасный,
нет, не развяжет руки вам.

Над вами тучи виснут хило
и дождь унылый зарядил,
жалеет словно, что Трясило
до корня вас не изрубил...

Не только вас — и тех, что стали
грешить с молитвой на устах,
что кровь невинных разливали
обманным именем Христа.

В пыли, размоченной слезами,
их морд истрепанных старье...
Они другим копали яму —
попали сами же в нее.

Орите ж, войте, горлохваты,
давайте волю языкам!..
Времен позорных адвокаты,
проклятье вам, проклятье вам!

16

Нашуми ты мне, ветер мой милый,
чтоб другим рассказал я потом,
как пришли беглецы от Трясила
и спасли старшину и попов.

Почему старшину с рысаками,
ускакавшую к гетману жить,
не пожрало подземное пламя,
не успела змея укусить?..

Пахнет кровью и тут же — инжиром,
над полями — туманная мгла,
а вдогонку потылицам жирным
не звенит басурмана стрела...

Бросьтесь, кони, стремглав на колени,
загрызите поповский синклит...
Небосвод лишь рыдает осенний,
по-осеннему ветер шумит...

Поглоти их, любимое поле,
мою муку и гнев мой залей!
Ряс поповских болтаются полы,
словно крылья библейских чертей...

Куренному же нету покоя:
страх настигнутым быть — не унять...
Он во злобе всё машет рукою,
ударяя по храпу коня.

Где-то клонится клен остролистый,
вал морской у скалы загудел...
«Мой отец, за меня помолись ты,
за святой наш с тобою удел.

Нам немало работы с тобою:
сколько сабель еще пощербить,
поквитаться навек с голытьбою,
крови ведрами вдоволь попить!»

Атаман засмеялся лукаво,
смех тот канул в туман перед ним...
«Нам окажет подмогу Варшава,
если туго придется одним!»

17

И вот я вижу сквозь туманы
крестьян, что в первом их бою
и против гетмана и пана
с цепами, с вилами встают...

Тревога в колокол забила,
аж нам тот колокол гудит...
Они слышали: Трясило
на помощь к ним уже спешит...

Вокруг огнями всё сверкает,
и небо кровью зацвело...
Крестьяне вилами швыряют
попов треклятых барахло.

Они, подняв цепи и вилы,
идут на пушки, на клинки...
Бросай челны скорей, Трясило,
коней седлайте, казаки!..

• • • • •

18

Ведет магнат царицу бала,
и лица радостны кругом...
Дрожат и окна и зеркала,
как крепостной под батогом...

Полны в свою удачу веры,
глаза улыбками цветут.
Красавицы и кавалеры
на волнах музыки плывут...

И вот сияющий хозяин
с улыбкой говорит панам:
«Ликуйте, гости, объявляю:
сам гетман прибыл нынче к нам!»

Глядят и дамы, и мужчины
с невольным трепетом сердец...
Ужель властитель Украины
сей размалеванный юнец?

На гетмане жупан багровый —
он словно кровью окроплен...
Тревожно вздрагивают брови,
и рот гримасой искривлен...

«Виват! Ведь Польска не сгинела!¹
Врагам ее не превозмочь!»
Тут поднимается Ягелла,
магната молодая дочь.

¹ Польша не погибла! (польск.) — *Ред.*

Ягелла к гетману подходит,
одежда от шагов шумит...
А он глазами смутно бродит
и вдруг испуганно кричит:

«По коням все! На бой суровый!
Идет Трясило... Близок он!»
Тревожно вздрагивают брови,
и рот гримасой искривлен...

«Где посланцы? Они со мною
скакали все что было сил...»
И он дрожащею рукою
широко двери растворил...

Они походкою усталой
вошли, и вялы, и тупы...
Вот куренной, знакомец старый,
а с ним и слуги, и попы.

Вошли, отвесили поклоны...
Как будто вспыхнули мечи
иль гроб внесли... А изумленный
зал зачарованно молчит...

Никто не крикнет: «Не сгинела!..»
Забыли всё. Тут все свои...
Остолбенев, глядит Ягелла,
кусает губы до крови!..

«Вслед за казацкой голытьбою
прут с топорами мужики
и всех, кто с кровью голубую,
нешадно рубят на куски!..»

Бледнеют все. Тревожно в зале,
глаза смятение таят...
«Святых отцов они прогнали,
смотрите, вот они стоят!..»

«Нет, не они... То нас — Трясило...
Ясновельможный, ты ж забыл...»
И зал смеется через силу,
хоть страх в глазах у всех застыл...

И гетман полы рвет жупана,
к попам бежит, освирепев,
в глазах его — огонь багряный,
в глазах его и смех, и гнев.

«Нет, не они? А крест на что же? ..
Эх вы, худые холуи!
Ну, счастье вам, что имя божье
твердят еще уста мон.

По коням все! Мы в бой готовы,
нам пан поможет Иисус!»
Молчит хозяин седобровый
и только крутит длинный ус.

Бушует ветер, словно рад он,
что кровь панов ему — испить.
Огни погасли у магната,
и в замке стража лишь не спит.

19

Буйный ветер по-над гаем
знамя развевает,
кони ржут, клинки сверкают,
войско выступает.

С ним идет повстанцев сила,
страх бойцам неведом,
впереди Тарас Трясило,
и Зарема — следом.

Про гарем любовь шальная
память погасила. . .
Ей Украина — мать родная,
хан ее — Трясило.

Он ее глубоко ранит. . .
«Что он так терзает? . . .»
Брови хмурит, и не глянет,
и не приласкает.

И она сказать не смеет,
слезы льет немые,
спину взглядами лелеет,
плечи дорогие. . .

Сыростью осенней тянет,
песни — словно ночи. . .
Молча слушают крестьяне,
только грязь толочат.

От ненастья лица сини,
только ветер злится. . .
Не одна тут свитка ныне
кровью задымится.

Косы солнце распустило
в небе золотые
и на ноги в синих жилах
льет лучи косые.

И идут крестьяне полем
вместе с казаками. . .
Сердце панская неволя
превратила в камень.

Не видать конца и края
грозной веренице. . .
Провела нужда большая
борозды на лицах. . .

Ваш поход мне сердце тешит,
как же вас люблю я!
Ветер волосы им чешет,
бороды целует.

.

Тускло Альта зарябила,
замок виден далеко. . .
В танце — кони, пики, вилы
и сверкание клинков. . .

И Тарас сурово глянул
вдаль вокруг из-под руки. . .
Встрепенулись тут селяне
и замолкли казаки.

Что там даль им раскрывает,
и синее, и шумит? . .
По-над полем, по-над гаем
с граем воронье летит. . .

«В бой, — Тарас кричит, — мы смело
полетим, врагов круша!»
А за лесом зашумело,
и встряхнулась вся душа...

Лава всадников крылатых
вылетает на рысях...
Солнца отблески — на латах,
на железных шишаках...

То не синие туманы —
кони, на ходу легки...
Вслед за гетманом — уланы,
жолнера и казаки.

Полегли, легли селяне
в гулком грохоте атак...
На Зарему и не глянет,
не оглянется вожак...

Ой, турчанка, терпеливо
пригаси любви огонь!
Вся припала к конской гриве,
и летит, пришпорен, конь...

Весь он в мыле, и стрелою
он несет, несет, несет...
Вдруг удар, удар! Землею
в грудь, в лицо ей тяжко бьет,

близко, близко, словно сбоку,
как в подушке голова...
Небо синее глубоко...
Золота трава...

Эта травушка степная
словно лебедем кричит,
над Заревою, стеная,
наклонилась и шумит...

Мчит Зарему ночь пугливо
до беспамятства меж...
У коня — кровава грива,
тут же рядом он лежит.

У него глаза мутнеют —
боль остра и глубока...
Ноги вытянул и шею,
сводит судорга бока...

Крики, залпы за дубравой,
пошатнулся панский стяг.
В бой идут крестьяне лавой,
только вилы их блестят.

На Тараса толпы лезут,
сеча грозная кипит.
О шелома бьет железо,
отлетает и звенит...

Сдвинул гнев Тарасу брови,
тени пали на чело:
и его и вражьей кровью
пропиталось всё седло.

Что Тараса ожидает?
Испытанья — велики.
Только ветер рассекают,
словно молнии, клинки...

Всё шумит в пыли зловонной...
Протянулась вон рука,
горло с воротом червонным
вырвал дядька у панка...

Потонуло солнце в гаме,
солнце падает, ой, глянь...
Под копытами, ногами
ходит ходуном земля.

Бьет с утра до ночи Альта
кровью туго в берега...
Улепетывает шляхта,
следом гетман — ей слуга...

Удирает злая сила, —
хоть и сила в их руках.
Гонит их Тарас Трясило
блеском радостным клинка.

Слышно: «Смилуйся, будь братом!
Детки у меня, семья!»
А за гетманом с магнатом
крики дальние звенят...

Крики, выстрелы, копыта...
«Шибче в город... там ведь дочь...»
Ворот, золотом облитый,
рвет рука с застежек прочь...

Бьет коня он снова, снова,
сердце бьется, свист в ушах...
А глаза налиты кровью,
к носу брови сдвинул страх.

Голь взяла панов в работу —
в город мчатся во всю прыть,
но железные ворота
не сумели тут закрыть...

«О пан Езус, ¹ будь над нами!..»
— «Пан, сдавайся и молись!..»
То повстанцы за панами
в замок дружно ворвались...

Песня — рана огневая,
всё в крови мое чело...
Солнце глянуло, сгорая,
и за темный лес ушло...

Песнь моя подобна ране,
звуки лейтесь, глубоки!..
Молча резали селяне,
с буйным кличем — казаки...

Там, где трупы, онемело
стены темные стоят...
В замке гетман и Ягелла
и испуганный магнат...

И пока на стены глянул
день, скрестив с врагом клинки,
молча резали — селяне
с буйным кличем — казаки.

¹ Иисус (польск.). — Ред.

Знали все — идут к могиле,
к цели нет конца пути...
Столько трупов навалили —
ни проехать, ни пройти.

Ныне быть хочу бояном,
одному им трудно стать...
Помоги же мне, Коммуна,
ты поэму дописать...

В крови копыта конь купает,
сквозь кровь не виден свет глазам...
«К захвату замка приступаем! —
кричит Трясило казакам. —

За мною все!» И к стенам хмурым
повстанцев бросились войска...
И вновь огонь и криков буря
прибоем к нам через века...

Горланит гетман: «Помощь, где ты?»
А в стены — гром, возмездья глас...
И не помогут вам мушкеты
унять разлив восставших масс...

В хоромах гетман. Он не знает
в отчаянье, что предпринять.
А там ворота разбивают,
трясутся окна и звенят.

Бегут... И что-то там упало...
Затих стрельбы мушкетный гул...
В руке Ягеллы с синим жалом
кинжал гадюкою мелькнул.

Ягелла к гетману: «Мой милый,
моя последняя любовь».
А на пороге — сам Трясило,
с его клинка стекает кровь...

Ягелла — гетману: «Желанный,
с тобою сладко умирать...»
«Прими гостей, любезный пан мой! —
кричит магнату так Тарас... —

Припомни, панна, розы в гае,
пастух тебе их предлагал...»
Магнат уж саблю вынимает,
но и Трясило не дремал:

«Гей, выручай, шальная доля!»
Тарас ударил, разъярен,
магната в зубы из пистоля,
и тот навеки усмирен.

«То за цветы!» Но от Ягеллы
себя тут гетман отстранил:
«Еще Украина не сгинела!
Еще рубиться хватит сил!»

Махнул Тарас клинком, но еле
коснулся гетмана руки...
Они сошлись... и зазвенели
меж ними радостно клинки...

Глазами панна смутно бродит,
губами тихо шевелит...
Она пантерой заходит,
ударить в спину норовит...

Уже кинжал на головою...
Но тут Зарема в двери: раз!
И панна вскрикнула от боли
и на пол грянулась тотчас...

«Ну, что, проклятый, не сгинела?!
Ей жить с таким ли подлецом?»
Споткнулся гетман, на Ягеллу
упал с разрубленным лицом...

А за окошком — гул приборя...
Трясило выглянул во двор...
Куда казаки с голытьбою
толпой бегут во весь опор?..

Что там за ними громыхает?
С огнем и цокотом таким
за ними стаяй пролетают
поляки, гетмана полки...

Тарас объят весь гневом жгущим,
он коридорами бежит
к повстанцам, в панике бегущим,
чьи кое-где блестят ножи...

Но опоздал... Уже нет силы,
уже не совладать с бедой...
Иди ж на смерть, о мой Трясило,
вожак мой славный молодой.

Что дальше будет — время скажет...
Но я не дрогну — не таков.
Тарас клинком призывно машет —
своих скликает казаков.

Меж ними ветер — рад он, рад он,
что кровью панской сыт с лихвой...
Там, где ворота, — баррикады
и возле них — последний бой.

На баррикадах трупы — маком...
Прибой отхлынул и затих...
Отбили первую атаку
и отдыхают казаки...

Что там мелькнуло? Что за звоны?
О слезы, будьте вы скупы!
Блестят хоругви да иконы,
на баррикады прут попы...

Трясило глянул, тут же сразу
померк глазами, замолчал...
Лишь солнца лучик у Тараса
на лбу прощально заиграл...

А те идут, неторопливы,
за ними — гетмана полки.
И тут — конец. Ведь в долгогривых
стрелять не будут казаки...

Тарас поник челом печально,
и на пистоль легла рука.
Зарема глянула прощально
в глаза сухие вожака...

«Сдавайтесь, братья!» — поп взывает
и манит взмахами руки.
Он их крестом благословляет...
И встрепенулись казаки...

Они встают, темнее ночи,
к Тарасу скорбные идут.
А он покорным быть не хочет
и над врагом свершит свой суд.

«Постойте, вы! — кричит Трясило. —
Я им по правде всё скажу!»
И он взглянул на вражью силу,
как будто пересек между...

«Вас, казаки, берут обманом
попы, посланцы темноты!
Забили голову дурманом
иконы эти да кресты.

За ними пан стоит проклятый,
чтоб вас судить ценой любой...
А вы, как глупые телята,
себя даете на убой!..

Им крови вашей жаль едва ли,
за ними церковь, бог, закон!..»
— «Молчи, молчи! — попы кричали. —
Любой вам будет грех прощен!

Лишь вы безбожника лихого
отдайте нам, его связав!»
И столько злобного и злого
в том крике было, что в глазах

огонь зажегся у Трясила...
И гнев казацкий взбушевал...
Любовь и ласку с мощной силой
народный голос выражал:

«Хвала навеки атаману!»
— «Веди нас, батька!» — «Славен будь!»

— «Покажем и попам и пану
веселый и кровавый путь!»

И враз клинками засверкало
и закипело всё кругом...
Гей, сила вражья утекала
от казаков бегом, бегом...

«Прости!» — зовет поп к Тарасу,
но сабли взмах не удержать,
запутался он в длинной рясе,
никак не может убежать...

Попы, как мыши, — на заборы,
но сабля их сечет, сечет!..
Они сползают наземь споро,
лишь кровь промеж досок течет...

И казаки прошли грозою
тот город весь, и кровь лилась...
Еще не знал такого боя,
так не рубил еще Тарас...

Он только стиснул зубы, брови
и рубит шляхту вновь и вновь.
Его жупан пропитан кровью,
по сапогам стекает кровь...

Но руки вяло вдруг упали:
нет никого, где взгляд ни кинь.
И напролет всю ночь гуляли
и танцевали казаки.

И, вторя кобзам, в бубны били,
пока совсем не рассвело.
А утром город запалили,
и небо кровью зацвело...

«По коням все!» И уж далёко
набатным звоном город бьет...
А месяц ясный одиноко,
как лебедь, по небу плывет,

Мои же думы — гаем, гаем,
как заповедные ключи...
Пожар всё небо обнимает,
на фоне том Трясило мчит...

1925

467. ОТПОВЕДЬ

ВСТУПЛЕНИЕ

Кипит уже во всех краях...
Грозою — тучи над вселенной...
Пан Маланюк достопочтенный,
еще мы встретимся в боях!..
Пока же — отповедь моя
летит на крик ваш неизменный,
на крик бесплодный, к «сердцевине
бессильной нации», где мгла,
где ветер воет, как в пустыне,
не знают где добра и зла,
где только дух упадка ныне
в безлюдье на коленях стынет,
и кровь течет с его чела...
ведь сердцевина та сгнила.

1

Украина степной была,
но дни великие настали,
снаряды, трактора вспахали
ей лоно... И среди невзгод,
в мученьях голода, блокады,
когда пылали баррикады,
сквозь красных зим тревожный ход,
под гул отрядов капитала,
и плач, и смех, и казней стон —
«За власть Советов!» написала
она на пурпуре знамен...

А вы?.. Что делали, где были?..
Кого на муки обрекли,
над кем горюют ковыли,

кого в могилы положили
в последнем яростном бессилье
на дымных, огненных шляхах? ..
...Разбой, руины, страх в очах
детей, что вы осиротили
на кровью залитых полях.

А вы готовили штыки,
грозили снова ей расправой,
когда восстало жаркой лавой:
«Быть иль не быть! ..» Вы чужаки,
и в злобе сгинете неправой,
и захлебнетесь вы отравой,
что нам сулили... Пробил час!
Железный шаг раздавит вас!
Влюбленный в этот час пиита,
не буду равнодушным я,
и взрывом гневным динамита
пусть на елей иезуита
грохочет отповедь моя!

Ни думы о былом, ни боли
напрасно не терзали нас...
Лишь сердце стиснулось не раз
от прежних бедствий поневоле,
да так, что взор от боли гас! ..
Но знали мы на ратном поле:
грядет к нам коммунизма час...
Мы шли вперед, не помня боле
о прошлом, — цель спаяла нас.
И словно стали мы из стали,
ведя суровый, тяжкий бой...
Свое ведь счастье и покой
давно мы под ноги втоптали...
..

Ах, Украина, Украина!
Да разве нам страшны угрозы,
когда сыны твои сквозь грозы
пройти готовы, воедино
сплотившись в громе и огне,
для дней твоих, для лучших дней?
И плавок ширится прибор,
и трубам нет конца и края...
Была Украина степной,
теперь она уже другая,

и лозунг «Моя хата с краю»
навек проглочен прошлой тьмой.
Вы знаете, что это так
и что мое правдиво слово.
Но вы хотите, чтобы снова
огня и «кары» ураган
обрушил горе на селян? . .
Но дни не те! Сломался хлыстик. . .
Вы не фашист, а лишь фашистик!
Всем вашим сердцем и мечтой
вы с Клемансо и Муссолини. . .
Лежите трупом желто-синим
вы на промозглой мостовой. . .
Ваш лепет жалок про Европу —
он недостоин Конотопа.

В Стране Советов наш народ,
мы волю вырвали из крови. . .
Соединить лишь идиот
способен Маркса с Соловьевым
и возмущаться, в злобе рьян,
тем, что голодный люд всех стран
быть пушечным не хочет мясом, —
сознательным быть хочет классом,
и цели у него ясны.
Когда-то в омуты войны
паны нас ввергли, будто в бездны. . .
А вы, как поп: «То — гнев небесный. . .» —
гнусите свой псалом бесчестный
из горестной Галичины. . .

Вы на абстракцию, на бога
хотите их свалить вину,
чтоб снова лгать. . . Мораль убога
и философия бедна —
такой товар не нужен нам:
в убыток. . . Мы поклепов гать
уже разбили. . . Маску скиньте.
За стиль такой вы извините,
за все эпитеты, слова, —
ведь учимся мы торговать.
Могу я даже вам для гроба
бесплатно из церабкоопа
сосновых досок переслать —

таких нигде вам не сыскать,
их не подарит вам никто...

А впрочем, нет. Срамить за что
товар народный высшей пробы?
Вы недостойны даже гроба,
он оскорбится. Ваш удел —
сырая яма... Побледнел? ..
И подгибаются колени,
трясутся, словно холодец,
безвольно мышцы? .. Успокойтесь...
шучу я... Просто крови мак
застлал мне голову туманом...
Пугать я больше вас не стану —
вы перепуганы и так.

От страха стали вы руиной
уж много, много дней назад,
когда помог нам русский брат
прогнать Петлюру с Украины...
Прогнал наш брат и Смердякова
огнем орудий, бомб и слова,
хоть как тот, бедный, ни юлил...
Но что поделаешь — поплыл
в Константинополь... В добрый час,
найдем и под водою вас!

2

Живем в готовности высокой
всегда отправиться в поход...
Теперь не с Запада, с Востока
ветров истории полет...

Есть сталь у нас, и есть железо,
есть, господа, чем встретить вас,
чтоб не посмели больше резать
народ, Христом благословясь...

Да, это правда, кровь течет,
и мир багряной краской зальет...
Но не Христос на фоне зарев,
а образ Ленина встает...

Знамена, словно тени, в Риме
висят — победы черной знак...

У нас же Муссолини — имя,
что годно только для собак.

Чем больше гнет его насилья,
тем гнев быстрее сметет тюрьму.
Ему уж нос переломили,
мы ж — перебьем хребет ему.

.

А в кабинете кардинал,
залитый золотом и кровью...
Течет неспешно блудословье
из синих уст... Какой скандал!

Туда, где смерть всю гуляет,
рабов своих он гнал не раз...
Фигура эта вызывает
лишь омерзение у нас.

Для вас — казна, любовь и вина,
у вас любая ложь — свята...
О, сколько сожжено невинных
обманным именем Христа...
Быстрее танцуйте свой канкан,
вам от штыка спасенья нету!..
Революционному поэту
враждебен чуждый Ватикан.

Колдует музыка в шантанах,
толпа безлика и легка...
..А пригород лежит в туманах,
и цель еще так далека...
Там бледные, худые дети —
цветы, морозом сожжены...
...Здесь — франты, сыты и одеты,
«Войны! — кричат. — Еще войны!..»
У Турции, томимы жаждой,
отнять поля хотят паны...
О, мы покажем вам «войны»,
предательский ваш род и жадный!..
Быстрее танцуйте ваш канкан,
вам от штыка спасенья нету!..
Революционному поэту
враждебен чуждый Ватикан.

«Коль нет у нации вождя,
тогда вожди ее — поэты»? ..
Ну что ж, в вожди народа лезть
с вас, верно, станет,
но селяне
вам не окажут эту честь.

Не вам Тычину в злобном рвенье
чернить и звать его рабом —
сиянье от него кругом,
гуманный он и светлый гений...
Он понял, он постиг наш век.
Вы — пыль у ног его, не критик,
самодовольный сибаритик,
безумный, жалкий человек!

Пылает даль в пожарах рыжих,
и плещет кровь — земли вишо...
Петлюра окошел в Париже...
Вы ж — не Петлюра, не Махно.
Замыл волною океанной
их, как песок, последний бой...
Не вашей музе рядовой
разрушить новый мир багряный...
Греми, пеан мой огневой,
наперекор пеану пана!

О, вам досадно, знаю я,
что ваши «кровны» десятины
забрали руки селянина
себе в отчаянных боях...
И вам не будет возвращенья
туда, где золото раки
в тиши отрадного мгновенья
нежданной встречи даль резбит...

Всё это вас, как сон, манит...
И зря терзает жажда мщенья
вам грудь... и сердце зря болит
жестокое... Пустым стремленьем
к мечте вы скованы навеки...
Могила... вылечит... калеку...

Поля родимые покинув,
 железо снова я пою...
 Мою Коммуну — Украину
 я так люблю!..
 Она — моя навек... И боле
 не надо мне иной — любой.

.....
 Одето в грозный траур поле,
 полки идут, качаясь, в бой...
 В дыму огонь шумит и тает...
 Гори, душа моя, гори!..
 Уже багряно над Китаем
 шумят знамена в цвет зари...
 В безумье надругательств грязных
 пусть гнев мой тучи понесут!..
 Я так люблю в державах разных
 рабочий люд!
 Я так люблю в далеких странах
 порывы те же, что у нас,
 из бед и горя океана
 в Коммуны светлый час!
 Разноязычные, родные,
 на разноцветных островах...
 Горят во тьме миры иные —
 и вьется страх...
 То — страх привыкшего жестоко
 пить из людей рабочих кровь, —
 теперь огонь ему и в око,
 и в бровь!
 Сквозь крови чад и пуль рыданья
 желанной воли дни придут,
 и от всемирного восстанья
 паны не убегут.
 Мы им припомним наши муки
 в забоях душевных, на полях,
 где труд на них ломал нам руки
 и мозг сушил... Лети же, страх,
 чтоб задрожали все обжоры,
 ты бей огнем в небес озера
 и в тучи Лориган-Коти,
 лети на ногти в маникюре,
 на дым сигар!.. В моей груди
 такая жажда гневной бури!..
 Я позабыл слова пощады...
 Я позабыл слова пощады...

Пылайте шире, баррикады!..
За залпом — залп!.. Нужда бежит...
И враг поверженный лежит...
Последний акт, последний раз...
И на виски — морозный иней...
И мертво зрят в кровавой сини
слепые пуговицы глаз...
Да, мы идем... Придем багряно
в раскатах моего пеана!..
«Симфония мускулатур»¹
еще не так взорвет препоны...
Мы вам «Послание» припомним,
когда в итоге авантюр
вы к стенке станете... Бонжур...
Я перебил вам, извините,
мечты про дом ваш и поля...
Но... не вернется к вам «земля»,
как юность ваша...

Даль в зените,
всё шире вертится Земля,
летят миры в просторы бездны...
Где ваши предки, пан любезный?...
Гниют, наверное, в земле,
их точит червь, они во мгле
уж превратились в прах безвестный,
вас ожидая... И давно
туда сойти вам суждено.
Вам не склонить меня к измене,
меня обман ваш не берет.
Вы лишь пушинка в том движенье,
когда миры летят вперед...
Еще не мчало время так
в сиянии Луны и Марса...
Ведь очи Ленина и Маркса
для нас пронзают ночи мрак,
от них лучами ореола
взлетает песня Комсомола:

«Наш паровоз, вперед лети,
в Коммуне остановка...
Иного нет у нас пути,
в руках у нас винтовка...»

¹ М. Рыльский, «Сияя даль».

Мы дети тех, кто выступал
на бой с Центральной радой,
кто паровозы оставлял
и шел на баррикады».

Да. Не волнует ваше слово
тех, что росли в огне, в крови...
Оно и вяло, и не ново,
а главное — в нем нет любви...
Любовь и гнев — мотор прогресса,
его основа — новый строй,
нас коммунизма интересы
зовут, чтоб сжег фашизма беса
буран восстаний огневой!
Ведь воду в пламя превратит
лишь мой народ в горниле битв.

Не вой, не вой на прах Тараса,
проклятый пан!.. Не твой ведь он,
народным гневом порожден
певец трудящегося класса,
что в бой последний устремлен...
И если б жил Тарас теперь,
он был бы членом ВКП.
На бой пошел бы с бурей бурой,
как мы, как все, за юный класс...
Тогда бы не один из вас
своею поплатился шкурой...
Он за народ стоял всегда,
отдал ему слова и силы...
Он вам припомнил бы года,
что вы его в тюрьме гноили!..
А с ним и мы... «За власть Советов!» —
позвал бы он... а с ним и массы
(из края в край и штурм и марш)...
Он наш отец, он воров ваш,
он бард трудящегося класса,
и песнь его нас шлет на ката...
Не вой, не вой же, пан проклятый,
над прахом огненным Тараса,
ведь тот огонь горит над степью,
и в сталь сплавляется она...
Да, вы б лизали у Мазепы
не только пятки, но и ...

У нас и хлеб на поле новый,
и новая нам жизнь дана...
И коммунизма цель одна
для нас горит... Мы чернобровы,
распотрошим отродье ваше!
Пожарам рыжим края нет...
Да, мы нагрянем к вам в огне
и в дорогой Галичине,
в краю измученном и нашем,
распотрошим отродье ваше!

5

О пролетарии всех стран!
Уже недолго — час настанет,
и гром кровавый грозно грянет,
и бой последний будет дан...
Нам — явь, а грозный сон — для них...
Затихнут радостно заводы...
Бег конницы и шаг пехоты
всколышут грудь Европы вмиг...
Не сказка это и не миф,
не иорданские легенды...
Дорог асфальтовые ленты
от поступи сапог простых,
как воск, растают, и копыта
в смоле, в крови помчатся вдаль...
На мысли — мысли, сталь — на сталь
вверху над черепом разбитым...
И враг в цилиндре черной тенью
упал — и к звездам мертвый взор...
И сытый ворон в исступленьи
ему в последнее мгновенье
прокаркал слезно: «Невермор!»¹
Я вижу тени, руки, лица,
мурашки — морем по спине...
Я словно никну на коне,
и сабля молнией искрится,
и пересох от гнева рот,
и сердце чует что-то веще...
Пускай, как в берег, в стены плещет
волной бушующей народ...
Теней я вижу легионы...

¹ Больше никогда (англ.). — Ред.

Они идут со всех сторон,
их било горе, били беды,
моря восторга и победы
их поступи доносят звон...
Гремит надземною грозою:
«Ура!», «Виват!» и «Слава!», «Гох!».
И Маркс качает бородою —
младого мира Саваоф...
И Гейне тень с платком на шес,
никто смеяться не умеет,
как он и Байрон... Волг и Сен
потоки мчат в едином лоне,
кто жив и пал — в одной колонне,
и в гордом шуме стягов, лент
идут Домбровский и Варлен.

1927

468. ЗАВОДСКАЯ ДЕВЧОНКА

Несутся тучи в ту сторонку,
где просыпается Донбасс,
где я заводскую девчонку
в минувшем видел много раз.
Там над поселком — месяц острый,
под тучами — платочек пестрый
и две звезды под тем платком...
Всё это кажется мне сном
прекрасным и неповторимым...
Под заводским тяжелым дымом
ворота черные видны,
они от копоти черны,
клубятся дымные волокна...
Пылают цеховые окна,
железо жалуется там,
ползет «кукушка» по путям
и голосом кричит высоким,
теряясь в дымной поволоке.
Там пахнет углем, и цветенье
в садах, прогорклое чуть-чуть;
над головою — Млечный Путь
зовет, сверкая в отдаленье,
всё осмотреть и всё познать,
чтоб самому — звездою стать
на ночи бархатном покрове...
О, пылкость юношеской крови!
Я вспоминаю радость ту,
ночное небо и аллею,
звучала музыка в саду,
где познакомился я с нею,
где имя я узнал-ее...

Воспоминание мое
и ныне в сердце словно рана,
как сладко имя то — Оксана...
Мне всё мерещится тот дым,
над сонным озером туманы,
и жжет меня огнем своим
щека румяная Оксаны...

Катилась песня, высока,
взлетала радужной дугою...
Завод. За вербами река,
и шум бондарни за рекою.
Там луч солому золотил,
мне не забыть тех лет веселых...
Там по кислицу я ходил,
пил молоко в окрестных селах
в те дни, когда в степные дали
мы банды гетманские гнали,
когда с мешками мужики
явились к нам из-за реки
и в волнах Леты утонули...
Штыки блестели, пели пули
там, где мы в детстве среди кустов
с дружком ловили воробьев.
Давно, давно... Минули дни...
И только памяти огни,
что вдруг пронзают, словно птицы,
вечерний небосвод столицы,
несут на крыльях голубых
тот смех и плач из дней былых.

Войны кровавая заря
пылала в небе, толпы плыли
в пыли и по селу носили
портрет кровавого царя.
Врагу — проклятья и угрозы,
гнев разгораясь всё сильнее...
А на платформе — стон и слезы,
отчаяние матерей...
Покрылись лица тенью бледной,
когда звонок поплыл последний,
трехцветный флаг, поникший вкось,
прощально крикнул паровоз
и тихо отошли вагоны
от помрачневшего перрона...

И, различаемый с трудом,
гремел орудий дальний гром...
А я, влюблен в девичьи очи,
пел про украинские ночи,
под струн гитарный перебор,
про девичий печальный взор,
про шелест вкрадчивый акаций...
И было мне тогда — семнадцать.

Я не вернусь уже назад...
В вечернем небе туча тает...
Блестит в росе цветущий сад,
и вдалеке гармонь рыдает,
как будто бедная дивчина
зовет неверного дружка...
В рыданье так сильна тоска,
что плакать хочешь беспричинно...
Блестит в росе вечерний сад,
когда-то были мы так юны...
Ушли на пушек рев чугунный,
немногие пришли назад.
Дни мчались — бешеные кони...
И часто видел на перроне
я бледных, словно смерть, солдат.
Везли их в тыл, чужих, не наших,
оттуда, где огонь пылал.
Зачем же сердце надрывал
их суховатый, острый кашель?..
Зачем смертельный кашель тот
гасил войны пожар победный,
тряслась спина, кривился рот?
Казалось, брат тянулся бедный
ко мне и руки простирал
сквозь дым кровавый и металл...
Тряслись под тяжестью дороги,
везли орудия «туда»,
«оттуда» шли санпоезда,
поток безруких и безногих...
Где блеск, и выправка, и лоск?
Желты их лица, словно воск,
над ними, белые, как птицы,
склонялись сестры, фельдшерицы...
А на военных поездах
писали мелом на дверях,

на стенах (раненых проклятья
не тронут пошлые сердца):
«Вперед, за нашу землю, братья,
в бой, до победного конца!»

Дул ветер, дождь осенний лил,
под ветром розы облетали,
когда я в шахту спущен был.
Чернее тьму найдешь едва ли.
Ее как будто создал маг,
все эти плоскости и грани,
воды подземное журчанье
и слабый свет сквозь душный мрак,
на стенах словно блеск слюды,
с углем вагончиков ряды,
и скрежет их, надрывней стона,
и свист протяжный коногона...
Я стал носить шахтерский чуб
и набекрень картуз дешевый,
во тьме ночной покорных губ
стал жадно пить огонь вишневый,
очей любимых взгляд ловить,
и матюгаться, и курить...
И в той дали, и в том просторе
мой потемневший видит взор,
как тьму расталкивают зори,
шумит трава донецких гор,
проходят с песнями девчата,
за ними — парни по пятам,
и клена темная громада
внимает звонким голосам...
Всё белым цветом заливала
луна, сияя колдовски,
и верба ветви наклоняла
над синим зеркалом реки.
Гудят заводы, как жуки,
мосты дрожат под поездами,
что пролетают мимо нас,
как бы навек прощаясь с нами...
Вздывает к небу дым Донбасс,
и трубы, словно привиденья,
встают, и очерк их мне мил,
таких знакомых в отдаленье...
Я там работал и любил.

Я помню счастье золотое,
тех не вернуть отцветших дней...
Туда я вновь лечу душою
на крыльях памяти моей.
Там жизнь спокойна и ровна,
гудят гудки, на труд сзывая...
А здесь, на западе, война
гремит, пылает мировая.
И равнодушный кто-то счет
ведет пропавшим и убитым...
И нет конца слезам, обидам,
и льется кровь, и гнев растет.
Нет больше песен у пехоты,
в молчанье движется она...
И лишь гитарная струна
всплакнет под ночь средь непогоды...
Ожесточение в сердцах,
дороговизна в городах
и нищета в крестьянских хатах,
тьма в окнах их подслеповатых,
и детворы веселый смех
уж не летит из окон тех.
Гангреновый бред, дурные сны
в грязи, мученьях и коросте,
и перемалывала кости,
не видя в том своей вины,
машина страшная войны.
Казались сном те дни, когда
любили мы ходить гурьбою
под разомлевшею зарею
встречать ночные поезда.
В дорогу семечки тогда
девчата брали; шутки, пенье,
внимал им тополь в отдаленье,
и вечер ясен и лучист,
и кучеряв был гармонист...
Затихла станция, темна,
в холодных залах тишина,
одни жандармы, как вороны,
выходят важно на перроны,
да иногда из мглы навзрыд
военный поезд прокричит.
Гроза всё ближе подступала,
и сил сносить беду не стало...
Когда ж забыли бедам счет,

пришел семнадцатый тот год,
пришел счастливою грозою. . .
Но трубы так же звали к бою,
струились слезы матерей. . .
Туда, где дышит даль железом,
всё так же гнали сыновей,
гремели выстрелы за лесом,
и неба влажные края
сверкали — грозная картина.
Тогда впервые понял я,
что есть на свете Украина,
край грозных битв и вечных гроз,
что больше я не малоросс.
Пришла желанная пора
борьбы великой до победы
за то, о чем мечтали деды,
на что надеялись вчера.
Пришла, прекрасна, долгожданна,
и ею — всё озарено.
Тогда узнал я, что Оксана
с большевиками — заодно.
Но был тогда я с толку сбит
шовинистическим угаром,
и до сих пор душа болит,
как много сил потратил даром,
что ж, перед веком повинись. . .
Дороги наши разошлись:
она — налево, я — направо.
Была жестока и кровава
судьба нелегкая моя
среди дней суровых и крылатых,
и больно мне, что не был я
на тех октябрьских баррикадах,
и горько мне, что был мой путь
непрямым, извилистым и запутанным,
что молодости не вернуть,
не прояснить той мгlistой смуты.

И не видна еще развязка
была в те дни. . . Дрожит перо. . .
И заливают щеки краска,
как арестантское тавро.
Наш полк отправили под Киев,
туда, где шлях лежал Батыев,
где пела память о былом

в Софийском звоне золотом,
где княжескими именами
еще минувшее живет
и огражденные цепями
руины Золотых ворот
в немолчном городском прибое
напоминают нам былое.
Течет внизу старик Славута,
в веселье берегов закутан,
и на Крещатике в ночи
сверкают ярких ламп мечи.
Военный шум, зима, вокзал...
Тревога сердце захлестнула...
На нас своих орудий дула
наводит красный «Арсенал».
Томит дыхание беды,
мы стали строиться в ряды,
ударил колокол три раза,
мрачней, ждали мы приказа.
Петлюра что-то прокричал,
куда-то показал рукою...
Над нами жесткою грозой
ударил орудийный залп...
Пошли на приступ, напрямик,
мы улицу голубую,
и ветер гайдамацкий шлык
всё дергал за моей спиной,
хотел как будто удержать
меня и злую нашу рать,
как будто вслед кричал: «Проклятый,
зачем ты в бой идешь на брата?..»

Мне не забыть тот страшный час,
мы каждый камень брали с бою.
Заря с укором и тоскою
смотрела нехотя на нас,
в крови лежали трупы тесно,
их вид был горестен и дик,
казалось: мы зашли в тупик,
и есть ли выход — неизвестно...

День был понурый и унылый,
неравны были наши силы,
и под напором нашим пал
залитый кровью «Арсенал».

Мы озирались, брови хмуря:
какое зло свершилось тут!
И я не знал, что скоро бури
меня, как щепку, понесут
по дну ущелий и оврагов,
сквозь дым и марево огня,
чтоб с лёту выбросить меня
на берег красных зорь и флагов.

Недолго Киев нашим был.
Нас Днепр, казалось, невзлюбил,
в снега глубокие закутан,
разгневался старик Славута
и закричал сквозь смерти свист:
«Я тоже нынче коммунист,
а вы погибнете, изгой!»
И мы не выдержали боя.
И красным стал от крови лед,
казалось, небо упадет,
так орудийный гром был страшен,
залп по рядам пришелся нашим. . .
Кто как, ползком, бегом, верхом,
ушли рассеянной оравой. . .
В дали туманной за холмом
остался Киев златоглавый.
Обречены на грязь и мрак,
знать, не про нас его панели.
И слезы смахивал казак
тяжелым рукавом шинели.
Сквозь снег и ветер, день и ночь
отчизна нас погнала прочь.
И вещие нам были знаки,
в пути нам выли вслед собаки,
и кто-то на смех иль печаль
тревожил выстрелами даль.
Куда-то шли, за строем строй,
полк за полком, не зная цели,
из окон сумрачно смотрели
на флаг наш желто-голубой.
Качали бабы головами,
за тыном кто-то, хоронясь,
нас крыл последними словами;
дорожную месили грязь. . .
Под шум шагов, под окрик громкий
я молча вспоминал завод

и над мерцаньем тихих вод
взор ясный заводской девчонки.
Я ночью в нем тонул, бездонном,
с ним просыпался поутру.
Я был пушинкой на ветру
широком, революционном.
И, в непроглядной темноте
припомнив вдруг свою подружку,
я думал: что, как очи те
уже берут меня на мушку
и я, споткнувшись на бегу,
лежать останусь на снегу?!
Гудели ветры, неба мгла
казалась беспросветно-черной,
когда к нам армия Эйхгорна
на помощь с запада пришла.
Гудели ветры, в поздний час
сползала с неба позолота,
и шагом кованым пехота
гремела молча мимо нас.
Ряды терялись в мутной дали,
под ветром шли и шли полки.
«Завоеватели, друзья ли?» —
понять пытались казаки.
А им в ответ — из тьмы ночной
за рядом ряд, за строем строй,
и ветер, жалуясь открыто,
шумел знаменами сердито.
Топча траву родной земли,
и чернозем ее, и глину,
с полками кайзера прошли,
как смерч, мы через Украину.
Очнулся я, когда, назад
взглянув, увидел, как лежат
с простреленными головами
те, кто был в плен захвачен нами;
когда рассеялся туман,
увидел гневными глазами,
как забивают шомполами
за землю панскую селян.
И понял я, что только с теми,
кто защищать крестьян готов,
мне по пути, что давит бремя
неправых дел, неправых слов,

я осознал — настало время, —
что правда — у большевиков.
И верил я: придет минута,
когда я кровью смыть смогу
свою вину и штык свой, круто
взметнув, нацелить в грудь врагу.
А в нашей сотне был хорунжий,
приятель мой, детина дюжий,
похожий, прям и чернобров,
на запорожских казаков,
в атаку шел с особым форсом,
заворожен от пуль и ран,
на нем нарядный был жупан,
носил он шапку с длинным ворсом,
хохол извилистой гадюкой
свисал кокетливо над ухом.
Была в нем нежность и отвага,
ходил всегда спокойным шагом,
гроза врагам и супостат,
он был усладой для девчат.
Всегда готов к любому бою,
его прозвали Галайдою.
Такого пуля не берет,
он от Мазепы вел свой род
и тем гордился. Словно черти,
с картины Репина украл
его, напуганы до смерти,
влюбились в речь его и нрав.
Однажды к нам через кордон
подкрался красный батальон,
он появился в час нежданный
сплошную лавою из тьмы,
когда ж его разбили мы
и тишина над нашим станом
сомкнулась звездная, — тогда
привел шесть пленных Галайда.
Они с померкшими очами
стояли молча перед нами,
и на меня один из них
смотрел так странно. . . Что-то было
в его очах. . . я вдруг притих,
передо мною всё поплыло,
какой-то свет из дней былых. . .
Где я их видеть раньше мог?
Прошел по телу холодок.

Сияли очи, словно свечи,
будили боль забытых ран...
Знакомыми казались плечи
и руки девичьи, и стан
у пленника... И ответ зябкий
на острый штык тоскливо лег,
но под красноармейской шапкой
я разглядеть лицо не мог.
И долго, долго среди ночи
мне спать мешали эти очи.
Рассветный блеск мерцал вдали,
когда их на расстрел вели,
в последний раз ласкали взглядом
рассветный мир, сиявший рядом,
и солнце тьмы прорвало гать,
когда их стали раздевать.
А самый юный не давался,
как был ни слаб он, как ни мал,
из рук казачьих вырывался,
руками ноги прикрывал...
Но скоро сила одолела —
и перед нами забелело
невинное девичье тело.
Когда ж лицо ее в слезах
увидел я... тоску и страх
те вспоминать не перестану...
Я в ней узнал свою Оксану,
свою любовь!.. Хватался я
за чей-то штык, за ствол ружья
и плакал перед Галайдою,
чтоб отпустил ее живою,
чтоб понял боль мою, беду.
Просили хлопцы Галайду,
но с каменным, угрюмым ликом
он глух был к жалобам и крикам.
Он говорил, и даже брови
казались красными от крови,
стал нос крючком, как у совы:
«Не казаки, а нюни вы!»
Наш путь лежит сквозь темень ночи,
сквозь кровь и смерть, неужто нас
разжалобят девичьи очи,
иль в нас казачий дух погас?
А ты, — сказал он мне с угрозой, —
сдержи безумие и слезы

и не мешай мне исполнять
то, что велит отчизна-мать!»
Я и сегодня вижу снова,
как ружья вскинули сурово
и, как один, взглянули все
туда, где жизнь моя, Оксана...
Сияла мушка, вся в росе,
на карабине атамана,
и это значило — конец...
Стоял я, бледен как мертвец.
Казалось, сердце разорвется...
Раздался залп, упало солнце,
земля качнулась, поплыла...
И долго, долго тьма была.

А ночью разбудили нас
внезапной новостью: «Восстанье!»
Казалось, сбудется желанье,
зари рассветное сверканье
судьба нам шлет в счастливый час.
Еще мы гибли в темноте,
но немцы были уж не те, —
тянулись вспять к своим границам,
катился пот по хмурым лицам.
В ту осень слабый свет забрезжил
мне, бед распалась череда.
За самостийную, как прежде,
был Украину Галайда,
и ненавистен мне проклятый
он был — я жаждал с ним расплаты.
В разведку как-то мы пошли.
Чернела полночь, как чернила.
Рукой подать до красных было,
их пушки грозные вдали
угадывались... Ночь бедою
в лицо дышала нам. Средь тьмы,
как привиденья, крались мы.
Я молча шел за Галайдою,
и ненависть сжимала грудь.
А в темном небе Млечный Путь
дрожал над ним и надо мною,
сочились звезды молоком,
и тихо было всё кругом.
И я с решительностью злою
промолвил, словно прорыдал:

«Ну, повернись-ка, Галайда,
поговорить хочу с тобою».
Раздался выстрел, отзвучав
в сиянье звезд и шуме трав,
и эхо дали подхватили.
Он зашатался, обессилел
и молча, словно неживой
предмет, упал . . . Я, сам не свой,
ускорил шаг. Меня мутило.
Он был мне по оружию брат.
И долго, сколько можно было,
оглядывался я назад.
И мне вослед грозил рукою
мертвец. . . С поникшей головою
над ним стоял, как часовой,
холодный месяц золотой.

Стал Галайда таким туманным,
и след навек его простыл.
Убил его не за Оксапу —
свое в нем прошлое убит.
В моей душе была тревога,
но не раскаянье; веди
меня, тернистая дорога,
к заре, горящей впереди,
где все идут, кто сердцем юн,
к сиянью солнечных коммун.

Село. Хотел зайти я в хату,
передохнуть в тепле. Куда там!
Тень отделилась от ворот,
раздался окрик: «Кто идет?»
Затвор ружейный щелкнул сухо.
«Свой, свои!» — я крикнул глухо
навстречу смерти в тишину,
секунду выиграв одну.
Казалась улица знакомой,
горел огонь в одном окне,
усталость смертная. . .
И вскоре перед военкомом
я очутился, как во сне.
Но страха не было, однако,
в моей душе, — покой и мир.
«Я взял шпиона, гайдамака, —
сказал ему мой конвоир. —

Их полк недалеко отсюда», —
сказал, блеснул глазами люто
и в угол отошел с ружьем.
И обожгли сухим огнем
меня слова его, как плети,
и горько я тогда ответил:
«Я не шпион. И не был сроду
им никогда. Я лишь казак.
Я лишь добра хотел народу...
да обманулся страшно так...
В лихом войны водовороте
меня кружило и несло.
Я из рабочих, видел зло
и кровь, а вырос — на заводе.
Казалось мне, что в смертный бой
иду за милый край родной,
за речь родимую свою,
за счастье жить в своем краю,
где вольным будет мой народ,
а вышло всё наоборот.
Чтоб не свершить ошибки снова,
пришел я к вам. Казачье слово
даю, что не соврал ни в чем».
Допрос тут начал военком.
Сердечной правдою влеком,
я говорил так долго, страстно,
что военком, кивнув согласно,
сказал: «Из парня будет толк» —
и записал меня в свой полк.
Мы вышли. Ледяная мгла,
клубясь, под звездами плыла,
переговаривались пушки,
была прерывиста их речь,
и были срезаны верхушки
деревьев, словно острый меч
по ним прошелся, пахло дымом
пожаров, тучи кралась мимо.
Мы шли по улице знакомой
под шорох мерзнущих садов,
и четкий профиль военкома
на фоне зарев был суров.

Прошли бои. Шумит столица,
блестит в лучах стальная птица —
стальной мотор поет с утра,

и та жестокая пора
мне только снится, только снится...
Но в этих снах упрека нет,
а у колодца, утром рано
сойдясь, подружки сколько лет
толкуют грустно про Оксану,
и плачет, плачет в стороне
старушка в темном шушуне.
Вовек ей не избыть кручины,
то матушка моей дивчины,
Оксаны мать... Но день хорош,
цветет родная Украина,
она, как новая былина,
в дыму строительства густом
в своем убранстве заводском
идет сквозь грозы и туманы,
и что-то есть в ней от Оксаны.

1929

469. КИЕВ

Из тумана веков меж роскошных садов
над задумчивой светлой волною
гордый Киев глядит с приднепровских холмов,
словно витязь сверкая броней,

словно сад-ясноград. Лейся с гуслими в лад,
мой напев над красой-Украиной,
что шумит над Днестром и сквозь бурь громопад
назвала свою долю орлиной,

про чудеснейший град, полный песен, цветов,
златоглавый, пурпуровый, ясный,
что, свой день начиная в тумане веков,
ночь развеял десницею властной.

Как свидетель живых дней далеких твоих,
в рассиявшихся солнца разливах,
словно чудный узор, от ворот Золотых
тьнь дрожит на панелях шумливых.

И на тени — челны, что от южных морей
всё плывут и плывут, остроносы.
Вижу, русичи в них, голос песни звончей,
встали тучки, светлы, русокосы,

в голубой вышине... Звук мечей вдалеке.
Днепр от крови горяч, но глотает

кровь своих и чужих. . . Тише песнь на реке,
лишь оружие грозно сверкает.

В небе встали не тучи — дворцы и мосты,
волны будто в осенней печали,
и целует полян боевые щиты
предзакатное солнце лучами.

Медь шоломов цветет. Ой, куда же зовет
путь-дорога, ясна, величава?
То до стен Цареграда плывет и плывет
орлекрылая рать Святослава.

Светит солнце тревожно с лазурных высот,
только небо полно тишиною,
и Перуна спасти устремился народ,
но Перуна накрыло волною.

Из горячих степей тучи шли напрямик.
Всё узнал ты, единственный, рано,
как грозило тебе море копий и пик
за спиной половецкого хана

и монголов орда, что Добрыня отбил
с побратимами в буре кровавой,
чтоб над синью полей ты, мой город, всходил,
расцветая и силой и славой.

Всё узнал ты, родной: и Батя полон,
и руины, и горе без края.
А когда отошел рабства долгого сон,
ты ответил разгромом Мамая.

Несгибаемы были твои сыновья.
Почему ж ты склонялся калиной?
То под панской пятою стонала земля
в долгой, долгой ночи воробыной.

Сколько раз ты вставал, распрямляя свой стан,
и склонялся, поверженный, снова,

Но принес тебе волю Хмельницкий Богдан,
вновь горела калина пунцово.

Светлой выси достичь ты стремился в борьбе,
видел солнце во тьме золотое.
Подал русский народ руку братства тебе,
чтоб идти нам дорогой одною.

Пала панская власть — только пепел да прах,
пали псы, что тебя истерзали.
Свое счастье держал ты в могучих руках,
но не крепко... Года пролетали.

И двуглавый орел тень раскинул свою
над отцовской землей, над тобою.
Долго бился народ, добывая в бою
мир свободы рукою стальнойю.

Вновь под звон-перезвон плещет морем знамен
славный Киев, но враг наступает,
словно тучи — полки, свист нагаек и стон,
кровь людская в Днестре закипает.

И гражданской войны грозный пламенный шквал
мать-земля высоко поднимала,
ты в неравном бою гайдамакам послал
орудийный ответ «Арсенала».

Пели пули вокруг, не сдержать их полет,
поднимался огонь над землею.
Руку братства тебе подал русский народ,
чтоб идти нам дорогой одною.

Только в шлемах стальных чужеземцы пришли,
и стонали твои тротуары,
грохотали орудья вблизи и вдали,
разгорались по селам пожары.

Снова ночь... Но в Унече восстанья огни
засветила рука пламениста,

и отряды пошли, были грозны они,
вел на битву их сын машиниста —

славный Щорс. Был в столице у Ленина он.
Слыша бурь громовые раскаты,
поднимались живые за тех, кто сражен,
и крушили свои казематы.

Лейся ж песня про то, как с громами в игре
динамит грохотал под мостами,
как сражались полки на замерзшем Днепре,
путь на Киев торили штыками.

Шляхта, белые орды, как тени, прошли
по твоим площадям говорливым.
Всех прогнал их народ, чтоб вовек не смогли
нам затмить они солнца разливы.

И в бетон и в гранит наш Славутич одет,
и огни Днепростроя сияют
в синих водах его, как небесный тот свет,
что в просторах неведомых тает.

И во имя того, чтоб ты, Киев родной,
чтобы мир с городами, полями
расцветали в красе, — вихрь прошел грозовой,
стелет солнце дорогу цветами.

И моторы поют — они славят в полях,
в небесах твои светлые зданья,
славит песня моя, отзываясь в сердцах,
звезд кремлевских над нами сиянье.

Златоверхий наш день, красный город садов,
город весен, как стяг над рекою,
ты в веках прошумел. В черных грозах годов
ты мне снился, я грезил тобою.

Когда шли мы и сталь грохотала в лицо,
шалый ветер трепал нам шинели,
там, далёко, мне снились над синим Донцом
и каштаны твои и панели.

В бой ходил за тебя и, тебя защитив,
вспоминал в миллионном потоке,
как шагал я просторами огненных нив,
смуглый воин, певец кареокий.

Город славы и гроз, что прошли без следа,
только эхо над степью звенящей.
И, завесу из мглы разорвав навсегда,
ты — как поезд, в Коммуну летящий.

Львову подал ты руку, а Львов — Черновцам,
голос твой долетел до Дуная,
голос сильный и свежий, подобный громам,
что приносит весна, наступаая.

В мерном гуле гудков и железных коней,
в легкой вязи мостов над рекою
ты сияешь, и солнечной песни твоей
не прервать бомбовозов грозою.

Глянешь ночью с горы на просторы земли —
на Подоле огни, словно море,
переливно цветут, звон железа вдали,
будто в небе горит яснозорье.

Над озерами, рощами в утренний час
перекличка идет трудовая.
Как Добрыня, Стаханов прославил сейчас
нашу землю от края до края.

Пусть гремит мой восторженный стих про него,
пусть поется по всей Украине,
называем мы именем славным его
всех, кто доблестно трудится, ныне.

Пролетели года, отзвучал навсегда
звон Софии и Лавры над нами.
И над миром взошла нашей славы звезда,
как любви негасимое знамя.

Мир у нас, а вблизи, за кордоном, война
расползается, тишь раздирая.

Только к миру и счастью дорога одна —
то дорога родимого края.

Та, что Киев вперед сквозь грозу позвала,
наш зеленый, пурпуровый, ясный,
та дорога, которой любовь нас вела.
Что сильнее любви и прекрасней?

Пролетают машины в лазурном окне,
с песней движутся войны строем.
Север, Запад и Юг — мир в любой стороне,
и Восток наш оваян покоем.

Наших крыл золотых всё огромней размах,
слышат реки, вершины, дубровы
на колхозных полях и в больших городах
перекличку труда молодого.

Киев отчий шумит, и сирена звучит,
поднимает свой голос в просторы.
На вокзале гудки, чуешь, поезд гремит —
то в Москву отправляется скорый.

Киев, Киев, ты в песне, ты в сердце моем,
и оно воспевать тебя радо:
твой асфальт, озаренный вечерним огнем,
и ЦК на горе колоннады,

говор парков твоих, и Крещатик, и всё,
чем так сердце полно и богато,
что его к новым песням на крыльях несет,
воды тихие, зори, закаты.

Розовеет окно в этот утренний час,
пламенеет, сверкает лучами.
Октября годовщину — наш праздник не раз
мы с тобою, мой Киев, встречали.

Вдоль трибун проходя, любовались огнем
алых флагов — калиною красной —
и улыбками детскими праздничным днем
мы пленялись с тобой не напрасно.

Как привет — громовое навстречу «Ура!»
Прошагают сейчас батальоны,
всколыхнутся от поступи воды Днепра,
дрогают горы, и пашни, и склоны.

Не страшны нам угрозы студеной зимы,
вешних сил у страны изобилье.
Славься, Киев, а слава твоя — это мы,
это Родины, Партии крылья.

1940, 1962

470. БЕССМЕРТНЫЕ

*Краснодонским
молодогвардейцам
посвящаю*

1

Бессмертьем венчает Отчизна
погибших за правду в бою.
Вы отдали юные жизни
за землю родную свою.
Вы верили в правое дело,
не выдали верных друзей,
в молчании, гордо и смело
глядели в глаза палачей.
Путями вы шли огневыми,
бесстрашно чеканя шаги.
Вас бросили в шахту живыми
в шинелях зеленых враги.
Но вы исполинами встали,
овеяны стягом святым,
и лютую смерть вы попрали
бессмертным геройством своим.
Врагам отомстим ненавистным
за вас, как за братьев родных!
Вовек не забудет Отчизна
гвардейцев своих молодых.
Давно не звенят уже пули...
Ты с нами, Олег Кошевой.
Мы видим, как с Громовой Улей
идешь ты поселком, живой!
И зори грядущего снова
вам светят и к счастью зовут.
Земнухов, Тюленин, Шевцова
живые за вами идут.

Недаром в те грозные годы
вы партии нашей клялись,
недаром под стягом свободы
на битву с врагом поднялись.

2

Канонада вдали отгремела,
и замолкли в садах соловьи.
Смерть врывалась в дома озверело,
злобно жертвы хватала свои.
Налетала, стреляла, душила,
расправлялась штыком и огнем,
всё сметала, давила, крушила
на пути беспощадном своем.
Никого эта смерть не щадила —
ни младенцев, ни старцев седых. . .
Но росла уже тайная сила
в краснодонских проулках глухих.
В звездном небе задумалась Вега,
в тихом домике — призрачный свет. . .
Здесь сошлись по призыву Олега
побратимы его — на совет.
Все сошлись — пареньки и девчата;
в эти грозные тяжкие дни,
боевые Отчизны орлята,
смерти вызов послали они.
Вот сидят они молча, сурово.
Полночь, звезды горят в небесах.
Тишина. . . И слова Кошевого
будят гнев в их горячих сердцах.
«Друзья! С фашистскою ордою
бороться будем день за днем!
Мы «Гвардиею Молодою»
кружок свой тайный назовем.
Опасный путь пройдем бесстрашно.
Пусть даже в свой последний час
святой, великой тайны нашей
никто не выдаст, не продаст!
А кто из нас ее забудет,
переметнется в стан иуд, —
пускай предателя осудит
товарищей суровый суд!
Ничто клейма с него не снимет,
его родных бесчестье ждет,

земля отступника не примет,
навек Отчизна проклянет.
Клянитесь все! Пора настала
себя отдать борьбе с врагом!»
— «Клянемся! . . .» — тихо прозвучало,
отозвалось в сердцах, как гром.
«Клянусь, что в страшную годину
за волю жизнь свою отдам.
Сын комсомола Украины,
его нигде я не предам.
Пусть вражьи полчища несметны, —
отважно против них пойду, —
как шли в боях за власть Советов
отцы в семнадцатом году.
Клянусь быть сыном их достойным
и, как они, не отступать,
чтоб жизнью мирной и спокойной
народ советский жил опять.
Чтоб отплатить за дни неволи,
быть духом тверже, чем гранит,
клянусь, творить я буду волю
того, кто мной руководит.
Врагу-убийце нет прощенья,
жестоко мстить ему клянусь!
Когда ж забуду долг священный,
нарушу клятву и сломлюсь, —
пусть станет имя ненавистно
предателя в родном краю
и проклянет навек Отчизна
меня и всю мою семью!»

8

Как звон торжественный металла,
в тревожном сумраке ночном
сурово клятва прозвучала
и поплыла в века, как гром.
Во взгляде твердом нет опаски,
их не страшили кровь и мгла,
Как будто рыцари из сказки,
они сидели у стола.
Лицо у каждого сияло,
а речь — спокойна и кратка. . .
На подвиг их благословляла
родная партии рука.

Для бурь рожденные, сердцами
в одном порыве вы слились...
И стены горницы над вами,
как крылья легкие, взвились...
И вы увидели: с востока,
сквозь непогоды злую ночь,
спешат свои... огнем жестоким
они фашистов гонят прочь.
Кругом, от края и до края,
идут полки, и сквозь туман
багряно степи заливают
знамен шумящий океан.
И уступает ночь дорогу
прибою грозному штыков.
Идут вам братья на подмогу,
по трупам попранных врагов.
Всё громче, громче боя звуки
свободы возвещают час.
И вот уже родные руки,
как братьев, обнимают вас,
вас, непокорных, чистых, юных,
прошедших тяжкие бои,
и беззаветно за Коммуну
сложивших головы свои,
и тех, кто в огненные ночи
врагом был смерти обречен,
кто снова свет узрел воочью,
бойцами красными спасен.
Мы — вы... Вы — вечного народа
частицы... В испытанья час
сквозь расстояния и годы
ваш голос долетел до нас.
Над миром ваши силуэты
рисует в звездах синева.
Вы нашей памятью согреты,
в нас ваша молодость жива.
Олег! В Кремле, под грохот боя,
под гул приветствий и речей,
уже тогда звезду Героя
вручили матери твоей.
Твою звезду... И слез тут мало,
что льются из моих очей.
Звезда, как сына взор, сияла
печальной матери твоей.
Звезда в сердцах людей, как пламя,

ее неугасимый свет
над теми, кто навечно с нами,
кого давно на свете нет.
Я вижу вас... Порою грозной
своей Отчизне вы клялись,
и очи ваши, словно звезды,
с огнями вечными слились.
Как будто гомон половодья
в притихшей горнице звучал...
И вот Осьмухин встал Володя
и звонким голосом сказал:
«В годину горя, в море крови
выходим мы на правый бой.
Но я не буду многословен,
скажу, как воин рядовой.
От сердца будет это слово:
чтоб настоящей силой стать,
я предлагаю Кошевого
руководителем избрать».
— «И я! И мы!» — звенит волною,
и словно в горницу вошла
весна и легкою рукою
по струнам звучным провела.
«Веди, Олег, нас! Пусть огнисто
сияют зори нам в пути,
чтоб ни единому фашисту
от нашей мести не уйти!
Веди бесстрашно в бой суровый,
мы верим, как один, тебе.
Мы жизнь свою отдать готовы
за волю в праведной борьбе!
На смертный бой, — все закричали, —
Отчизна нас благословит!»
И вдруг к приемнику припали...
«Москва, ребята, говорит!» —
воскликнула с волнением Уля,
и радость плещет, как река.
И силу им в сердца вдохнули
слова Москвы издадека.
И «смерть немецким оккупантам!»
пророчит голос. Грозен он.
И черным гитлеровским бандам
конец бесславный предрешен.
Замолк приемник... У Олега
в глазах улыбка расцвела.

А за окном светилась Вега
и мать собранье стерегла.
Олега мать... А ночь пылает,
льют палачи невинных кровь...
Но не страшится, вражьей стаи,
вас материнская любовь!
Созвездья в небесах сияли,
и отползали тени прочь...
А мать на страже в темной шали
стояла, вглядываясь в ночь.
И тишина вокруг такая,
как будто никого в живых.
Лишь морок черный рассекают
свистки немецких часовых.

4

Тот, кто смел, опасность презирая,
все преграды приступом берет!..
Кто листовки, в форме полиция,
раздает шахтерам у ворот?
Он идет, уста сомкнув сурово,
злой погон врзается в плечо.
Только бьется сердце Кошевого
под чужим мундиром горячо.
Он шагает, осиянный солнцем,
сеет вести добрые кругом.
Узнают те вести краснодонцы,
сидя у приемников тайком;
и, хоть сразу не было сноровки,
комсомольцы в сумраке ночей
до утра печатают листовки
в тайной типографии своей.
Всполошились немцы в Краснодаре:
утром в день Седьмого ноября
в синем небе красные знамена
разгорелись ярко, как заря.
В знак того, что грозною стеною
близятся советские войска,
флаг над школой юноши рукою
водрузила партии рука.
И над садом флаги пламенели,
их Отчизна к звездам вознесла...
У шахтеров лица посветлели,
радость в каждом сердце расцвела.

И быстрей по жилам кровь струится,
и душа становится как сад,
детвора украдкой веселится,
и с надеждой матери глядят.
«Это наш Олег!» — рокочат дали.
«Это наш Олег!» — шумят поля.
«Наш Олег!» — грохочет в звоне стали.
«Наш Олег!» — ликует вся земля.
Да, Олег, и Громова Ульяна,
И Земнухов, и Тюленин с ним.
Это вся земля, в огне и ранах,
за свободу благодарна им.
Мечь и смерть фашистскому отродью!
Нет у вас пощады, палачи!
... На лице Осьмухина Володи
засияли вечности лучи.
За дымы пожаров, кровь и слезы,
мы за всё отплатим палачам!
Молодежь немецкие обозы
отбивает смело по ночам.
Пробирает страх фашистских гадов,
мстители народные встают,
часовых «снимают» возле складов
и муку голодным раздают.
«Это он!» — молву разносит ветер,
«Это он!» — шумит простор полей.
«Наш Олег!» — любовно шепчут дети
и сухие губы матерей.
«Близко наши... Бьют фашистов клятых!
В панике беснуются враги.
Гонят их советские солдаты,
слышны Красной Армии шаги!
К нам идет победа неуклонно,
сгинет время смерти и разрух».
Юные герои Краснодона
поднимают мучеников дух.
Вещей правдой те слова звучали,
звали к мести каждого борца,
и людей листовки согревали,
наполняли мужеством сердца.
Слыша гневом дышащие речи,
что подобны силе бурных рек,
расправляли труженики плечи
и шептали: «Это наш Олег!...»
«Наш Олег!» — гремела даль громами,

«Наш Олег!» — ей вторили ручьи,
вешними повеяло ветрами. . .
Это он, Олег, друзья мои!
Он идет. . . А даль в крови клокочет,
тучей скрыта неба синева.
Полнят гневом краснодонцам очи
из листовок жаркие слова:
«Враг бежит, оружие бросаю,
не давайте роздыха ему!
Не страшитесь, люди, вражьей стаи,
не коритесь гнусному ярму!
Прячьте от захватчиков бесстыжих
всё добро! Чините вред врагам! . . .»
«Как я их, проклятых, ненавижу!» —
шепчет он. . . А вслед — разгульный гам,
смех и ругань пьяных чужеземцев. . .
Но к высотам ясным пронесет
он отвагу пламенного сердца,
чистоту, что дал ему народ.
Пронесет он душу комсомольца
сквозь расстрелы и сквозь смертный бой,
орлим взором глянет в очи солнца. . .
И Отчизна скажет: «Ты — герой!»
Он идет вперед, неустрашимый,
а кругом — в крови родной Донбасс.
Ты герой для нас, Олег любимый,
и для тех, кто будет после нас.

5

Всё громче пушки громяхают:
«Мы к вам идем, мы к вам идем!»
И каждый юноша мечтает
с Олегом рядом встать бойцом,
чтоб по ночам «снимать» охрану
с постов врага сторожевых,
чтоб сад расцвел благоуханный
и туч не стало грозových;
чтобы путем крутым, опасным
идти вперед, в лучах Москвы,
и чтоб промолвить братьям красным:
«Мы тоже воины, как вы!
Мосты и склады мы взрывали,
шли к цели сквозь огонь и дым,
мы вам сражаться помогали!»

— «Спасибо!» — скажут братья им,
с любовью, радостно обнимут,
и зазвонит фанфар металл,
бойцы стальные шлемы снимут
перед героизмом тех, кто пал.
Всё дальше будут боя звуки,
уйдет пред солнцем темнота.
Живым пожмут солдаты руки
и поцелуют их в уста.
Знамена алые взвьются
и засверкает сталь штыков,
теснее войны сомкнутся
и разом грянут на врагов.
Так юность по ночам мечтала...
А землю словно била дрожь,
пожаром небо полыхало,
и шла к Олегу молодежь.
И крепла сила комсомольцев,
за что сражаться — каждый знал.
Оружье юным краснодонцам
Туркенич Ваня раздавал.
Они гордились краем милым,
своим Донбассом трудовым.
Пархоменко и Ворошилов
примером в жизни были им,
словно присутствуя незримо
среди героев молодых.
Олег рассказывал про Клима,
про славу давних лет былых,
как шел народ на белых гадов
и степь горела на ветру,
как Ворошилова отряды
нещадно били немчуру,
несли свободу Украине
(их колыбелью был Донбасс!),
давно Пархоменко загинул,
но жив он в памяти у нас.
«Донбасс!.. Мы все готовы к бою, —
сказал Олег, сказали все, —
за наше небо голубое,
за розы в утренней росе,
за птиц, поющих на рябине,
за шахты, села, города,
чтоб наша Родина отныне
войны не знала никогда.

Чтоб снова золотились нивы
и счастьем каждый день дышал,
чтоб нам в победы день счастливый
«спасибо!» край родной сказал».
Кто биржу сжег в ночи бессонной,
спас из концлагеря друзей?
«Они, герои Краснодона», —
шумели ветви тополей.
Кто из фашистского полона
к свободе братьям путь открыл?
«Они, герои Краснодона», —
гул над широкой степью плыл.
А кто немецкую колонну
разнес, ее ломая строй?
«Они, герои Краснодона,
ребята хватки боевой».
Борцы поры урочной ждали,
чтоб на фашистский гарнизон
напасть... Но яд таился в жале
измены... Тьма со всех сторон
борцам кричала: «Вас живыми
на муки схватят палачи!»
И вербы горестно над ними
шумели кронами в ночи.
И, словно плача, к ним склонялись,
тревогой полнясь, небеса,
как будто защитить пытались...
Но смерть глядела им в глаза.
Бежать, скрываться было поздно...
Замкнулось западни кольцо.
От гибели, нависшей грозно,
спаслись лишь семеро борцов...
Лишь семь средь нас... А остальные
(не меньше ста ведь было их!)
в подвалы брошены глухие...
И патриотов молодых
овеял стяг бессмертной славы,
сердцам их был неведом страх...
Олега мать во мгле кровавой
стоит, на черный глядя шлях...
Не возвратился сын с рассветом
и не припал устало к ней...
Я в образе печальном этом
скорбящих вижу матерей,

чьи сыновья в сраженьях пали
за отчий край в года войны.
«Олег мой!» — шепчет мать в печали.
Рыдает лес: «Мои сыны! . . .»
«Мои сыны, мои девчата,
вам жить и жить бы, молодым!» —
так шепчет, жалостью объята,
родная мать-Отчизна им.
И этот шепот бьется в стены
тюрьмы, где смерти ждут они. . .
Но не тоска, не страх презренный,
во взоре — мужества огни.
Стук в стены связью стал единой,
роднил их думы и сердца. . .
Сквозь прутья — небо Украины
и звезды, звезды без конца
глядят на лютые их муки,
благословляя молча их,
а в стены — стуки, стуки, стуки,
и кровь, как гнев, клокочет в них.
В полночный час, забыв о ранах,
стучит им Громова Ульяна:
«Я не сдаюсь! Он здесь, он с нами,
бессмертный Ленин! Пусть в огне
сгорю дотла, пускай ножами
палач изрежет тело мне, —
я не сломясь! И вы крепитесь!
Священной клятвою борца
мы все клялись. . . Друзья, держитесь,
бесстрашны будем до конца!»
И стук Осьмухина все слышат,
что мужеством и верой дышит:
«Друзья, в борьбе со смертью злою
все силы надо нам напрячь.
Стучу я вам одной рукою,
другую — отрубил палач. . .
Но тверд я! Пусть пытаются снова, —
не ослабею ни на миг.
Я выстою, друзья, — ни слова
не вырвет враг из уст моих!
Достоинно вынесем все бури,
не нам страшиться лютых мук! . . .»
Сквозь стены Бондарева Шура
ему ответила на стук:

«И я тверда! Пускай штыками
насквозь исколют грудь мою, —
товарищи, я рядом с вами,
в лицо фашистам я плюю!
Пусть непрестанно стук наш длится,
родные облетит поля
и пусть от стен тюрьмы домчится
до башен звездного Кремля! . . .»
И снятся им леса, долины,
грохочет в небе майский гром,
свободно дышит Украина,
сады цветут в краю родном. . .
Девчата с песнею веселой
идут по берегу Днепра,
сияет ясный день. И в школу
бежит гурьбою детвора,
и самолет под облаками
в спокойной реет вышине. . .
Как сердцу рассказать словами
о вольном и счастливом дне? . . .
Всё это снится им. . . Но топот
раздастся вновь в глухой ночи,
на пытки, под звериный хохот,
опять возьмут их палачи.
Безжалостна, неотвратима,
идет к ним смерть порою ночной,
но воля их несокрушима,
как ты, мой отчий край родной!
И день минул, и ночь настала,
звенят тюремные ключи,
и входят к узникам в подвалы
с душою черной палачи.
Лютуют гитлеровцы снова,
на юности срывая злость.
Но вырвать извергам ни слова
из уст борцов не удалось.
Усталость палачей шатала. . .
И смерть в тех камерах глухих
невинных кровью написала:
«Живыми в шахту бросить их!»
Плывут часы тоски бездонной,
воспоминаний, тяжких мук,
и снова слышен в час бессонный
сквозь камень стен — последний стук.
И словно вновь сияет солнце:

чтоб духом каждый не ослаб,
приказ последний комсомольцам
передает гвардейцев штаб.
И, как из вечности тумана,
сквозь стены стук им в сердце бьет, —
приказ тот Громова Ульяна
товарищам передает:
«Друзья! Казнят нас на рассвете,
Пока сердца в груди стучат,
мы все пойдем навстречу смерти
с любимой песней Ильича.
И пусть она, как знамя рея,
над миром гневно прозвучит.
Пойдем на смерть отважно с нею,
и нас ничто не устршит!»

6

И наступило утро это...
Ждет казнь героев молодых.
Сквозь тьму прорвется луч рассвета
и осенит бессмертьем их.
Но до конца изведать муки
им суждено... Никто не спит...
И в каске смерть к ним тянет руки,
прикладом в камеры стучит.
Они встают. От ран, от боли
качает их, как тополя...
На смерть идут они за волю,
и вслед рыдает вся земля.
Сердца стучат, неразделимы,
а где-то зелень, трав моря...
Гори, заря, неугасимо,
прощай, последняя заря!
Их повезли... И след кровавый
тянулся по земле сырой.
Вставало солнце величаво
над полем в дымке золотой.
Они — как вешний цвет под солнцем,
отвагой очи их горят.
В толпе печальной краснодонцы
глядели на своих орлят.
А вербы опускали ветви,
клонясь к последним их следам,

и плакали в молчанье дети,
прижавшись к бледным матерям.
И гнев к фашистам ненавистным
сердца людей сжигал огнем. . .
«Прощай, наш край, прощай, Отчизна,
без страха мы на смерть идем. . .» —
орлята шепчут далам ясным.
Всё ближе, ближе смертный час. . .
Под солнцем, что для них погаснет,
они идут в последний раз.

Запели, шатаясь от боли,
запели, хоть не было сил:
«Замучен тяжелой неволей,
ты голову честно сложил. . .»

На горе врагам оробелым
всё ширится, гордо звуча,
наполнена скорбью и гневом,
любимая песнь Ильича.

Взлетает она в поднебесье,
над шахтами, крышами хат.
Всё громче в ответ этой песне
орудия наши гремят.

Будь славен навеки меж нами,
кто в битве погиб за народ!

Сливается песня с громами —
с громами расплат и свобод.

Советских орудий раскаты —
как будто прощальный салют,
Эсэсовцы, дрожью объята,
на казнь комсомольцев ведут.

А песня звучит, не стихая,
мятежно звенят голоса.

А шурф, пустотою зияя,
глядит в молодые глаза.

Как море без дна и без брода,
глубок он и черен, как страх.

Но глубже к родному народу
любовь в их горячих сердцах.
Их в шахту бросают живыми,
уже не спастись никому.

Но смело, глазами сухими
глядят они в черную тьму.

И те, с легендарной судьбою,
что в памяти нашей живут, —

герои Триполья с любовью
им руки свои подают.
Затихли шаги обреченных. . .
Их нет. . . Но в крылатую высь
из шахты глубокой и черной,
как знамя, они поднялись.
Пылает, весь мир озаряя,
их славы немеркнувший свет.
Орудия, твердь сотрясая,
земной им послали привет.
Доныне привет тот грохочет,
и будет греметь он в веках.
Горят их угасшие очи
в суровых солдатских очах —
у воинов правды и мщенья. . .
Кошмарный закончился сон. . .
Ты снова весенним цветеньем
свободный шумишь, Краснодон!
Ты светел и радостен снова
под сенью небес голубых.
И вновь загорелись пунцово
знамена на башнях твоих.
Знамена под солнца лучами,
развеяв туман, расцвели.
На башни Олега руками
бойцы их в лазурь вознесли.
Они пламенеют над нами
под щебет веселый ребят
и словно Олега устами,
шумя на ветру, говорят:
«Отчизна! Развеялись тучи,
цветешь ты калиною вновь.
За путь твой счастливый грядущий
не зря была пролита кровь!»

эпилог ¹

Страда военная прошла,
но в памяти сурово
храним мы славные дела
Олега Кошевого.
Поплыл от залпа сизый дым,
и пал он, бездыханный,

¹ Перевод Н. Ушакова. — Ред.

Отчизны именем святым,
как солнцем, осиянный.
О, стежки, где его шаги
звучали не однажды,
там в шахту бросили враги
его друзей отважных!
Там новостроек гул сейчас, —
минула бед година,
встает из пепла наш Донбасс,
родная Украина.
Гудки рассветные поют,
и в мирном звоне стали
Олег живет, и те живут,
что в грозных битвах пали.
Олег! Ты честно в тяжкий бой
шел против тьмы кровавой.
Тебя за светлый подвиг твой
народ венчает славой,
и тех, кого ты в бурю вел,
с кем смертную пил чашу. . .
В делах и песнях комсомол
прославит юность вашу!
Заря над домнами ясна,
плывут дымы заводов. . .
Бессмертны ваши имена
в деяниях народа.

Между 1943 и 1947

471. РЯДОМ С ШАХТОЮ СТАРОЙ

Рядом с шахтою старой, где мальчишками мы
антрацит собирали, чтоб спастись от зимы,
над донецкою степью тучи низко стеля,
гром ударил, и страшно застонала земля.

Там, где старую шахтой загорожена высь,
на смертельную схватку два отряда сошлись...
Шел один за Петлюрой; был с народом — другой,
палачам нес расплату, шел на праведный бой.

Сшиблись нечисть воробья и орлиная честь,
сабли перехлестнулись, чтобы кровью расцвести.
Под копытами вяло зашумела трава,
и на землю упала не одна голова...

Голубой пеленою плыл туман от реки.
Рядом с шахтою старой отсверкали клинки.
Солнцем вспыхнули дали, ночь минула, как сон,
и ушли, словно тени, палачи за кордон.

Их чужбина-судьбина, как золу, размела.
Рядом с шахтою старой жизнь, как сад, расцвела
и сияет весною переливами рос
там, где уголь когда-то собирать нам пришлось...

1

День расцвел за горою,
словно солнечный сад.
Мимо шахты гурьбою
хлопцы в школу спешат.

А меж ними дивчина,
синеока, ясна, —
луговая калина,
золотая весна.

Солнце осени хлынет —
свет меж тучами яр.
Шлет улыбку дивчине
кареглазый школяр.

Свежесть майских соцветий
в юном блеске очей. . .
Одноклассники, дети,
гордость школы своей.

Ветер хлещет с налета,
ветки голые гнет.
Жизни школьной всего-то
остается лишь год.

По-ребячьи невинно
смотрит в небо Донбасс.
И приходит Галина
в сны Степана не раз.

Сколько их, чистокрылых!
Соловьиная ночь. . .
И признаться не в силах,
И таиться невмочь.

Словно золото — косы,
губы — звездная кровь. . .
В эту юную осень
как сказать про любовь?

Явь ли, сон ли в потемках?
Шум угрюмых дождей,
в глинобитных хатенках
плач голодных детей.

И отцовский осенний
пьяный кашель в ночи.
Только жар сновидений
на холодной печи.

Хата как домовина —
и бедна, и темна. . .
В сновиденьях — Галина.
Неотступно — она.

День расцвел за горою,
словно солнечный сад.
Мимо шахты гурьбою
хлопцы в школу спешат.

И не знает покоя
листьев желтый пожар.
Мимо шахты тропею
вдаль шагает школяр.

А в мечтах его — косы,
губы — ягоды кровь. . .
В эту юную осень
как сказать про любовь?

2

Над Донцом шумит осока,
ежевикой день пропах.
Свежесть ягодного сока
у Степана на губах.

Плотный гриб в лесочке срежет,
целый день бродить готов
под завода лязг и скрежет,
под стальной напев гудков.

Что там рощица бормочет,
чистым солнцем просветлясь? . .
А в глазах — Галины очи,
школа, парты, светлый класс.

Только лето это — снится,
недоступно далека
золотая ученица,
дочь соседа-кулака.

Туч насупленные брови. . .
Хлопец высмотрел глаза!

Но не знать ему любви
дочки сельского туза.

Всё пройдет, дождем прольется,
отшумит души гроза.
Что ж так сердце тяжело бьется
и в глазах блестит слеза?

Никогда не прикоснутся
пальцы к золоту волос.
После школы разойдутся
тропы врозь и судьбы — врозь.

Синий взор засветит строго
на прощанье, без забот.
Ей — в гимназию дорога.
А Степану — на завод.

Перемена, — смех, в азарте
школа ходит ходуном! . .
Имя девичье на парте
парень вырезал ножом.

8

Уже, закован льдом тяжелым,
Донец заснеженный блестит. . .
Прошла зима, и в окна школы
весна приветливо глядит.

А там — сады кипеньем цвета
укрыты щедро по весне. . .
А там уже — всплывает лето
на малахитовом челне.

Приходит зреть расставанья
навек со школою родной.
И с ней последнего прощанья
ждет наш Степан в тоске немой.

Забвенья, славы ли дорога
ждет паренька в родной стране?
Словам прощальным педагога
он внемлет молча, как во сне.

Минуты шли чредою длинной,
как над покосами туман. . .
И счастьем светится Галина,
и горько хмурится Степан.

А за окном — как будто плахта,
синее поднебесный край.
Теперь — завод, а может, шахта?
Чего там, парень, — выбирай!

4

Война! . . Тревога сердце студит,
и взгляд во мглу дорог шагнул. . .
Степан вовек не позабудет
манifestаций грозный гул,

когда кругом гремели песни,
когда чадил молебнов зов
и погребально в поднебесье
плыл перезвон колоколов.

И эшелоны, словно тени,
неслись в чужую сторону. . .
Они под ветра плач осенний
отца забрали на войну.

Как миллионы, оказался
жестоко ввергнутым в бой. . .
И за него один остался
Степан — надеждою семьи.

Ему не слушать невозбранно
веселый шум донецких вод:
подручным к слесарю Степана
определили на завод.

Ему теперь не часто лесом
бродить вдоль замерших озер, —
пора не с книгой, а с железом
вести серьезный разговор.

Шумит завод тысячелицый.
Степан мужает у станка.
И, неуклонная, струится
жизнь от гудка и до гудка.

Пришла пора иным знакомым —
сердца работой скреплены. . .
А где-то там, за окоемом,
горит земля в чаду войны.

Везде стопа войны стальная.
И с каждым днем печальней мать,
отцовских писем ожидая, —
пора бы, мог и написать. . .

Как там ему, где жарче горна
металлом брызжет динамит? . .
А вскоре страшной вестью черной
беда обрушилась: убит.

О, как пытались боль утраты
слезами выплеснуть до дна!
О, сколько раз тогда была ты
проклятью предана, война!

Глаза — как будто в едком дыме,
тугая боль сжимает грудь,
но из могилы никакими
отца слезами не вернуть.

Детей не сможет, как бывало,
обнять, пить воду из Донца. . .
Таких, как он, уже немало —
испивших муку до конца.

А смерть всё новой дани просит
в громах ударов огневых,
как будто рожь косою, косит
народ в шинелях полевых.

А дни плывут, как дым завода,
и нет конца войны громам.
И всё труднее жить народу,
и всё вольготней — богачам.

Рукам трудящихся — оковы.
Глазам бессонным — смерти ночь. . .
Ужель войне кипеть багрово,
ужель беды не превозмочь? . .

Клин журавлиный в небе открывал,
уже зима глаза пургой колола. . .
Семнадцатого года мощный вал
сломал подпорки царского престола.

Полиция в своих мундирах черных
в его обломках сгнула как дым.
Но так же мчались пушки на платформах
к передовой под небом громовым.

Ну как спастись от этого кошмара,
когда живым — встать на место тех,
кто падал в страшном пламени пожара,
чтоб торгаши жирели без помех?

Неужто мрак почной сгустится снова?!
На митинге, сквозь неумолчный крик,
негромкое пришло к Степану слово,
великое по сути — «большевик». . .

О том, что путь не розами украшен,
что к счастью не добаться налегке,
что только труд — владыка руд и пашен,
он в большевистском услышал кружке.

Товарищ Френкель! . . Не забыть худого
очкастого студента, дотемна
учившего, что нужно рвать оковы,
когда единством воля масс прочна.

Слова сияли яро, как знамена
непозабываемых стачек боевых. . .
«Рабочим нужно действовать сплоченно,
тогда никто не одолеет их!»

Он говорил, что, кровью багровея,
всё льется слез народных океан:
«Рабочим безразлично, кто на шее, —
будь то немецкий или русский пан.

И тот и этот под завесой дыма
набил мощну огромную свою.
Одно лишь нам сейчас необходимо —
в свободы царство путь пробить в бою».

«Вот — цель! Ее лучами осиянный,
я твой навек, родной народ-титан!..»
И — крылья появились у Степана.
И — жизнь постиг по-новому Степан.

6

Та осень нам светло милела,
когда, пронзая даль до дна,
на крыльях Октября летела
свободы солнечной весна!

Лучами солнечного зова
сияла даль, ясней слезы. . .
И целовал Степан седого
шахтера в добрые усы.

Знамена, песни да объятья. . .
И сердцу дышится вольней.
И люди радостно, как братья,
шагали в даль цветущих дней.

Те дни забудутся едва ли.
Чтоб солнца пламень не погас,
его от бурь оберегали
и вся Отчизна, и Донбасс.

Всё казалось весною. . .
Новой силою крепки,
мимо шахты гурьбою
шли и шли горняки.

Пролетарская вахта,
многолюдный прибой.
Даже старая шахта
стала вновь молодой.

Руки в небо упруго
люди рабочий простер.
Обнимали друг друга
сталевар и шахтер.

Им, новейшим титанам,
тополя бьют челом. . .

И под стягом багряным
город в смычке с селом.

Вешним садом волнуясь
в свежей утренней мгле,
расцвела наша юность
на донецкой земле.

7

Навек исчез кошмарный мрак,
сияет солнечно судьба:
работай на себя, батрак,
трудись, рабочий, для себя!

Донецких вод блестит хрусталь,
росою светятся пути.
Звенит о наковальню сталь,
как сердце юное — в груди.

О, сколько в осени весны
Октябрьских памятных высот!
Не ведай, молот, тишины!
Народ грядущее кует.

Но небо ясное опять
заволокла завеса тьмы —
мечтает враг у нас отнять
всё, что в борьбе добыли мы.

Опять сгустились тучи злобы,
разбили взрывы тишину,
и самостийные холопы
германцу продали страну.

Кровь, как вода, струилась ало.
Изнемогая от оков,
душа народа проклинала
Петлюру, гетмана, панов.

Росли могилы, пули пели,
беда затмила белый свет:
враги патронов не жалели
для тех, кто юн, и тех, кто сед.

Но заковать народ крылатый
не в силах даже сталь штыков.
Бросала извергов расплата
в слепую тьму ночных шурфов.

«Вставай на бой, святой, желанный,
люди обездоленных земель!»
В засаде пуля партизана
свою отыскивала цель.

В ночи — то огненной, то синей —
орудья близкие слышны...
На помощь братской Украине
спешили русские сыны.

Посланцы Ленина! В ответе
за жизнь Отечества сполна...
Боженко, Щорс, Котовский — эти
легендой дышат имена.

Их всех, в любом живя былинно,
как солнце — в пламени луча,
объединило воедино
родное имя Ильича.

Казалось, даже поднебесье —
и то огнями расцвело,
когда вошли с веселой пссней
освободители в село.

Но всё еще гроза пылала,
кипел народный океан...
Чтоб счастья каждому хватало,
ушел на битву и Степан.

8

Давно погасла красная калина,
укрыто снежной скатертью жнивье.
Давно ушла к петлюровцам Галина,
сам атаман — возлюбленный ее.

И цель ее чудовищная — кровью
залить восставший трудовой Донбасс.

Она своею собственной рукою
расстреливала пленников не раз.

Держалась, как могла, за Украину
помещиков, попов и кулаков,
за каждую отцову десятину,
удобренную потом батраков.

Петлюровские пушки наготове.
Галины сердце жаром обожгло:
ее отряд вот-вот затопит кровью
знакомое притихшее село.

Ударил залп, и эхом — крики: «Слава!» —
как будто небо вспорото клинком...
Но красная отчаянная лава
петлюровцам ответила огнем.

У старой шахты — сталь на сталь — столкнулись,
С буденовками встретились шлыки.
И вот уже хмельные пошатнулись
и наутек пустились казаки!

Их долго гнали... Очередью длинной
и пуль горячих и ядерных фраз...
И, раненая, в плен взята Галина.
«Доставить в штаб!» — Степану дан приказ.

Бой затих за горою.
Путь заснеженный крут,
По тропиночке двое
мимо шахты идут.

То — мелькнут за туманом,
то — окутаны мглой...
Тот, что сзади, — с наганом.
Без оружия — другой.

Это девушка. Косы
разметала в слезах.
Только ветром разносит
плач в холодных полях.

Над морозной равниной
колебался туман.
Возле шахты пустынной
думу думал Степан.

Уговоры и слезы
сердце юное рвут...
Снеговые заносы.
Ветра тягостный гуд.

Что ответить Галине?
Сердце любит, не лжет, —
очи, полные сини,
но сильнее — народ.

«Ты не сын Украины!..» —
закричала ему
и рванулась Галина
тенью черной во тьму.

«Стой!» — и вспышкой летучей
выстрел сумрак пронзил...
Над Галиною тучи
небосвод наклонил...

За горою, разбитый,
удирал атаман...
Возле шахты забытой —
ветер, снег и Степан...

И Степан, и Галина —
синеока змея.
«Пусть живет Украина
трудова моя!»

9

Тогда Отчизна вражью рать крушила,
шла грозная гражданская война.
Семен Буденный, Климент Ворошилов
свои покрыли славой имена.

Звенят копыта мерзлую землю,
кидают искры огненным снопом.
Кто это в синем шлеме со звездой?
Степан летит на верном вороном.

А рядом с ним, душой сильны, красивы,
товарищи. Испытанный отряд.
Как ратоборцы древние России,
они степями черными летят.

Гремит: «Весь мир насилья мы разрушим!» —
рабочие идут с напевом тем.
Могучи мы содружества оружием —
кто был ничем, тот нынче станет всем.

Спешили дни... Гроза вела Степана
по всем фронтам дорогами побед.
А после — Харьков, мирный, долгожданный,
рабфак и университет.

Не потонул он в огненных бурупах
и выстоял среди тысячи невзгод.
Так партия борцов растила юных,
чтоб жизнь творили, как хотел народ.

Тут не парты, не уроки
и не школьник-мальчуган, —
в зале светлом и широком
слушал лекции Степан.

За конспектом, за докладом
время — птицею летит.
Что за девушка с ним рядом
златокосая сидит?

А в глазах — простор погожий.
То смешлива, то строга...
На Галину непохожа —
только сердцу дорога.

Завораживают очи,
и огонь шумит в крови...

Как Степан признаться хочет
этой девушке в любви!

Ну а вскоре — вечер в клубе,
Шум акаций, кинозал...
И Степан о том, что любит,
наконец-то ей сказал.

10

Сердца, багряно расцветая,
весенней музыки полны.
По улицам под звон трамваев
идут хозяева страны.

Тверда их поступь молодая.
Шумит народный океан,
потоки вешние вбирая...
Со всеми вместе — и Степан.

А рядом с ним... Синеют очи
той, чьи слова живут в груди...
В садах, где майский цвет клокочет,
не разойдутся их пути.

Одна судьба, одна основа,
и на двоих любовь — одна.
Так для Степана Ярового
пришла желанная весна.

11

Родимой Отчизны могучую стать
мы дружно прославим делами.
Степан и Оксана учились, чтоб стать
счастливой судьбы кузнецами.

Учились упорно, мгновенья цenia,
единственной цели во имя:
вложить в основанье грядущего дня
свой камень руками своими.

Едины в заветных мечтах молодых,
встречают рабочее утро.
И Ленин с портрета, прищурясь, на них
глядит по-отечески мудро. . .

Наступит день, когда в предвесье лета
сады осыплют лепестковый снег,
и за дверями университета
начнет дорога жизни свой разбег.
Покличет вдаль дорога ветровая.
И, чистым светом солнечным омыт,
железные ворота открывая,
завод гудком знакомым загудит.

эпилог

И опять за горою
догорает закат.
В луином кружеве двсе
возле шахты стоят.

В полынье небосклона —
старой шахты звезда.
Юный месяц влюбленно
серебрит провода,

над долиной туманной
льет лучи, вознесен,
и Степану с Оксаной
улыбается он.

Да, сквозь грозные ночи
довелось вам пройти.
Ваши ясные очи
нам сияют в пути.

Шли к намеченной цели,
не пугаясь невзгод! . .
В каждом слове и деле
ваша юность живет,

наша юность! Родные
побратимы в трудах!

Наша доля и ныне
молода, молода.

Каждый пройденный шаг твой —
словно целая жизнь!
И над старою шахтой
звезды новых зажглись.

(1957)

472. СЧАСТЬЕ СЕМЬИ ТРУДОВОЙ

XXII съезду КПСС

прелог

Идем вперед, бессмертный Ленин с нами,
его в сердцах несем, как сыновья. . .
Пускай живет в веках и над веками
прославленная партия моя!

Шаг миллионов Землю всю качает, —
мы юным солнцем греем небосвод! . .
И нас гудками дали окликают,
в которые нас партия ведет.

Идем туда по ленинской дороге,
где нам сияют радуги огни. . .
Враги бледнеют в страхе и тревоге —
свою кончину чувствуют они.

Несут в тайгу железный гул заводы,
и славит песня нашу мощь, наш труд.
Куда ни глянь — куют весну народы,
и коммунисты нас вперед ведут.

Та цель совсем близка, мы это знаем,
она теперь уже не за горой. . .
Настанет день, и партия родная
нас позовет на съезд Двадцать второй.

Смотрела полночь в темные оконца,
ползла на нас железная змея. . .
И в партию, чтоб в бой идти за солнце,
шли тысячи таких же, как и я.

Мы верили, что скоро враг отхлынет,
настанет день, когда исчезнет мгла.
И у сердец хранили, как святыни,
билеты, что нам партия дала.

Всё крепили наша сила и бесстрашье,
в грому боев гремел наш шаг побед.
Когда ж летела в сердце пуля вражья,
то пробивала с ним и партбилет.

И расходились и сходились точки —
бойцы в атаку шли за валом вал. . .
И кровью обогранные листочки,
склонясь к погибшим, ветер целовал.

Те дни прошли. . . Под солнцем далее ясных
идет сегодня Родина моя.
Те дни прошли, но в наших днях прекрасных
бойцов погибших не забуду я!

В борьбе мы силы удесятерили,
и на пути, как маяки мечты,
всегда нам съезды партии светили,
чтоб не было вовеки темноты.

Я вспоминаю: в белостенном зале
рабочий меж друзей своих стоял.
Его в ряды партийцев принимали,
и мирный день за окнами сиял.

Чтоб пушки не заговорили снова,
прожектора не рвали небосклон,
в партийные ряды по сердца зову
вступают тысячи таких, как он.

И партия как мать для них отныне.
Она народ наш к счастью привела. . .
Хранятся возле сердца, как святыни,
билеты, что нам партия дала.

И вот встают тела огромных домен,
заводов трубы тянутся в рассвет,
чтоб не пробила в орудийном громе
вновь вражья пуля с сердцем партбилет.

И, чтобы вновь среди огня и дыма
в крови не склеились его листки,
товарищи мои и побратимы
идут к станкам, встают за верстаки.

Растут, растут кварталы неустанно —
за домом дом, как песня про весну.
И руки-рычаги подъемных кранов
возводят стены в неба вышину.

Вон встал квартал так высоко-высоко,
что солнце рядом шлет ему привет.
И там у крановщицы синеокой
лежит на сердце тоже партбилет.

Всё больше нас. И в камне, и в металле
рабочие куют громаду дней.
Они в сраженьях в партию вступали,
теперь в труде они приходят к ней.

Я вспомнил тех, что, в партию вступая,
так говорили под шрапнельный свист:
«Пусть я умру за честь родного края,
но я умру в бою, как коммунист. . .»

И нынче снова: «Я быть честным, чистым
клянусь тебе, рабочая семья.
И жизнь прожить хочу я коммунистом.
Как коммунист, хочу работать я».

Они клянутся так, идя на приступ
грядущего. . . О, блеск его огней! . .
Они клянутся званье коммуниста
нести высоко до последних дней.

Едины и сильны мы чувством этим
и крепнем потому из года в год.
Мы — коммунисты, и за всё в ответе,
ведь наша партия ведет народ.

Лишь для Отчизны хочет сердце биться, —
она дала нам право петь и жить.
И каждый здесь поклялся ей — учиться
и дружбою навеки дорожить.

Молчит тайга, и сосны по колена
стоят в снегу. . . Но, разгоня сон,
с машинами сюда явилась смена,
чтоб воды рек в железный взять полон.

Народ сюда пришел с мечтой своею.
Хоть мерзнет даль и снегом лес оброс,
но партбилет повсюду сердце греет,
и сердцу нипочем любой мороз!

А сколько здесь отважных и крылатых,
тот с партбилетом, этот — без него.
Но все — любимой партии солдаты,
один за всех, и все за одного!

Жизнь праздником и радостным и светлым
встречает всех в моем родном краю. . .
И словом нежным, искренним и щедрым
я воспеваю партию мою.

На клич ее идут ряды героев
со всех концов страны — какая рать! —
чтоб шахты комсомольские построить
и целину извечную поднять.

О партия, неся свободы знамя,
с тобою в Октябре мы вышли в путь,
чтоб многомиллионными руками
нам всю планету к солнцу повернуть.

Давно для сыновей своих любимых
ты мысль и слово Ленина дала.
Туда, где полный мрак в земных глубинах,
ты свет дневной с собою принесла.

Всегда, всегда любовь твоя меж нами —
в степи, в цехах, где нарастает гуд

и где стальными мощными зубами
комбайны уголь день и ночь грызут.

Вот у комбайнера родился сын:
в глазах ребенка взор отцовский тонет.
А за окном синеют терриконы
и яблоня склоняется на тын.

Садится солнце... Начало смеркаться...
Рабочий день кончается для всех.
В шахтерском парке, там, где цвет акаций,
как музыка, звучит девичий смех.

Как молодость на радости богата,
какая путь-дорога ей дана!..
И ходят, ходят хлопцы и девчата,
в глазах и в сердце — радость и весна.

Весь парк заполнен звонким смехом их,
таким, какого краше не бывает!
А музыка стихает, вновь играет,
как кровь играет в жилах молодых.

Я так люблю простор Отчизны милой,
товарищи мои, люблю я вас.
Хочу, чтобы в душе ширококрылой
огонь счастливый никогда не гас.

Так жизнь без края нам открыл в века,
как счастья двери, самый светлый гений...
Страницы книг перевернет рука,
и вот заговорит всем сердцем Ленин.

И всё зовет его орлиный взгляд
туда, туда, где даль не знает ночи...
И вновь в глаза трудящихся глядят
прищуренные, ласковые очи.

О песнь моя, мы на просторы выйдем,
и счастье будет спутником моим...
Как всё звериное мы ненавидим,
всё человеческое мы храним,

Нам не страшны угрозы. Погляди-ка,
как мы идем вперед... Грохочет медь!
Сегодня труд у нас в стране — владыка,
а завтра будет миром всем владеть.

Оно пришло, то счастье молодое,
качает ветер сада белый цвет...
Вот снова Киев говорит с Москвою
и от Днепра шлет братский свой привет.

Дано одно нам небо вечной сини,
и, как друзья, сливаясь в песнь одну,
все ветры Украины и России
поют про вечно юную весну.

Так мы, о сердце, ходим год за годом
по Украине с песней молодой,
чтоб передать любовь к друзьям-народам
поэта песней, скромной и простой.

И каждый ветром коммунизма дышит
всей грудью... Вей же, ветер, песни пой!
И что ни день, то солнце счастья выше
над Украиной милой, дорогой.

Оно в сердцах горит всё краше, краше,
оно, как сад, как белый сад, цветет
по всей земле, по всей Отчизне нашей,
что с гордостью в грядущее идет.

2

Любимая колхозная земля,
я в сердце сохранил твои просторы...
Уже упало солнце на поля,
когда, село оставив, шел я в город!

Как будто проглотила ночи мгла
наш двор и мамины глаза родные...
Но средь бетона, гама и стекла
я не забыл о вас, тыны кривые!

Я с вами горе видел с ранних пор,
там, где текут серебряные реки, —

хоть заменяет вас теперь забор,
но в памяти остались вы навеки.

Гудок! Идут шахтеры. Посмотри,
какие открываются просторы
там, где тропинка светлая зари
бежит в село, что превратилось в город.

Дубы склонились у Донца-реки,
земля усталость с плеч своих стряхнула.
И тракторов уже не слышно гула —
отворковали, словно голубки.

Уже заря сияет над землею,
и соловей выводит трель в саду,
и вот в обнимку с песней молодою
я вновь по Красной улице иду...

Когда-то здесь вечернею порою
с ребятами я в «пряталки» играл,
когда-то здесь мальчишеской рукою
разбитый палец пылью присыпал.

Вот и сегодня вечер черногривый
как будто конь гарцует вороной.
И я иду. Уже я сивый-сивый,
и только сердцем, сердцем молодой.

Давно-давно уже уснуло солнце,
и за Донцом и над Донцом — темно.
Послушай, песня, стукни в то оконце,
хотя того оконца нет давно.

И песнь стучит. . . Вот ужинает в хате
семья. Хлеб горький посреди стола. . .
Я уходил в повстанцы на закате,
и мне бабуся пирожки пекла.

Как будто снова в хате я убогой. . .
Бабуся хлопотами занята. . .
Она меня крестила на дорогу,
но я в боях не признавал креста.

Как далеко тогда на гром металла
с тобой нас, юность, годы увели! ..
А ночь кровавая отгрохотала,
и вот домой мы солнце принесли.

Уже совсем погас огонь заката...
Здесь пел тогда я про войну, про Русь.
И вот сквозь годы на слепую хату
гляжу я и никак не нагляжусь...

Но прилетит рассвет на крыльях алых,
и детский смех и песни зазвучат...
Мы вышли из трущоб и из подвалов,
из покосившихся бедняцких хат...

И вот рассвет врывается с налета...
Веселый ветер над рекой поет.
Опять шумит счастливо Третья Рота,
рабочие уходят на завод.

Стою в цветах... мне бой ночной приснился...
и вспомнился мне грохот батарей,
когда рабочий люд за счастье бился
не для себя лишь, а для всех людей.

В большом труде растет родная слава,
мы, как один, для радости живем,
зерно, что льется в закрома державы,
нам говорит о счастье трудовом.

Раскрыты двери новых школьных зданий.
А наши клубы, фермы, детсады! ..
Спокойно спи, Тарас, в своем кургане,
мы нашей Украиною горды.

Нам партия любимая по нраву,
как добрая и ласковая мать.
И золото зерна в руках державы —
то наше счастье, нам оно под стать.

Обращены к космическим просторам
глаза миллионов — что же там вдали?

То сказочный корабль наш, на котором
Гагарин облетел вокруг Земли.

• • • • •
Стоит курган. А в листьях тополиных
играет ветер — сколько в нем тепла!
Ты счастлива сегодня, Украина,
ты, словно сад весенний, расцвела.

И никогда машин не смолкнет гомон,
как наша песня в шелесте дубров.
Всё, всё, что есть, — народу трудовому:
зерно, и сталь, и дружба, и любовь!

Мы обратили радостные лица
туда, где счастьем светит небосклон...
Под клич гудков и стали гордый звон
наш труд коммунистический вершится.

Он нам по нраву, честный, вольный труд,
Под стягом славы, дням грядущим рады,
всё новые ударники идут,
объединяясь в лучшие бригады.

Так пусть же солнце нашу землю греет,
пусть заводские корпуса растут!
Под стягом партии всё одолеет
коммунистический, свободный труд!

3

Ты, песнь, подруга вечная моя,
где б ни был я, где б ни блуждал с тобою...
Вновь Киев блещет гордой красотой,
вновь на горах родных с тобою я.

Кладет на вербы вечер позолоту.
Моторки режут ширь днепровских вод,
как молнии кромсают небосвод,
летят сверхзвуковые самолеты...

Под этим небом жить — большое счастье,
пить ветер, слушать звонкий смех детей...

Здесь поезда по синим рельсам мчатся,
достигнув небывалых скоростей.

Они летят у фермы, в даль простора,
там, где не счесть гусей у берегов,
как будто здесь на синие озера
упали стаи белых облаков.

А даль вольна, просторна, синеглуза...
Грохочут поезда весь день подряд.
Вслед листьями им машет кукуруза,
подсолнухи, как солнышки, горят...

А там шумят заводы, не смолкая,
и лес копров встает за далью рощ...
Поэт, воспой дела родного края,
красу индустриальную и мощь!

И на реках плотины, там, где воды
мы покорили... Милые края,
как радостно под вашим небосводом
живет моя рабочая семья!

О, сколько звезд над нашей землею!
Всей ширью отражает их Днипро...
Я в этот вечер с песней молодою
иду к ближайшей станции метро.

Иду, а песне — ни конца ни края,
я в ней за всё благодарю народ!
Вот двери из стекла я отворяю,
и эскалатор вниз меня несет.

Нет, ни за что не передать сонетам
сиянье этих залов расписных!..
Здесь бюсты и ученых, и поэтов,
и я смотрю мечтательно на них...

Оживлены рукой труда чудесной
гранит и мрамор в глубине земли,
как будто бы слились с моею песней
и с думами, что в сердце расцвели.

Кто б мог подумать, что в подземной глубине,
где царствовали только пловуны,

такое чудо сотворили люди
во имя счастья, мира и весны!

О труд, ты — гордость Родины любимой,
тебе я новой песней шлю привет!
В подземных и космических глубинах
ты открываешь двери для побед!

Прощай, тоннель. Я вышел из вагона —
и небо вновь слепит голубизной,
и, полный гула, гомона и звона,
опять шумит Крещатик предо мной.

Да, всюду мы со счастьем черноокимы!..
И снова мне, о свет небесный мой,
как в юности моей далекой, щеки
целует нежно ветер молодой. . .

И снова жизнью полон я до края.
И, радостно волнуя в жилах кровь,
мне струны сердца жизнь перебирает.
И я лечу на крыльях песни вновь. . .

Мне кажется — весь мир от зноя замер,
и вяло никнет тополиный лист.
Лишь белолицей девушке глазами
улыбку дарит смуглый тракторист.

Даль как огонь. Томится всё земное.
В разгаре полном летняя пора,
и всё невыносимее жара.
Но нет, любовь не убоится зноя!

Он ей, она ему улыбки дарит,
как будто сердце бьется в них одно.
А девушкины щеки как вино.
И синие глаза смеются карим. . .

Где трактора прошли из края в край,
там поле чистым золотом сияет. . .
Машина нам в работе помогает,
нас ожидает славный урожай.

Мы счастливы. Чужого нам не надо.
Мы все живем в неповторимый час! . .

Всё для тебя — и труд, и сердца радость,
советский край, ведь ты живешь для нас!

И мы идем вперед всё неустанней,
и счастье добываем мы в борьбе...
Когда Двадцать второй твой съезд настанет,
придем с победой, партия, к тебе!

эпилог

Не нас одних зовут гудки и стяги
жить счастливо в сиянье нив и рек, —
уже давно в социализма лагерь
друзей объединили мы навек.

Всё новые титаны к жизни новой
встают, и не страшны им силы зла:
рвет Африка извечные оковы,
до неба Куба плечи подняла.

Как по весне в плотину хлещут воды,
как битвы сотрясают небосвод,
шагают к солнцу радостно народы,
колониальный сбрасывая гнет.

Теперь им лютый враг вовек не страшен,
когда счастливой радугой-дугой
приветствует их вся Отчизна наша
и помогает щедрою рукой.

Так пусть же день безоблачный сияет!
Ведь мы идем к победам вместе с ним.
И атомной войной не запугают
того, кто солнцу вечный побратим!

Не нас одних зовут гудки с рассветом...
Ведь есть у нас друзья давным-давно.
Пускай различна наша кожа цветом,
но только сердце бьется в нас одно.

Давно любовь и дружба между нами,
ни горы нам, ни дали не страшны —
друзья у нас в Корее и Вьетнаме,
мы дружим с вами, Африки сыны.

Настанет час, в одно сольются воды,
друг к другу горы вечные придут,
когда по-братски не одни народы,
а континенты руки подадут.

И братьями навеки станут люди,
и встанут все они под сень знамен.
И солнце коммунизма щедро будет
сиять для всех народов и племен!

15 сентября 1961

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ,
НАПИСАННЫЕ НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ**

473. ТОВАРИЩУ

Руку, товарищ! И в бой беспощадный!
В грозный, волнующий бой! . .
Пусть озарит нас священный, отрадный
светоч победы над тьмой. . .

В тесной землянке, в избушке убогой
будет он ярко гореть. . .
В путь же, товарищ, одною дорогой!
Полно молчать да терпеть!

Видишь? Над Русью могучей и вольной
взвевяло знамя Труда. . .
Кто же разбил в этой жизни безвольной
цепи рабов навсегда?

Кто же зарю возрождения нам смело
из темноты показал?
Чье это сердце за нас так болело?
Кто всё на битву нас звал?

Это нуждой вековой истомленный
брат наш, страдалец-народ,
под непосильною ношей согбенный. . .
Вот кто разбил тяжкий гнет.

Враг свирепеет потоками стали,
хитрый, и скользкий, и злой.
Но уж сквозь тучи сияют нам дали
счастья семьи трудовой.

Руку ж, товарищ, и в бой беспощадный,
в грозный и радостный бой! . .
Пусть озарит нас священный, отрадный
светоч победы над тьмой!

1917
Село Верхнее

474

Я прощался с тобой. . . Скоро поезд. . . Вокзал.
Давит скатка шинельная плечи. . .
Отрыдает труба, и сквозь огненный вал
мы помчимся победе навстречу.

Эта синяя кофточка. . . Пламя платка.
Очи — звезды со звездами в споре. . .
На винтовке любимой родная рука,
нежно пальцы грустят на затворе.

День в прозрачности бледной дрожа угасал. . .
трепетали невнятные речи. . .
Я так долго, так долго тебя целовал,
и глаза твои, губы, и плечи. . .

1918
Бахмут

475. СМЕЛО В БОЙ!

Смело в бой с обновленной душою!
Нет бесстрашным преград впереди.
Закаленное в битвах с нуждою,
сердце радостно бьется в груди.

Мчим, как буря, навстречу судьбе мы,
и, как сердце, в упорном бою,
в грудь орла, что на вражеском шлеме,
я бросаю гранату свою.

В грозной битве с кровавой ордою,
вдохновенные волей стальной,
бьют орудья наводкой прямою,
защищая Донбасс дорогой.

Там за нами встают горделиво
терриконы. . . О, синь эстакад!
Точно молнии мы. В тьме разрывов
всё вперед наши цепи летят.

И, не чувствуя ног под собою,
я лечу, точно я и не я.
Это крылья твои за спиною,
Украина родная моя!

1918

476. ПИСЬМО

Я получил письмо. Дышал нежданной лаской,
лазурью и теплом задумчивый привет. . .
И вспомнил розы я с предсмертною окраской,
и девушку-мечту, и тихий лунный свет. . .

Сквозило между слов невольное признание. . .
И мнились волны кос, как ночь моей тоски,
и карие глаза, и зной ее щеки,
как солнечных лучей несмелое лобзанье. . .

Всё ближе смертный бой. . . Уйди, воспоминанье!
Качаются в мозгу кровавые цветы. . .
И льется на штыки с холодной высоты
задумчивой луны багровое сиянье. . .

1918—1919

Донбасс — Подолия

477. В ГОРОДЕ

Мерцают фонари, — их желтыми глазами
гляжу в немую мглу во власти давних чар,
деревья голые с дрожащими ветвями
роняют капли слез на влажный тротуар.

Иду, как тень, как сон, один с своей тоскою,
и ветер молодой целует щеки мне. . .
Но я не здесь, я там, как мысль моя с тобою,
здесь только боль моя о сгнувшей весне.

Душа моя, как даль, стесненная камнями.
Я — воля, я — мечта, я — зов грядущих дней,
И тает первый снег под тихими шагами
в причудливой игре изменчивых теней,

Одела город ночь в печальные одежды.
Беседую с тобой в рассветной тишине.
Я в зорном зареве несу свои надежды,
которые несут с тобою встречу мне.

Январь 1920
Одесса

478

Я хожу, хожу, не зная
и не думая, кругом.
Ничего не вспоминаю,
не горюю ни о чем!

Только где-то, на Донбассе,
над родным Донцом,
вербы, низко наклоняясь,
вспоминают об одном:

эшелоны. . . Месяц страшный. . .
Тусклый лед на берегах. . .
Со штыком, в шинели рваной,
кто-то смуглый на часах.

И летят воспоминанья,
точно птицы над Донцом,
и казачья шапка виснет
над нахмуренным челом. . .

И хожу, хожу, не зная
и не думая, кругом.
Ничего не вспоминаю,
Не горюю ни о чем.

Июнь 1920
Одесса

И снова день ушел в сухом трескучем зное,
как много их ушло в вечернем серебре,
а ведь они прошли село мое родное,
и содовый завод, и шахты на горе.

Я вижу мать мою. Глаза ее родные,
как звезды, светят мне в тумане голубом.
Я в следующий раз пошлю с письмом цветы ей,
пусть скажут ей они о сыне дорогом.

Пусть скажут ей они, что я — дитя Коммуны,
что я родился вновь под южною звездой,
что, из дому уйдя кривой дорогой лунной,
я солнечной приду на новый год домой.

*Июнь 1920
Одесса*

Чеканятся шаги настойчиво и четко,
по узким улицам задумчиво иду.
Всё тот же взгляд и белые обмотки,
и думы нежные, как яблони в саду.

Играет кровь моя в лучах воспоминаний...
О дальнем городе поют мои стихи...
О дальнем выстреле и странном расставанье,
где тяжело душу жгли вокзальные звонки..

Мне кажется, что я души своей не знаю,
в ней настоящее смешалось с былым...
О, травы влажные в холодных зорях мая,
и над родным Донцом завода сладкий дым!..

И снова станция с тревожными огнями,
холодный звон минут, да ты одна со мной,
и ночь роскошная в короне звезд над нами,
да рядом эшелон на станции глухой...

*Август 1920
Каменец-Подольск*

481. Я ВНОВЬ В МОСКВЕ

Я вновь в Москве. А где-то Украина
в потоках крови бьется и гремит
огнем боев. . . И к небу динамит
мосты взмывает. . . Слезы и руины
в полях родных. . . И вербы на заре
подъяли к небу голые вершины
над скорбью нив в вечернем серебре. . .
Там рыщет враг в усилиях бесплодных
в сердцах свободы солнце потушить,
и автоматы мстителей народных
шлют смерть ему, чтоб вновь могли мы жить,
Вот стен Кремля зубчатые вершины
и Мавзолея траурный гранит.
Шумит кровавый ветер Украины
и душу мне рыданьем пепелит. . .
Но верю я: замолкнут канонады
в полях Отчизны. Сломлен будет враг,
И над Берлином солнечно и радо
мы вознесем Победы алый стяг.
А ночь плывет, сомкнув над миром вежды,
услышу вновь я шум родной травы.
О, сколько света, света и надежды
на затемненных улицах Москвы!

Сентябрь 1942

482

Севера березки, розовые дали. . .
У ворот девичий нежный силуэт. . .
Отчего же в сердце, полное печали,
звезды Украины шлют кровавый свет? . .

Всё мне здесь родное: дальние дороги,
ивы над рекою и Москвы гранит. . .
Отчего же в душу, полную тревоги,
ветер с Украины странно так шумит? . .

Кони у колодца, окна расписные. . .
Может быть, то счастье кличет у ракут? . .
Отчего же думы грустные такне,
отчего так сердце ноет и болит? . .

Там, где вербы гнутся, пули ноют тонко,
топчут вражьи кони украинский шлях. . .
Строчат автоматы в детские глазенки,
синие такие, в золотых слезах. . .

Мать моя родная, свет мой, Украина,
без тебя мне душно и так страшно жить. . .
Я иду на битву, на призыв орлиный,
хоть порвется жизни голубая нить. . .

Пусть. . . Один из многих упаду, родная,
но лицом на запад, до Донца штыком. . .
Вспоминай лишь только, как любил тебя. . .
Я ж засну спокойным и счастливым сном. . .

Надо мной победно зашумят знамена,
и фанфар на солнце засияет медь,
и на молодежи смуглые колонны
васильков глазами буду я глядеть. . .

Сентябрь 1942 — май 1943

483

Так, значит, ты любишь? А я и не знал. . .
Ты помнишь перрон, и звонки, и вокзал,
и плакало сердце, туманя глаза. . .
С заката на нас надвигалась гроза. . .
Ты помнишь тот грозный, решительный час? . . .
Кричали гудки. . . Звал на битву Донбасс. . .
В толпе отдаленной мелькнул твой платок
и скрылся. . . Ты помнишь? . . . Как день тот
далек! . . .

И боем жестоким наполнились дни. . .
Как будто века, проходили они. . .
Я — рана сплошная. Родная, взгляни! . . .
Меня за Отчизну терзали они,
те, в шлемах стальных, те, двуногие, те,
которые мнили, что нас в темноте
внезапно задушат. . . Но вражьей мечте
судилось не сбыться. . . На ихнем кресте
с концами кривыми мы вздернули их. . .
Был сладостен мести невиданный миг.
Как музыка — в небе плыли корабли,
на крыльях своих они звезды несли. . .

495

Я снова, я снова с тобою. . . Слеза
сверкнула в ресницах. . . О, волн бирюза!
В Днепре отразились заря, небеса,
а в сердце моем — твои звезды-глаза. . .

13—14 июля 1943

Москва

484. ИИНА

Разве я не могу творить
и писать стихи по-русски?
Красные кони зари
в глазах моих узких. . .

Ты когда-то сказала: «Нет! . . .»
Ты теперь — командир эскадрона.
Мне же вольною песней звенеть
в эти дни, когда дрогнули троны. . .

1

В тихом городе, холодом вея,
заметает ветер следы. . .
Расплескалась заря, цепenea. . .
В тихом городе — я и ты. . .

В твоих ресницах месяц,
точно в люльке ребенок, спит. . .
Нам в пожарах восстаний вместе
радость Грядущего пить. . .

2

Броневик, притаившись, ждет. . .
Правый фланг — под огнем канонады. . .
Сердце смелое пьяно и радо. . .
Вперед, вперед! . .

Твои теплые серые очи
вспоминают, что было когда-то. . .
Над забытым поселком рабочим
золотые челны заката. . .

3

Не весна над родным Донцом,
не лазурный дым над заводом, —
бьет с размаха ветер в лицо
голубым крылом непогоды...

Просевает сквозь сито вечер
золотую звездную рожь...
От меня ты теперь далече...
Ну так что ж...

4

Свежий дух голубого поля...
То не ты ли пошла вдоль межи?
Нет, то с тихой улыбкой на воле
месяц в травах лучом ворожит...

Потянуло снова в город
от сырой, от весенней земли...
Каждый вечер впиваюсь взором
я в его заревающий лик...

5

Разве можно теперь не петь,
если радость — дождем на заводе...
Если радость в каждой избе
на окошках узоры выводит...

Разве можно теперь молчать,
если в каждом сердце — солнце...
С криком радости в серых очах
кто-то встретит меня за околицей...

6

То не матери плач над сыном,
не голодных детишек стоны, —
вперегонку с ветром синим
по степи пробегают звоны...

Под ногою шуршит камыш...
Мы на фронте с тобою снова...
Серебристые косы зимы
заревой просочились кровью...

И так ярко звездочка светит
над любимым узким лбом. . .
Не одни мы с тобою на свете
обагрили сердца борьбой. . .

7

Не пожары вдали озаряли
на знаменах засохшую кровь, —
на озерах былой печали
мы свою схоронили любовь. . .

Ах, нависли, нависли тучи,
точно гривы вражьих коней.
Нам, сквозь ветер веков идущим,
целовать только крылья огней. . .

8

Там, за городом, — шум и крики:
наступает за цепью цепь. . .
И дрожат и тают снежинки
на твоём побледневшем лице. . .

В золотом, звенящем закате —
огневые трубы борьбы. . .
Мы с тобою как будто братья,
разве можно тебя забыть? . .

На тебе — шинель с офицера,
в ней такая стройная ты. . .
Только ветер над городом серым,
и луну проколол мой штык. . .

Синий снег. . . И кругом ни души. . .
В тихом городе нас только двое. . .
Отчего ж, отчего же, скажи,
мне так грустно сейчас с тобою? . .

9

Подходили к темным нишам,
озирали холодные стены. . .
И звенел только ветер по крышам,
разметал снеговую пену. . .

И тревожно шептали каштаны
нам о том, что теперь не вернется...
И вставало в крови, из тумана,
над панелями смуглое солнце...

Над рабочим кварталом звоны...
Слышны марша глухие взрывы...
Просыпается город бетонный,
просыпается день златогривый...

10

И опять, и опять эшелоны,
и заря — мертвецом на штыках...
На перронах — знамена, знамена,
тихий осени плач в проводах...

Звон копыт на далеких дорогах,
там, где ветер и желтые листья...
Но сердца не изранит тревога,
но не будем мы богу молиться.

Что нам бури да гроз раскаты!
Нам дорога одна, товарищ!
Полюбил я ветер, как брата,
и снегов голубые пожары...

Вот он, вот он, летит и вьется,
точно дым над далеким заводом,
и стучат перебойно колеса,
и свисток свою песню заводит...

Мой товарищ — веселый эстонец —
говорил о любви, о братстве...
Было тихо в товарном вагоне,
и смотрели молча китайцы...

Разгорались узкие очи,
и светлели желтые лица...
Это было холодной ночью,
с первым снегом и ветром мгlistым...

Получил письмо в дороге...
 Дорогой и знакомый почерк...
 И блеснули, в тоске и тревоге,
 твои теплые серые очи...

Что нам бури да гроз раскаты!
 Нам дорога одна, товарищ!
 Полюбил я ветер, как брата,
 и снегов голубые пожары...

На коне — военком сероглазый,
 так знакомый на фоне пожара...
 «Я как будто встречался с вами!...»
 И винтовка в руках задрожала...

Золотые запели трубы,
 было слышно, как сердце стучало...
 Целовал и в глаза, и в губы...
 Любят так только с сердцем алым...

Любят так только к бою готовые
 за Отчизну свою, за свободу,
 кто над миром зарницы новые
 в буревых зажигает походах...

В переулках — ветер и люди,
 фонари, да любовь, как всегда...
 А за городом гром орудий
 разрывает гулкую даль.

Не заря зацвела на востоке,
 не пожар расплескался рядом, —
 заалели любимые щеки
 под моим искрометным взглядом...

И рассвет протянул свои руки
 над задумчивым Млечным Путем...
 На тебя я гляжу без муки,
 под расстрел мы спокойно идем...

И так странна нам белых команда
в тусклом блеске кокард и погон. . .
А за нами дрожит канонада
и далеких разрывов звон. . .

Ох ты, снег мой, душистый от крови,
дула ружей да пятна лиц. . .
Только дрогнули тонкие брови
под сухое да ржавое «Пли!».

Снова выстрелы жалкою дробью,
звон копытный. . . и крики: «Даешь!»
Нас спасли. . . Мы — в сиянии оба,
бьется радостно сердце мое.

14

Ах, шумели нестройно снаряды. . .
А над морем — огни кораблей. . .
Ты прошла с партизанским отрядом,
где погоны да кровь на земле. . .

15

Убегал из палаты влюбленный,
по звенящим ходил площадям
и над морем, под ветром соленым,
долго слушал, как волны гудят. . .

Синий ветер и синее море,
по воде золотая рябь,
и, как прежде, осенние зори
перламутровым блеском горят. . .

16

Убегали на север вагоны,
терпко били по сердцу звонки. . .
В небосклон, голубой и бездонный,
всё тревожней кричали гудки. . .

Целый день — звон копыт и стали. . .
А за городом цепи десанта. . .
Чьи же руки так нежно вплетали
в гривы коням кровавые банты? . .

Напряженно ряды за оградю
обегают глаза мои пьяные:
не мелькнут ли под шапкой лохматою
твои губы насмешливо-странные. . .

И, когда за последним отрядом
проводжали тифозных и раненых,
я с твоим повстречался взглядом,
но какой-то он был затуманенный. . .

Не заря над далекими шахтами,
не гудков соловьиные звуки, —
покрывал поцелуями жаркими
я твои похудевшие руки. . .

Нам цветы не бросали с балконов,
только зданий гремящий ряд
проводжал боевые колонны,
и бежали с боков тополя. . .

Уходили в звенящие дали,
пахла степь полынем и кровью. . .
И так долго за нами дрожали
золотые вечера брови. . .

Звезды, звезды, зачем вы далёко? . .
Я хотел бы сорвать вас разом,
чтоб любимой в кобур ненароком
вас насыпать дождем алмазным. . .

17

В синеве потонул бронепоезд,
только где-то колеса стучат. . .
И как будто опять я в забое
звонкий уголь дроблю сгоряча. . .

Променял я пахучее поле
на трамвай, на крики гудков —
и стихами про новую долю
расплескался звенящей рекой. . .

Там, далёко, мой город любимый,
даже в рельсах слышна его дрожь. . .
И, как волны во время прилива,
шелестит запоздалая рожь. . .

В этом городе наши знамена. . .
Звучно роты чеканят свой шаг,
заливая багрянцем колонны,
кровь заката горит на штыках. . .

На трибуне — оратор у знамени.
Как железо, курсантов кольцо!
Тихий вечер на серые камни
уронил голубое лицо. . .

Каждый день мне поет об Инне
под землей голубая кирка. . .
Мне ль, чьи руки в крови и глине,
затуманит очи тоска?

Всё мне снятся бои в забое
под немолкнущий бремсберга шум. . .
И как будто опять с тобою
я в цепи, под Полтавой, лежу. . .

Не луны раскололась утроба,
что упала гремя с облаков, —
мы сорвали в дыму Перекопа
золотые забрала веков. . .

Не чеканят шаги патрúлей
золотой вечерний асфальт. . .
Отэвенели, отцокали пули. . .
На письме твоём штемпель: «Москва».

1922
Харьков

ПРИМЕЧАНИЯ

Литературное наследие В. Н. Сосюры весьма обширно. Ему принадлежат оригинальные стихотворения разнообразных жанров, в том числе и поэтические произведения больших форм, он переводил на украинский язык произведения поэтов братских республик СССР, некоторых зарубежных авторов.

На украинском языке, начиная с первых сборников «Поезії» (1921), «Червона зима» (1922) и кончая посмертным сборником «За владу Рад» (1968), а также собранием сочинений «Твори в десяти томах» (1970—1972), издано более пятидесяти книг стихотворений и поэм Сосюры. Это сборники, составлявшиеся, как правило, из новых произведений поэта. Трижды выходили многотомные собрания сочинений автора: «Поезії» (в трех томах, 1928—1929), «Твори» (в трех томах, 1957—1958), упомянутое выше десяти томное издание, в котором впервые в собранном виде опубликованы избранные публицистические, литературно-критические статьи Сосюры, его мемуарные произведения.

Неоднократно, начиная с 20-х гг., печатались стихотворения поэта в переводах на русский язык. В 30-е годы появились отдельные сборники избранных произведений Сосюры в переводах русских советских поэтов. Особенно интенсивно переводились его стихотворения и поэмы в послевоенное время. Всего вышло около 20 книг таких переводов.

Настоящее издание — одно из наиболее обширных собраний избранных стихотворений Сосюры на русском языке. Переводы для него в основном выполнены по текстам десяти томного Собрания сочинений — наиболее полного издания, в котором учтена последняя воля автора, выраженная им при подготовке трехтомника 1957—1958 гг. Переводы стихотворений, не вошедших в это издание, выполнены по текстам трехтомного издания (1957—1958), одно томнику «Лірика» (1956) и сборнику «За владу Рад» (1976).

При подготовке настоящего издания значительная часть переводов была исправлена с целью их приближения к украинским оригиналам, а многие переводы, грешившие серьезными смысловыми искажениями подлинника, заменены новыми. В книге впервые в переводе на русский язык публикуются поэмы «Тарас Трясило», «Заводская девчонка» и несколько десятков лирических стихотворений (все новые переводы отмечены в оглавлении).

Структура этого издания подчинена хронологическому принципу, который поэт осуществлял в целом ряде своих собраний, в том числе — и в одно томниках избранных сочинений. Соответственно этапам творческого развития Сосюры, его лирика сгруппирована в три раздела: 1920—1933; 1934—1946; 1947—1964. В отдельный раздел вынесены поэмы автора. Заключает избранный свод произведений поэта подборка

его ранних, еще несовершеннолетних стихотворений, написанных на русском языке.

Первый раздел (1920—1933) составили стихи из книг: «Поезії» («Стихотворения», 1921), «Червона зима» («Красная зима», 1922), «Місто» («Город», 1924), «Осінні зорі» («Осенние звезды», 1924), «Сніги» («Снега», 1925), «Сьогодні» («Сегодня», 1925), «Багряні гони» («Багряные просторы», 1927), «Юнь» («Юность», 1927), «Коли зацвітуть акації» («Когда зацветут акации», 1928), «Дніпрельстан» («Днепр-ельстан», 1930), «Серце» («Сердце», 1931), «Червоні троянди» («Красные розы», 1932). В этот раздел также вошли отдельные произведения указанного периода, которые не печатались в упомянутых сборниках Сосюры, но включены в первый том десяти томника.

Для второго раздела (1934—1946) использовался материал сборников: «Нові поезії» («Новые стихи», 1937), «Люблю» («Люблю», 1939), «Крізь вітри і роки» («Сквозь ветры и годы», 1940), «Журавлі прилетіли» («Журавли прилетели», 1940), «Червоним воїнам» («Красным воинам», 1941), «В годину гніву» («В годину гнева», 1942), «Під гул кривавий» («Под гул кровавый», 1942), «Щоб сади шуміли» («Чтоб сады шумели», 1947), а также сюда включен ряд стихотворений этого периода, которые не вошли в вышеупомянутые сборники, но печатались в трехтомнике (1957—1958).

В третий раздел (1947—1964) вошли стихи из сборников: «Зелений світ» («Зеленый мир», 1949), «Поезії» («Стихи», 1950), «Вибрані поезії» («Избранные стихи», 1951), «За мир» («За мир», 1953), «На струнах серця» («На струнах сердца», 1955), «Солов'їні далі» («Соловьиные дали», 1957), «Біля шахти старої» («Рядом с шахтой старой», 1958), «Близька далина» («Близкая даль», 1960), «Поезія не спить» («Поэзия не спит», 1961), «Щастя сім'ї трудової» («Счастье семьи трудовой», 1962), «Якби помножити любов усіх людей» («Когда б любовь помножить всех людей», 1963), «Осінні мелодії» («Осенние мелодии», 1964), «Весни дихання» («Весны дыхание», 1964), «За владу Рад» («За власть Советов», 1968).

Большинство произведений имеют авторскую датировку. Даты, заключенные в угловые скобки, являются датами первых публикаций. Имеющиеся под отдельными стихотворениями двойные (через запятую) даты свидетельствуют о том, что произведение позже дорабатывалось.

Комментарии имеют однотипное построение. После порядкового номера произведения дается название оригинала на украинском языке, потом в необходимых случаях — реальный комментарий, иногда в сочетании с комментарием историко-литературным.

Ссылки на десяти томное издание сочинений Сосюры в примечаниях приводятся следующим образом: римская цифра обозначает том, арабская — страницу. Ссылки на книгу «Голос ніжності і правди» (Київ, 1968) — сборник воспоминаний о поэте — даются сокращенно в виде аббревиатуры: ГНП.

АВТОБІОГРАФІЯ

Сосюра написал две автобиографии: первую, на русском языке (18 мая 1957 г.), и вторую, более подробную, на украинском языке (5 октября 1958 г.). Обе они сохранились в архиве семьи поэта и впервые были опубликованы в 1972 г. в десяти томнике (X, 69—77). Первая, краткая автобиография Сосюры включает в себе существенные сведения, которых нет в автобиографии 1958 г. Здесь, например, более по-

дробно и конкретно говорится об участии Сосюры в гражданской войне на Украине и т. д. В качестве дополнений к «Автобиографии» 1958 г. приводим полный текст автобиографии 1957 г., вслед за которой дается комментарий.

АВТОБИОГРАФИЯ

(1957)

Родился я в г. Дебальцево, Ворошиловградской области, в 1898 г., 6 января. Мать моя, из работниц г. Луганска, занималась домашним хозяйством, а отец, выходец из крестьян села Верхнего (теперь г. Верхний), на Донбассе, учился в Лисичанском штейгерском училище, но не закончил его и имел основную профессию — чертежник, кроме того учительствовал, переезжал из села в село, был сельским адвокатом и шахтером.

Детство и юность моя прошли на рудниках и в селах Донбасса. В основном же мы жили в с. Верхнем.

Когда мне исполнилось 11 лет, я стал работать учеником бондарного цеха в Донецком содовом заводе, в с. Верхнем. Двенадцати лет был заводским телефонистом и с 13 лет работал чернорабочим на заводских каменоломнях и на заводе в с. Верхнем.

Окончив двухклассное министерское училище, поступил в ремесленное, где учился на слесаря, но, из любви к природе, поступил в открывшееся Каменское сельскохозяйственное (около ст. Яма) училище, откуда при переходе во 2-й класс ушел помогать матери, так как у меня умер отец. Это было в 1915 г.

Год я проработал учеником маркшейдерского бюро при содовом заводе, а потом опять поступил в Каменское сельскохозяйственное училище, начиная с 1-го класса, и проучился в нем до перехода в последний, 3-й класс, откуда ушел на гражданскую войну как член боевой повстанческой дружины содового завода при с. Верхнем, участвовал осенью 1918 г. в восстании против немцев и гетманцев.

В декабре 1918 г. был мобилизован петлюровцами и осенью 1919 г., во время боев на подступах к Проскурову, попал в плен к денкинцам. В плену был до февраля 1920 г., до освобождения Красной Армией Одессы, где я находился в госпитале (болел тифом). В феврале 1920 г. стал красноармейцем.

В мае 1920 г., будучи курсантом военных политкурсов при подиве 41, вступил в Коммунистическую партию.

Стихи стал писать с 1915 г., печататься — в донецких рабочих газетах с 1917 г. После окончания военных политкурсов был на польском фронте, сначала как литсотрудник газеты 41-й стрелковой дивизии «Красная звезда», потом — как политработник саперной роты 41-й дивизии.

После мира с поляками как курсант военных политкурсов при поарме 14 участвовал в боях против махновцев и весной 1921 г. был отозван из армии Центральным Комитетом КП(б)У как подающий надежды начинающий поэт.

В 1921 г. был инструктором прессы при агитпропе ЦК КП(б)У, членом бюро Пролеткульта Украины, а осенью 1922 г. стал студентом Коммунистического университета имени Артема в Харькове.

Из-за недостатка общего образования ушел из университета на рабфак Института народного образования, где проучился с 1923 до 1925 г.

После рабфака отдался исключительно литературной работе.

За выдающиеся заслуги в деле развития украинской художественной советской литературы в 1938 г. был награжден правительством орденом «Знак Почета».

В Великой Отечественной войне принимал участие: сначала работал в тылу, а потом в Украинском партизанском штабе, и на фронтах как военный корреспондент фронтовой газеты Воронежского фронта «За честь Родины», и вновь в партизанском штабе.

В 1943 г. награжден орденом Красного Знамени. По окончании Отечественной войны занимался вновь исключительно литературной работой.

В 1948 г. в связи с пятидесятилетием был награжден орденом Ленина и за сборник стихотворений «Чтоб сады шумели» — Государственной премией 1-й степени.

Всего написано мною за сорок лет литературной деятельности около сорока сборников стихотворений и поэм. Переведен на русский и многие другие языки народов СССР, на языки республик народных демократий. С 1921 года и до последнего времени печатаюсь в Канаде, Америке, Аргентине.

18 мая 1957 г.

Примечания к «Автобиографии» (1958). *Верхнее* — село, ныне слившееся с г. Лисичанском, Ворошиловградской области. Возникло из поселения Третья Рота, на месте которого в XVII в. был сторожевой пост Изюмского казачьего полка, охранявшего край от татарских набегов. Позже здесь размещалась третья рота Бахмутского гусарского полка. *Отец* — Сосюра Николай Владимирович (1870—1915), из крестьян. «Отец мой был стройный, широкоплечий, с грудью богатыря, немного согнутыми кавалерийскими ногами. Он был спокойный, молчаливый, чудесно рисовал... Играл на гитаре и под ее мечтательный серебряный аккомпанемент пел задушевные украинские песни. Писал стихи, но больше сатирические... За год до окончания штейгерской школы отец был исключен за участие в революционном кружке» («Третья Рота». — X, 84—85). *Штейгерское образование* — среднее специальное техническое образование; штейгер — мастер по горным разработкам. *Мать* — Сосюра Антонина Дмитриевна, урожденная Локотош, из сербов, проживающих на Добнассе. «Моя мама, как контраст моего русского отца, была черная, как цыганка. Она была красавица. Ее смуглые тонкие черты, темно-карие глаза, черные аж жгучие, напоминающие крылья летящих птиц, красивые согнутые брови, нервные ноздри почти классического с чуть заметной горбинкой носа всегда были в каком-то удивительном волнующем движении» («Третья Рота». — X, 84). *Двухклассное министерское училище* — начальное общеобразовательное учебное заведение высшего типа в царской России. Имело 2 класса: первый — 3 или 4 года обучения и второй — 2 года обучения. Сосюра занимался в училище с общим сроком обучения в 5 лет. *Начал я учиться с третьего отделения*, т. е. проходил курс третьего года обучения в начальной школе. *Сельскохозяйственное училище* — около ст. Яма (теперь г. Северск, Донецкой обл.). Во второй половине XIX в. усилиями известного ученого-естествоиспытателя В. В. Докучаева заложен Каменский государственный оросительный участок с показательным хозяйством, на базе которого позже возникло Каменское сельскохозяйственное училище, готовившее младших агрономов. Здесь в 1914—1918 гг. с перерывом (с осени 1915 г. по осень 1916 г.) учился Сосюра. *Пришлось мне*

еще многое испытать... пройти сквозь огонь гражданской войны. Осенью 1918 г. рабочие Донбасса подняли вооруженное восстание против контрреволюционной националистической Центральной рады и кайзеровских оккупантов. В выступлениях против гетманцев и немецких захватчиков, как дружинник Донецкого содового завода, активное участие принимал юноша Сосюра. В декабре 1918 г., обманутый демагогической болтовней петлюровцев, он был мобилизован ими и служил в их частях простым казаком, санитаром. Убедившись в антинародной, контрреволюционной сущности петлюровщины, в феврале 1920 г. Сосюра переходит на сторону красных. Не один он был обманут националистами. Сама жизнь в ее поступательном революционном развитии учила заблуждающихся находить правильный путь, и на него устремлялись не одиночки, а целые полки бывшей петлюровской армии. Красноармеец Сосюра до конца гражданской войны (демобилизован в начале февраля 1921 г.) словом и оружием воевал с белополяками, махновцами и другими бандитами. В мае 1920 г. он был принят в члены ВКП(б) комячейкой военно-политических курсов при политотделе 41-й дивизии. *Олеся Ю. К.* (1899—1960) — русский советский писатель. *Шенгели Г. А.* (1894—1956) — русский советский литературовед и переводчик. *Багрицкий Э. Г.* (настоящая фамилия — Дзюбин, 1895—1934) — русский советский поэт. Сосюра познакомился с ним, а также с Олешей и Шенгели в Одессе в начале 1920 г., где он посещал организованный Багрицким литературный кружок «Зеленая лампа». Впоследствии поддерживал с ним и творческие связи. *Кулик И. Ю.* (1897—1941) — украинский советский писатель, критик, общественный и партийный деятель. *Блакитный* — *Эллан-Блакитный В. М.* (настоящая фамилия — Элланский, 1894—1925) — украинский советский писатель и общественный деятель, основатель организации пролетарских писателей «Гарт», куда входил и Сосюра. См. мемуарный очерк Сосюры «Василь Эллан-Блакитный» (X, 11—15). *Чумаков В. Г.* (1901—1919) — украинский советский поэт. *Леся Украинка* (Косач Лариса Петровна, 1871—1913) — украинская поэтесса и общественная деятельница революционно-демократического направления. *Олесь* (Кандыба А. И., 1878—1944) — украинский поэт и переводчик; непонимание исторического значения Великой Октябрьской социалистической революции привело к тому, что А. Олесь в 1919 г. эмигрировал за границу. «*Кавказ*» — поэма (1845) Т. Г. Шевченко. *Работал в штабе украинского партизанского движения.* Штаб, созданный по решению ЦК КП(б)У в июле 1942 г., существовал до середины 1945 г. Сосюра работал в нем с некоторыми перерывами (в 1943 и 1944 гг.) как писатель (писал «агитки», которые печатались листовками и потом забрасывались на территорию временно оккупированной фашистами Украины и т. п.). «*За честь Родины*» — газета Воронежского фронта, где как военный корреспондент Сосюра был летом 1943 г. *С 1944 г. живу в Киеве.* В Киев семья Сосюры переехала из Харькова в 1937 г. В Харькове Сосюра жил с весны 1921 по лето 1937 г. *Награжден орденами... Красного Знамени.* В 1943 г. Сосюра был награжден орденом Красного Знамени, а в 1958 г. — орденом Трудового Красного Знамени.

Примечания к «Автобиографии» (1957). На подступах к Проскурову. Здесь шли бои между петлюровскими и денкинскими частями в октябре 1919 г. (Проскурров — теперь г. Хмельницкий). В донецких рабочих газетах — бахмутской «Народной газете» и лисичанских газетах «Голос рабочего» и «Голос труда», в которых Сосюра печатает свои первые произведения (1916—1917 гг.). Подходящий надежды начинающий поэт. К тому времени (1920—1921)

Сосюра печатался в газетах «Одесский коммунист», «Известия» (орган Елисаветградского военревкома КП(б)У). В «Красной звезде» публиковалась, главным образом, его публицистика, создававшаяся на фронте во время боев с белополяками в 1920 г. Пролеткульт — культурно-просветительская и литературно-художественная добровольная организация (1917—1932). Организации Пролеткульта были и на Украине — в Харькове, Киеве, Одессе и многих других городах республики. Вместе с В. Элланом (Блакитным), З. Невским, С. Пилипенко, М. Майским и др. Сосюра в 1922 г. входил в состав Оргбюро Всеукраинского Пролеткульта. На Украине во второй половине 20-х гг. пролеткультовские организации практически перестали существовать. Печатаюсь в Канаде, Америке, Аргентине. Отдельные газеты и журналы трудовой украинской эмиграции в США, Канаде, Аргентине печатали произведения Сосюры на украинском языке.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1920—1933

1. Перевод стих. «О, не даремно!..».
2. Перевод стих. «До нас».
3. Перевод стих. «Відплата».
4. Перевод стих. «Роздули ми горно, ще нерухоме вчора...». *Чалдоны* — коренные жители Сибири (местное название), приезжавшие на разработки в Донбасс.
5. Перевод стих. «Ластівки на сонці, ластівки на сонці...».
6. Перевод стих. «Так ніхто не кохав. Через тисячі літ...». В оригинале стихотворение имеет посвящение В. Г. — Вере Касперовне Сосюре, урожденной Берзиной, первой жене поэта (в браке с ним состояла с 1922 по 1930 г.). *Орион* — экваториальное созвездие с двумя яркими звездами первой величины и тремя звездами второй величины.
7. Перевод стих. «І все, куди не йду, холодні трави сняться...». *Горошиха, Федька* — соседи Сосюры по Третьей Роте (см. прим. 10). С младшим сыном вдовы И. Д. Горохом (ныне профессиональным художником) Сосюру связывали крепкие узы дружбы. И. Д. Горох оставил интересные воспоминания о поэте. *Холоденко* — знакомый Сосюры, рабочий Донецкого содового завода, участник гражданской войны на Украине.
8. Перевод стих. «Не біля стінки я, й не кров моя холоне...». *Под небом Перекопа* и т. д. Здесь и далее говорится о Перекопско-Чонгарской операции Красной Армии (7—17 ноября 1920 г.) во времена гражданской войны, когда войска Южного фронта, руководимые М. В. Фрунзе, прорвали на Перекопе оборону белогвардейского генерала Врангеля и затем освободили Крым.
9. Перевод стих. «Уже зоря золоторога...».

10. Перевод стих. «Місто». В стихотворении сказалось противоречивое отношение Сосюры к нэпу. Поэт искренне стремился понять политику партии в этом вопросе и при всем том болезненно воспринимал оживление частнособственнических интересов и предпринимательской активности нэпманов. Подобные настроения Сосюры заметны уже в стихотворении «Хто розуміє цей жах. . .» (1922), а позднее они проявились в некоторых произведениях 1924—1925 гг. (напр., «Гергоче місто, і сніг лягає. . .»). Об этом см. также вступ. статью, с. 17. *Третья Рота* — старое название села Верхнее, ныне слившегося с г. Лисичанском, Ворошиловградской обл. В этом селении прошли детские и юношеские годы поэта. См. также прим. к «Автобиографии» (к слову «Верхнее», с. 510).

11. Перевод стих. «Вартовий. Мармурові колони. . .». *Дредноут* — до 30-х гг. так назывались линейные корабли, имевшие мощную броню и десять башенных орудий главного калибра.

12. Перевод стих. «Магнолії лімонний дух. . .».

13. Перевод стих. «Сняться мені ешелони і далі. . .».

14. Перевод стих. «Рвав восени я шипшину. . .».

15. Перевод стих. «Такий я ніжний, такий тривожний. . .».

16. Перевод стих. «Наближається споминів повинь і затоплює душу мою. . .». *Лаун-тенніс* — согласно международной спортивной терминологии, название тенниса. *Где маслины и станции Яма*. Здесь и далее — описание окраин станции Яма на Донбассе, где с осени 1914 г. и до апреля 1918 г. Сосюра учился в Каменском сельскохозяйственном училище. *Парамон* — житель станции Яма, овощевод. *Полуниццы* — клубника.

17. Перевод стих. «Може, ми й не друзі. . .». *Гай* — лесок, роща.

18. Перевод стих. «Оглядає останні вагони. . .». «В» и «С» — криптоним Владимира Сосюры.

19. Перевод стих. «Пам'ятаю, вишні доспівали. . .».

20. Перевод стих. «Сьогодні». *Усенко П. М.* (1902—1975) — украинский советский поэт, один из активных деятелей организации комсомольских писателей «Молодняк».

21. Перевод стих. «Піднімається місяць над містом. . .». *У Петлюры в саду*. Петлюра — см. прим. 464. Здесь намек на кратковременное пребывание Сосюры в армии петлюровцев, о чем он рассказывает в «Автобиографии» (см. с. 505); см. также вступ. статью, с. 9—10.

22. Перевод стих. «Йду до Дніпровського Івана. . .». *Днепровский И. Д.* (1895—1934) — украинский советский писатель.

23. Перевод стих. «Пісня» («Постріляні, порубані лежать більшовки. . .»). *Штыками переколото офіцерье лежить* — месть рядовых казаков, восставших против петлюровской офицерни и перешедших на сторону большевиков.

24. Перевод стих. «Сміхом і піснями...».

25. Перевод стих. «Життя — не дим і не омана...». *Вербени* — род растений, распространенных в тропиках и субтропиках; многие сорта вербены используются в декоративном садоводстве.

26. Перевод стих. «Крізь вікна небо — не килим...». *Рабфак* — рабочий факультет, в 1919—1940 гг. общеобразовательное учебное заведение для подготовки в вузы молодежи, не имевшей среднего образования, создавалось при вузах со сроком обучения в 3 года (дневные рабфаки) и 4 года (вечерняя форма обучения).

27. Перевод стих. «З дитиною ти біля мене...».

28. Перевод стих. «Глянув я на море — засиніли чари...».

29. Перевод стих. «Надворі віти — голо...».

30. Перевод стих. «З вікна». *Днепровский И. Д.* — см. прим. 22.

31. Перевод стих. «Сніги». *Констанция Рудзянская* — первая любовь юного Сосюры. Констанция не дождалась возвращения Сосюры с фронтов гражданской войны и вышла замуж за другого. Поэт тяжело переживал потерю любимой. Образ Беатриче, проходящий лейтмотивом в стихах Сосюры 1918—1929 гг., связан с образом Констанции (напр., в стихотворении «О кучері ясні і очі Беатриче...»). Известная песня «Коли потяг у даль загуркоче...» — это поэтическая трансформация жизненного романа: Вера Берзина (см. прим. 6) — Констанция Рудзянская. В автобиографическом романе «Третья Рота» Сосюра взволнованно рассказывает о своей первой любви. *Махно Н. И.* (1899—1934) — анархист, один из главарей мелкобуржуазного контрреволюционного движения на юге Украины в период гражданской войны. *Станция Яма* — см. прим. 16. *Сегодня идем на отчаянный шаг* и т. д. Сосюра рассказывает о том, как он и некоторые его сверстники, обманутые националистами, прозрели и переходили на сторону красных. См. также прим. к «Автобиографии», с. 511.

32. Перевод стих. «Марія» («Зеленіють жита, і любов одцвіта...»). Адресат стихотворения не установлен. Возможно, оно обращено к одной из учительниц средней школы г. Полтавы.

33. Перевод стих. «Траурный марш». Написано накануне первой годовщины со дня смерти В. И. Ленина.

34. Перевод стих. «Рані гніву...».

35. Перевод стих. «Колискова»

36. Перевод стих. «Коли потяг у даль загуркоче...». *Ты чужою подругою стала* и т. д. Этот стих относится к К. Рудзянской (см. прим. 31). *Жена моя* — см. прим. 6. В первом печатном варианте была следующая предпоследняя строфа, от которой позднее поэт отказался:

Вже до серця доходить отрута...
Як старому минулого жаль...

Путь моя у каміння закута
І на кожному розі — печаль.

(в переводе: «Уже к сердцу доходит яд... Как старик, сожалею о прошлом... Путь мой камнем окован и на каждом углу — печаль»).

37. Перевод стих. «В сумі». *Шимми* (англ.) — здесь узконосная модная в 20-е гг. обувь.

38. Перевод стих. «Неоклассикам». «*Неоклассики*» — литературная группировка украинских писателей в 20-х гг. Заботясь о чистоте слога и сохранении классических форм, неоклассики зачастую избегали тем советской действительности. Позже большинство неоклассиков перешло на позиции советской литературы. *Эклога* — стихотворный жанр, изображающий бытовые сельские сцены. *Вам снится мертвый Рим... А вам ловить плотниц и млеть в мечте осенней...* и т. д. — инвективы и полемические намеки, в которых Сосюра осуждает общественную позицию неоклассиков (имея в виду Н. Зерова, М. Драй-Хмару, М. Рыльского и др.).

39. Перевод стих. «Дніпрельстан». *Днепрэльстан* — Днепровская гидроэлектростанция им. В. И. Ленина; заложена 8 ноября 1927 г., а 1 мая 1932 г. первый агрегат электростанции дал ток. *Гать* — плотина. *Славутич* — народно-песенное название реки Днепр. *Майдан* — площадь. *Тарасова могила* — могила Т. Г. Шевченко в Каневе на крутой Чернечей горе над Днепром. «*Быть или не быть?*» — начало известного монолога Гамлета из одноименной трагедии В. Шекспира; в данном случае имеет место и переключки со словами В. И. Ленина, который, выступая 20 ноября 1922 г. на пленуме Московского совета, выразил твердую уверенность в том, что «из России нэповской будет Россия социалистическая» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, с. 309).

40. Перевод стих. «Знову я на содовім заводі...». *Содовый завод* — Донецкий содовый завод им. В. И. Ленина в г. Лисичанске, Ворошиловградской обл., в бондарном цехе которого в юности (1915) работал Сосюра. В своей лирике он неоднократно вспоминает о содовом заводе. *Мой отец* — см. прим. к «Автобиографии», с. 510. *Икар* — здесь: страстно увлеченный мечтой человек. Икар (греч. миф.) — сын искусного мастера Дедала, который сделал крылья из перьев, скрепив их воском. Икар слишком высоко поднялся на них и погиб, так как солнечные лучи растопили воск. *Бахмут* — ныне Артемовск, Донецкой обл. *Вышла замуж девушка* — К. Рудзянская (см. прим. 31), которая в 1918 г. жила в Бахмуте.

41. Перевод стих. «Смерті нема для творців...». *Вас. Элан* — см. прим. к «Автобиографии», с. 511.

42. Перевод стих. «Небо хмарне, वोгке, наче з вати...».

43. Перевод стих. «Мати». *Чугунка* — старое просторечное название железной дороги.

44. Перевод стих. «Сонет» («Люблю тебе, доба переходова...»).

45. Перевод стих. «Пісня» («Комсомолец молоденький...»).

46. Перевод стих. «Падають сніжинки лагідно і млисто...».

47. Перевод стих. «Комсомолец». *Желто-синие ключья* — имеются в виду националистические знамена. *Куренной* — высший офицерский чин петлюровской армии (о Петлюре см. прим. 464).

48. Перевод стих. «Тебе любив, як вітер — небо...».

49. Перевод стих. «Гроза».

50. Перевод стих. «Дівчина на розі». *Ходила в Венгрию в поход*. Имеются в виду революционные события в Венгрии, связанные с провозглашением 21 марта 1918 г. Венгерской Советской Республики.

51. Перевод стих. «У мареві». Смысловой подтекст стихотворения связан с образом К. Рудзянской (см. прим. 31 и 40). *Бахмутка* — речушка, протекающая возле г. Артемовска на Донбассе.

52. Перевод стих. «Ліг на верби огонь янтаря...».

53. Перевод стих. «Шумне місто скажено вирує...». *«Известия»* — газета «Вісті ВУЦВК», орган Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета, в первой половине 20-х гг. ее редактором был В. Эдлан-Блакитный (см. прим. к «Автобиографии», с. 511). *Мене-стрель* — бродячий поэт-певец в средневековой Франции и Англии.

54. Перевод стих. «Далеке місто повітове...».

55. Перевод стих. «Уже не сню я про бої...».

56. Перевод стих. «Сад шумить».

57. Перевод стих. «Яблуні».

58. Перевод стих. «Кукурудза шумить пожовтіла...».

59. Перевод стих. «Над Дінцем».

60. Перевод стих. «Осінь» («Чорний ворон сидить на могилі...»). *Тык* — плетень, забор.

61. Перевод стих. «Це було на острові Цейлоні...».

62. Перевод стих. «Винен».

63. Перевод стих. «Чорні троянди». *Моя бабка* — Вера Ивановна Сосюра; постійно жила в селі Звановке (теперь Донецька обл.), но в 1931 г., когда было создано произведение, жила в селі Верхнем (теперь Лисичанск, Ворошиловградской обл.).

64. Перевод стих. «Марії» («Якби помножити любов усіх людей...»). Посвящено *Марії* Гавриловне Сосюре, урожденной Даниловой, с которой поэт вступил во второй брак в марте 1931 г. «9 марта 1931 года, — вспоминает М. Г. Сосюра, — с утра мы готовились к традиционному празднику памяти Тараса Григорьевича Шевченко... В этот памятный и необыкновенный вечер я и познакомилась с Владимиром Сосурой... На третий день после нашей встречи Владимир признался мне в своей любви и предложил вступить с ним в брак» (ГНП, с. 384—387).

65. Перевод стих. «Знов село». *Церабкооп* — центральный рабочий кооператив, торговая организация, магазин. *Ни отца и ни брата не стало*. Родной брат Сосюры Олег трагически погиб в начале 20-х гг., отец умер в 1915 г. *Санитаркою юной скончалась* — родная сестра поэта Зоя. *А другая... от рака* — сестра Ольга. *Старый учитель* — В. М. Крючко, педагог министерского училища, у которого занимался Сосюра.

66. Перевод стих. «Я пригадав».

67. Перевод стих. «Акації цвітуть». *Славутич* — см. прим. 39. «*Лисичье над Донцом*» — автоцитата из поэмы Сосюры «Красная зима». Лисичье — народное название селения на Ворошиловградчине, теперь г. Лисичанск на Северском Донце. Название произошло от Лисьей Балки (лощины), возле которой еще в XVII в. стояли зимовники и курени запорожцев. Годом основания Лисичанска принято считать 1795-й, когда в упомянутой лощине заложили первую на Донбассе каменно-угольную шахту. Так возникло первое шахтерское селение на Украине. На этой шахте в 1916 г. работал юноша Сосюра.

68. Перевод стих. «Марія» («Задуманий вітер над городом віє...»). Посвящено М. Г. Сосюре (см. прим. 64).

1934—1946

69. Перевод стих. «Айстри». *Ай-Петри* — гора на Южном берегу Крыма возле г. Ялты.

70. Перевод стих. «Хвилі».

71. Перевод стих. «Прощання» («В твоїм погляді — крик, губи й брови — на біль...»).

72. Перевод стих. «Хлопчик».

73. Перевод стих. «Лі». Написано в связи с захватом японскими империалистами Северо-Восточного Китая.

74. Перевод стих. «Іду я стежною дзвінкою...».

75. Перевод стих. «Молодість» («Гуркоче ніч. Республіка труда...»).

76. Перевод стих. «Сьогодні я такий щасливий...».

77. Перевод стих. «В столиці». *Щорс* Н. А. (1895—1919) — герой гражданской войны на Украине, комдив; героически сражался в битвах с петлюровцами и белополяками.

78. Перевод стих. «В саду» («Сонце впало птицею за гори...»). *Дом «Слово»* — дом писателей в Харькове.

79. Перевод стих. «Над зошитом». *Террикон* — конусообразная насыпь из пустой породы, куда она подается вагонетками из шахт во время горных разработок.

80. Перевод стих. «Огні».

81. Перевод стих. «Світання».

82. Перевод стих. «За вікном» («Ніч міська за вікном. Десь кричать поїзди...»).

83. Перевод стих. «В садах».

84. Перевод стих. «За вікном зима...».

85. Перевод стих. «Ти мені нагадала турчанку...».

86. Перевод стих. «Вітчизна» («Ти — всі сонця, ти — небо...»).

87. Перевод стих. «І. П. Котляревському». *Котляревский* И. П. (1769—1838) — украинский писатель, зачинатель новой украинской литературы, автор бурлескной иронико-комической поэмы «Энеида» (опубл. в 1798 г.), в которой ярко изображены различные слои украинского общества конца XVII — начала XVIII в., пьес «Наталка Полтавка» и «Солдат-чародей», содержащих правдивые картины жизни украинского народа.

88. Перевод стих. «Люблю».

89. Перевод стих. «Поєтові».

90. Перевод стих. «Не сумуй».

91. Перевод стих. «Сполохи».

92. Перевод стих. «На могилі Шевченка». *Могила* Т. Г. *Шевченко* находится на Чернечей горе над Днпром возле Канева. «Завоїт» («Завещание») — революционное ст-ние Шевченко.

93. Перевод стих. «Проміння».

94. Перевод стих. «Вечір — у вікна, і сонце — у груди...».
95. Перевод стих. «Квітку метелик цілує...».
96. Перевод стих. «В полі».
97. Перевод стих. «Дош».
98. Перевод стих. «Прохання».
99. Перевод стих. «Криниця».
100. Перевод стих. «Вальс».
101. Перевод стих. «Україна» («З вітром шепочуться квіти...»),
102. Перевод стих. «Чи знаєш ти світання в полі...».

103. Перевод стих. «Васильки». Написанное поздно вечером 11 декабря 1938 г., стихотворение завершает ряд других, созданных на протяжении этого дня: «На півдні», «Я жду тебе...», «Чи знаєш ти світання в полі...», «Тишина», «Сніжинки», «Вдвох», «Бажання», «Лелека». Большинство из них — хрестоматийніце, некоторые положены на музыку. На слова стихотворения «Васильки» написал музыку К. Я. Доминчен, см. сб. песен на слова Сосюры «Так ніхто не кохав» (Київ, 1969).

104. Перевод стих. «Сніжинки».
105. Перевод стих. «Бажання».
106. Перевод стих. «Вороненя».
107. Перевод стих. «Вічність».
108. Перевод стих. «Один» («Щоб змалювать Ёдиної обличчя...»).
- 109—110. Перевод стих. из цикла «Ніч»: «Бродить ніч по вулицях зимових...» (1) и «Догоряє вечір, квітка пурпурова...» (4).
111. Перевод стих. «Ти спиш».
112. Перевод стих. «Чекання» («Тихо. В повітрі — ні руху...»).
113. Перевод стих. «Я — твій».
114. Перевод стих. «Грудень».
115. Перевод стих. «Рояль».
116. Перевод стих. «Одна» («Гай і поле...»).
117. Перевод стих. «Якби» («Осінній вечір. Сині клени...»).
118. Перевод стих. «Жить!»

119. Перевод стих. «Син». *Вова* — сын поэта (во втором браке) Владимир Владимирович Сосюра.
120. Перевод стих. «І сонце, і гудки, і запахи ялини. . .».
121. Перевод стих. «Серенада» («За Дніпром зайшло вже сонце. . .»).
122. Перевод стих. «Визволення». Стихотворение посвящено воссоединению Западной Украины с УССР, которое произошло в сентябре 1939 г. *Гусятин* — город на р. Збруч, Тернопольской обл., УССР. *Збруч* — река в Западной Украине, до 1939 г. водный рубеж, по которому проходила граница УССР с Польшей. *Отчизна Франка* — имеется в виду Западная Украина. И. Я. Франко родился в с. Нагуевичах (ныне Ивано-Франковская обл.).
123. Перевод стих. «Одцвітає мак у полі. . .».
124. Перевод стих. «Одгриміла гроза, теплий дощ одшумів. . .». *Валгалла* — в скандинавской мифологии дворец бога Одина (чертог мертвых), куда после смерти попадают души павших в бою героев.
125. Перевод стих. «Я вітру спитаю, чи любить вона? . . .».
126. Перевод стих. «Ти» («Крізь огні у блакитнім тумані. . .»)
127. Перевод стих. «Ні, не кажи, що ти вродлива. . .».
128. Перевод стих. «Ленін» («Хай роки проходять без ліку. . .»).
129. Перевод стих. «Журавлі прилетіли, кохана. . .».
130. Перевод стих. «Ти пам'ятаєш березневу. . .».
131. Перевод стих. «Павич пір'я розпустив. . .».
132. Перевод стих. «Удодик».
133. Перевод стих. «Туман пливе долиною. . .».
134. Перевод стих. «В синім небі зграї гав. . .».
135. Перевод стих. «Не погасни маревом, не розвійся сном. . .».
136. Перевод стих. «Я вигдав тебе. А може, ні? Не знаю. . .».
137. Перевод стих. «Я так тебе люблю, що стримати не в силі. . .».
138. Перевод стих. «Після дощу».
139. Перевод стих. «Вершник».
140. Перевод стих. «Краю мій!» («Краю мій, тебе у гromі броні. . .»).

141. Перевод стих. «Я квітку не можу зірвати. . .».

142. Перевод стих. «Люблю я море в шумний час прибою. . .».

143. Перевод стих. «Неначе сон. Проміння мідь. . .».

144. Перевод стих. «Пісня» («Гей, на заході гармати. . .»).

145. Перевод стих. «Перед розлукою».

146. Перевод стих. «Іду». *Лисичье* — см. прим. 67.

147. Перевод стих. «В серцях відвага соколина. . .».

148. Перевод стих. «Під небом Башкирії». В Уфе с июля 1941 до начала 1943 г. находилась в эвакуации семья Сосюра. *Славута* — см. прим. 39.

149. Перевод стих. «Веснам ще не край».

150. Перевод стих. «Дні воскресні».

151. Перевод стих. «Крізь вікна».

152. Перевод стих. «Гнів».

153. Перевод стих. «Який то гул пливе над нами. . .». *Олег* — сын поэта (от первого брака) Олег Владимирович Сосюра. Во время Великой Отечественной войны служил в зенитно-артиллерийских частях Советской Армии.

154. Перевод стих. «Ми переможемо!».

155. Перевод стих. «О, знаєм ми, що так не буде. . .».

156. Перевод стих. «У піснях не сльози. . .».

157. Перевод стих. «Коли фіалка синім оком. . .». *Лавра* — Киево-Печерская лавра, мужской монастырь, основанный в 1051 г.; с 1920 г. — музей-заповедник. *Владимирская гора* — гора в Киеве с памятником князю Владимиру Святославичу (ум. 1015) работы скульпторов П. К. Клодта (1805—1867) и В. И. Демут-Малиновского (1779—1846).

158. Перевод стих. «Ой долинами тумани. . .».

159. Перевод стих. «На степах ворожі коні. . .».

160. Перевод стих. «На береги Дінця уже сніги упали. . .».

161. Перевод стих. «Перлами, рососою, сонцем, далиною. . .».

162. Перевод стих. «Проклятий крук тебе терзає. . .».

163. Перевод стих. «Коли додому я прийду...». *Лавра* — см. прим. 157.
164. Перевод стих. «Срібні віти, синій сніг...».
165. Перевод стих. «Янтаріє вікно. Ранок. Піє когут...».
166. Перевод стих. «Вітер над полями...».
167. Перевод стих. «Щастя перемоги, радість повороту...».
168. Перевод стих. «Чорні круки над рудою...».
169. Перевод стих. «На бані Лаври промінь ліг...». *Лавра* — см. прим. 157. *Среди домов... иду*. Во время немецко-фашистской оккупации Украины Сосюра в Киеве не был. В декабре 1941 г., когда создавалось стихотворение, он болел и находился в одной из больниц Уфы. Лирический герой стихотворения не является автобиографическим.
170. Перевод стих. «Наліт».
171. Перевод стих. «Лист до земляків». *Над Кировской тихой горой*. Имеется в виду одноименная гора возле *Лисичанска* (см. прим. 67). В Лисичанске во время немецко-фашистской оккупации Донбасса жила мать поэта.
172. Перевод стих. «Шевченко в Донбасі». *Копры* — сооружение над главным стволом шахты для размещения подъемных механизмов.
173. Перевод стих. «Якої огненної мови...».
174. Перевод стих. «Друзям».
175. Перевод стих. «Всю ніч гриміли бомбовози...».
176. Перевод стих. «Перед битвою».
177. Перевод стих. «Дружині». Обращено к жене поэта М. Г. Сосюре (см. прим. 64).
178. Перевод стих. «України вишневі сади...».
179. Перевод стих. «Півник».
180. Перевод стих. «Пролетіла зозуля: ку-ку...».
181. Перевод стих. «Гохка, гухкає і грюка...».
182. Перевод стих. «Як багато пережито...».
183. Перевод стих. «Рана». *Славу́та* (Славутич) — см. прим. 39. *Владимир* — памятник князю Владимиру (см. прим. 157). *Богдан* — памятник гетману Богдану Хмельницькому (см. прим. 469) в Киеве на площади его имени, работы скульптора М. О. Микешина (1835—1896).

184. Перевод стих. «Любіть Україну». *Купина* — неопалимая купина, согласно библейской легенде, пылающий, но не сгораемый терновый куст.

185. Перевод стих. «Над Невою». *Пулковский меридиан* — меридиан, проходящий через Пулково (под Ленинградом), где находится Главная астрономическая обсерватория АН СССР (Пулковская). Во время Великой Отечественной войны здесь велись ожесточенные бои Советской Армии с немецко-фашистскими захватчиками. *Бронза Кирова* — памятник С. М. Кирову в Ленинграде. *Медный Всадник* — памятник Петру I в Ленинграде, работы французского скульптора М. Э. Фальконе (1716—1791).

186. Перевод стих. «Весна» («Весна, весна, сади мов п'яні...»). *Софиевская площадь* — теперь площадь Богдана Хмельницкого в Киеве. *Бронзовый Богдан* — см. прим. 183.

187. Перевод стих. «На Дніпрі».

188. Перевод стих. «Гудуть бори».

1947—1964

189. Перевод стих. «Пісне моя, пісне, серце радість тисне...».

190. Перевод стих. «Мріє, моя мріє, за зимовим сном...».

191. Перевод стих. «Твори, завжди твори, нехай летять хвилини...».

192. Перевод стих. «Дуб».

193. Перевод стих. «І от прийшов він, час побідний...». *Рыльский Максим Фаддеевич* (1895—1964) — украинский советский поэт, академик, лауреат Ленинской премии.

194. Перевод стих. «У кроках мільйонів і крок мій звучить...».

195. Перевод стих. «Я так люблю жагуче літо...».

196. Перевод стих. «Над шахтами лине задимлене небо...». *Третья Рота* — см. прим. 10. *Красная* — улица в Третьей Роте, в конце которой до революции стояла хата-хворостянка семьи Сосюр. *Чугунка* — см. прим. 43.

197. Перевод стих. «Зазеленіли знов каштани...».

198. Перевод стих. «Терикони». *Терриконы* — см. прим. 79.

199. Перевод стих. «Зелений день, степи шовкові...».

200. Перевод стих. «Він біг під вигуки „вперед!“...».

201. Перевод стих. «Одяглися у срібло каштани...».

202. Перевод стих. «Як тіні, дні все мимо, мимо, мимо...».

203. Перевод стих. «Сіється, сіється сніг...».
204. Перевод стих. «Гарно як у полі!...».
205. Перевод стих. «Співають птицями діброви...».
206. Перевод стих. «Полонені».
207. Перевод стих. «По алеї іду я...».
208. Перевод стих. «В твоїх очах усі мої надії...».
209. Перевод стих. «Надходить вечір... Синім ланом...». *Содовий завод* — см. прим. 40.
210. Перевод стих. «Я на квітки дивлюсь ласкаві...». *Завод знакомий* — см. прим. 40. *Поселок за горой* — село Верхнее (см. прим. к «Автобиографии», с. 510). *Школа заводская* — двухклассное министерское училище, в котором учился Сосюра.
211. Перевод стих. «Лине пісня хутко». *Бахмутка* — см. прим. 51. *Стерня* — сжатое поле. *Звановка* — село на Донбассе (теперь Донецкая обл., где жила бабушка поета).
212. Перевод стих. «О весно днів моїх, тебе я в пісні кличу...». *Бахмут* — см. прим. 40.
213. Перевод стих. «Третья Рота». *Третья Рота* — см. прим. 10. *Беспощадный* — литературный псевдоним Павла Григорьевича Иванова (1895—1968), русского советского поэта. *Парторг Сосюра* — Игорь, родной брат поета. *Януш, Шестопалов* — знакомые поета, товарищи его школьных лет.
214. Перевод стих. «Одесе». *По улицам прошли*. Имеется в виду Одесса 1920 г. *Парк* — парк им. Т. Г. Шевченко в Одессе. *Шотнек* — работник ЦК КП(б)У в Харькове в начале 20-х гг. *Кулик* — см. прим. к «Автобиографии», с. 511. *Из армии в ЦК*. После демобилизации в 1921 г. Сосюра работал инструктором ЦК КП(б)У в Харькове.
215. Перевод стих. «Крик гудків і дзвони сталі...».
216. Перевод стих. «І знов зелений світ і дзеркало Ірпіні...». *Ирпень* — правый приток Днепра, теперь впадает в Киевское водохранилище. У реки Ирпень возле одноименной ж.-д. станции находится дом творчества украинских писателей.
217. Перевод стих. «Ти не грай мені, друг, на гітарі...».
218. Перевод стих. «Марія! І море синіє...».
219. Перевод стих. «Ганна Іванівна» («Я пам'ятаю вчительку мою...»). *Ганна Іванівна* — учительница Сосюры, преподавала в Лисичанском двухклассном училище.

220. Перевод стих. «О. С. Пушкіну». О влиянии Пушкина на свое творчество Сосюра пишет в «Автобиографии», биографическом романе «Третья Рота» и др. произведениях.

221. Перевод стих. «Володимиру Маяковському». С В. В. Маяковским Сосюра познакомился в Харькове в 1922 г. Вот отрывок из его воспоминаний об этой встрече:

«Я спросил у Маяковского:

— Вы были на фронте?

— Был.

— Я еще никогда не читал и не слышал такой потрясающей поэзии. В ее гигантских образах и могучем ритме чувствуется железная поступь революции. Вы — великий поэт. Разрешите пожать вашу руку.

И он посмотрел на меня добрыми глазами, потерявшими свою остроту от огня полемики, протянул мне свою руку...» (X, 136). На кончину Маяковского Сосюра откликнулся стихотворением «Смерть» («Невже з кохання і утоми...»).

222. Перевод стих. «Гори Абхазії сплять у тумані...».

223. Перевод стих. «Донеччино моя!».

224. Перевод стих. «Стіни холодні і кроки...».

225. Перевод стих. «Ой, сніги, мої сніги...».

226. Перевод стих. «Розтулило сонце золоті повіки...».

227. Перевод стих. «Про що пташки в вікно розкриті...».

228. Перевод стих. «Встає над шахтами світання...».

229. Перевод стих. «Вже осені кругом передчуття...».

230. Перевод стих. «Шахтарю, я хочу, щоб пісня крилата...».

231. Перевод стих. «Вода десь точить білий камінь...».

232. Перевод стих. «Кричать уночі паровози...».

233. Перевод стих. «Лунають знов мої швидкі, щасливі кроки...». *Содовый завод* — см. прим. 40. *Где рвали мы траву*. В оригинале: «рвали паслен», т. е. травянистое растение со сладкими съедобными ягодами, своеобразное лакомство детей бедняков в дореволюционной России.

234. Перевод стих. «Лунали в далі неоглядній...».

235. Перевод стих. «Перший раз коли у кліть широку...». *Клеть* — специальная кабина, которая с помощью подъемного механизма транспортирует в шахту и из шахты людей, вагонетки с породой, оборудование и пр.

236. Перевод стих. «Веселий вітер пил несе...».

237. Перевод стих. «Гримить комбайн. . . і чорний пласт мов тале. . .».

238. Перевод стих. «Як сад шумить, як пахнуть квіти. . .».

239. Перевод стих. «За посьолок вийшли в поле. . .».

240. Перевод стих. «Не знаю я труда такого. . .».

241. Перевод стих. «Гей, поля, ви, поля. . .».

242. Перевод стих. «За трубами заводу, за гомоном сталінним. . .». *Гайдамаки* — воїнські часті генерала П. П. Скоропадського, гетьмана України в 1918 г. (см. прим. 471), являвшегося марионеткою в руках німецько-кайзеровських захватчиків. *Врагов из Боровского*. Існують в виду петлюровці. *Над Білою горою* — гора біля Дінца. *Кат* — палац.

243. Перевод стих. «Для вас моя пісня, хай сяють ці рими. . .».

244. Перевод стих. «Кріпильник». *Крепильщик* — шахтер, укріплюючий угольний пласт, ставящий кріплення в лаві, підземній вироботці з забоем великої протяженності. *Атлант* (грец. міф.) — титан, підтримуючий на своїх плечах небесний свід.

245. Перевод стих. «Терикони, копри, терикони. . .».

246. Перевод стих. «Грай, гармонька, грай. . .».

247. Перевод стих. «Донецкий край, широке поле. . .».

248. Перевод стих. «Не чути свисту коногони. . .». *Коногон* — робочий на шахтах дореволюційної України (зазвичай підліток), займаючийся вивозом добутої породи. *Кайло* — обушок.

249. Перевод стих. «Пісня» («Комбайнера молодого. . .»).

250. Перевод стих. «Не на річці, не на кладці. . .». *Штрек* — горизонтальна горна вироботка, не маюча виходу на поверхню і розташована по ході пласта корисного копалини.

251. Перевод стих. «Біля кліті». *Штрек* — см. прим. 250. *Забой* — місце, де ведеться горна вироботка. *Гуцульщина* — історично-етнографічна горна місцевість, що входить в Івано-Франківську, Черновицьку і Закарпатську області, де живуть горні українці — гуцули.

252. Перевод стих. «У спеціві синій, молодий, веселий. . .».

253. Перевод стих. «Я вийшов з кліті. . .». *Бремсберг* — механізований скат для спуску корисного копалини з вищеважаючого горизонту на нижелегаючий горизонт шахти.

254. Перевод стих. «Розтанув сніг. Дощі, дощі навколо. . .». *Шахтний ствол* — вертикальний, реже — трохи нахилений горний колодець

с выходом на поверхность земли. Предназначение шахтного ствола — обслуживать горные работы (связь, транспортировка и пр.).

255. Перевод стих. «Росії». *Со дня Великого Соєдиненья весна пришла уже в трехсотый раз.* Написано к 300-летию воссоединения Украины с Россией. Это историческое событие произошло 8 января 1654 г. в Переяславе, на собрании (Переяславской раде) представителей украинского народа, созванном гетманом Б. Хмельницким и принявшем решение о воссоединении.

256. Перевод стих. «Хто чув повстання дзвін, хто біг крізь тьму в атаку...».

257. Перевод стих. «Прилетять журавлі. Я вже чую їх крик...».

258. Перевод стих. «Зимовий сад, холодні голі віти...».

259. Перевод стих. «Я од щастя впаду на коліна...» *Сан* — приток Вислы, берет начало близ южной границы Польши и СССР.

260. Перевод стих. «Ні, я забудь тебе не міг...».

261. Перевод стих. «Краю дорогий...».

262. Перевод стих. «Продають фіалки, сині, наче очі...» *Ленинська* — улица в Киеве.

263. Перевод стих. «Шумить Дніпро... Я знов на Дніпрельстані...» *Днепрэльстан* — см. прим. 39. На Днепрэльстане в г. Запорожье Сосюра побывал летом 1953 г.

264. Перевод стих. «В ремінних постолах, у білій кожушині...» *Опорки* — старье, рваные башмаки. *Гуцул* — см. прим. 251.

265. Перевод стих. «Сонячний зайчик лежить на підлозі...».

266. Перевод стих. «Шлють димарі й копри здаля...».

267. Перевод стих. «Хто може сонце погасить...».

268. Перевод стих. «Над Дніпром журавлі знову будуть вітати Україну...» *Батія гора* — гора в юго-западной части Киева.

269. Перевод стих. «Тьму світло переможе...».

270. Перевод стих. «Садом я блукаю тихою ходою...» *Рыльский* — см. прим. 193.

271. Перевод стих. «Та зоряна ніч, наче пісня була...».

272. Перевод стих. «Сади Абхазії, ви знов переді мною!...».

273. Перевод стих. «Зорі облетіла жоржина...».

274. Перевод стих. «Дівчина». *Стерня* — см. прим. 211.
275. Перевод стих. «Весна і молодість. Ну, що є краще в світі...»
276. Перевод стих. «Бабине літо».
277. Перевод стих. «Вже травень засвітив свічки каштанів білі...»
278. Перевод стих. «Іду, співаючи про тебе...».
279. Перевод стих. «В задумі сад, квітки, алеї...».
280. Перевод стих. «Солов'їні далі, далі солов'їні...».
281. Перевод стих. «Юнакові».
282. Перевод стих. «Ах ти, юнь чорноброва...».
283. Перевод стих. «Одгуркотів гігантів бій...».
284. Перевод стих. «Блукає осінь. Безгомінням...».
285. Перевод стих. «Задума і спомини, й спокій...».
286. Перевод стих. «Мені ти приснилась давно...».
287. Перевод стих. «Пам'ятаю весну...».
288. Перевод стих. «Орисі». *Орыся* (Ирина) — внучка поета, дочка его сына В. В. Сосюры.
289. Перевод стих. «Пухкий і веселий вилискував сніг...».
290. Перевод стих. «Співаєш ти про щастя світлі гони...».
291. Перевод стих. «Мені ще й досі берег сниться...».
292. Перевод стих. «На малюнках ведмеді, мавпи, рисі...».
293. Перевод стих. «Співає Орися, й дзвінкий голосок...».
294. Перевод стих. «Ти з вічності, наче з туману...».
295. Перевод стих. «Спить санаторій, наче крила...».
296. Перевод стих. «Поїзд рушив у зоряний вечір...».
297. Перевод стих. «Вітром пахучим весна...».
298. Перевод стих. «День у хмарках кудись за обрій лине...».
299. Перевод стих. «Вітер коси розплітає...».
300. Перевод стих. «Знов прийшов рум'яний тихий вечір...».
301. Перевод стих. «О, дзвін хвилини, і темні чорні ночі...».

302. Перевод стих. «За вікнами ніч пропливає...».
303. Перевод стих. «Кругом снігів скривавлені пустелі...».
304. Перевод стих. «Хто в серце шле солодкий щастя струм...».
305. Перевод стих. «Я знову згадав ті хвилини...».
306. Перевод стих. «Дивлюсь на рідні, добрі руки...».
307. Перевод стих. «Без тебе гасне світ і знов з тобою сяє...».
308. Перевод стих. «Ми йдемо з тобою... В серці співні рими...».
309. Перевод стих. «Ти йшла. Хитались два відерця...». *Ты шла* в т. д. В стихотворенні воссоздан образ К. Рудзянской (см. прим. 31).
310. Перевод стих. «Знову віє даль весною...». *Конча-Заспа* — селення возле Києва.
311. Перевод стих. «Учись». *Мова* — речь, язык.
312. Перевод стих. «Днів минулих серцю жалко...». *О тебе пою, родная, ровно тридцать лет.* Имеются в виду лирические стихи, так или иначе связанные с образом жены поэта М. Г. Сосюры (см. прим. 64).
313. Перевод стих. «Акації». *Надсон С. Я.* (1862—1887) — русский поэт.
314. Перевод стих. «Ячмінь колоситься. Мовчать солов'ї...».
315. Перевод стих. «Троянди в'януть, як у дні осінні...».
316. Перевод стих. «Живе народжує нове...».
317. Перевод стих. «Труби над рейками, дим у блакиті...».
318. Перевод стих. «Дерев люблю я древній світ...».
319. Перевод стих. «На квітах роса перелиста...».
320. Перевод стих. «Крізь вогонь».
321. Перевод стих. «Природа!.. З нею я не сам...».
322. Перевод стих. «Піднімаються крила душі...».
323. Перевод стих. «Про що шумлять листки в цей вечір, повний жури...».
324. Перевод стих. «Знов зоря світання стерла сон кругом...».
325. Перевод стих. «З небесних голубих повік...».
326. Перевод стих. «Золоту тоненьку ніжку...».

327. Перевод стих. «Лист Олександрю Ковіньці». *Ковинька* А. И. (р. 1900) — украинский писатель-юморист, с которым Сосюра познакомился в Одессе весной 1920 г., когда он, как и Ковинька, был солдатом Черноморского полка. *Дерибасовская* — центральная улица в Одессе. *Галиция* — часть земель Западной Украины (современная Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области). *Рвался к братьям красным*. Намек на события, предшествовавшие вступлению Сосюры в Красную Армию. См. «Автобиографию», с. 509 и вступ. статью, с. 10. *Сын Остапа Вишни* — т. е. ближайший наследник традиций известного украинского сатирика и юмориста Остапа Вишни (Губенко П. М., 1889—1956), сказавшихся в творчестве Ковиньки. *Вендетта* — обычай кровной мести в Италии. *Ирпень* — см. прим. 216.

328. Перевод стих. «Комишеваха, Лоскутовка...». *Камышеваха, Лоскутовка, Переездная* — железнодорожные станции на Донбассе.

329. Перевод стих. «Над туманами вкритою рікою...».

330. Перевод стих. «Вона іде».

331. Перевод стих. «Линуть птицями звихрені думи...».

332. Перевод стих. «Вона іде, неначе ліне...».

333. Перевод стих. «Щебече серце... Од пісень...».

334. Перевод стих. «Вже по-осінньому шепочуть між собою...».

335. Перевод стих. «Я дивлюсь на трави, а на травах — сльози...».

336. Перевод стих. «Вже холод осені я в теплім вітрі чую...».

337. Перевод стих. «Зимі».

338. Перевод стих. «Ластівки на дроті, в сонця позолоті...».

339. Перевод стих. «П. Г. Тичині». *Тычина* Павло Григорьевич (1891—1967) — украинский советский поэт и общественный деятель. Эпиграф — из стихотворения «Подивилась ясно...». *Сквозь тьму гайдамацкую шел*. Намек на осложненный путь поэта к защите идей Октября в рядах Красной Армии (см. «Автобиографию», с. 509 и вступ. статью, с. 9—10).

340. Перевод стих. «Струни».

341. Перевод стих. «Солов'ї» («Вже почала зозуля кувати...»).

342. Перевод стих. «Як з бруньок розкритих листячко зелене...».

343. Перевод стих. «Хтось батогом у небі цвейка...». *Лисичь* — см. прим. 67.

344. Перевод стих. «Над морем». *Первые строки «Червонной зимы»*. Имеется в виду поэма Сосюры «Красная зима» (1921). Контекст стихотворения, в частности упоминание об Одессе, в которой поэт во время

гражданской войны был зимой и в начале весны 1920 г., дают основания предполагать, что замысел «Красной зимы» относится еще к 1920 г. *Ковинька* — см. прим. 327.

345. Перевод стих. «Я знаю силу слова...».

346. Перевод стих. «Горячий день і даль далека...». *Лисичье* — см. прим. 67.

347. Перевод стих. «Якби» («Якби почути листя шум...»).

348. Перевод стих. «Сіяло небо наді мною...».

349. Перевод стих. «Райдуга в небі барвно грає...».

350. Перевод стих. «Дощ пройшов шовковою ходою...».

351. Перевод стих. «Ридає арфою Еола...». *Эол* (греч. миф.) — бог ветров; *арфа Эола* — древний музыкальный инструмент, струны которого звучат от движения воздуха. *Маттиолы* — цветы, издающие густой ароматный запах.

352. Перевод стих. «Пісня» («Завжди, завжди про тебе пісня ли-не...»). *Мария* — М. Г. Сосюра, жена поэта (см. прим. 64).

353. Перевод стих. «Як вогнем запалає обличчя...».

354. Перевод стих. «Хай над чолом твоїм, що блідне...».

355. Перевод стих. «О щебечте, пташки, славте землю і небо...».

356. Перевод стих. «Муляри».

357. Перевод стих. «Брильянти рос укрили луг шовковий...».

358. Перевод стих. «Все пролітають поїзди...».

359. Перевод стих. «Я до щастя звичний...».

360. Перевод стих. «Тихий вечір одсівав...».

361. Перевод стих. «Одцвіли сади давно...».

362. Перевод стих. «Хвилюється, хитається трава...».

363. Перевод стих. «Для мене ти така ж, як і була...».

364. Перевод стих. «Я так люблю твої турботи...». *Шевченка зоренька встаєт* — намек на стихотворение Т. Г. Шевченко «Садок вишневый коло хати...», ставшее народной песней. *Усы седые Кобзаря* — здесь деталь портрета Т. Г. Шевченко. «Як бивсь татарин уночі» — строка из баллады Т. Г. Шевченко «Причинна».

365. Перевод стих. «Душа моя, як арфа золота...».

366. Перевод стих. «Даль, Димарів силуєти...».

367. Перевод стих. «У лаві йшов».
368. Перевод стих. «Ленінська вулиця, рідна моя...». *Улиця Лени-на* — в Києве.
369. Перевод стих. «День одсіяв і погаснув давно...».
370. Перевод стих. «Там десь хлопчик маленький, сади...». *Червону зиму*. Имеється в виду 1917 г. и боротьба за власть Советов на Украине.
371. Перевод стих. «Море... Де знайдеш для пісні слова...».
372. Перевод стих. «Співа моя душа, прозора і крилата...».
373. Перевод стих. «Там десь далеко сад над синьою рікою...».
374. Перевод стих. «Знову я маленький... Літо, мое літо!...».
375. Перевод стих. «Я од пісні юний...».
376. Перевод стих. «Де тракторів грімливий крок...».
377. Перевод стих. «Пам'ятаєш, як літом...».
378. Перевод стих. «Чи чули ви, як в дзвоні молотка...».
379. Перевод стих. «Пожовтіла вже трава...».
380. Перевод стих. «Холоне синь Дніпра, у зелені садів...».
381. Перевод стих. «Неначе це було учора...».
382. Перевод стих. «Очей сумних моєї нььки...». См. прим. к «Автобиографии», с. 506.
383. Перевод стих. «Копри, гаї, немов тумани...». *Лисичье* — см. прим. 67.
384. Перевод стих. «Вони пройшли спокійні, повні сили...». *Фламинго* — крупные краснокрылые птицы, обитающие в тропиках и суб-тропиках.
385. Перевод стих. «І знову в'ється довгий шлях...». *Звановка* — село на Донбассе (см. также прим. 63).
386. Перевод стих. «Як я люблю тебе! Як оспівати хочу...».
387. Перевод стих. «В береговий граніт дніпрові б'ються хвилі...».
388. Перевод стих. «Іше дерева віти голі...».
389. Перевод стих. «Хай туман осінній бродить по землі...».
390. Перевод стих. «Є осінь у весни і в осені весна...».
391. Перевод стих. «У териконах даль...».

392. Перевод стих. «І рейки й віадуки. . .».

393. Перевод стих. «Про що в росі задумалась земля? . . .».

394. Перевод стих. «Небо, вітер і дороги. . .».

395. Перевод стих. «Немов в павутинні сріблястім. . .».

396. Перевод стих. «Де вхід в метро, де скло, і бронза й мідь. . .». «Арсенал» — киевский завод, прославленный своими боевыми революционными традициями. Арсенальцы были активными участниками революционных событий 1905—1907 гг., главной ударной силой Киевского октябрьского восстания 1917 г. и Киевского январского вооруженного восстания 1918 г. против контрреволюционной Центральной рады.

397. Перевод стих. «Летять хвилини, як лелеки. . .». *Башкирия моя* — в Уфе, столице Башкирской АССР, в 1941 г. вместе со своей семьей находился в эвакуации Сосюра. *Курай* — пустынное и степное растение, служит кормом для верблюдов и др. животных.

398. Перевод стих. «Як радісно стає, коли запона ночі. . .».

399. Перевод стих. «Як посмутніла сива далина. . .».

400. Перевод стих. «На тополі ворон криче. . .».

401. Перевод стих. «Нема Бахмутки, всохли луки. . .». *Бахмутка* — см. прим. 51. *Слушал я рояля звуки и плакал*. Поэт вспоминает К. Рудзянскую (см. прим. 31). *Тихий пруд* — у станции Яма (см. прим. 16), расположенный на территории бывшего Каменского сельскохозяйственного училища, где в 1914—1918 гг. учился Сосюра.

402. Перевод стих. «Сонце впало за сині могили. . .».

403. Перевод стих. «Осінні стяги знову над землею. . .».

404. Перевод стих. «О ні! В віках не одгриміли. . .». *Красная зима* — см. прим. 370.

405. Перевод стих. «Як радісно мені іти в каштанів шумі. . .».

406. Перевод стих. «Гей, життя ясне моє! . . .».

407. Перевод стих. «Іду. . . І кроків луни. . .». *Лисичье* — см. прим. 67.

408. Перевод стих. «Обійми для мене розкрили. . .». *Черемош* — река в Западной Украине, правый приток р. Прут.

409. Перевод стих. «Знов сади квітчасті. . .».

410. Перевод стих. «І все ніяк не замовчу я. . .».

411. Перевод стих. «Сади багряніють навколо. . .».

412. Перевод стих. «Пташки покидають діброви. . .».

413. Перевод стих. «Хай лунають пісні. . .».
414. Перевод стих. «Зняв ти чоло аж до зір над землею. . .».
415. Перевод стих. «Листок осінній у задумі. . .».
416. Перевод стих. «Все ніяк од згадок не засну я. . .».
417. Перевод стих. «Давно замовкли сурми бою. . .».
418. Перевод стих. «Я бачу в золоті осіннім. . .».
419. Перевод стих. «Шумлять дуби, весною пахнуть трави. . .». *Святослав* (ум. 972) — великий князь киевський.
420. Перевод стих. «Давно уже душа закохана моя. . .».
421. Перевод стих. «Славить люблю я піснями. . .».
422. Перевод стих. «Ми йдемо золотою землею. . .».
423. Перевод стих. «Весною купував я квіти ніжно-сині. . .».
424. Перевод стих. «Дощ пройшов, одстукав у вікно. . .».
425. Перевод стих. «Як синьо, як чисто, як свіжо кругом! . . .». *Шорс* Н. А. — см. прим. 77.
426. Перевод стих. «Юрию Гагарину». *Гагарин* Юрій Алексеевич (1934—1968) — летчик-космонавт СССР, в 1961 г. впервые в истории человечества совершил космический полет.
427. Перевод стих. «День одсіяв неповторимо. . .».
428. Перевод стих. «Казки мені осінь шепоче. . .».
429. Перевод стих. «Знов простягне в вітрах зима холодні кося. . .».
430. Перевод стих. «Я пам'ятаю сталі спів. . .». *Олежек* — менший брат поета, Олег Николаевич, умер в начале 20-х гг. *Третья Рота* — см. прим. 10. *Гарibaldi* Джузеппе (1807—1882) — народный герой Италии, один из вождей революционно-демократического движения итальянского народа против иностранного господства за объединение страны.
431. Перевод стих. «Під сяєвом величної зорі. . .».
432. Перевод стих. «Пливе туман, як сон, з ріки. . .».
433. Перевод стих. «Сумно вітер шепоче. . .».
434. Перевод стих. «Сонце, мое сонце, мрія моя, мрія. . .».
435. Перевод стих. «Сурмач». *Мальшко* Андрей Самойлович (1912—1970) — украинский советский поэт. Стихотворение написано в связи с его 50-летием.
436. Перевод стих. «Він іде, й йому здається. . .».

437. Перевод стих. «Де над Дніпром прив'ялі трави...». *Свято-слав* — см. прим. 419.

438. Перевод стих. «Степи у ранковім тумані...». *Примаков В. М.* (1897—1937) — герой гражданской войны на Украине, командир корпуса Червоного казачества. *Привітствує Львов*. Во время Львовской операции (июнь — июль 1920 г.) Львов не был освобожден от белополяков.

439. Перевод стих. «Я дивлюсь на партійний квиток...». *В этот день я отнес заявление*. В мае 1920 г. в Одессе Сосюра был принят в ряды Коммунистической партии.

440. Перевод стих. «Яка прекрасна осінь у Карпатах...». *Довбуш О. В.* (1700—1745) — предводитель опришков, крестьян Прикарпатья и Буковины, восставших против феодалов; был предательски убит изменником.

441. Перевод стих. «Ти пісню серце колишеш...».

442. Перевод стих. «Деся гудки заводів...». *Бронзовий Богдан* — см. прим. 183. *Софія* — Софийский собор в Киеве, заложен в 1037 г.

443. Перевод стих. «Одснилась ніч уже давно...».

444. Перевод стих. «Яке це щастя — мчати на коні...».

445. Перевод стих. «Твоя шорстка кора, твоє гілля колюче...».

446. Перевод стих. «З дерев опадає убрання...».

447. Перевод стих. «Заводе, зв'язано з тобою...». *Завод* — Донецкий содовый завод (см. прим. 40).

448. Перевод стих. «Уже зоря, зоря моя вишнева...».

449. Перевод стих. «Я на землі батьків моїх, де віти...». *Стерня* — см. прим. 211.

450. Перевод стих. «Де шумів край села...».

451. Перевод стих. «Ти — гордість нашого народу». *Попович П. Р.* (р. 1930) — летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза. *Отважный побратим* — Николаев А. Г. (р. 1929), — летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, родом из Чувашской АССР. Совершил космический полет в 1962 г. вместе с Поповичем П. Р.

452. Перевод стих. «Я пам'ятаю, вітер чортом...». *Дредноут* — см. прим. 11.

453. Перевод стих. «Я губ твоїх дихання п'ю...».

454. Перевод стих. «Молоде обличчя...». *Лисичье* — см. прим. 67.

455. Перевод стих. «Рум'яний цвіт зорі обсіпався поволі...».

456. Перевод стих. «Ніколи я співати не покину...».

457. Перевод стих. «Іще не скресла крига на Дніпрі. . .».

458. Перевод стих. «Знов село приснилось, де жилось, любилось. . .».

459. Перевод стих. «Невідомому солдатові». *Ярославна* — княгиня Евфросинья Ярославна, жена новгород-северского князя Игоря Святославича (1150—1202), воспетая в «Слове о полку Игореве». Ее образ стал поэтическим символом верности и красоты.

460. Перевод стих. «Партія».

461. Перевод стих. «Кленовый листок».

462. Перевод стих. «Я знаю, біль затихне згодом. . .».

463. Перевод стих. «Я — квітка осіння. . .».

ПОЭМЫ

464. Перевод поэмы «Червона зима». *Лисичанск* — Лисичье, см. прим. 67. *Третья Рота* — см. прим. 10. *Сущенко* — подрядчик, разрабатывал карьеры в Лисичьем. *Клуня* — рига, гумно. *Белая гора* — гора неподалеку от Лисичьего; на поверхность ее выходили меловые отложения. *Петлюра* С. В. (1879—1926) — один из главарей контрреволюционного националистического движения (петлюровщины) на Украине. *Петлюру бить*. Подразумевается выступление рабочих Донбасса против петлюровцев. «*Чумак*» — украинская народная песня «Ой, в Києві на риночку. . .». *Сестра печальная* — родная сестра поэта Зоя Николаевна Сосюра. *Рубежная, Володино, Кабанье, Сватово* — железнодорожные станции на Донбассе. *Завод* — см. прим. 40. *Милый брат* — младший брат поэта Олег, скончался в самом начале 20-х гг. *А город всё не спит*. Сосюра вспоминает Одессу, куда он будто бы возвратился после окончания гражданской войны. В действительности этот поворот сюжета — плод художественного вымысла автора. В Одессе Сосюра был во время гражданской войны (конец 1919 — начало 1920 г.). *Недавно были здесь и греки, и зуавы*. Имеются в виду англо-французские интервенты, оккупировавшие 27 ноября 1918 г. Одессу. В составе оккупационных войск находились греческие части и формирования зуавов (зуавы — название арабских племен в Алжире). 6 апреля 1919 г. Одесса была полностью освобождена от захватчиков.

465. Перевод поэмы «Оксана». Первопечатному тексту поэмы предпослано посвящение: «Антону Дикому на память о К. Ч. 28». А. Дикий (1900—1936) — украинский советский поэт, автор сборника стихов «Огонь цветет» (1927); с ним в 20-х гг. Сосюра был в дружеских отношениях и оказал помощь в редактировании его сборника стихов. На одном из литературных вечеров А. Дикий познакомил Сосюру с В. К. Берзиной (потом женой поэта в его первом браке). В г. Харькове, в общежитии Коммунистического университета им. Артема в одной комнате с А. Диким жил в 1922 г. студент университета Сосюра. В. К. Берзина утверждает, что это была комната № 28. Как своеобразное поэтическое воспоминание об этих студенческих годах и пи-

салась поэма «Оксана», произведение отчасти автобиографическое. *Колононы* — см. прим. 248. *Продольня* — подземный шахтный канал, соединяющий угольные разработки. *Камерон* — общее название всех шахтных сооружений. *Иодоформ* — лекарство, антисептик с резким неприятным запахом. *Карбидка* — карбидная переносная шахтная лампа. *Когда свалился трон* — подразумевается февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. *Зачем же вновь на фронт и «до победы»*. Имеется в виду шовинистическая политика Временного правительства, провозгласившего лозунг: «война до победного конца». *Постолаы* — кожаные лапти. *Лоскутовка* — село на Донбассе. *Пришли германцы*. Имеется в виду германско-австрийская оккупация Украины в 1918 г. *Гайдамаки* — см. прим. 242. *Таяли... петлюровские орды*. Окончательно петлюровские формирования (о Петлюре см. прим. 464) были изгнаны из Советской Украины в 1920 г. *Под Брянском* и т. д. Вся десятая глава — своеобразное воспоминание о наступлении белогвардейской армии А. И. Деникина на Москву в 1919 г. и о ее разгроме Красной Армией. *Буденный, где ты*. 1-я конармия героя гражданской войны С. М. Буденного (1883—1973) участвовала в разгроме белополяков. *Удары под Орлом* — первые сокрушительные удары красных частей по деникинской армии в октябре 1919 г. *Диоген* (ок. 400 — ок. 325 до н. э.) — древнегреческий философ. *Стервятник одноглавый* — белый орел на гербе панской Польши. Имеется в виду интервенция белопольских войск в Советскую Украину в апреле 1920 г. *Жовнир* — жолнеж, польский солдат. *Рядно* — грубый холст ручной работы, дерюга. *Фош Фердинанд* (1851—1929) — французский маршал, с апреля 1918 г. — главнокомандующий армиями Антанты, один из организаторов интервенции против Советской России и Венгерской Советской Республики. *Прага* — здесь: правобережная часть Варшавы. *Осовец* — крепость дореволюционной России (ныне в пределах Польши), имевшая важное оборонительное значение на русско-германском фронте в первую мировую войну. *Ворота Перекопа* — см. прим. 8. *Врангель П. Н.* (1878—1928) — один из главных организаторов контрреволюции в гражданскую войну; в 1920 г. предводитель белогвардейских частей в Крыму. *Сиваш* — система мелких заливов в западной мелководной части Азовского моря в Крыму. В 1920 г. во время Перекопско-Чонгарской операции Сиваш был форсирован наступающими на Крым частями Красной Армии. *Женотдел* — отделы партийных комитетов, занимающихся воспитанием женщин в духе социализма; существовали с сентября 1919 г. до января 1930 г. *Поволжье... протягивает... худые руки*. Подразумевается голод в Поволжье в 1921 г., вызванный засухой и военной разрухой. *Третья Рота* — см. прим. 10. *Артем* — здесь Коммунистический университет им. Артема в Харькове. Артем (Сергеев Ф. А., 1883—1921) — партийный и советский государственный деятель.

466. Перевод поэмы «Тарас Трясило». *Тарас Трясило* — Тарас Федорівч, гетман (с 1629 г.) нереестровых казаков, предводитель крестьянско-казачьего восстания 1630 г. против шляхетской Польши. Под его руководством украинские казаки совместно с русскими воинскими частями принимали участие в войне против Польши (1632—1634). В 1636 г. приезжал в Москву за получением разрешения о переходе некоторой части украинских казаков на службу к России. Первая часть. *Стерня* — см. прим. 211. *Рядно* — см. прим. 465. *Хортица* — остров на Днепре возле Запорожья, важный опорный пункт Запорожской сечи в ее борьбе с угнетателями украинского народа. Отсюда выступили в освободитель-

ные походы повстанческие войска под руководством Т. Трясила, Б. Хмельнищкого и др. *Гайдук* — здесь: панский слуга. *Сечь* — Запорожская сечь, организация украинских казаков в XVI—XVII вв., находилась за Днепровскими порогами. Возникшая в 1540-е гг., Сечь была важным центром освободительной борьбы украинского народа против социального и национального порабощения польской шляхтой и турецко-татарскими захватчиками. До 1654 г. существовала как казачья «республика» со своим верховным органом — сечевой радой, на которой избиралась сечевая старшина во главе с кошовым атаманом. Сечь делилась на курени (в XVIII в. их было 38). Была ликвидирована царизмом в 1775 г. после подавления восстания Е. И. Пугачева. Вторая часть. *Янычары* — с XVI в. замкнутая военная каста, игравшая заметную роль в государственной жизни феодальной Турции; здесь — военные формирования янычаров. *Байрам* — религиозный мусульманский праздник, отмечается в десятый день последнего месяца года. *Ксендз* — священнослужитель католической церкви в Польше. *Мулла* — служитель религиозного культа мусульман. *Ханым* (тюркск.) — девушка, госпожа. *Шинкарь* — владелец кабака, ханатчик. *Старшина* — правящая верхушка украинского казачества, принадлежала к зажиточным слоям населения. После 1785 г. ликвидирована царизмом как отдельная привилегированная группа и в своих правах уравнена с русским дворянством. *Куренной* — выборный предводитель запорожского куреня на Сечи. *Сейм* — сословно-представительный государственный орган в феодальной Польше. *Дуван* (турецк.) — открытое возвышенное место; в быту казацкой волиницы — сходка для дележа захваченной добычи. *Коран* — священная религиозная книга мусульман. *Сагайдак* — колчан, чехол для лука и стрел. *Тырса* — ковыль. Третья часть. *Чует поп, что наступає кара* и т. д. Этот поворот сюжета поэмы не соответствует исторической действительности: казацки низы во время восстаний в XVI—XVII вв. расправлялись с панством, с зажиточной верхушкой казачества (старшиной) и никогда не трогали православное духовенство. *Причет* — прихожане в православной церкви. *Булава* и ее разновидности — пернач и палица — высший знак воинской власти, принадлежавший гетману. *Клейноды* — воинские знаки и атрибуты власти запорожского казачества: корогва (т. е. знамя), бунчук (конский хвост на украшенном древке), булава и др. *Байдак* — речное плоскодонное деревянное судно, использовалось в военных походах запорожских казаков. *Очаков* — в XVI в. турецкое укрепление на берегу Днепровского лимана. Здесь находилась турецкая застава, следившая за казаками и преграждавшая им выход из Днепра в Черное море. *Царьград* — древнее название г. Константинополя, теперь г. Стамбул в Турции. *Муэдзин* — служитель мечети, призывающий мусульман к молитве. Четвертая часть. *Каурый* — коричневой масти конь. *Ненька* — мать. *Потылиця* — затылок. *Синклит* — в Древней Греции собрание сановников; в переносном смысле — собрание высокопоставленных особ. *Альта* — речка на востоке Киевской обл., приток Трубежа, впадающего в Днепр. *Жолнер* (польск.) — солдат. *Кобза* — старинный струнный щипковый инструмент, подобный бандуре. *Трясило мчит*. Тарас Трясило после того, как казацкая старшина решила прекратить борьбу и подписала в 1630 г. с коронным гетманом Польши магнатом С. Конецпольским мирный договор (т. н. «Переяславскую угоду»), ушел во главе части непокорных казаков на Запорожье. О дальнейшей его судьбе ничего не известно.

467. Перевод поэмы «Відповідь». В первой публикации оригинала произведение имело два эпиграфа: из поэмы А. Блока «Двенадцать» и

десятого стихотворения цикла «В космическом оркестре» П. Тычины. *Маланюк* Евген (1897—1969) — украинский националистический поэт, во время гражданской войны на Украине — активный участник националистической контрреволюции. Эмигрировал в США. Выступал со злобными антисоветскими статьями. Поэма Сосюра является ответом советского поэта на враждебное выступление Маланюка в одном из львовских журналов в 1926 г. «*Сердцевина бессильной нации*» — цитата из националистического выступления Маланюка. *Шлях* — дорога, путь. «*Быть иль не быть!*» — см. прим. 39. *Клемансо* Ж.-Б. (1841—1929) — французский политический деятель, в 1917—1920 гг. премьер-министр Франции, один из организаторов интервенции против Советской России. *Конотоп* — город Сумской обл. УССР. *Соловьев* В. С. (1853—1900) — русский религиозный философ, поэт, публицист. *Галичина* — Галиция, т. е. Западная Украина, Буковина и Закарпатье, которые находились во время создания поэмы «Отповедь» под гнетом буржуазных правительств Польши, Румынии и Чехословакии. *Церабкооп* — см. прим. 65. *Петлюра* — см. прим. 464. *Смердяков* — персонаж романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»; в нарицательном значении — подлый холуй, лицемер и преступник. Смердяковыми поэт называет белогвардейцев (в данном случае врангелевцев), разгромленных в Крыму и бежавших по морю за пределы страны; многие из них высадились в Стамбуле. *Кардинал* — в иерархической лестнице католической церкви духовное лицо, следующее после папы — главы Ватикана. «*Коль нет у нации вождя, тогда вожди ее — поэты*» — цитата из стихотворного пасквиля Маланюка. *Тычина* — см. прим. 339. *Пеан* — гимн. *Лориган-Коти* — марка дорогих французских духов. «*Симфония мускулатур*» — цитата из стихотворения М. Ф. Рыльского (см. прим. 193) из его сборника «Синяя даль» (1922). «*Послание*» — название националистического произведения Маланюка. *Бонжур* (франц.) — добрый день, здравствуйте. «*Наши паровоз, вперед лети...*» и т. д. — две строфы из популярной в 20-х гг. песни, созданной рабочими киевских железнодорожных мастерских, где тогда работал комсомолец Н. Островский. В оригинале поэмы «Отповедь» русский текст песни дан в переводе Сосюра на украинский язык. *Центральная рада* — контрреволюционное буржуазно-националистическое правительство на Украине, захватившее власть после Октябрьской революции. В январе 1918 г. изгнано украинской и русской Красной гвардией. В начале марта этого же года вернулось вместе с австро-германскими оккупантами, которыми вскоре было разогнано. *Тарас* — Т. Г. Шевченко. *Не твой ведь он*. В «Послании» Маланюк пытался превратно истолковать в своих идеологических интересах поэму Шевченко «И мертвым и живым...» Сосюра резко разоблачает эти потуги врага. *Кат* — палач. *Мазепа* И. С. (1644—1709) — герман Левобережной Украины (с 1687 г.), изменивший своему народу и России; бежал в Турцию после разгрома армии Карла XII под Полтавой (1709). *Иорданские легенды* — легенды о Христе, рассказанные в евангелиях. «*Невермор!*» — восклицание, подсказанное Сосюре стихотворением Эдгара По «Ворон», где эти слова несколько раз повторяются. *Саваоф* — одно из имен бога в Библии. *Домбровский* Я. (1836—1871) — польский революционер-демократ, генерал, главнокомандующий вооруженными силами Парижской коммуны (1871), погиб в бою с контрреволюционерами. *Варлен* Л.-Э. (1839—1871) — член 1-го Интернационала, один из руководителей Парижской коммуны.

468. Перевод поэмы «Заводянка». «Кукушка» — небольшой маневровый паровоз. *Бондарня* — видимо, бондарный цех Донецкого содового завода (см. прим. 40). *Кислицы* — яблоки дикорастущей яблони. *Банды гетманские* — националистические военные формирования гетмана П. П. Скоропадского (см. прим. 471). *Лета* (греч. миф.) — река забвения в подземном царстве; утонуть в волнах Леты — быть забытым, навсегда исчезнуть. *Кровавый царь* — Николай II (1868—1918), один из зачинщиков первой мировой войны. «*В бой, до победного конца!*» — монархический лозунг в царской России времен первой мировой войны (1914—1917). *Коногон* — см. прим. 248. *И горько мне, что был мой путь непрямым, извилистым и запутанным*. Сложный путь лирического героя произведения в годы гражданской войны на Украине объясняется также биографией поэта, на которую этот путь проецируется (см. «Автобиографию» Сосюры и прим. к ней). *Шлях Батыев* — идиоматическое выражение: путь захватчиков. Батый (1208—1255) — монгольский хан, орды которого осенью — зимой 1240 г. вторглись в Южную Русь и захватили Киев. *В Софийском звоне золотом*. Речь идет о Софийском соборе в Киеве (см. прим. 442). *Золотые ворота* — памятник древнерусской архитектуры времен Киевской Руси, сооружен в 1037 г. Остались руины Золотых ворот, которые в 1982 г. восстановлены. *Славуца* — см. прим. 39. «*Арсенал*» — см. прим. 396. *Петлюра* — см. прим. 464. *Недолго Киев нашим был*. Под руководством большевистского ревкома 16 (29) января 1918 г. началось вооруженное восстание рабочих Киева против петлюровцев. 22 января (4 февраля) Центральная рада (см. прим. 467) разгромила арсенальцев. Но уже 26 января (8 февраля) красные войска во главе с командармом Ю. Коцюбинским освободили город от националистов. *Изгой* — в Древней Руси лицо, покинувшее свою социальную среду; здесь: изгнанник, отщепенец. *Казак* — здесь: рядовой петлюровского войска. *Эйхгорн Г.* (1848—1918) — фельдмаршал, командующий немецкими оккупационными войсками на Украине в 1918 г. *Кайзер* — германский император. *Хорунжий* — низший офицерский чин в казачьих (здесь — петлюровских) войсках. *Мазепа* — см. прим. 467. *Репин И. Е.* (1844—1930) — русский живописец-передвижник; здесь подразумевается его картина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (1878—1891). «*Восстанье!*» — имеется в виду выступление петлюровцев против немецких оккупантов и марионеточного «правительства» гетмана Украинской «державы» П. П. Скоропадского (см. прим. 471). Петлюровцы после ноябрьской революции 1918 г. в Германии и изгнания кайзеровских оккупантов из Украины пытались захватить власть в свои руки, но вскоре были разгромлены Красной Армией. *Гайдамаки* — см. прим. 242. *Столица* — имеется в виду г. Харьков, до 1934 г. (т. е. во время написания поэмы) — столица УССР. *Шушун* — верхнее длинное женское летнее платье.

469. Перевод поэмы «Кийів». *Золотые ворота* — см. прим. 468. *Пляне* — древнерусское племя. *До стен Цареграда плывет... орлекрылая рать Святослава*. В 971 г. Святослав Игоревич, великий князь киевский (945—972), предпринял поход на Византию. Цареград — см. прим. 466. *Перун* — в Киевской Руси дохристианского периода бог грома и молнии, верховное божество восточнославянского языческого пантеона. *Перуна спасать устремился народ*. Изваяние Перуна в IX—X вв. стояло на Владимирской горке в Киеве. После крещения Руси в 989 г. это изваяние было сброшено в Днепр. *Половецкий хан* — правитель половцев, народности восточного происхождения, обитавших в южнорусских степях в XI в.; с 1055 г. по начало XIII в. совершали постоянные

набеги на Русь. *Добрыня* — воспитатель и воевода Владимира Свято-славича (см. прим. 157); герой древнерусского былинного эпоса. *Батя полон* — имеется в виду захват Батыем (см. прим. 468) южной Руси. *Мамай* (ум. 1380) — фактический правитель Золотой Орды, противодействовавший усилению Московского княжества. Армия Мамаю была разгромлена князем Дмитрием Донским в Куликовской битве 1380 г. *Хмельницкий Богдан* (1595—1657) — гетман Украины, руководитель освободительной войны украинского народа против польско-шляхетского порабощения, провозгласил на Переяславской раде (1654) воссоединение Украины с Россией. *Пала панская власть* — разгром польско-шляхетского войска в освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг. *Двуглавый орел* — герб царской России. *Гайдамаки* — см. прим. 242. *«Арсенал»* — см. прим. 396. *В Унече восстанья огни*. В г. Унече и в лесах около реки Унеча на Брянщине формировал свои партизанские отряды Н. А. Щорс (см. прим. 77). *Славутич* — см. прим. 39. *Львову подал ты руку, а Львов — Черновцам*. Имеется в виду воссоединение всех украинских земель в составе УССР в результате освобождения Западной Украины (1939), Северной Буковины (1940) и Закарпатской Украины (1945) от гнета иностранных захватчиков. *Подол* — район Киева, в понизовье Днепра, одна из самых древних частей города. *Стаханов А. Г.* (1905—1977) — зачинатель движения новаторов-производственников, Герой Социалистического Труда. *София* — см. прим. 442. *Лавра* — см. прим. 157. *Октября годовщину, наш праздник*. В украинском оригинале здесь говорится о «двадцать третьем Октябре», из чего следует, что поэма в основном была уже написана в 1939 г. Позже Сосюра только несколько дорабатывал произведение. На основании этого и датируется произведение, впервые напечатанное посмертно в 1971 г. в Собр. соч. поэта (т. 7).

470. Перевод поэмы «Безсмертні». Первая редакция поэмы, созданная в 1943—1947 гг., называлась «Олег Кошевой». Потом Сосюра дорабатывал поэму, и в последующих публикациях, начиная с трехтомного издания 1959 г., она стала называться «Бессмертные». *Краснодонским молодогвардейцам посвящаю*. «Молодая гвардия» — подпольная комсомольская организация, возникшая в оккупированном фашистами г. Краснодоне на Донбассе в начале 1942 г., в составе около 100 человек. Организация была разгромлена гестаповцами, большинство ее участников казнено, пятерым из них посмертно в 1943 г. присвоено звание Героя Советского Союза). Руководителями подпольщиков были И. В. Туркенич, О. В. Кошевой, У. М. Громова, И. А. Земнухов, С. Г. Тюленин, Л. Г. Шевцова. Эти же события положены в основу романа А. Фадеева «Молодая гвардия». *Кошевой О. В.* (1926—1943) — комиссар подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия». *Громова У. М.* (1924—1943) — член штаба подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», распространяла антифашистские листовки, готовила побеги арестованных молодогвардейцев и т. п.; была схвачена гестапо и после зверских истязаний сброшена в шурф шахты. *Земнухов И. А.* (1924—1943) — член штаба «Молодой гвардии», участвовал в ее боевых операциях, организовал подпольную типографию, погиб в фашистском застенке. *Тюленин С. Г.* (1925—1943) — член штаба «Молодой гвардии»; после жестоких пыток сброшен в шурф шахты. *Шевцова Л. Г.* (1924—1943) — член штаба «Молодой гвардии», поддерживала связь с Украинским штабом партизанского движения; была схвачена гестапо и расстреляна в г. Ровеньки на Донбассе. *Вега* —

одна из самых ярких звезд Северного полушария. В Кремле... уже тогда звезду Героя вручили матери твоей. Орден Ленина и Звезда Героя Советского Союза, которыми награжден посмертно Кошевой О. В., были вручены на хранение матери героя. *Осьмухин В. А.* (1925—1943) — активный участник «Молодой гвардии». *Туркенич И. В.* (1920—1944) — член штаба «Молодой гвардии», принимал участие в многочисленных боевых операциях как командир боевых отрядов. Будучи офицером Красной Армии, погиб в боях с фашистами на р. Висле. *Пархоменко А. Я.* (1886—1921) — герой гражданской войны, командир кавалерийской дивизии, погиб в бою с махновцами. *Бондарева А. И.* (1922—1943) — активная участница «Молодой гвардии». «Замучен тяжелой неволей...» — популярная революционная песня, автор которой — писатель *Г. А. Мачтет* (1852—1901), участник революционного движения 1890-х гг. *Шурф* — вертикальная горная выработка с выходом на поверхность земли и глубиной обычно до 25 м. *Герои Триполья*. Имеется в виду героическая гибель отряда комсомольцев в июне 1919 г. в с. Триполье на Киевщине. Их уничтожили бандиты атамана Зеленого.

471. Перевод поэмы «Біля шахти старої». *Петлюра* — см. прим. 464. *Домовина* — гроб. *Плахта* — шерстяной платок, обертываемый женщинами вокруг талии вместо юбки. *Френкель* — условный персонаж, а не историческая личность. *Гетман* — П. П. Скоропадский (1873—1945) — помещик-монархист, с апреля по декабрь 1918 г. гетман Украины, глава буржуазно-помещичьего правительства, сметенного революцией. *Шурф* — см. прим. 470. *Боженко В. Н.* (1871—1919) — герой гражданской войны на Украине, командир полка и бригады, успешно участвовавших в битвах с немецкими оккупантами и петлюровцами. *Щорс* — см. прим. 77. *Котовский Г. И.* (1881—1925) — герой гражданской войны, комкор, участник Октябрьской революции в Молдавии. «*Весь мир насилья мы разрушим!*» — цитата из «Интернационала».

472. Перевод поэмы «Щастя сім'ї трудової». XXII съезд КПСС — с 17 по 31 октября 1961 г. — констатировал полное выполнение программы партии, принятой в 1919 г. Съезд принял 3-ю программу партии — Программу строительства коммунизма. *Красная улица* — см. прим. 196. *Бабуся* — бабушка поэта по отцу Вера Ивановна Сосюра. *Пел тогда я про войну, про Русь*. Сосюра вспоминает свои ранние, написанные на русском языке стихи 1917 г. на темы первой мировой войны. *Тарас* — Т. Г. Шевченко. *Копры* — см. прим. 172.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

473. *Верхнее* — см. прим. к «Автобиографии», с. 510.

475. *На вражеском шлеме* — здесь: на шлеме солдат германской армии, кайзеровских оккупантов на Украине в 1918 г.

479. *Содовый завод* — см. прим. 40. *Мать* — см. прим. к «Автобиографии», с. 510. *Я — дитя Коммуны*. В мае 1920 г. Сосюра был принят в ряды партии большевиков.

ПОЭМА

484. *Дрогнули троны*. Имеется в виду февральская буржуазно-демократическая революция в России 1917 г. *Бремсберг* — см. прим. 253. *Перекоп* — см. прим. 8.

В процессе производства книги были уточнены даты стихотворений: «Девушка на перекрестке» (№ 50), «Черный явор головою...» (№ 168), «Крик гудков и звоны стали...» (№ 215), «Она идет и знать не хочет...» (№ 332), «Помню поцелуй...» (№ 454). Указанные стихотворения, ошибочно датированные в прижизненных изданиях поэта, в действительности следует датировать: (1925), 12 декабря 1941, 1947, 25—27 июля 1960, 6 сентября 1961 г.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. С фотографии 1963 г.
2. *С. 79*. Автограф стихотворения «Днепрэльстан».
3. *Между с. 240 и 241*. С фотографии 1924 г.
4. *На обороте*. С фотографии 1943 г.
5. *Между с. 272 и 273*. С фотографии 1957 г. В. Н. Сосюра и М. Ф. Рыльский.
6. *На обороте*. С фотографии 1960 г. В. Н. Сосюра и П. Г. Тычина.

СОДЕРЖАНИЕ¹

Владимир Сосюра. <i>Вступительная статья Ю. С. Бурляя</i>	5
Автобиография. <i>Перевод Ю. С. Бурляя</i>	40

СТИХОТВОРЕНИЯ

1920—1933

1. О, не напрасно!.. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	47
2. К нам. <i>Перевод Б. Турганова</i>	47
* 3. Расплата. <i>Перевод Н. Поляковой</i>	48
4. Раздули мы горн. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	49
5. «Ласточки на солнце, ласточки на солнце...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	50
6. «Так никто не любил... Раз лишь в тысячу лет...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	51
7. «Куда я ни пойду, мне снова травы снятся...» <i>Перевод М. Светлова</i>	51
8. «Не возле стенки я, и кровь моя не льется...» <i>Перевод М. Светлова</i>	52
9. «Заря идет, золоторога...» <i>Перевод А. Прокофьева</i>	53
** 10. Город. <i>Перевод Н. Поляковой</i>	53
11. «Часовой. Белый мрамор колонны...» <i>Перевод И. Поступальского</i>	54

¹ Двумя звездочками отмечены произведения, впервые переведенные на русский язык, одной звездочкой — произведения, публикуемые в новых переводах.

12.	«Томящий сладкий олеандр...»	Перевод М. Шехтера	55	
13.	«Грезятся мне эшелоны, дороги...»	Перевод И. Поступальского	55	
14.	«Рвал я шиповник осенний...»	Перевод Н. Брауна и А. Прокофьева	56	
15.	«Такой я нежный, такой тревожный...»	Перевод Б. Турганова	57	
16.	«Надвигается памяти ветер, и качает он душу мою...»	Перевод Э. Багрицкого	57	
17.	«Может, не друзья мы?..»	Перевод Э. Багрицкого	58	
18.	«Напоследок обходят вагоны...»	Перевод Б. Турганова	59	
19.	«Помню: вишни рдели и качались...»	Перевод А. Прокофьева	60	
20.	Сегодня.	Перевод В. Цвелева	60	
*	21.	«Поднимается месяц лучистый...»	Перевод Н. Поляковой	61
	22.	«Иду к Днепровскому Ивану...»	Перевод В. Цвелева	61
**	23.	Песня («Порубаны, постреляны, лежат большевики...»).	Перевод Н. Поляковой	62
	24.	«Песнями, подруга...»	Перевод Н. Ушакова	62
	25.	«Жизнь не обман, не дым миража...»	Перевод В. Звягинцевой	63
	26.	«Сквозь окна небо — не ковер...»	Перевод Э. Багрицкого	63
	27.	«Дитя прижимаю влюбленно...»	Перевод Н. Сидоренко	64
	28.	«Глянул я на море, на простор без края...»	Перевод В. Татаринова	64
*	29.	«В окошко ветвь стучится...»	Перевод Н. Поляковой	65
	30.	Из окна.	Перевод Э. Багрицкого	65
**	31.	Снега.	Перевод А. Кушнера	66
	32.	Мария.	Перевод Л. Лаврова	68
	33.	Траурный марш.	Перевод В. Цвелева	69
	34.	«Боль печали...»	Перевод Н. Сидоренко	70
	35.	Колыбельная.	Перевод В. Бугаевского	70
	36.	«Только поезд вдали загрохочет...»	Перевод В. Сидоренко	71
	37.	В печали.	Перевод В. Сидоренко	73
	38.	Неоклассикам.	Перевод А. Казакова	73
*	39.	Днепрэльстан.	Перевод С. Ботвинника	75
*	40.	«Снова я на содовом заводе...»	Перевод Н. Поляковой	80
	41.	«Смерти не будет творцам!»	Перевод Б. Турганова	82
	42.	«Занавесила хмарь поднебесье...»	Перевод В. Сидоренко	83
*	43.	Мать.	Перевод Н. Поляковой	83
	44.	Сонет.	Перевод И. Поступальского	84
*	45.	Песня («Комсомолец уезжает...»).	Перевод Н. Поляковой	85
	46.	«Падают снежинки, тает нежный холод...»	Перевод В. Звягинцевой	85
	47.	Комсомолец. Баллада.	Перевод Б. Турганова	86
	48.	«Тебя любил, как ветер — небо...»	Перевод Н. Ушакова	87
*	49.	Гроза.	Перевод Н. Поляковой	87

50.	Девушка на перекрестке. <i>Перевод Н. Банникова</i>	87
51.	В мареве. <i>Перевод В. Цвелева</i>	90
52.	Пал на вербы огонь янтаря. <i>Перевод Б. Турганова</i>	91
53.	«Я иду мимо дома «Известий»...» <i>Перевод В. Цвелева</i>	92
54.	«Уездный городок-далекий...» <i>Перевод А. Казакова</i>	93
55.	«Уже не снятся мне бои...» <i>Перевод Л. Мальцева</i>	94
56.	Сад шумит. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	95
57.	Яблони. <i>Перевод Н. Сидоренко</i>	95
* 58.	«Кукуруза шумит и желтеет...» <i>Перевод Н. Поляковой</i>	96
59.	Над Донцом. <i>Перевод Б. Турганова</i>	98
60.	Осень. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	99
** 61.	«Это было, было на Цейлоне...» <i>Перевод И. Сергеевой</i>	100
62.	Виноват. <i>Перевод А. Кушнера</i>	100
63.	Черные розы. <i>Перевод А. Кафанова</i>	101
64.	Марии. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	103
* 65.	Вновь село. <i>Перевод Н. Поляковой</i>	104
66.	Я вспомнил. <i>Перевод В. Цвелева</i>	106
67.	Акации цветут. <i>Перевод И. Поступальского</i>	107
68.	Мария («Проходят над городом ветры степные...»). <i>Перевод Н. Брауна</i>	108

1934—1946

69.	Астра. <i>Перевод В. Бугаевского</i>	109
** 70.	Волны. <i>Перевод Н. Поляковой</i>	110
71.	Прощанье. <i>Перевод Л. Мальцева</i>	110
72.	Мальчик. <i>Перевод В. Россельса</i>	111
73.	Ли. <i>Перевод А. Миниха</i>	112
74.	«Я звонкою иду тропюю...» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	113
75.	Молодость. <i>Перевод В. Цвелева</i>	114
76.	«Сегодня я такой счастливый...» <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	115
77.	В столице. <i>Перевод В. Цвелева</i>	115
** 78.	В саду («Солнце скрылось в зареве заката...»). <i>Перевод Н. Поляковой</i>	116
79.	Над тетрадью. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	117
80.	Огни. <i>Перевод М. Замаховской</i>	118
81.	Рассвет. <i>Перевод В. Бугаевского</i>	119
82.	За окном («Город спит за окном. Только поезд во мгле...»). <i>Перевод М. Замаховской</i>	120
83.	В садах. <i>Перевод М. Замаховской</i>	121
84.	«За окном зима...» <i>Перевод М. Замаховской</i>	122
85.	На турчанку ты чем-то похожа. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	123
* 86.	Отчизна. <i>Перевод А. Кушнера</i>	123
87.	И. П. Котляревскому. <i>Перевод В. Татарина</i>	124
** 88.	Люблю. <i>Перевод Н. Поляковой</i>	124

89.	Поэту. Перевод А. Корчагина	125
90.	Не грусти. Перевод В. Татаринова	125
91.	Зарницы. Перевод Н. Банникова	126
92.	На могиле Шевченко. Перевод Б. Турганова	126
93.	Сияние. Перевод Б. Турганова	127
94.	«Вечер — в окне, а в груди расцветает. . .» Перевод В. Ильиной	127
95.	«Бабочка травы целует. . .» Перевод Л. Мальцева	128
96.	В поле. Перевод Вл. Бурича	128
* 97.	Дождь. Перевод А. Кушнера	129
98.	Просьба. Перевод В. Звягинцевой	130
99.	Криница. Перевод Т. Волгиной	130
** 100.	Вальс. Перевод Н. Поляковой	130
101.	Украина. Перевод Л. Мальцева	131
102.	«Знавала ль ты рассветы в поле. . .» Перевод В. Звягинцевой	132
* 103.	Васильки. Перевод А. Кушнера	132
* 104.	Снежинки. Перевод А. Кушнера	133
105.	Желание. Перевод Е. Шумской	133
106.	Вороненок. Перевод Б. Турганова	133
107.	Вечность. Перевод В. Татаринова	134
** 108.	Один. Перевод Н. Поляковой	135
109—110.	(Из цикла «Ночь»)	
1.	«Бродит ночь по улицам широким. . .» Перевод Е. Шумской	135
* 2.	«Догорает вечер, как цветок багровый. . .» Перевод А. Кушнера	136
111.	Ты спишь. Перевод Н. Банникова	137
112.	Ожидание. Перевод М. Замаховской	137
113.	Я — твой. Перевод Т. Волгиной	138
114.	Декабрь. Перевод Н. Банникова	138
115.	Рояль. Перевод Б. Турганова	139
** 116.	Одна («Лес и поле. . .»). Перевод Н. Поляковой	140
117.	О, если б!.. Перевод Б. Турганова	140
118.	Жить! Перевод М. Замаховской	141
** 119.	Сын. Перевод Н. Поляковой	141
120.	«И солнце, и гудки, и ароматы хвои. . .» Перевод Е. Шумской	142
121.	Серенада. Перевод М. Шехтера	143
* 122.	Освобождение. Перевод А. Кушнера	144
** 123.	«Отцветает мак в долинах. . .» Перевод Вяч. Кузнецова	146
124.	«Отгремела гроза, и, прощально блеснув. . .» Перевод Л. Мальцева	146
** 125.	«У ветра спрошу: «Она любит иль нет?». . .» Перевод Н. Поляковой	147
** 126.	Ты. Перевод Н. Поляковой	147
** 127.	«Не похваляйся так беспечно. . .» Перевод Н. Поляковой	147
* 128.	Ленин. Перевод О. Цакунова	148

- ** 129. «Журавли прилетели, родная...» *Перевод Вяч. Кузнецова* . 149
130. «Ты помнишь — марта поздний вечер...» *Перевод Л. Мальцева* 149
131. «С милой павушки своей...» *Перевод Т. Волгиной* 150
132. Удодик. *Перевод Т. Волгиной* 150
133. «Ой, плывет туман долиною...» *Перевод М. Замаховской* . . . 151
- ** 134. «Грай вороний закружил...» *Перевод Вяч. Кузнецова* . . . 151
135. «Не погасни маревом, не развейся сном...» *Перевод Б. Турганова* 151
136. «Я выдумал тебя. А может, нет? Не знаю...» *Перевод М. Замаховской* 152
137. «Я так люблю тебя, что удержать нет силы...» *Перевод Б. Турганова* 152
138. После дождя. *Перевод М. Замаховской* 153
139. Всадник. *Перевод Я. Шведова* 153
140. Край родной. *Перевод Я. Шведова* 154
- ** 141. «Цветка не сорву — нету средства...» *Перевод Вяч. Кузнецова* 154
- ** 142. «Люблю я море в шумный час прибоя...» *Перевод Вяч. Кузнецова* 155
143. «Как будто сон. И кровь лучей...» *Перевод Я. Городского* . 155
144. Песня («Там на западе глубоко...»). *Перевод М. Замаховской* 155
145. Перед разлукой. *Перевод Я. Городского* 156
- * 146. Иду. *Перевод И. Сергеевой* 156
147. «В сердцах отваги дух орлиный...» *Перевод Б. Лейтина* . 157
148. Под небом Башкирии. *Перевод Я. Городского* 157
149. Еще придет весна. *Перевод Я. Городского* 158
- * 150. Дни воскресные. *Перевод И. Сергеевой* 159
151. В окна. *Перевод Я. Городского* 159
152. Гнев. *Перевод В. Цвелева* 160
- ** 153. «Какой-то гул плывет над нами...» *Перевод М. Комиссаровой* 161
154. Мы победим! *Перевод Н. Ушакова* 162
155. «О, знаем мы, что так не будет...» *Перевод Я. Городского* . 162
156. «Песни боевые...» *Перевод Н. Ушакова* 163
157. «Когда фиалка синим оком...» *Перевод В. Звягинцевой* . . 163
158. «Ой, в лугах, полях — туманы...» *Перевод В. Звягинцевой* . 164
- ** 159. «В чистом поле — кони вражьи...» *Перевод Вяч. Кузнецова* . 164
160. «Донец уже в снегах. Река недавно стала...» *Перевод Б. Лейтина* 165
161. «Жемчугом-росою, солнечной красою...» *Перевод В. Звягинцевой* 165
- * 162. «Тебя терзает ворон клятый...» *Перевод И. Сергеевой* . . 166

163.	«Когда цветы побед взойдут...»	Перевод А. Владимировой	166
164.	«Снег и дым ветвей седых...»	Перевод В. Звягинцевой	167
* 165.	«Янтарет окно. Утро. Слышен петух...»	Перевод И. Сергеевой	167
166.	«Ветер... В поле брезжит...»	Перевод В. Звягинцевой	168
167.	«Торжество победы, счастья и свободы...»	Перевод С. Обрадовича	168
168.	«Черный явор головою...»	Перевод А. Глобы	169
169.	«О, древней Лавры купола...»	Перевод В. Звягинцевой	170
170.	Налет.	Перевод И. Поступальского	170
171.	Письмо землякам.	Перевод С. Обрадовича	171
172.	Шевченко в Донбассе.	Перевод Н. Ушакова	173
173.	«Какое пламенное слово...»	Перевод В. Звягинцевой	174
** 174.	Друзьям («Там, далёко, в огней колыханье...»).	Перевод О. Цакунова	175
* 175.	«Всю ночь гремели бомбовозы...»	Перевод О. Цакунова	175
176.	Перед битвой.	Перевод А. Владимировой	176
177.	Жене («Я вижу пряди светлой тень...»).	Перевод М. Замаховской	177
178.	«Украины родимой сады...»	Перевод М. Замаховской	178
** 179.	Петушок.	Перевод М. Комиссаровой	178
** 180.	«Прилетела кукушка: ку-ку...»	Перевод М. Комиссаровой	179
** 181.	«Тяжко бухает и гулко...»	Перевод М. Комиссаровой	179
** 182.	«Сколько было пережито...»	Перевод М. Комиссаровой	180
183.	Рана.	Перевод М. Шехтера	180
* 184.	Люби Украину.	Перевод П. Жура	182
185.	Над Невою.	Перевод Б. Турганова	183
186.	Весна.	Перевод Л. Мальцева	184
187.	На Днепре.	Перевод В. Бугаевского	185
188.	Шумят дубы.	Перевод В. Цвелева	185

1947—1964

189.	«Песня моя, песня, сколько в сердце счастья...»	Перевод В. Бугаевского	186
190.	«Мне мечта шепнула... Вслед за зимним сном...»	Перевод К. Алтайского	186
191.	«Твори, всегда твори, — пускай летят мгновенья...»	Перевод Б. Турганова	187
192.	Дуб.	Перевод В. Россельса	187
** 193.	«И вот пришел наш день победный...»	Перевод М. Комиссаровой	188
194.	«Мой шаг — он в шагах миллионов звучит...»	Перевод А. Островского	188

195.	«Мне любо золотое лето...»	Перевод М. Замаховской	189
196.	«Над шахтами небо в клубящемся дыме...»	Перевод В. Цветлева	189
197.	«Зазеленели вновь каштаны...»	Перевод В. Россельса	190
198.	Терриконы.	Перевод Б. Турганова	191
199.	«День зелен, степь расшита шелком...»	Перевод М. Шехтера	191
200.	«Он бросился под крик „вперед!“...»	Перевод В. Татаринова	192
201.	«В серебро нарядились каштаны...»	Перевод М. Замаховской	193
202.	«А дни, как тени, мимо, мимо, мимо!...»	Перевод Я. Шведова	193
203.	«Сеет и сеет снежок...»	Перевод М. Замаховской	193
204.	«Как чудесно в поле!...»	Перевод М. Замаховской	194
** 205.	«Распелись птицами дубравы...»	Перевод М. Комиссаровой	195
** 206.	Пленные.	Перевод М. Комиссаровой	195
207.	«По аллее иду я...»	Перевод Л. Мальцева	196
208.	«В твоих очах одна моя надежда...»	Перевод Ю. Розенблюма	196
209.	«Подходит вечер... Тихо, властно...»	Перевод М. Шехтера	196
210.	«Цветы колышутся в мечтанье...»	Перевод А. Шпирга	198
211.	«Встрепенется чутко...»	Перевод В. Потаповой	199
212.	«О дней моих весна, тебя я в песни кличу...»	Перевод Вл. Бурича	200
213.	Третья Рота.	Перевод Вл. Бурича	201
214.	Одессе.	Перевод Н. Старшинова	202
** 215.	«Крик гудков и звоны стали...»	Перевод М. Комиссаровой	204
216.	«Опять зеленый мир, и зеркало Ирпени...»	Перевод Л. Мальцева	204
217.	«Не играй ты мне, друг, на гитаре...»	Перевод Л. Мальцева	205
218.	«Мария! И синее море...»	Перевод А. Кафанова	205
219.	Ганна Ивановна.	Перевод В. Щепотева	206
* 220.	А. С. Пушкину.	Перевод И. Сергеевой	206
* 221.	Владимиру Маяковскому.	Перевод О. Цакунова	207
222.	«Горы Абхазии дремлют в тумане...»	Перевод Я. Шведова	209
223.	Донетчина моя!	Перевод Б. Турганова	209
** 224.	«Стылые стены и лица...»	Перевод О. Цакунова	210
** 225.	«Ой, снега, снега, они...»	Перевод О. Цакунова	211
226.	«Солнце распахнуло золотые веки...»	Перевод Л. Мальцева	211
227.	«Зачем в окно, что в сад открыто...»	Перевод Ю. Розенблюма	212
228.	«Рассвет над шахтой дышит ранний...»	Перевод Ю. Саенко	212

- * 229. «Уж осени предчувствие кругом...» *Перевод О. Цакунова* 213
230. «Шахтер, я хочу, чтобы песня поэта...» *Перевод В. Щепотева* 213
231. «Водой подрытый белый камень...» *Перевод К. Алтайского* 214
232. «Ночные кричат паровозы...» *Перевод Б. Турганова* 215
233. «Как счастлив я сейчас — ведь снова я шагаю...» *Перевод К. Алтайского* 215
234. «Звучали в дали неоглядной...» *Перевод В. Щепотева* 216
235. «Первый раз, когда она, волнуясь...» *Перевод Б. Турганова* 216
236. «С рассветом ветерок сильнее...» *Перевод В. Потаповой* 217
237. «Гремит комбайн... И мерно, неустанно...» *Перевод К. Алтайского* 217
238. «Как сад шумит, как пахнут ветви...» *Перевод В. Потаповой* 218
239. «Вышли с песней за поселок...» *Перевод А. Шпирта* 219
240. «Нет равного труду шахтера...» *Перевод А. Шпирта* 220
241. «Ой, поля вы мои...» *Перевод Б. Турганова* 221
242. «Дымит труба завода, чернея над Донцом...» *Перевод А. Шпирта* 221
243. «Для вас моя песня, пускай негасимо...» *Перевод В. Щепотева* 222
244. Крепильщик. *Перевод А. Шпирта* 223
245. «Терриконы, копры, терриконы...» *Перевод А. Шпирта* 224
246. «Грянь, гармонь, играй...» *Перевод М. Шехтера* 225
247. «Донецкий край — его просторы...» *Перевод В. Потаповой* 225
248. «Нет, здесь не посвист коногона...» *Перевод В. Щепотева* 226
249. Песня («Машинниста молодого...»). *Перевод В. Потаповой* 226
250. «Здесь не речка льется звонко...» *Перевод В. Потаповой* 227
251. Возле клетки. *Перевод К. Алтайского* 228
252. «Он в спецовке синей, радостен и молод...» *Перевод К. Алтайского* 229
253. «Из клетки вышел. День какой...» *Перевод М. Шехтера* 229
254. «Растаял снег. Дожди, дожди не в пору...» *Перевод А. Шпирта* 230
255. России. *Перевод Б. Турганова* 231
256. «Кто, пушек не страшась, поднялся для атаки...» *Перевод В. Цвелева* 232
257. «Слышу крик журавлей вечерами вдали...» *Перевод А. Кафанова* 233
258. «В саду зима, нагие мерзнут сучья...» *Перевод В. Цвелева* 233
259. «Я горжусь тобой гордостью сына...» *Перевод А. Кафанова* 234
- * 260. «Нет, не забыть тебя вовек...» *Перевод И. Сергеевой* 234

261.	«Твой день, край родной...»	Перевод П. Вячеславова	235
* 262.	«Продают фиалки, синие, как очи...»	Перевод О. Цакунова	236
263.	«Днепровский шум... Я вновь на Днепрэльстане...»	Перевод В. Цвелева	236
264.	«В опорках кожаных, в затянутой овчине...»	Перевод М. Шехтера	237
265.	«Солнечный зайчик лежит на пороге...»	Перевод Я. Шведова	237
266.	«Копры и трубы, вижу я...»	Перевод В. Цвелева	238
267.	«Кто может солнце погасить...»	Перевод П. Вячеславова	238
* 268.	«Над Днепром журавлям Украину приветствовать снова...»	Перевод О. Цакунова	239
269.	«Тьму свет уничтожает...»	Перевод П. Вячеславова	239
* 270.	«Садом я блуждаю, тихую тропую...»	Перевод О. Цакунова	240
271.	«Та звездная ночь словно песня была...»	Перевод А. Прокофьева	240
272.	«Сады Абхазии опять передо мною!...»	Перевод Б. Турганова	241
273.	«Пионы заката истлели...»	Перевод В. Шацкого	241
** 274.	Девушка.	Перевод Вяч. Кузнецова	242
275.	«Весна и молодость...»	Перевод М. Шехтера	242
** 276.	Бабье лето.	Перевод О. Цакунова	243
277.	«Май зажег в листьях уже каштанов свечи...»	Перевод Л. Мальцева	243
* 278.	«Иду и славлю новой песней...»	Перевод О. Цакунова	244
279.	«Задумчив сад, цветы, аллеи...»	Перевод В. Цвелева	244
280.	«Соловьиный голос, край мой соловьиный!...»	Перевод М. Шехтера	245
281.	Юноше.	Перевод А. Кафанова	245
282.	«Юность — друг чернобровый...»	Перевод А. Прокофьева	246
283.	«Отгрохотал гигантов бой...»	Перевод А. Прокофьева	246
284.	«Выходит осень. В дымке светлой...»	Перевод А. Прокофьева	247
285.	«Покой молчаливо-глубокий...»	Перевод М. Замаховской	247
* 286.	«Привиделась ты мне давно...»	Перевод О. Цакунова	248
287.	«Под весенней зарей...»	Перевод Я. Шведова	248
288.	Орысе.	Перевод А. Кафанова	249
289.	«Пушистый, веселый сверкает снежок...»	Перевод А. Кафанова	249
290.	«Поешь о крае счастья обновленном...»	Перевод А. Казакова	250
291.	«Мне и поныне берег снится...»	Перевод А. Прокофьева	250
292.	«Медведи на картинках, зайцы, рыси...»	Перевод М. Замаховской	251
293.	«Запела Орыся. Звенит голосок...»	Перевод М. Замаховской	251

294.	«Из вечности, как из тумана...»	Перевод М. Замаховской	251
295.	«Спит санаторий, словно крылья...»	Перевод А. Кафанова	252
296.	«Поезд ринулся в темные дали...»	Перевод А. Кафанова	252
** 297.	«Ветром пахучим весна...»	Перевод Вс. Азарова	253
** 298.	«День в облаках за горизонтом синим...»	Перевод Вс. Азарова	253
** 299.	«Ветер косы расплетает...»	Перевод Вс. Азарова	254
300.	«Вновь пришел румяный, тихий вечер...»	Перевод Н. Старшинова	255
** 301.	«О, звон минут, и темнота ночная...»	Перевод Вс. Азарова	255
** 302.	«За окнами ночь проплывает...»	Перевод Вс. Азарова	256
** 303.	«Кругом — зимы кровавые метели...»	Перевод Б. Кежуна	256
** 304.	«Кто шлет мне в сердце радости ручей...»	Перевод Б. Кежуна	257
** 305.	«Я вспомнил то время былое...»	Перевод Б. Кежуна	257
** 306.	«Смотрю я на родные руки...»	Перевод Б. Кежуна	258
** 307.	«Мир гаснет без тебя и вновь с тобой сияет...»	Перевод Б. Кежуна	258

Переводы Н. Старшинова

308.	«Идем с тобой... Вот-вот и песня хлынет...»	259
309.	«Ты шла. Качались два ведерца...»	260
310.	«Снова веет даль весною...»	261
311.	Учись	261
312.	«Дней минувших сердцу жалко...»	262
313.	Акации («Иду на станцию. Легко мне...»)	262
314.	«Ячмень колосится... Молчат соловьи...»	263
315.	«А розы вянут так, как в день осенний...»	263
316.	«Жизнь порождает новь. И вот...»	264
317.	«Трубы над рельсами, дым над заставой...»	264
318.	«Дрожь веток и листвы полет...»	265
319.	«Жемчугами заблестала...»	266
320.	Сквозь огонь	266
321.	«Природа!.. С нею я и сам...»	267
322.	«Поднимаются крылья души...»	267
323.	«О чем лепечут листья в этот грустный вечер?..»	267
324.	«Вновь заря рассвета стерла сон крылом...»	268
325.	«Бежит слеза с небесных век...»	269
326.	«Золотую свою ножку...»	269
327.	Письмо Александру Ковиньке	270
328.	«Камышеваха, Лоскутовка...»	271
329.	«Над бором, над туманною рекою...»	271
330.	Она идет	272
331.	«Реют птицами-вихрями думы...»	272

332.	«Она идет и знать не хочет...»	273
333.	«Щебечет сердце... Сколько лет...»	273
334.	«Вновь по-осеннему деревья меж собою...»	273
335.	«Я смотрю на травы, а на травах — слезы...»	274
336.	«Уж холод осени я в теплом ветре чую...»	274
337.	Зиме	275
338.	«Ласточки в полете, в солнца позолоте...»	275
339.	П. Г. Тычине	276
340.	Струны	276
341.	Соловьи	277
342.	«Как весной из почек рвется лист зеленый...»	278
343.	«Как будто в тучах кто, играя...»	278
344.	Над морем	280
** 345.	Я знаю силу слова. <i>Перевод О. Цакунова</i>	281

Переводы Н. Старшинова

346.	«Жарища. Маревое степное...»	281
347.	Как мне услышать	282
348.	«Сияло небо надо мною...»	283
349.	«В небе чудо-радуга сверкает...»	283
350.	«Дождь прошел над рощей, над рекою...»	283
351.	«Рыдает арфою Эола...»	284
352.	Песня («Из сердца песня о тебе несется...»)	284
353.	«Запылают огнем мои щеки...»	285
354.	«Пусть в волосах твоих заметно...»	285
355.	«Пойте, щелкайте, птахи! Пусть ваш радостный щебет...»	285
356.	Каменщики	286
357.	«Брильянты рос покрыли луг собою...»	286
358.	«Всё пролетают поезда...»	287
359.	«Для меня привычкой...»	287
360.	«Тихий вечер. Синева...»	288
361.	«Отцвели сады давно...»	288
362.	«Качая да баюкая траву...»	289
363.	«Ты для меня такая ж, как была...»	289
364.	«Земля моя, твои заботы...»	290
365.	«Душе моей, как арфе, век играть...»	290
366.	«Трубы высокие. Росы...»	291
367.	Я шел в строю.	291
368.	«Улица Ленина песни пост...»	292
369.	«День отсиял и погаснул давно...»	292
370.	«Где-то хлопчик бредет по садам...»	293
371.	«Море... Где сыщешь для песни слова...»	293
372.	«Поет моя душа, прозрачна и крылата...»	294

373.	«Там где-то милый сад над синею рекою...»	294
374.	«Снова я — мальчишка... Лето мое лето!...»	295
375.	«Я от песни юный...»	295
376.	«Где трактора вовсю гудят...»	295
377.	«Помнишь, небом открытым...»	296
378.	«Вы слышали, как в звоне молотка...»	297
379.	«Пожелтела вся трава...»	297
380.	«Остыла синь Днепра, всю зелень отдал сад...»	297
381.	«Я помню ту былую пору...»	298
382.	«Нет, материнских глаз тревожных...»	298
383.	«Копры, и рощи, и туманы...»	299
384.	«Они прошли, полны спокойной силы...»	300
385.	«И вновь дорога... синь воды...»	301
386.	«Как я люблю тебя! Как сердце страстно хочет...»	301
387.	«В крутой гранит Днепра бьют волны, кверху лезут...»	302
388.	«Еще деревья голых веток...»	302
389.	«Пусть туман осенний скрыл лицо земли...»	303
390.	«Да, осень есть в весне и в осени весна...»	303
391.	«Вся в терриконах даль...»	304
392.	«Здесь рельсы, виадуки...»	304
393.	«О чем в росе задумалась земля?...»	305
394.	«Ветер. Небо. В небе — тучи...»	305
395.	«Среди паутин серебристых...»	305
396.	«Где вход в метро, где отлитая медь...»	306
397.	«Летят часы моих раздумий...»	306
398.	«Как сердцу радостно, когда завеса ночи...»	307
399.	«Как помрачнела неба глубина...»	307
400.	«Где-то каркнул ворон мрачный...»	308
401.	«Бахмутка, где твои излуки?...»	308
402.	«Солнце скрылось уже за курганы...»	309
403.	«В осенних флагах вновь лицо земное...»	309
404.	«О Красная зима, сквозь были...»	310
405.	«Как радостно с утра идти под шум каштанов...»	310
406.	«Эй, ты, радость жизни!.. Эй...»	311
407.	«Иду... И сердца струны...»	311
408.	«Объятья свои мне раскрыли...»	312
409.	«Те сады всё чаще...»	312
410.	«И всё никак не замолчу я...»	313
411.	«В садах вся листва пожелтела...»	313
412.	«Дрозды покидают дубровы...»	314
413.	«Пусть взлетает напев...»	314
414.	«Ты поднялся аж до звезд над землей...»	315
415.	«Листок осенний всё угрюмей...»	315
416.	«От раздумий никак не усну я...»	316
417.	«Давно умолкли трубы боя...»	317

418.	«Я вижу в золоте осеннем...»	317
419.	«Шумят дубы, весною пахнут травы...»	318
420.	«Давно уже влюбилась ты, душа моя...»	318
421.	«Славить песнями я буду...»	319
422.	«Идем мы лучистой долиной...»	320
423.	«Весною накупил цветов я нежно-синих...»	320
424.	«Дождь прошел, он отстучал в окно...»	320
425.	«Как сине, как чисто, как тихо кругом!...»	321
426.	Юрию Гагарину	322
427.	«День отсиял неповторимо...»	322
428.	«Пусть цветик последний в долине...»	322
429.	«Растреплются в ветрах зимы холодной косы...»	323
430.	«Я не забыл ребят-дружков...»	323
431.	«В сиянье нашей славы и труда...»	324
432.	«Как сон, туман плывет с реки...»	327
433.	«Грустно вечер бормочет...»	327
434.	«Солнце, мое солнце, что поет и греет...»	328
** 435.	Трубач. <i>Перевод Вяч. Кузнецова</i>	328
436.	«Он идет, и ветер вьется...» <i>Перевод В. Шацкова</i>	329
* 437.	«Где над Днепром привяли травы...» <i>Перевод О. Цакунова</i>	330
** 438.	«Над степью, что в ранних туманах...» <i>Перевод О. Цакунова</i>	330
439.	«Я смотрю на партийный билет...» <i>Перевод В. Цвелева</i>	331
** 440.	«О, как прекрасно осенью в Карпатах!...» <i>Перевод О. Цакунова</i>	331
441.	«Ты песнею сердце колышешь...» <i>Перевод В. Шацкова</i>	332
442.	«Сквозь гудки заводов...» <i>Перевод В. Шацкова</i>	332
443.	«Отснилась ночь земле давно...» <i>Перевод В. Шацкова</i>	333
444.	«Какое счастье — мчаться на коне...» <i>Перевод В. Шацкова</i>	333
445.	«Твоя кора груба и ветви так колючи...» <i>Перевод В. Шацкова</i>	334
** 446.	«В дубраве — листвы облетанье...» <i>Перевод О. Цакунова</i>	334
447.	«Завод, мы связаны с тобою...» <i>Перевод В. Цвелева</i>	334
** 448.	«Уже зари, зари моей вишневой...» <i>Перевод О. Цакунова</i>	335
* 449.	«Я на земле отцов моих, где ветви...» <i>Перевод О. Цакунова</i>	335
** 450.	«Где шумел у села...» <i>Перевод О. Цакунова</i>	336
** 451.	Ты — гордость нашего народа. <i>Перевод О. Цакунова</i>	337
452.	«Я не забуду: ветер чертом...» <i>Перевод Б. Турганова</i>	338
453.	«Я губ твоих дыханье пью...» <i>Перевод В. Шацкова</i>	338
454.	«Помню поцелуй...» <i>Перевод Н. Старшинова</i>	339
** 455.	«Румяный цвет зари осypался спокойно...» <i>Перевод О. Цакунова</i>	340
** 456.	«Петь не устану о земле великой...» <i>Перевод О. Цакунова</i>	340

457. «Еще весь Днепр в седых, тяжелых льдах...»	<i>Перевод Ю. Саенко</i>	341
458. «Вновь село приснилось, где жилось-любилось...»	<i>Перевод Ю. Саенко</i>	341
459. Неизвестному солдату.	<i>Перевод Б. Турганова</i>	341
460. Партия.	<i>Перевод Ю. Саенко</i>	342
461. Кленовый листок.	<i>Перевод В. Цвелева</i>	343
** 462. «Боль, знаю, стихнет год за годом...»	<i>Перевод О. Цакунова</i>	343
** 463. «Цветок я осенний... Дожди меня мочат...»	<i>Перевод О. Цакунова</i>	344

ПОЭМЫ

464. Красная зима.	<i>Перевод Н. Ушакова</i>	347
465. Оксана.	<i>Перевод Я. Городского</i>	352
** 466. Тарас Трясило.	<i>Перевод П. Жура</i>	363
* 467. Отповедь.	<i>Перевод Е. Крижевича</i>	408
** 468. Заводская девчонка.	<i>Перевод А. Кушнера</i>	419
** 469. Киев.	<i>Перевод Ан. Чепурова</i>	434
470. Бессмертные.	<i>Перевод Т. Володиной</i>	441
* 471. Рядом с шахтой старой.	<i>Перевод Ю. Мезенко</i>	457
472. Счастье семьи трудовой.	<i>Перевод Н. Старшинова</i>	473

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

473. Товарищу	489
474. «Я прощался с тобой... Скоро поезд... Вокзал...»	490
475. Смело в бой!	490
476. Письмо	491
477. В городе	491
478. «Я хожу, хожу, не зная...»	492
479. «И снова день ушел в сухом трескучем зное...»	493
480. «Чеканятся шаги настойчиво и четко...»	493
481. Я вновь в Москве	494
482. «Севера березки, розовые дали...»	494
483. «Так, значит, ты любишь? А я и не знал...»	495

ПОЭМА

484. Инна	497
Примечания	505
К иллюстрациям	544

*Владимир Николаевич
Сосюра*

**СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ**

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1982, 560 стр.

План выпуска 1982 г. № 423

Художник *И. С. Серов*

Редактор *В. С. Киселев*

Худож. редактор *М. Е. Новиков*

Корректор *Ф. Н. Аврунина*

ИБ № 3342

Сдано в набор 13.05.82 г. Подписано к печати 30.08.82 г.
М 19133. Формат 84×108^{1/2}. Бумага тип. № 1. Литератур-
ная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 29,72.
3 ч.-изд. л. 27,41. Тираж 40 000 экз. Заказ № 409.
Цена 2 р. 80 к.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отде-
ление, 191186, Ленинград, Невский пр., 28. Ордена
Трудового Красного Знамени Ленинградская типография
№ 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли, 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

